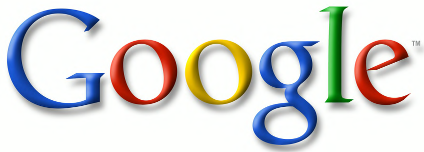

VE
RI
TAS

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ПЕДАГОГІИ

М. И. Демкова.

ЧАСТЬ I.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПЕДАГОГІЯ

(X—XVII вв.)

Изданіе 2-е, исправленное.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1899.

2806

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ „ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕДАГОГІИ".

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПЕДАГОГІЯ

(X—XVII вв.).

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 1-му изданію.

Предлагаемая „Исторія русской педагогіи“ представляетъ первую попытку свести воедино разбросанные факты изъ исторіи нашего воспитанія и образованія. Какъ первый опытъ, она представляетъ существенные недостатки, зависящіе и отъ новости дѣла, и отъ недостаточности знаній автора и отъ того, что многіе отдѣльные вопросы, необходимые для исторіи русской педагогіи, до сихъ поръ еще не разработаны. Что недостатки эти хорошо сознаются авторомъ, видно изъ его доклада Педагогическому Отдѣлу Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества „О задачахъ серьезной педагогической литературы“ [1]).

Трудъ задуманъ уже давно (19-го ноября 1887 г.), но и теперь только доведенъ до XIX вѣка. Въ своемъ изслѣдованіи мы ставили въ тѣсную связь исторію русской педагогіи съ исторіей просвѣщенія Россіи, но этимъ мы нисколько не смѣшивали исторію педагогіи съ исторіей просвѣщенія; мы думаемъ только, что для лучшаго пониманія нашей исторіи педагогіи необходимо напомнить важнѣйшіе факты изъ исторіи просвѣщенія и привести ихъ въ тѣсную связь. Для поясненія этого воспользуемся нѣкоторыми изъ

---

[1]) Труды Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Харьковъ. 1894. Вып. II., стр. 49—59.

мыслей, высказанными въ Исторіи педагогіи Карла Шмидта (см. т. I, 1890 г.).

Кромѣ общихъ историческихъ законовъ, которымъ подчиняется исторія педагогіи, педагогія имѣетъ и свои законы, подмѣтить которые и формулировать составляетъ одну изъ задачъ науки. Педагогія съ практической стороны есть искусство воспитанія, т.-е. сознательное воздѣйствіе на тѣлесное и духовное развитіе человѣка. Развивая единичнаго человѣка, педагогія развивает въ то же время и народъ, къ которому принадлежитъ этотъ человѣкъ, такъ какъ народъ можетъ занять и занимаетъ лишь ту ступень развитія, на которой находятся его члены, единичныя личности. Съ другой стороны, развитіе единичнаго человѣка зависитъ отъ степени развитія народа, среди котораго онъ живетъ. Научный и художественный, религіозный и государственный строй и ступень, занимаемая его членами, обусловливаютъ равномѣрно и степень системы его воспитанія. Слѣдовательно, педагогія и развитіе ея стоятъ въ тѣсной связи съ просвѣщеніемъ народа вообще.

Воспитаніе идетъ впередъ заодно съ культурой народа, а потому народъ въ своемъ воспитаніи и при посредствѣ его обнаруживаетъ опять-таки до какой ступени культуры дошелъ и развился онъ самъ. Жизнь народа отражается въ его педагогическихъ принципахъ, идеяхъ и идеалахъ; педагогическія формы служатъ зеркаломъ его жизни. Но подобно тому, какъ геніальныя личности движутъ культурную исторію народа, вносятъ новые идеи и идеалы въ народную жизнь, такъ и педагогія не есть только отраженіе культурнаго состоянія народа, но она можетъ быть и активною силою, внося нѣчто новое въ культурную жизнь и тѣмъ подымая ее на новую высшую ступень.

Въ развитіи воспитательныхъ идеаловъ видимъ мы важное значеніе педагогіи, и исторія педагогіи должна показать, какъ зачинались, росли и развивались эти воспитательные идеалы, какими средствами пользовалась педагогія для достиженія своихъ цѣлей, всегда ли стояла на высотѣ своихъ

задачъ, или были времена упадка и потемнѣнія. Только развитіемъ нравственныхъ идеаловъ, твердымъ воспитаніемъ народъ упрочиваетъ свое существованіе, могущество и развитіе. Такимъ образомъ мы думаемъ, что не только воспитаніе зависитъ отъ жизни и ея развитія, но что дѣятельное воспитаніе создаетъ новые уклады жизни, способствуетъ ея организаціи и развитію.

Такъ какъ исторія педагогіи должна прослѣдить развитіе воспитательныхъ идеаловъ съ древнѣйшаго до настоящаго времени, то и необходимо изучать ее въ связи съ общей исторіей народа, значитъ исторію русской педагогіи въ связи съ исторіей Россіи, особенно же въ связи съ исторіей ея просвѣщенія. Историку педагогіи предстоитъ изобразить, каково въ каждую эпоху было воспитаніе въ дѣйствительности и какимъ въ то же время ему слѣдовало бы быть по существу своему въ духѣ людей мыслящихъ и нравственныхъ, т.-е. какъ и чему обучался русскій народъ и чему и какъ учили лучшіе люди того времени, которые всегда являются провозвѣстниками новаго, лучшаго будущаго. Кто убѣжденъ, что всякое современное состояніе есть результатъ прошедшаго, тотъ пойметъ, что только тогда можно получить вѣрное понятіе о задачахъ современнаго воспитанія и только тогда найдется ключъ къ разрѣшенію современныхъ насущныхъ педагогическихъ вопросовъ, когда мы изслѣдуемъ путь, пройденный исторіей русскаго воспитанія и образованія и прислушаемся къ ея поучительному и авторитетному голосу. Несомнѣнно, что человѣкъ, погружаясь въ купель исторіи, крѣпнетъ духомъ и узнаетъ много важнаго и необходимаго. Недаромъ же говоритъ Карлъ Шмидтъ, что лишь тотъ въ состояніи понять истинную науку современной педагогіи и творчески подвизаться въ ней, кто самъ вжился въ исторію педагогіи. Она научаетъ его быть скромнымъ къ современной дѣйствительности и съ вѣрной оцѣнкой относиться къ мнѣніямъ, циркулирующимъ въ текущей литературѣ, какъ общей, такъ и педагогической. Ему зачастую придется сознавать, что многое, принимаемое

имъ или другими за свое новое, оригинальное произведеніе, давно уже существовало прежде, и выполнялось порой или намѣчалось еще вѣрнѣе и лучше, чѣмъ въ настоящее время или, наоборотъ, признанное невѣрнымъ, оно давно уже осуждено многолѣтнимъ опытомъ.

Наука педагогіи безъ ея исторіи то же, что зданіе безъ фундамента. Отсутствіемъ твердыхъ знаній по исторіи русской педагогіи можетъ быть объяснено немало ошибокъ въ нашей педагогической дѣятельности.

Что касается источниковъ и пособій, необходимыхъ для исторіи русской педагогіи, то къ прямымъ и важнымъ источникамъ слѣдуетъ отнести извѣстія о системѣ воспитанія и образованія въ то или другое время. Въ этомъ отношеніи наиболѣе достовѣрными источниками оказываются: данныя лѣтописей, дошедшіе до насъ уставы объ основаніи и устройствѣ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній. Къ этой категоріи относятся: уставы Луцкой школы (XVI в.), уставъ Кіевской Академіи, привилегія на Московскую Академію, учебные планы и постановленія коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ при Екатеринѣ II, уставы университетовъ, гимназій, семинарій и т. п. Затѣмъ важны сообщенія очевидцевъ о подобныхъ заведеніяхъ и способахъ воспитанія и обученія въ нихъ и отчеты о школахъ, исторіи отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, академій, университетовъ, семинарій, гимназій. Въ этомъ отношеніи важны: Исторія Московской Словено-Греко-Латинской Академіи Смирнова, Исторія Кіевской Академіи Голубева, Аскоченскаго и Булгакова, Исторія Московскаго Университета С. Шевырева, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи Чистовича, Исторія Университета Св. Владиміра проф. Владимірскаго-Буданова; Исторія Харьковскаго Университета проф. Багалѣя, изслѣдованіе Знаменскаго „Духовныя школы въ Россіи“; кромѣ того цѣлый рядъ трудовъ по исторіи духовныхъ семинарій и гимназій.

Человѣкъ воспитывается и обучается всегда согласно господствующему въ данную эпоху обычаю. А потому из-

вѣстія о воспитаніи отдѣльныхъ лицъ составляютъ немаловажный источникъ, имѣющій для насъ тѣмъ большее значеніе, что этимъ путемъ мы, между прочимъ, можемъ составить себѣ понятіе о первоначальномъ воспитаніи въ семьѣ. Болѣе точныя свѣдѣнія мы получаемъ о воспитаніи отдѣльныхъ выдающихся личностей въ ихъ біографіяхъ, напр. Петра I, Александра I, А. С. Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, С. Т. Аксакова и др.

Особенное значеніе имѣютъ для историка біографіи выдающихся педагоговъ, напр. Св. Димитрія Ростовскаго, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскаго, такъ какъ въ нихъ находимъ не мало матеріаловъ для пониманія ихъ педагогическихъ теорій и идеаловъ.

Помимо источниковъ, касающихся организаціи школьнаго дѣла, особенно важны для насъ сочиненія, касающіяся теоріи воспитанія и излагающія цѣльныя педагогическія системы. Переходъ къ этой категоріи источниковъ составляютъ учебники, о сохраненіи которыхъ, къ сожалѣнію, мало заботятся. Въ нихъ не только отражается то, что преподавалось, но изъ нихъ также мы часто узнаемъ о томъ, какъ преподавалось. Теорію воспитанія исключительно излагаютъ такія сочиненія, которыя имѣютъ предметомъ лишь методъ воспитанія и обученія; но сюда слѣдуетъ причислить въ особенности тѣ источники, которые представляютъ общія основы воспитанія или создаютъ цѣльныя педагогическія системы.

Своеобразнымъ источникомъ являются мысли о воспитаніи, разбросанныя безъ системы въ обще-литературныхъ сочиненіяхъ: романахъ, повѣстяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ, и отражающія мнѣнія, циркулировавшія въ извѣстное время. Въ особенности для исторіи древне-русской педагогіи интересны древне-русскіе рукописные сборники: Пчелы, Златоусты, Измарагды и Домострой.

Если изъ приведеннаго краткаго перечисленія видно, что количество прямыхъ источниковъ велико, то число косвенныхъ источниковъ и пособій является громаднымъ и рѣшительно неодолимымъ для одного лица. Всѣ факторы

духовнаго и матеріальнаго свойства (религія, наука, искусство, общественное и сословное положеніе), подъ вліяніемъ которыхъ находится жизнь отдѣльнаго лица и всего народа, дѣйствуютъ на его развитіе и воспитаніе. Трудно требовать отъ автора исторіи педагогіи, чтобы онъ былъ въ состояніи съ достаточной полнотой ихъ обслѣдовать, а еслибы онъ и захотѣлъ это сдѣлать—не хватило бы цѣлой жизни. Поэтому историку педагогіи волей неволей придется удовольствоваться тѣмъ, что предъявлено изслѣдованіями спеціалистовъ въ той области, подъ вліяніемъ которой находится воспитаніе. Зная же, какой обильный матеріалъ для исторіи русской педагогіи хранится въ государственныхъ и частныхъ архивахъ, сколько драгоцѣннаго матеріала заключается не только въ неопубликованныхъ и неизданныхъ актахъ, памятникахъ, письмахъ и мемуарахъ выдающихся дѣятелей, но даже въ изданныхъ, но разбросанныхъ въ многочисленныхъ повременныхъ и научныхъ изданіяхъ, мы считаемъ свой трудъ только первымъ опытомъ, который долженъ дать толчекъ для новыхъ, болѣе полныхъ изслѣдованій и разысканій въ этомъ направленіи.

Нашею главною задачею было собрать важнѣйшіе печатные источники и пособія; сличивъ и свѣривъ ихъ, выбрать наиболѣе важное и существенное, въ той увѣренности, что даже такая, сравнительно несовершенная работа, потребовавшая, однако, времени болѣе семи лѣтъ [1]), можетъ оказать пользу русской педагогіи, сведя отдѣльные, разбросанные факты воедино, и тѣмъ дастъ толчекъ для новыхъ работъ, изслѣдованій и разысканій.

Даже воспользоваться наличнымъ печатнымъ матеріаломъ, имѣющимъ значеніе для исторіи русской педагогіи, является дѣломъ довольно труднымъ. Изученіе же древнерусской литературы, имѣвшей несомнѣнное педагогическое значеніе, по рукописямъ, по первоисточникамъ, большею частью не изданнымъ, сопряжено въ настоящее время съ

[1]) Да и теперь продолжающаяся.

чрезвычайными затрудненіями. Проф. Н. С. Тихонравовъ [1]) требовалъ отъ историка древне-русской литературы непремѣннаго знакомства съ рукописями: хронографами, палеями, златыми цѣпями, златоустами, измарагдами, житіями святыхъ, сочиненіями Симеона Полоцкаго, Епифанія Славинецкаго и св. Димитрія Ростовскаго. Такое знакомство съ древне-русской литературой по первоисточникамъ мы считаемъ весьма полезнымъ и для историка русской педагогіи; но мы, къ сожалѣнію, имѣли возможность ознакомиться съ нею только отчасти; для будущаго изслѣдователя судебъ древне-русской педагогіи остается многое сдѣлать. Приходилось иногда ограничиваться тѣми данными, которыя опубликованы и которыя помѣщены въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ. Кое-что мы заимствовали изъ курсовъ исторіи русской словесности. Въ этомъ отношеніи удовлетворительными пособіями (хотя во многомъ и недостаточными) являлись: Исторія русской словесности, преимущественно древней С. Шевырева, Исторія русской словесности И. Порфирьева и Исторія русской словесности древней и новой А. Галахова.

Бѣдность подготовительныхъ работъ по исторіи древней русской словесности такъ значительна, что преосв. Филаретъ высказалъ даже мысль, что для составленія подробной исторіи русской духовной литературы не настало пока время: „не достаетъ еще многихъ данныхъ". А между тѣмъ такая полная исторія могла бы быть цѣннымъ пособіемъ для историка русской педагогіи и освободила бы его отъ излишнихъ кропотливыхъ изысканій.

Въ виду того, что религіозный элементъ стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ древней Руси, сплетается со всѣми важнѣйшими явленіями политическими, общественными и семейными, весьма важнымъ пособіемъ является также исторія русской церкви. Въ этомъ отношеніи большую пользу можетъ оказать: Исторія русской церкви арх. Макарія,

[1]) См. Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1878, стр. 57, а также Сочиненія Н. С. Тихонравова Т. I Древняя русская литература. Москва 1898 г. Задачи исторіи литературы ст. 43.

Исторія русской церкви арх. Филарета, Руководство по исторіи русской церкви А. Доброклонскаго и Исторія русской церкви проф. Голубинскаго; кромѣ того рядъ спеціальныхъ изслѣдованій, вродѣ труда Н. А. Астафьева „Опытъ исторіи Библіи въ Россіи".

Этимъ и закончимъ указанія на источники и пособія, такъ какъ въ самомъ текстѣ будутъ даны болѣе подробныя библіографическія данныя.

Затѣмъ считаемъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, такъ или иначе оказывавшимъ намъ помощь въ нашемъ трудномъ предпріятіи; особенную же признательность считаемъ нужнымъ выразить глубокоуважаемому профессору В. С. Иконникову, доставившему намъ возможность воспользоваться пособіями Университетской Библіотеки и дорогому И. Н. Михайловскому, разрѣшившему пользоваться разнообразными рукописными древне-русскими сборниками, находящимися въ его библіотекѣ.

10 января 1895 г.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко 2-му изданію.

Въ 1895 г. и отчасти въ 1896 г. Исторія русской педагогіи ч. I-я печаталась въ видѣ приложенія къ журналу „Гимназія“, затѣмъ въ іюнѣ 1896 г. была выпущена отдѣльною книгою. Теперь это изданіе разошлось и есть новыя требованія. Это укрѣпляетъ автора въ мысли, что въ русскомъ образованномъ обществѣ есть серьезные запросы къ педагогической литературѣ, хотя мы и не обольщаемъ себя мыслью относительно достоинствъ труда: мы знаемъ, что онъ только отчасти можетъ удовлетворить предъявляемымъ требованіямъ.

Приступая ко 2-му изданію, мы не только удовлетворяемъ желанію читателей, но исполняемъ свой долгъ предъ ними, такъ какъ 1-е изданіе появилось, вопреки желанію автора, съ значительными корректурными ошибками. Намъ хотѣлось бы не только его исправить, но и значительно дополнить, однако, послѣднее желаніе въ настоящее время, можетъ быть исполнено только отчасти. Работа надъ Исторіей русской педагогіи, начиная съ ноября 1887 г. идетъ постоянно, если не считать короткихъ промежутковъ отдыха и другихъ обязательныхъ работъ для автора. Весь 1896 годъ прошелъ въ группировкѣ матеріала для II-й части. Въ іюнѣ 1897 г. мы выпустили ее (она вся посвящена XVIII вѣку). Съ іюня 1897 года и по настоящее время идетъ собираніе

матеріала для Исторіи русской педагогіи XIX вѣка, но пока собранъ матеріалъ только для первой половины, да и здѣсь такъ много пробѣловъ, что съ увѣренностью не можемъ сказать, когда будетъ окончена III-я часть (которую имѣется въ виду посвятить первой половинѣ XIX вѣка). Авторъ не разъ сомнѣвался, хватитъ ли у него силъ и средствъ довести дѣло до конца; и чтобы собранный матеріалъ хотя отчасти не пропалъ напрасно, рѣшилъ составить „Русскую Педагогику въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Опытъ педагогической хрестоматіи“, гдѣ кромѣ старыхъ педагогическихъ писателей, приведено много отрывковъ изъ русскихъ педагогическихъ писателей XIX вѣка. Книга эта изданная К. И. Тихомировымъ, въ Москвѣ, въ 1898 г. вошла въ составъ Педагогической Библіотеки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе работы выяснилась потребность въ строго продуманной педагогической системѣ, поэтому мы въ интересахъ дѣла, рѣшились вести одновременно и параллельно и другую серьезную работу, которая, если будетъ доведена до конца, составитъ цѣльный педагогическій трактатъ „Систему воспитанія“. Первая глава этой „Системы“ помѣщена нами въ журналѣ „Педагогическій Сборникъ“ за 1898 г. № 9, подъ заглавіемъ „О принципахъ науки воспитанія“. Слѣдующія главы: „Педагогическіе правила и законы“ и „Педагогическія гипотезы и теоріи въ ихъ историческомъ развитіи“ скоро появятся въ печати; остальныя главы—дѣло будущаго.

Такъ какъ теперь является надежда, что авторъ будетъ имѣть возможность довести свой основной трудъ Исторію русской педагогіи до конца, то необходимый матеріалъ для III-й части дѣятельно подготовляется. Въ теченіе того промежутка времени, когда печаталась и появилась I-я часть, вышло изъ печати нѣсколько солидныхъ трудовъ. Изъ нихъ Исторія русской литературы А. Н. Пыпина и Собраніе сочиненій Н. С. Тихонравова составляютъ цѣнныя пособія не только для историка русской литературы, но и для историка русской педагогіи, но теперь, за недостаткомъ

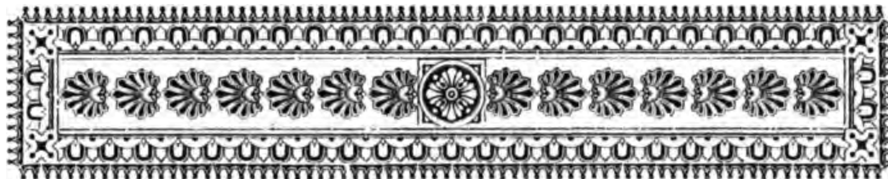
времени, мы не могли ими воспользоваться для второго изданія I-й части, надѣемся, что ими воспользуемся для III-й и IV-й части и для послѣдующихъ изданій I и II-й части.

Въ то время какъ печаталась Исторія русской педагогіи въ 1895 г. печатался и Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени, С. Миропольскаго (вып. I, II и III), въ видѣ приложенія къ журналу „Церковныя Вѣдомости", поэтому мы имъ и не могли воспользоваться; но теперь мы привели изъ этого Очерка нѣкоторыя данныя; такъ какъ книга эта, несмотря на одностороннее направленіе, заслуживаетъ вниманія историка русской педагогіи.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы 2-е изданіе I-й части Исторіи русской педагогіи встрѣтило сочувственный пріемъ со стороны читателей, и нашло бы для себя серьезныхъ рецензентовъ, которые своими указаніями оказали бы пользу дѣлу.

12-го января 1899 года.

Авторъ.

Исторія русской педагогіи.

Древне-русская педагогія.

Глава I.

До-монгольскій періодъ. О древне-русскихъ школахъ и учителяхъ.

Русская педагогія начинается со времени принятія христіанства (988 г.). Безъ сомнѣнія, и до этого событія древніе славяне воспитывали своихъ дѣтей, но это воспитаніе носило тотъ характеръ, какой оно носитъ у всѣхъ дикихъ народовъ, т.-е. характеръ чувственности, которою исчерпывалась вся ихъ жизнь. Физическій уходъ былъ сплошь и рядомъ единственною заботою со стороны родителей. Намеки на духовное развитіе ограничивались стремленіемъ сдѣлать единичнаго человѣка нечувствительнымъ къ боли, хитрымъ и выносливымъ на войнѣ. Образованіе едва-ли не сводилось къ пріученію къ верховой ѣздѣ, на что̀ указываетъ позднѣйшій обрядъ посаженія на коня при совершеннолѣтіи, и сообщенію умѣнья владѣть оружіемъ, какъ видно изъ свидѣтельства арабскихъ писателей о томъ, что у славянъ отецъ, при достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, вручалъ ему лукъ и стрѣлы, говоря: „отнынѣ добывай себѣ пищу этими орудіями, какъ знаешь!“

Только съ принятіемъ христіанства явилась насущная потребность въ иной педагогіи.

Христіанство, вслѣдствіе общаго правительственнаго распоряженія, распространилось въ значительныхъ размѣрахъ, и не-

медленно должна была почувствоваться нужда въ лицахъ, способныхъ вступить на служеніе церкви. Вотъ почему Владиміръ, вскорѣ послѣ крещенія кіевлянъ: пославъ, нача поимати у нарочитой чади дѣти и даяти нача на учение книжное [1]).

Лѣтопись не говоритъ намъ, на какое ученье книжное розданы были дѣти бояръ — на ученье ли просто грамотѣ, умѣнью читать, или на ученье настоящее, научное. Проф. Голубинскій [2]) склоняется къ послѣднему мнѣнію и полагаетъ, что такое научное ученіе было необходимо, вызывалось потребностью времени: надо было имѣть людей просвѣщенныхъ, способныхъ начать новый періодъ жизни; но если таковое научное ученіе и было, то продолжалось недолго.

Главнымъ совѣтникомъ и помощникомъ Владиміра въ заведеніи школъ и обученіи дѣтей былъ прибывшій изъ Греціи первый митрополитъ Кіевскій Михаилъ. По извѣстію Татищева [3]), митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ Владиміру устроить училища на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ наученіе: „итакъ, Владиміръ повелѣлъ собрать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное. Прежде бо невѣдуще закона, не слыхали словесъ книжныхъ".

По примѣру равноапостольнаго Владиміра, который любилъ „словеса книжная" и вел. кн. Ярославъ (1019 — 1054) до того былъ преданъ книгамъ, что часто самъ ихъ читалъ днемъ и ночью, и не менѣе отца своего заботился о просвѣщеніи своихъ подданныхъ. Съ этою цѣлью онъ поставлялъ по селамъ и городамъ священнослужителей, назначалъ самъ изъ имѣнія своего жалованье (урокъ), заботился, чтобы они чаще собирали народъ въ церкви и ревностно учили его вѣрѣ, составилъ вокругъ себя цѣлое общество переводчиковъ, которые перевели, по его порученію, многія книги съ греческаго языка на славянскій, и переписчиковъ, которые списали книги, прежде переведенныя въ Болгаріи. Со-

[1]) Въ Лѣтописи по Ипат. списку (изд. Археограф. комис. Спб. 1871) подъ 988 г. читаемъ: „И пославъ, нача поимати у нарочитой чади дѣти и даяти на учение книжное, а матери же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, и еще бо ся бяху не утвѣрдилѣ вѣрою, но акы по мерьтвѣцѣ плакахуся". Стр. 81.

[2]) Исторія русской церкви. Т. I, 1880 г., стр. 583.

[3]) Исторія Россіи. II, стр. 75—76.

бравъ много книгъ, положилъ ихъ при Кіевскомъ Соборѣ и такимъ образомъ основалъ первую въ Россіи библіотеку [1]). Ярославъ, говоритъ Карамзинъ, хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла называться вторымъ Цареградомъ. Ярославъ любилъ искусства: художники греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и муссіею [2]) донынѣ видимою въ Кіевской Софійской церкви. Стараясь о благолѣпіи храмовъ пріятномъ для глазъ, великій князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы греческіе, научившіе россійскихъ церковниковъ согласному демественному (уставному) пѣнію [3]). Ревность его къ христіанству соединялась съ любовью къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей великій князь завелъ въ Новгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти пресвитеровъ и старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія, нужныя для священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ [4]). Со словъ Карамзина и другіе, писавшіе послѣ него русскіе историки, кромѣ Соловьева, сообщая извѣстіе объ учрежденномъ Ярославомъ училищѣ, прибавляли, что цѣль ученія въ немъ была исключительно приготовленіе въ священники.

---

[1]) Объ этомъ въ лѣтописи подъ 1037 г. (по Ипат. списку, изд. Археогр. К.) читаемъ: „И при семь (Ярославѣ) нача вѣра крестьянская плодитися въ Руси и расширятися, и черноризци поча множитися, и манастыреве почаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и попы любяше повелику, излиха же бѣ любяче черноризьци, и книгамъ прилежа, почитая часто в день и вь нощи; и собра писцѣ многы, и прѣкладаше отъ Грѣкь на Словеньскый языкъ и писмя, и списаша многы книги, и списька, имиже поучаються вѣрнии людье, и наслаждаются ученія божественаго гласа. Яко же бо нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, инии же пожинають и ядять пищу безкудну, да и се; отець бо сего Володимирь землю разора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ; сий же Ярославъ, сынъ Володимерь, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий, а мы пожинаемь, ученіе приемлюще книжьное... Ярославъ же сь, яко же рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многы списавь положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ... И ины церкви ставяше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имѣнія своего урокъ, и веля имъ учити людий и приходити часто къ церквамъ“ стр. 106—107.

[2]) Муссія состоитъ изъ четыреугольныхъ камешковъ и изображаетъ по золотому полю лица и одежды святыхъ. Прим. Карамзина.

[3]) Исторія Гос. Рос., т. II.

[4]) Въ первой Софійской лѣтописи подъ 6539 г. (1030 г.) записано: пріиде (Ярославъ) въ Новугороду, собра отъ старость и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ (Полн. Собр. рус. лѣт. 1, 65).

Древняя наша лѣтопись, говоритъ арх. Макарій, не упоминаетъ нигдѣ объ училищахъ при дѣтяхъ и внукахъ великаго князя Ярослава, но, вѣроятно, училища продолжали существовать у насъ въ томъ видѣ, какъ они заведены св. Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ. Если нельзя принять, нельзя и отвергать рѣшительно свидѣтельства сводной лѣтописи Татищева, что великій князь Всеволодъ (1093) давалъ подаяніе на училища; что дочь его, извѣстная Янка, основала училище при Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ для обученія дѣвицъ грамотѣ, письму, пѣнію и разнымъ рукодѣліямъ, и что нѣкто Василій, котораго разсказъ объ ослѣпленіи Василька вошелъ въ составъ лѣтописи Несторовой, былъ въ 1096 г. во Владимірѣ-Волынскомъ „смотрѣнія ради училищъ и поставленія учителей" [1]). Смоленскій князь Романъ Ростиславовичъ, внукъ Мстислава Великаго, почти всѣ доходы свои употреблялъ на устройство училищъ и наемъ учителей [2]), такъ что, когда онъ скончался, не на что было похоронить его прилично его званію, и жители Смоленска сдѣлали добровольный сборъ на погребеніе его. Галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ († 1188) на свой счетъ заводилъ училища и заставлялъ монаховъ обучать дѣтей грамотѣ и удѣлять на училища часть монастырскихъ доходовъ [3]). Еще болѣе замѣчательнымъ ревнителемъ просвѣщенія былъ великій князь владимірскій Константинъ Всеволодовичъ. Наученый многимъ языкамъ, онъ не щадилъ ничего для пріобрѣтенія книгъ, держалъ при себѣ ученыхъ людей, и заставлялъ ихъ переводить съ греческаго языка на славянскій; въ библіотекѣ его находилось до тысячи греческихъ книгъ. Предъ своею кончиною (1218 г.) онъ пожертвовалъ собственный домъ во Владимірѣ, всю свою библіотеку и разныя волости для училища, гдѣ иноки, русскіе и греки, обучали малолѣтнихъ дѣтей. Училище это продолжало существовать и по смерти князя, хотя въ 1227 г., во время страшнаго пожара владимірскаго, лишилось многихъ книгъ [4]).

---

[1]) Арх. Макарій. Исторія русской церкви, т. II, стр 104.

[2]) Татищевъ говоритъ о Романѣ Ростиславичѣ, что онъ былъ „вельми ученъ всякихъ наукъ... и къ ученію многихъ людей понуждалъ, устрояя на то училища и учителей (Татищевъ, III, 239).

[3]) Арх. Макарій. Исторія рус. церкви, т. III, стр. 123.

[4]) Татищевъ. Ист. Рос. III, 238—280, 415—416, 446. О великомъ князѣ Кон-

Относительно распространенія школъ мы не имѣемъ точныхъ извѣстій. Н. А. Лавровскій говоритъ [1]): „Одни свидѣтельства даютъ полное право заключать, что училища заведены были преимущественно въ мѣстахъ пребыванія епископовъ; другія поименно указываютъ на города, въ которыхъ существовали училища, какъ-то на Кіевъ, Новгородъ, Курскъ, Смоленскъ, Владиміръ-Волынскій, Владиміръ на Клязьмѣ; иныя просто утверждаютъ существованіе совокупнаго обученія; иныя, наконецъ, указываютъ на распространеніе первоначальнаго обученія; всѣ вмѣстѣ утверждаютъ, что умственное образованіе со временъ христіанства успѣло получить довольно обширные размѣры; поэтому нельзя сомнѣваться въ справедливости словъ послѣдующихъ лѣтописцевъ, что въ то время у насъ было учреждено уже множество училищъ книжныхъ".

На основаніи, однако, позднѣйшихъ изслѣдованій и изысканій мнѣніе это нуждается въ значительной степени въ ограниченіи; число школъ было не такъ велико, да и школы эти были частныя, не правительственныя; школы эти были при церквахъ или на дому у частныхъ лицъ. „Въ письменныхъ памятникахъ до-монгольскаго періода нѣтъ ни одного прямого упоминанія о правительственныхъ школахъ. Если бы онѣ существовали, то были бы открываемы и новыя, и объ открытіи хотя одной — двухъ изъ нихъ было бы записано въ лѣтописяхъ, но такихъ записей мы не встрѣчаемъ. Зато въ памятникахъ письменности до-монгольскаго періода [2]) мы прямо имѣемъ извѣстія, въ которыхъ говорится объ ученіи дѣтей грамотѣ; если-бы дѣти учились въ казенныхъ училищахъ, то, конечно, извѣстія и употребляли бы тотъ образъ выраженія, что они учились въ училищахъ; однако, мы находимъ въ нихъ не училища, а только учителей, т.-е. не казенныя училища, а только частныхъ учителей. Въ Несторовомъ житіи преп. Θеодосія Печерскаго читаемъ, что онъ велѣлъ своимъ родителямъ дать себя на ученіе божественныхъ книгъ „единому отъ учитель".

стантинѣ Всеволодовичѣ и Лаврентьевская лѣтопись замѣчаетъ: мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста, вторый Соломонъ бывъ мудростью..., всѣхъ умудряя тѣлесными и духовными бесѣдами; часто бо чтяше книги съ прилежаньемъ (177, 188).

[1]) Н. А. Лавровскій. О древне-русскихъ училищахъ.

[2]) Голубинскій. Ист. рус. церкви, т. I, ст. 598.

Если это такъ, то является важнымъ вопросъ, кто были нашими первыми учителями? Проф. Голубинскій, Н. А. Лавровскій и др. высказываютъ правдоподобное предположеніе, что послѣ ученыхъ грековъ, привезенныхъ Владиміромъ и учившихъ только въ Кіевѣ, стали учить въ другихъ городахъ священники; они учили грамотѣ въ открываемыхъ ими при церквахъ школахъ не однихъ боярскихъ дѣтей, но и всѣхъ желающихъ „среднихъ и убогихъ", и такимъ образомъ образованіе было всесословнымъ. Такъ какъ никакого надзора надъ ученіемъ и учителями не было, то мало-по-малу стали учить и міряне. Одни открывали на домахъ у себя школы съ благотворительною цѣлью — обученіемъ другихъ способстововать распространенію почитанія божественныхъ книгъ, другіе сдѣлали себѣ изъ этого занятія ремесло, отчего въ послѣдствіе ихъ стали называть „мастерами". Изъ свидѣтельства самого лѣтописца Нестора извѣстно, что въ первой половинѣ XI в. въ Курскѣ существовало нѣсколько учителей, изъ которыхъ каждый принималъ къ себѣ дѣтей на ученье, и что къ одному изъ нихъ отданъ былъ отрокъ Ѳеодосій, въ послѣдствіе знаменитый игуменъ Кіево-Печерскій [1]). Изъ житія же Ѳеодосія можно судить до нѣкоторой степени, чему учили въ нашихъ древне-русскихъ школахъ XI вѣка, такъ какъ въ житіи сказано, что преп. Ѳеодосій, когда въ дѣтствѣ своемъ былъ отданъ родителями „на ученіе божественныхъ книгъ", вскорѣ „извыче вся граматикія". Значитъ, несомнѣнно, что славянская грамота и письмо были первыми предметами обученія.

Такъ какъ несомнѣнно, что одной изъ главныхъ цѣлей заведенія школъ было приготовленіе священниковъ и причетниковъ, то не трудно допустить, что въ нѣкоторыхъ школахъ обучали церковному пѣнію; а можетъ быть даже и греческому языку, такъ какъ онъ былъ крайне необходимъ для служителей вновь устрояемой церкви.

По мнѣнію Н. А. Лавровскаго, классическое мѣсто опредѣленія предметовъ первоначальнаго обученія въ древне-русскихъ

---

[1]) Къ симъ же и дати ся веля на ученне божественныхъ книгъ единому отъ учитель, яко же и сотвори, и въскорѣ извыче вся граматикия, яко же всѣмъ чудитися о премудрости и о разумѣ дѣтища, и о скоромъ его ученни (Житіе преп. Ѳеодосія въ Чтен. Моск. Общ. Ист. 1858, отд. III. л. 2-ой).

школахъ находится въ соборномъ дѣяніи 1551 г. „А прежде сего, говорили отцы Собора, въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ многия училища бывали, грамотѣ и писать и пѣть и читать учили“ [1]). Отсюда не трудно сдѣлать выводъ, что предметы первоначальнаго обученія въ древне-русскихъ школахъ были: чтеніе, письмо и пѣніе. Эти предметы были главными и въ позднѣйшее время, въ XV — XVI вв. При чтеніи памятниковъ древнѣйшей нашей письменности, нельзя не замѣтить особенной любви нашихъ предковъ къ церковному пѣнію. Можно съ увѣренностью полагать, что не только приготовлявшіеся къ духовному званію, но и лица свѣтскія, даже самые князья, обучались церковному пѣнію; по крайней мѣрѣ, лѣтописи очень часто говорять о пѣніи князей.

Объ обученіи ариѳметикѣ ничего навѣрное неизвѣстно [2]).

Весьма мало сохранилось извѣстій о дисциплинѣ, господствовавшей въ древне-русскихъ школахъ. Почти все, что̀ намъ извѣстно въ этомъ отношеніи, заключается въ извѣстномъ наставленіи, данномъ митрополитомъ Михаиломъ наставникамъ первоустроенныхъ школъ. Приведемъ это наставленіе, какъ оно выражено въ Степенной книгѣ: „Богодухновенный же учитель, преосвященный митрополитъ Михаилъ призываше всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочинѣ учити юныя дѣти, якоже словесѣмъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ и любви, и зачялу премудрости страху Божію, чистотѣ и смиреномудрію; учити же ихъ не яростію, ни жестокостью, ни гнѣвомъ, но радостновиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ проученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески ошаятися“ [3]).

Изъ приведеннаго мѣста Степенной книги видно, замѣчаетъ г. Лавровскій, что первоначальныя наши училища, а по всей

---

[1]) Проф. Соболевскій относитъ это мѣсто къ XV вѣку (см. Образованность и грамотность Московской Руси въ XV—XVII вв.), и это справедливѣе.

[2]) Н. А. Лавровскій въ доказательство того, что у насъ еще въ древности было извѣстно искусство счисленія, и можетъ быть, и первыя ариѳметическія дѣйствія, указываетъ на Кириково ученіе, „имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ“.

[3]) Степен. Книга, I, ст. 143, у Лавровскаго, О древне-рус. учил., стр. 102.

вѣроятности и возникшія впослѣдствіи, не имѣли исключительно цѣлью образованіе умственныхъ способностей, обученіе одной грамотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовали и цѣли воспитательныя, внушеніе и установленіе началъ нравственности на основаніи ученія вѣры. Вся училищная дисциплина была основана на Евангельской кротости и любви, съ положительнымъ запрещеніемъ дѣйствовать строгими мѣрами, ·яростью. Это обстоятельство имѣетъ для насъ важность не только потому, что показываетъ духъ, господствовавшій въ древне-русскихъ школахъ, но и потому, что онъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ школъ монастырскихъ, существовавшихъ въ то же время на западѣ, гдѣ virga и scutica были непремѣннымъ условіемъ обученія.

Митрополитъ Михаилъ въ своихъ наставленіяхъ учителямъ всѣми силами старается облегчить учащихся, велитъ учить ихъ съ ослабленіемъ, и два раза повторяетъ, чтобы они не унывали. Вотъ почему епископъ ростовскій Леонтій также кротко обращался съ дѣтьми: „младенцы ко церкви призываше и сладостно кутіею кормляше“ [1]).

Изъ всего сказаннаго сдѣлаемъ выводъ.

Древне-русская педагогія начинается со временъ Владиміра Святого и Ярослава Мудраго, которые первые изъ князей позаботились объ открытіи школъ. Школы эти устраивались при церквахъ или на дому у частныхъ лицъ; правительство не вмѣшивалось въ ихъ организацію, а только способствовало ихъ открытію. Ближайшее завѣдываніе школами принимало всегда духовенство: священники и причетники, а въ послѣдствіе явились въ качествѣ учителей и „міряне“, которыхъ называли „мастерами“. Однако, кто бы въ ней ни училъ, древне-русская школа XI и XII вв. носила церковный характеръ, ученіе въ ней было поставлено въ тѣсную связь съ церковью; школа являлась для малыхъ дѣтей преддверіемъ храма Божія. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она носила узко-спеціальный характеръ, что цѣлью ея было приготовленіе лишь лицъ духовныхъ: напротивъ, въ ней учились дѣти лицъ всѣхъ сословій, многіе изъ нихъ не прини-

[1]) Степ. книга, ст. 153.

мали потомъ духовнаго званія; такимъ образомъ древне-русская школа является общесословною школою грамотности. Предметами обученія въ ней были: чтеніе, письмо, пѣніе; дисциплина носила учебно-воспитательный характеръ и отличалась кротостью.

Источники и пособія. Источникомъ служила Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. Археографической комиссіи. Спб. 1871.— Пособіями служили: Н. А. Лавровскій. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ, 1854. — Арх. Макарій. Исторія русской церкви. — Проф. Голубинскій. Исторія русской церкви. Москва, т. I, 1880.

Глава II.

До-монгольскій періодъ. Просвѣтительное значеніе Византіи.

Объ общемъ значеніи византійскаго просвѣщенія и византійской литературы существуетъ два противоположныхъ мнѣнія. Большинство западныхъ историковъ относится къ нему строго. Такъ одинъ изъ нихъ (Bernhardy) не находитъ въ греческой литературѣ византійскаго періода ни творческаго начала, ни новыхъ идей, ни своеобразныхъ формъ. Онъ называетъ ее литературой упадка и безсилія, литературой компиляторства, составленія сборниковъ, т. е. выборки изъ сочиненій древняго міра и первыхъ вѣковъ христіанства. Единственную, хотя и не маловажную услугу, ею оказанную, онъ видитъ въ томъ, что она въ эпоху средневѣкового варварства поддерживала образованность и посредствомъ упомянутыхъ сборниковъ сохраняла плоды древней науки и литературы.

Но къ этому мнѣнію надо относиться съ большою осторожностью, такъ какъ едва ли оно основано на глубокомъ пониманіи историческаго значенія и роли Византіи. Поэтому мы лично на сторонѣ тѣхъ, которые признаютъ высокое и весьма важное куль-

турное значеніе Византіи и особенно въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Проф. Ѳ. Успенскій говоритъ [1]: „По преимуществу на долю Византіи выпала воспитательная роль новоевропейскихъ народовъ. Признавая ея заслуги, оказанныя человѣчеству тѣмъ, что она имѣла благодѣтельное вліяніе на дикія орды варваровъ, воспитанныя ею въ историческіе народы, мы не должны забывать и понесенныхъ ею великихъ жертвъ на пользу всей Европы. Слѣдуетъ ли перечислять послѣдовательный рядъ варварскихъ вторженій въ Европу, которымъ Византія ставила преграды и полагала предѣлы? Мало того, что устоявъ противъ враговъ, она долгое время оставалась очагомъ и свѣточью просвѣщенія: она старалась частію убѣжденіемъ, частію проповѣдью христіанства и цивилизующимъ вліяніемъ укротить и облагородить дикарей, пріучивъ ихъ къ выгодамъ гражданской жизни. Подъ ея вліяніемъ разрозненныя славянскія колѣна и племена, равно какъ болгарская и мадьярская орда—выросли въ историческіе народы. Словомъ, она сослужила для восточно-европейскаго міра ту же благодѣтельную миссію, какую Римъ для галловъ и германцевъ. Восточные народы обязаны ей вѣрой, литературой и гражданственностью. Намъ не идетъ повторять безъ оглядки фразу, которая въ сущности исторически не вѣрна, что мы приняли изъ Византіи не настоящее просвѣщеніе и, не разобравъ хорошаго отъ дурного, стали слишкомъ рабски воспроизводить испорченные идеалы византіизма. Прежде всего, иныхъ организующихъ началъ намъ не откуда было принять; кромѣ того, западная Европа того времени была ниже Византіи и сама воспользовалась плодами эллинской культуры. Одинъ изъ германскихъ императоровъ X в. совершенно добродушно старается счистить грубость саксонской натуры и раздуть въ себѣ искорку любви къ греческой наукѣ. Одинъ славянскій князь ищетъ, откуда бы позаимствовать лучшія учрежденія для своего народа, и находитъ ихъ въ Византіи, такъ какъ „отсюда на всѣ страны распространялся добрый законъ“. Византія исполняла свою миссію съ полнымъ самоотверженіемъ,—и въ этомъ величайшій успѣхъ греческаго духовенства и разнообраз-

---

[1]) Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса, 1888. Стр. 33.

ныхъ вліяній Византіи между восточно-европейскими народами. Она не налагала тяжелаго и неудобоносимаго ярма на новопросвѣщенныхъ, отличалась значительною терпимостью въ дѣлахъ вѣры: припомнимъ хоть то, что греческое духовенство на Руси не имѣло политическаго значенія и не стремилось къ организаціи, ограничивающей свѣтскую власть. Какая разница въ средствахъ дѣйствія латинской и греческой церкви: одна съ мечемъ идетъ на помощь имперіи и при помощи оружія распространяетъ свою паству, другая достигаетъ не менѣе широкаго распространенія своихъ предѣловъ нравственнымъ вліяніемъ и проповѣдью. Гдѣ господствуетъ латинская церковь въ IX и X в., тамъ раздается шумъ оружія; не то на востокѣ: греческіе проповѣдники не подчиняютъ новопросвѣщенныхъ византійскому царю, а служатъ религіозной идеѣ. Въ этомъ, на мой взглядъ, сказались народныя и психологичеткія черты, отличающія систему римскихъ завоеваній отъ процесса эллинской колонизаціи.

Такимъ образомъ, въ томъ обстоятельствѣ, что Россія приведена была въ ближайшія сношенія съ Византіей, я не могу не усматривать глубокой важности для нашего просвѣщенія и культурнаго развитія. Что мы весьма медленно усвояли себѣ заимствованную культуру, въ этомъ нельзя слагать отвѣтственность на грековъ. Не оружіемъ, не воинскими доблестями одержала Византія побѣду надъ Русью, а своимъ моральнымъ воздѣйствіемъ на нее и удовлетвореньемъ ея духовныхъ потребностей".

Только въ послѣднее время сдѣланы весьма важныя попытки для оцѣнки просвѣтительнаго вліянія Византіи, но для полной картины недостаетъ еще значительнаго количества фактическихъ данныхъ. Слѣдовало бы, для того, чтобы составить себѣ точное понятіе о количествѣ и качествѣ византійскихъ вліяній на Россію, предпринять рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ: о вліяніи Византіи на древнюю русскую литературу, о заимствованіи изъ Византіи религіозно-нравственныхъ и художественныхъ идеаловъ, объ обмѣнѣ въ области юридическихъ понятій, въ устройствѣ государственности, въ домашнемъ быту и т. п. Но и теперь уже, на основаніи имѣющагося матеріала, можно сказать, что просвѣтительное вліяніе Византіи шло двумя путями:

при помощи церкви и при помощи литературы; храмъ и книга явились важными факторами византійскаго вліянія.

Еще до Владиміра были у насъ сношенія съ Греціей; со введеніемъ же христіанства они сдѣлались постоянными. Русская земля составила особую епархію, подвѣдомственную въ церковномъ управленіи патріарху константинопольскому. Большую часть митрополитовъ, до половины XV вѣка, получали мы изъ Греціи. „Въ періодъ до-монгольскій, когда русскіе митрополиты жили въ Кіевѣ, въ лѣтописяхъ упоминается 23 митрополита, изъ которыхъ три русскіе, три неизвѣстнаго происхожденія и 17 несомнѣнно греки" [1]); нѣкоторые изъ митрополитовъ до того оставались греками, что даже не выучивались по-русски. Епископы, въ большинствѣ случаевъ, были русскіе, но и между ними было не мало грековъ, въ главнѣйшихъ городахъ, какъ Новгородъ, Ростовъ, Смоленскъ, Черниговъ и пр. Въ первое время приходили даже греческіе священники и клирики, церковные пѣвцы; церкви строились греческими мастерами, напр. знаменитѣйшія древнія церкви: Десятинная, Софійская, Успенія въ Печерскомъ монастырѣ,—онѣ украшались привознымъ мраморомъ, всѣмъ искусствомъ греческой архитектуры, живописи, „мусіи" (мозаика) и т. д.

Греческая церковь при самомъ началѣ стала передавать русской свои отличительныя особенности — строгое храненіе православія, соборныхъ постановленій и преданія, враждебное отношеніе къ западной церкви и ея догматическимъ и инымъ нововведеніямъ, свое церковно-гражданское законодательство. Въ житіяхъ святыхъ съ самаго начала устанавливается условный стиль, перенятый у грековъ и отличавшій потомъ наши произведенія этого рода (Пыпинъ).

Школою русскаго иночества постоянно служитъ востокъ. Высшимъ же образцомъ духовной жизни была Аѳонская гора. Въ началѣ XI в. Антоній обошелъ аѳонскіе монастыри и сталъ начинателемъ русскаго монашества. На Аѳонѣ пріобрѣтался тотъ подвижническій закалъ, который такъ рельефно выразился въ стрем-

---

[1]) Вл. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Ч. II. 1870 г.

ленін къ пустынножительству въ сѣверо-восточной Россіи; отсюда русскіе иноки постоянно стремились на Аѳонъ и приносили оттуда правила полнаго отрѣшенія отъ міра.

Въ Константинополѣ и на Аѳонѣ сосредоточилась обширная книжная дѣятельность: тамъ одни переводили на славянскій языкъ греческія книги, а другіе списывали ихъ. Съ XI в. до 1169 г. русскіе иноки жили въ аѳонскомъ Ксилурійскимъ монастырѣ, а съ 1169 г. до XV в. они жили въ аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона и здѣсь между ними были иноки просвѣщенные, „искусные сказаемыхъ, свѣтло во умѣ воспріимшіи закона Господня достохвальное ученіе". Эти русскіе иноки, живя между греческими, болгарскими и сербскими иноками, безъ сомнѣнія, многое заимствовали отъ нихъ для просвѣщенія своихъ соотечественниковъ; брали изъ аѳонскихъ монастырей книги, переводили и переписывали. Такъ, напр., въ 1295 г. Кіево-печерскій архимандритъ Досиѳей получилъ съ Аѳона при посланіи „чинъ, како пѣти 12 псалмовъ особь". Въ 1386 г. съ Аѳона вывезены были богородичные дневные каноны [1]).

Въ Студійскомъ монастырѣ, по словамъ Стефана новгородца (1350 г.), жили русскіе, искусные въ списываніи книгъ и посылали оттуда въ Россію много книгъ: уставы, тріоди и иныя книги.

Въ Студійскомъ же монастырѣ жилъ митрополитъ Кипріанъ, который особенно трудился въ переводѣ на славянскій языкъ сочиненій отцовъ церкви. Такъ, онъ перевелъ Лѣствицу, съ толкованіями, а въ Степенной книгѣ говорится вообще, что онъ переложилъ много святыхъ книгъ съ греческаго на русскій языкъ.

Въ XIV в. въ монастырѣ св. Предтечи, въ Константинополѣ, по волѣ Аѳанасія, игумена высоцкаго, написанъ сборникъ святоотеческихъ сочиненій. Слѣдовательно, въ Константинополѣ переводная дѣятельность шла довольно правильно. На Аѳонѣ, гдѣ она была шире, этому содѣйствовало раннее появленіе славянскихъ монастырей.

Въ XI вѣкѣ тамъ упоминается русскій монастырь, въ XII сербскій, въ XIII болгарскій. Уже въ XII вѣкѣ, въ спискѣ имуще-

---

[1]) Описаніе рукописей Толстаго, стр. 587—590 Описан. рук. Рум. муз. стр. 277.

ства русскаго монастыря Ксилургу, упоминаются русскія книги, именно: апостолы, ирмологи, синаксари, наремiаки, минологи, творенія Ефрема Сирина и номоканоны [1]). На Аѳонѣ занимались списываньемъ книгъ русскіе монахи: Савва, игуменъ тверской, Досиѳей, игуменъ печерскій, Нифонтъ Бывальцевъ, Іона, игуменъ угрѣмскій, и особенно Нилъ Сорскій. Изъ древнѣйшихъ рукописей получены съ Аѳона: толкованія словъ Григорія Богослова и лѣтопись Георгія инока, писанныя на хлопчатой бумагѣ; въ XIII в.— прологъ, писанный въ 1397 г. Тактиконъ Никона Черногорца, списанный въ Новгородѣ. Онъ имѣлъ большое значеніе для русскихъ догматиковъ того времени, потому что заключаетъ въ себѣ много отрывковъ, весьма значительныхъ по объему, изъ отцовъ церкви. Отсюда почерпали свои богословскіе доводы Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій, не указывая источника тѣхъ обширныхъ цитатъ, какія встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ [2]). Аѳонская гора постоянно сохраняла для Россіи значеніе книжнаго источника. Въ XVI вѣкѣ оттуда принесъ съ собою въ Россію греческія книги Максимъ Грекъ. Съ его именемъ встрѣчается у насъ и сочиненіе Іоанна Дамаскина: Ихнилатъ и Стефанитъ. При патріархѣ Никонѣ, по поводу исправленія книгъ, посылался на Аѳонъ, для пріобрѣтенія греческихъ рукописей, Арсеній Сухановъ; тамошніе монастыри, и въ томъ числѣ и русскій, прислали съ нимъ 500 книгъ, весьма древнихъ.

Результатомъ переводной дѣятельности у южныхъ славянъ въ Византіи и отчасти въ Россіи было значительное количество переводовъ отцовъ церкви, религіозно-нравственныхъ сочиненій и византійскихъ сборниковъ, которые сообщили русской жизни извѣстное религіозное направленіе, сохранившееся во все время древняго періода.

Изъ Греціи къ намъ постоянно приходили ученые греки, которые и вводили у насъ просвѣщеніе въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно существовало въ Греціи. Если это просвѣщеніе распространялось не при помощи правильно организованныхъ школъ,

---

[1]) Рус. иноки на Аѳонѣ. „Христіан. Чт." 1853 окт. у В. Иконникова. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи.

[2]) Прав. Собес. 1859 дек. 384.

то, во всякомъ случаѣ, при помощи „учительства“, личнаго вліянія, при помощи обученія отдѣльныхъ лицъ. Слѣды этого византійскаго научнаго вліянія сохранились въ нашей литературѣ. Такъ, напр., слово митрополита Илларіона „о законѣ и благодати“ носитъ на себѣ явные признаки знакомства автора съ греческой риторикой, какъ наукой, которая и дала самому слову блестящую внѣшнюю отдѣлку; слова Кирилла Туровскаго обличаютъ въ авторѣ человѣка, изучившаго церковное краснорѣчіе подъ руководствомъ греческаго учителя, который передалъ ему и общеораторскіе пріемы и недостатки тогдашняго византійскаго проповѣдничества; краткое „ученіе“ Кирика „имъ же вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ“ говоритъ о знакомствѣ нѣкоторыхъ русскихъ до-монгольскаго періода съ пасхаліей, какъ наукой. Наибольшая часть словесныхъ произведеній, существовавшихъ у насъ въ XI и XII вв., служившихъ умственною пищею народа, были произведенія переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ. Разумѣемъ книги Св. Писанія, ветхаго и новаго завѣта, житія святыхъ, творенія св. отцовъ и учителей церкви и другихъ церковныхъ писателей. Такъ у насъ была вся Библія. Самымъ древнимъ считается Остромирово Евангеліе, написанное дьякомъ Григоріемъ для Новгородскаго Посадника Остромира въ 1056—1057 гг. Между догматическими сочиненіями первое мѣсто принадлежитъ „Точному начертанію православной вѣры“ Іоанна Дамаскина (у насъ называлось Увѣріемъ). Къ правоучительнымъ произведеніямъ относятся Патерики или отечники, представлявшіе сборники нравоучительныхъ повѣстей о знаменитыхъ подвижникахъ и нравоучительныхъ словъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, Пандектъ Антіоха Іерусалимскаго, собраніе правоучительныхъ статей, лѣствица Іоанна Лѣствичника, трактующая о степеняхъ и путяхъ нравственнаго совершенствованія, нѣсколько нравоучительныхъ разсужденій Меѳодія Патарскаго и очень много церковныхъ словъ Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина и Ѳеодора Студита, съ нравственнымъ содержаніемъ.

Но кромѣ духовныхъ произведеній, много произведеній свѣтскаго характера переданы намъ Византіей; сюда относятся повѣсти, легенды, апокрифы. Византійская словесность оставила глубокій слѣдъ не только въ письменныхъ памятникахъ древней Руси, но

и въ памятникахъ словесныхъ: въ народной словесности, въ духовныхъ стихахъ, легендахъ, народныхъ книгахъ.

Изъ Византіи же къ намъ проникли любовь и уваженіе къ книгѣ, какимъ были проникнуты лучшіе люди того времени. Св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ: „Святыя книги въ руцѣ пріимите и пользу, въ нихъ сущую, съ великимъ прилѣжаніемъ пріемлите; оттуда бо рождается корысть многа: первѣе языкъ чтеніемъ (въ доброрѣчіе) управляется, та же душа пріемлетъ духовныя крылѣ и возносится горѣ, и сіяніемъ солнца правды просвѣщается; къ сему же яко же чувственный хлѣбъ умножаетъ силы тѣла, сице чтеніе подаетъ душѣ силу; пища бо есть духовная, и крѣпку творитъ душу и постоятельнѣйшу и любомудрственнѣйшу не попуская ей отъ страстей грѣховныхъ ятой быти, но легку и крылату творя ю, въ небо преноситъ“ [1]).

„Всякое писаніе богодухновенно и, слѣдовательно, полезно есть“, разсуждаетъ І. Дамаскинъ. „Поэтому изслѣдовать божественныя писанія есть дѣло самое доброе и душеполезное. Ибо душа, напоеваемая божественнымъ писаніемъ, какъ древо, посаженное при потокахъ водъ, утучняется, приноситъ зрѣлый плодъ— православную вѣру, и украшается всегда зеленѣющими листьями, т.-е. богоугодными дѣлами. Святое Писаніе настроиваетъ насъ къ добродѣтельной жизни и чистому созерцанію. Ибо въ Писаніи находимъ увѣщаніе ко всякой добродѣтели и предотвращеніе отъ всякаго порока. Посему, если будемъ ревностны къ ученію, то прі[illegible]ую мудрость [2])“.

Хотя время VIII, IX и X вв. въ Византіи было временемъ упадка, но книга не потеряла своего значенія. Ученые люди этой эпохи обращаютъ свои взоры къ прошлому, къ трудамъ отцовъ золотого вѣка христіанской письменности. Быть ученымъ для этой эпохи значило быть свѣдущимъ въ литературѣ прошлаго, многое прочитать, многое заучить. Свѣтскія науки обращаются на слу-

[1]) См. Лѣтопись иже во святыхъ отца нашего Димитрія, митрополита Ростовскаго. Москва 1784 г.

[2]) І. Дамаскинъ. Точное изложеніе правосл. вѣры, кн. IV, гл. 17 въ русск. пер. Москва, 1844, стр. 270—271.

женіе священнымъ; отсюда высокое уваженіе къ книгамъ Св. Писанія, переданное и древней Руси.

Изъ сказаннаго видимъ, что Византія сослужила просвѣтительную службу по отношенію къ Россіи: она дала намъ вѣру, гражданственность и литературу. Ея культурное воздѣйствіе на Русь шло, главнымъ образомъ, двумя путями: при помощи церкви и при помощи литературы; храмъ и книга явились важными факторами византійскаго вліянія. Вліяніе Византіи въ большинствѣ было благотворнымъ и необходимымъ, такъ какъ иныхъ организующихъ началъ намъ не откуда было принять. Западная Европа того времени была ниже Византіи и сама нерѣдко пользовалась плодами эллинской культуры.

Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго выбора съ критическою оцѣнкою всего годнаго для исторіи русскаго просвѣщенія въ сочиненіяхъ византійскихъ писателей, что было бы отличною задачею для нашихъ эллинистовъ.

Источники и пособія: Ѳ. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса. 1888 г.—Вл. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Кіевъ. 1870 г.—Другія пособія указаны въ текстѣ.

Глава III.

Воспитательное значеніе церкви. Значеніе Кіево-Печерской лавры.

Съ введеніемъ христіанства быстро обозначается вліяніе церкви. Успѣхъ ея былъ несомнѣнный и обширный; ея авторитетъ былъ неоспоримый; духовенство со времени Владиміра поставлено было въ извѣстное независимое — нравственно и матеріально — положеніе; князья строили по собственному усердію церкви и приказывали ихъ строить; искали поученія и руководства у игуменовъ и епископовъ. Книги Св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнимое чтеніе нашихъ предковъ.

На Руси православіе, соотвѣтственно ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи.

Наши предки прибѣгали къ инымъ средствамъ воспитанія, чѣмъ къ какимъ мы прибѣгаемъ въ настоящее время. Такъ какъ сущность и цѣль истиннаго образованія они видѣли въ пріобрѣтеніи познаній истинъ православной христіанской вѣры и благочестія, то они и получали это образованіе не столько въ училищахъ, сколько въ храмахъ Божіихъ, первыхъ училищахъ вѣры и благочестія, въ монастыряхъ, высшихъ школахъ нравственности, въ нравственно-религіозныхъ книгахъ, чтеніемъ которыхъ они занимались на дому. По словамъ проф. М. П. Погодина, всякая новая епархія дѣлалась, такъ сказать, новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь — гимназіей, новая церковь — народнымъ училищемъ [1]).

Такимъ образомъ храмы изревле явились у насъ первыми разсадниками христіанскаго народнаго просвѣщенія, во времена же монгольскаго ига были, можно сказать, почти единственными хранилищами народнаго образованія.

Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Христіанство принесло готовыя правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Вѣра подчинила своему вліянію духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера. И въ этомъ случаѣ церковь дѣйствовала на неразвитаго человѣка своей внѣшней дисциплиной и обрядовой стороной.

Храмъ являлся въ воззрѣніяхъ нашихъ предковъ, какъ живое лицо, исполненное благодатнаго духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагами; ему предоставляли выборъ епископовъ

---

[1]) М. П. Погодинъ. Образованность и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи. Ж. М. Н. П. Январь 1871, стр. 11.

по жребію, и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ Богу. Но кромѣ этого общаго значенія, храмъ имѣлъ въ древности особенное, воспитательное значеніе.

При отсутствіи способовъ просвѣщенія, онъ своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ, можно сказать, главною школою истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они получали уроки вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ. Не только благочестивые отцы семействъ, старцы, мужи и жены, но и юноши и отроки часто ходили въ церковь нарочно для того, чтобы поучаться въ Божественномъ Писаніи и съ особеннымъ вниманіемъ и любовью слушали церковное чтеніе и пѣніе. Потому-то благочестивые предки наши и цѣнили такъ высоко значеніе храма и богослуженія: „Яко же бо дождь раститъ сѣмя, писалъ Симонъ, епископъ владимірскій, къ черноризцу Поликарпу, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо, елико твориши въ келліи ни во что же суть, еже и псалтирь чтеши, или обанадесять псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобится соборному пѣнію“.

Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей въ храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе подрастающаго поколѣнія.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и насилія, храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ. При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться, и въ случаѣ опасности—считали счастьемъ принять тамъ смерть отъ руки невѣрныхъ. Въ храмахъ хранили важныя грамоты, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и пр.; тамъ хранились законные мѣры и вѣсы. При церквахъ устроялись богодѣльни, въ которыхъ жили больные и бѣдные. Что церковь являлась однимъ изъ органовъ попеченія о народномъ здравіи, объ этомъ говорятъ, какъ древнѣйшія свидѣтельства, такъ и обычаи, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нашихъ дней въ непрерывной преемственности отъ древнѣйшихъ

временъ. Люди „церковные“ суть люди „богадѣльные“: въ вѣдѣніи церкви состоялъ, какъ „лѣчецъ“, такъ и прощенники (врачъ и исцѣленные), больницы, гостинницы, странноприіимницы (уставъ, приписываемый Св. Владиміру). Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ то, что въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, а иногда и теперь, принадлежностью каждой приходской церкви считаются: богадѣльни, гошпитали и школы; люди богадѣльные и позже кормятся отъ церкви Божіей и суть люди церковные. Всѣ эти учрежденія такъ срослись съ церковью, что связь ихъ съ нею должна быть признана первоначальною [1]).

Неудивительно поэтому, что на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердца высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ.

Простой народъ видѣлъ въ священникахъ своихъ руководителей и наставниковъ, съ уваженіемъ относился къ нимъ и въ затруднительныхъ случаяхъ обращался за совѣтомъ и помощью. Вліяніе духовенства простиралось на семейную жизнь народа, на его обычаи и привычки. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ дѣтей духовныхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали бѣднымъ и т. п. О нѣкоторыхъ пастыряхъ находимъ въ памятникахъ такіе отзывы: „Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ. Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ“.

Чтобы доставить священникамъ больше способовъ къ поученію народа въ храмахъ, благочестивые князья и епископы снабжали церкви книгами, учреждали при нихъ книгохранилища.

[1]) М. Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи XVII в. до учрежденія министерствъ. Ж. М. Н. П. 1873 CLXVII.

Съ какимъ уваженіемъ относились наши предки къ пастырямъ духовнымъ можно видѣть изъ лѣтописей и изъ отдѣльныхъ наставленій, разбросанныхъ въ древнерусскихъ сборникахъ.

Въ Изборникѣ Святослава 1076 г. находимъ слово Іоанна Златоустаго: „Како подобаетъ попа чьстити". „Слышимъ Павьла глаголюща. покаряитеся старѣйшинамъ вашимъ. ти бо бъдять о душахъ вашихъ. изълиха чътѣте я, ты бо о своемь ся. тъчью печеши. аще устроиши добрѣ то о иномь не брежеши. а иерѣи аще и устроить свою жизнь добрѣ а о тебѣ молиться. ти не добрѣ тебѣ управить то съ зълыими осудиться. Аще ли законъ имать неправъ и благовѣстить инако то не послушаи его аще и ангелъ есть. аще ли право учить. то не житиа ему съмотри нъ словесъ" [1]).

Въ Измарагдѣ XVI вѣка находимъ Слово Іоанна Златоустаго: „еже чтити прозвитера", во многомъ сходное съ предыдущимъ: „Удивите вся, колика ерейская власть и честь. крещеніемъ и покаяніемъ и причащеніемъ поновляют вѣрныя, и за вся молитвы к Богу творят. Тѣм не пререкайте их. но добро чтите. Божіи бо слуги. и предстатели тайны его. тѣм добрѣ чтите я. и потребная имъ даваите. аще бо слуги земныхъ князей чтите. колми паче небеснаго царя слугамъ достоиную честь и дары воздаетъ. Слышати апостола Павла глаголюща. покаряитесь старѣйшином вашим. ти бо бдят. за душа ваша. яко да слово отдати имъ в день судны о васъ. ты бо токмо о своей выи тщишися. а симъ велика есть скорбь. яко како бо порученых им управити, а не научивше суд зол прияти... Господь Богъ глаголетъ слушаяй вас мене слушает. а отмѣтаяй ся вас мене ся отмещет. а иже хулит вы. мене хулит... То вся размысливше любиміи всячьскы и добрѣ надѣляите я. яко отца пищею и одежею. да безмятежно о васъ молбы приносят к Богу... Всяк бо іерей от человѣкъ пріемлет дары иже требе. о грѣсѣх яко о себѣ тако и о людех молится Богу ден и нощ. того ради достоит зѣло чтити я" [2]).

---

[1]) Архангельскій. Твор. св. отцовъ, ст. 195—196 в, IV.

[2]) Приведено у Архангельскаго А. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, вып. IV., ст. 195—198

Въ рукописномъ сборникѣ „Пчела“ [1]), относящемся къ XVII вѣку, находимъ:

„Подобаетъ всякому чтити отца духовнаго, слушати наказания (наставленія) аще кто не послушаетъ, то да будетъ проклятъ и чюждь есть вѣры христианския“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и на священниковъ налагаются обязанности заботиться о чадахъ духовныхъ: „аще попъ и добро житие свое проживетъ и о дѣтех духовных не попекался ни учи, не избыти ему муки вѣчныя“.

Въ одномъ изъ Цвѣтниковъ [2]) эти обязанности развиты подробнѣе: „Священницы убо блази должни суть быти, милосерди, братолюбивы, благосерди ко всѣмъ и милостивы. нищелюбивы, страннолюбивы. обращающа заблуждьшая. посещающа немощныя. непрезірающе вдовицъ и сорот и нищих. добрая мысляще всегда пред Богом и человѣки. укла违ющеся от всякого гнѣва, и лицемѣрія и суда неправеднаго и сребролюбія, не пріемля скоро суетнаго слышанія“.

Домострой [3]) въ 6-й главѣ указываетъ: „како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ и повиноватися во всемъ“: „Подобаетъ, говорить онъ, вѣдати и се, како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ. изыскати отца духовнаго добра, боголюбива, и благоразумна, и разсудителна, и утверженна въ вѣрѣ, и учителна, а не потаковника, ни піяницу, ни сребролюбива, ни гнѣвлива. Такова убо подобаетъ чтити и повиноватись ему во всемъ и каятись предъ нимъ со слезами, исповѣдати грѣхи своя безстыдно и безсрамно, и заповѣд его храни... и наказаніе его съ любовью пріимати, и послушати его во всемъ, и чтити его, и бити челомъ предъ нимъ ниско. *онъ учитель нашъ и наставникъ*. и совѣтовати съ нимъ часто о житіи полезномъ и возстязатись отъ грѣхов своих. и како учити и любити мужъ жену свою и чяда и рабъ“.

---

[1]) Изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго.

[2]) Книга цвѣтникъ письмѣнной. Поученія избранная отъ Св. Евангелія іото многихъ Божественныхъ писаній поученіе въ недѣлю первую св. великаго поста (рукопис. сбор.) Изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго. Извѣстно, что наши предки любили выбирать для себя и соединять въ одну книгу статьи, иногда мелкіе отрывки и отдѣльныя изреченія, почему-либо имъ понравившіяся; такимъ сборникомъ любопытныхъ замѣтокъ нерѣдко давали названіе „цвѣтниковъ“.

[3]) ст. 17, изд. 1882 г.

Домострой же совѣтуетъ почаще ходить въ церковь: „а въ церкви стояти на всякомъ пѣніи со страхомъ и съ молчаніемъ молитися, а дома всегда повечерница, и полунощница, и часы пѣти... А въ церкви ни съ кемъ не бесѣдовать, съ молчаніемъ стояти и со вниманіемъ слушати божественнаго пѣнія и чтенія".

Особеннымъ значеніемъ и вліяніемъ пользовался монастырь. „Монастырь былъ пристанищемъ душъ высокихъ, стремившихся къ вѣчнымъ законамъ добра и правды. Здѣсь приготовлялись лица для занятія высшихъ степеней церковной іерархіи; здѣсь воспитывались ревнители вѣры и благочестія, по особенно для насъ важно, что древне-русскіе монастыри, по духу своихъ строгихъ правилъ, по своимъ благоговѣйнымъ, ежедневнымъ службамъ и по образу жизни благочестивыхъ иноковъ, съ самаго начала своего существованія сдѣлались лучшими школами нравственнаго воспитанія народа. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ на первомъ планѣ стояли вопросы не о матеріальныхъ выгодахъ, а о высокой цѣли и назначеніи человѣческой жизни, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные, по своему времени, высоко развитые болѣе другихъ; они всякому ищущему совѣта и утѣшенія могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненія въ извѣстныхъ случаяхъ. Тамъ древне-русскій человѣкъ на живыхъ образцахъ и примѣрахъ получалъ уроки нравственные. Въ мірѣ, большею частію, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными разсчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насиліе, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ" [1]). Взглядъ на эту жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря и строгіе уроки нравственности надолго западали въ человѣческія души.

---

[1]) Вліяніе христіанства на русскій народъ. Духъ Христіанина, 1861. окт. и ноябрь.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда собирались князья и вельможи и прочіе люди „за духовною пользою". Монастыри служили центрами правильнаго труда и разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Монахъ уже самымъ своимъ положеніемъ и назначеніемъ, своимъ удаленіемъ отъ міра и мірскихъ удовольствій, призывался въ государствѣ еще непросвѣщенномъ книжною мудростью къ усиленной книжной дѣятельности. Вотъ почему инокъ и грамотей въ понятіяхъ древне-русскихъ людей сдѣлались синонимами: „Яко же корабль безъ гвоздей не съставляется, такъ и инокъ безъ почитанія книжнаго", говорили и писали въ древней Руси.

Монастырь въ древней Руси былъ школою въ полномъ смыслѣ слова, и не будетъ ошибкой сказать, что школъ въ древней Руси было столько, сколько было церквей и монастырей. Монастыри появились у насъ очень рано, вслѣдъ со крещеніемъ земли русской, какъ свидѣтельствуетъ Илларіонъ: „монастыреве на горахъ сташа, черноризцы явишася". По преданію, первый нашъ митрополитъ Михаилъ основалъ на одной изъ горъ кіевскихъ монастырь и церковь во имя арх. Михаила, а иноки, прибывшіе съ этимъ митрополитомъ, основали монастырь Спасскій, близь Вышгорода. Супрасльская лѣтопись свидѣтельствуетъ, будто самъ Владиміръ въ 996 г. создалъ вмѣстѣ съ Десятинною церковью и монастырь при ней во имя пресв. Богородицы.

Въ княженіе Ярослава, который любилъ черноризцевъ „до излиха", они еще болѣе начали умножаться, а съ ними и монастыри. Ярославъ создалъ самъ два монастыря въ Кіевѣ. Но между тѣмъ, какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ монастыри были созидаемы то князьями, то іерархами, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ основателями обителей явились частныя лица, подвижники. „Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ [1]". Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для христіанскаго просвѣщенія древне русскаго общества, со временъ Ярослава и Изяслава, явился Кіево-Печерскій, основанный прен.

---

[1]) Мнози бо манастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства поставлени. но не суть таци, кацми же суть поставлени слезами, и пощеньемь, и молитвою, и бдѣнмемъ. (Лѣтоп. по Ипат. спис. ст. 112).

Антоніемъ и Θеодосіемъ. Настоящимъ устроителемъ этого монастыря явился второй его игуменъ Θеодосій. Имѣя съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, приходилъ въ разные монастыри, но тамъ, видя простоту и худыя одежды юноши, не приняли его въ число иноковъ. Наконецъ, онъ явился въ пещеру св. Антонія и умолилъ его принять въ сподвижники.

Θеодосій былъ человѣкъ твердой воли и большого характера. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ подавалъ братіи примѣръ неустанныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти. По свидѣтельству лѣтописца Нестора [1]), онъ ввелъ Студійскій уставъ, „отъ него же манастыря прияша вси манастырѣ уставъ по всемъ манастыремь; тѣмже почтенъ есть манастырь Печерьскый старѣй всихъ и честью боле всихъ". Личность Θеодосія является предъ нами, какъ личность чрезвычайно энергичная, но вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая и любвеобильная. Θеодосій любилъ часто бесѣдовать и поучать братію, наставлялъ ихъ „како проводити постьное время въ молитвахъ нощьныхъ и дневныхъ ... паче же всего имѣти любовь в себе к мѣньшимъ и старѣйшимъ покорение и послушание, къ старѣйшимъ же и кь мѣньшимъ любовь и наказание". Не удивительно, что личность Θеодосія обаятельно дѣйствовала на братію, она его любила, его слушала и ему подражала, черноризцы—его ученики „аки свѣтила в Руськой земли сияху" [2]).

Отсюда и понятно высокое значеніе Кіево-Печерскаго монастыря въ древней Руси. Сюда стекались богомольцы изъ разныхъ удѣловъ и объединялись здѣсь, какъ члены одного русскаго государства, сюда шли любители строгаго подвижничества и находили миръ и успокоеніе отъ мірскихъ заботъ. Изъ Печерскаго монастыря разливалось просвѣщеніе и образованіе по областямъ русскимъ. Печерскій монастырь мало-помалу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическое настроеніе распространялось и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ оно проявлялось здѣсь.

---

[1]) Подъ 1051 г. по Ипатск. списк. ст. 113.
[2]) Лѣтоп. по Ипат. списку ст. 182.

По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми другими монастырями; въ XII в. игуменъ Поликарпъ первый получилъ на Руси званіе архимандрита, по всей вѣроятности, въ это же время обитель получила названіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человѣкъ ея иноковъ занимали епископскія каѳедры, выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ. Каждый ея постриженикъ, куда бы его не заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался подъ старость воротиться въ ея стѣны и сложить въ ней свои кости. Симонъ, еп. Владимирскій, называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются на священной печерской землѣ. „Всю сію славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть коломъ торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми“ [1]).

Вслѣдъ за Кіево-Печерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ городахъ русскихъ, премущественно со второй половины XII в.

Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17, въ Переяславѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ Галицкомъ княжествѣ 3, въ Полоцкѣ 3, въ Смоленскѣ 5, а въ Новгородѣ до 20 монастырей. Но не судилъ Богъ Кіево-Печерскому монастырю вмѣстѣ съ рядомъ другихъ южно-русскихъ монастырей насѣять всю землю русскую „книжными словами“. Нашествіе монголовъ, обагрившее русскую землю кровью, превратившее села, города, церкви и монастыри въ развалины,—разрушило и Кіево-Печерскій монастырь.

Источники и пособія: Лѣтопись по Ипатскому списку. Архангельскій—Творенія св. отцовъ въ древне-русской письменности. Казань 1889—1890 I—IV вып. Домострой 1882 г. Рукописныя „Пчела“ и „Цвѣтникъ“. Другія пособія указаны въ текстѣ.

---

[1]) См. Посланіе Симона къ Поликарпу.

Глава IV.

Значеніе книги. Грамотность и начетчество.

Въ тѣсной связи съ вліяніемъ церкви стоитъ вліяніе книги. Книги Св. Писанія это были тѣ книги, которыя наиболѣе любили и почитали наши предки. Книги Св. Писанія, говоритъ г. Сольскій [1]), были силою умственно и нравственно возсозидающею и возрождающею древле русскій народъ. Въ нихъ искали своего утѣшенія и укрѣпленія своей вѣры люди, принимавшіе христіанскую вѣру; по нимъ воспитывались люди, просвѣщенные крещеніемъ и преданные вѣрѣ; съ нихъ должны были начинать свое образованіе люди, желавшіе учиться грамотѣ. Самое высшее образованіе состояло также въ изученіи и знаніи книгъ Св. Писанія, книгъ церковно-богослужебныхъ и нравоучительныхъ, вслѣдствіе чего въ устахъ современниковъ заслуживалъ особенную похвалу тотъ, кто изучалъ книги Св. Писанія и зналъ ихъ на память".

„Нужно отрѣшиться, говоритъ г. Барсовъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о книгѣ. Книга въ то время была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ въ наши дни телеграфы и телефоны. Глядитъ человѣкъ въ книгу и знаетъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человѣкъ на самого себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать, и что послѣдуетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты неграмотный человѣкъ сталъ на Руси человѣкомъ темнымъ. Книга — это была мудрость, предъ которою казались ничтожными всѣ хитрости языческихъ волхвовъ и мудрецовъ. Книга — это были глаголы самого Бога, и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдутъ съ самимъ Господомъ. Если мы наглядно представимъ себѣ эпическое сознаніе тогдашняго кіевскаго общества, тогда для насъ станетъ ясно, почему христіанство въ тогдашнюю эпоху сказалось въ образѣ Софіи, въ образѣ мудрости. Безъ сомнѣнія,

---

[1]) Сольскій. Употребленіе и изученіе Библіи въ Россіи. Прав. Обоз. 1869 г. окт.

подъ воздѣйствіемъ этого образа, въ Кіевѣ и Новгородѣ созидаются соборные храмы въ честь св. Софіи. Эти храмы, какъ и святыя книги, давали язычникамъ видѣть, гдѣ является истинная мудрость".

„Понятнымъ для насъ становится и то, почему самая Софія въ древнѣйшемъ ея образѣ писалась въ формѣ „книги", лежащей на престолѣ. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи. Въ этомъ то образѣ „книги" кроется первый возбудитель русскаго духа къ свѣту и образованію. Онъ—этотъ образъ—увлекалъ любознательную мысль къ списыванію и переписыванію святой и понятной для всякаго книги въ первые годы появленія христіанства на Руси".

Неудивительно поэтому, что въ древне-русской письменности мы находимъ неоднократные панегирики книгѣ.

Въ „Изборникѣ Святослава" (1076 г.) помѣщена была статья о книжномъ почитаніи, которая даетъ образчикъ отношенія къ книгѣ, господствовавшаго во всемъ древне-русскомъ періодѣ.

„Добро есть, братие, почитанье книжное. Паче вьсякому хрьстьяну: блажени бо, рече, испытаюштии съвѣдѣниа его, вьсѣмь сердцьмь възиштютъ его"... И далѣе: „когда читаешь книги, то не спѣши переходить къ другой главѣ, а трижды повторяй прочитанное". Книга разумѣется исключительно только какъ книга церковная, поучительная, душеспасительная. Книга необходима для праведнаго житія: „какъ для коня правитель и воздержаніе есть узда, такъ и для праведника книга; какъ не составится корабль безъ гвоздей, такъ праведникъ безъ почитанья книжнаго; какъ плѣнникъ думаетъ о своихъ родителяхъ, такъ праведникъ о почитаньѣ книжномъ; красота воину—оружіе, а кораблю—паруса, такъ и праведнику почитанье книжное" и въ примѣръ указываются св. Василій, Іоаннъ Златоустъ и Кириллъ Философъ, которые „измлада прилежаху святыхъ книгъ, тоже и на добрыя дѣла подвигнушася". И въ заключеніе говорится, что почитаніе святыхъ книгъ есть начатокъ добрыхъ дѣлъ (вижь, какъ ти начатѣкъ добрымъ дѣломъ поучение святыхъ книгъ!)

Пр. лѣтописецъ Несторъ, какъ мы видѣли раньше, высоко ставитъ Ярослава за то, что онъ любилъ церковные уставы и при-

лежалъ къ чтенію книгъ, и тутъ же говоритъ о высокомъ значеніи ихъ. „Вел (и) ка бо полза бываеть человѣку отъ учения книжнаго; и книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию, и мудрость бо обрѣтаемь и вздержание отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рекы напаящи вселеную всю, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина, сими бо есмы в печали утѣшаемы есмы, си суть узда въздеръжанию.“ [1])

Собраніемъ книгъ (при церкви св. Софіи) Ярославъ первый положилъ начало русскимъ библіотекамъ и книгохранилищамъ. По его примѣру, то же стали дѣлать и другіе князья, бояре и духовныя лица. Святославъ Ярославовичъ (XI в.) „разными драгоцѣнными священными книгами наполнилъ свои клѣти. [2]) Кириллъ I, епископъ ростовскій (XIII в.), „былъ богатъ книгами“. Значительныя библіотеки имѣли у себя Григорій Чудотворецъ и Никола Святоша (XII в.), поступившіе въ Кіево-Печерскій монастырь. Извѣстно также нѣсколько случаевъ пожертвованія книгъ князьями и боярами въ церковь и монастырь; напр; великій князь Константинъ Всеволодовичъ (XIII в.) наполнялъ книгами церкви Божіи; волынскій князь Владиміръ Васильковичъ (XIII в.) самъ переписывалъ для церквей книги и жертвовалъ имъ готовыя, найденныя въ библіотекѣ отца. [3])

Пожертвованіе той или другой книги въ какую-либо церковь считалось важнымъ вкладомъ. Лѣтописцы наши о многихъ князьяхъ говорятъ: „церковные уставы любилъ, церкви созидалъ и украшалъ ихъ святыми иконами и книгами наполнялъ“.

Переписываніе служило единственнымъ способомъ распространенія книгъ. Рукопись автора переходила въ руки переписчиковъ. По словамъ лѣт. Нестора, въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ „чернецъ Илларіонъ бяше и книгамъ хитръ писати, ту по вся дни и нощи писаше книгы въ келіи у блаженнаго Ѳеодосія“. Къ переписыванію книгъ приступали съ благоговѣніемъ: „Горе пишущимъ Святыя Божіи книгы, а страха Божія и вѣры правы въ сердцѣ Богу не имуще. Таковымъ осужденъ есть муцѣ вѣчной и

---

[1]) Лѣтоп. по Ипатс. списку, ст. 107.
[2]) Полное собр. рус. лѣт. II, 79.
[3]) Полное собр. рус. лѣт. IX, 224.

огню негасимому". Въ уединенной тиши монастырскихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и списывались славянскіе переводы отцевъ церкви. Иноки, принимаясь за переписку книги, обращались къ игумену за благословеніемъ.

Особенно былъ богатъ рукописными книгами Кіево-Печерскій монастырь. Неудивительно, что оттуда выходили такіе любители книгъ, какъ преп. Несторъ лѣтописецъ! „Аще поищеши въ книгахъ мудрости и прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже и часто кто чтеть книгы, то бесѣдуеть с Богомъ, или святыми мужьми; почитая пророчьскыя бесѣды, еуангельская ученния и апостольская, и житья святыхъ отець, и въсприемлеть душа ползу велику" [1]). По свидѣтельству Нестора, самъ Ѳеодосій прялъ нити, нужныя для переплета книгъ; а Никонъ переплеталъ ихъ.

Перепискою книгъ занимались и монахи, и лица бѣлаго духовенства, и міряне, иногда даже и князья. Нѣкоторые посвящали этому занятію цѣлую жизнь.

Въ одномъ изъ списковъ „Пчелы" (1199 г.) — весьма распространеннаго древне-русскаго сборника, — читаемъ о книгахъ: „Умъ безъ книгъ аки птица опѣшена (безъ крыльевъ), якожь она възлетѣти не можеть, такоже и умъ не домыслится съвершена разума безъ книгъ. Свѣтъ дневной есть слово книжное, егожь лишився безумный, акы въ тьмѣ ходитъ и погибнетъ въ вѣкы".

Въ „Измарагдѣ" перваго извода [2]) за стословомъ Геннадія идутъ четыре слова „о почитаніи книжномъ", „слово св. Ефрема, како достоитъ со всѣмъ прилежаніемъ чести св. книги, слово І. Златоуста, како съ разумомъ чести св. книги, и слово Геннадія Іерусалимскаго. Одна изъ основныхъ мыслей, проводимая „Измарагдомъ", что ученіе книжное необходимо для душевнаго спасенія. Въ первомъ изъ этихъ словъ говорится о самомъ способѣ чтенія съ пользою для души „сѣдящу ти на почитаніи и послушающу божественныхъ словесъ, то первѣе помолися Богу, да ти отверзетъ очи сердечныя, не токмо написанное чести, но и творити я, и да не во грѣхъ себѣ ученія святыхъ прочитаемъ,

---

[1]) Лѣтоп. по Ипатс. спис. 107.

[2]) См. Яковлевъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. 1893.

не сотворяюще. Егда убо чтеши книги, то прилежно чти и всѣмъ сердцемъ внимай и двукраты прочитай словеса, а не тщися листы токмо обращати, но безъ лѣности чти, да плодъ пріимеши спасенія и страхъ Божій вселится въ тя. Подобны бо суть книги глубинѣ морстѣй, въ ню же понырающе износятъ бисеръ драгій".

Въ словѣ Геннадія Іерусалимскаго находимъ: „всѣ бо книги учатъ въ двѣ главизны. Главизна же еста: страхъ Божій его же нельзѣ преобидѣти, другая же иже всегда Бога имѣти предъ очима своима".

Въ 40-й главѣ того-же Измарагда сказано: „Добро бо книги почитати не словоохотія ради, но поучающись благая дѣяти и въ правдѣ жити".

Мысли о важности чтеніе книгъ нерѣдко встрѣчаются и въ Златоструѣ. „Велико зло есть — читаемъ здѣсь — еже книгъ не разумѣти от них же бы успѣхъ пріимати, от тѣх же невидѣніем вредъ бываетъ... Поучайся присно божіимъ книгамъ, яко же бо вино піемое оуставляеть печали, и премѣняеть сердце на веселіе: тако же и духовное вино премѣняеть душу в радость... Удручим убо тѣло и поработимь е.. чистым поученіемъ от святых книгъ. да не душа порабощена будетъ діаволови ... Велико благо възлюбленіи божественных писаній разумъ. се душу любомудрену съдѣваетъ. се къ небеси прилагает разума. се благодарствена творитъ человѣка. се сътворяй. ни къ единому ж отъ сущих прилѣплятися. се же выну сотворяет протяжену помысла нашего и к владычним обѣтом взираемы. и вся сътворяй къ добродѣтельным трудом. съ многым рукоимѣти хотѣніемъ.. Тѣмъ многым потщаніемъ молю божественных писаніем сътворяти. такъ бо разумъ пріимемъ. аще часто въспріимаемъ лежащая въ святыхъ книгахъ.., Сего ради крилѣ данѣ птицамъ да убѣжат сѣтій, сего ради человѣку данѣ мысли да убѣжить от грѣха [1]).

Въ рукоп. Измарагдѣ XVI в. библіотеки Тр. Серг. Лавры (№ 203, л. 9—10) находимъ „Слово св. Ефрема, како слушати книгъ": „Егда брате лукавыи ти помыслъ мутить умъ, утѣшися

[1]) Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, в. IV, ст. 102.

почитаніемь святых книгъ. Богъ бо мѣнимь прогонит бѣсы, идѣже святыя книги чтомы сут. ту веселіе праведнымъ и спасеніе душамь. Яко бо труба сбирает вои. тако святаа словеса сказаема. Ангелы божіа съвокупляютъ. а идѣже сопѣли и гусли и пѣсни сътониньскіа. ту бѣсове сбираются. ту омраченіе души и пагуба. а неприязни веселіе діаволу. святыя бо книги почитаемы. сбирают помыслы на страх божій, кацѣм образом труба въпиющи въ врѣмя рати.. и невѣжьственыя въставить на супротивныя. тако святыя книги наставят на истину. Тѣмъ братіе часто приходяще послушайте чтомаго. да получимъ истинныи разум. писанія почитаніемъ. чръплюще отъ него воду живу. могущу остудити. раженыя наша страсти. и наставити ны на волю Господню. Книги бо глубины морю подобни суть. въ нюже понирающе бисерь износять драгій. тако и почитающеи богодуховныя книги. пріобрѣтають собѣ скровище. неимуще цѣны." [1]).

Въ „Паренесисѣ" Ефрема Сирина, который проф. Архангельскій считаетъ одной изъ лучшихъ книгъ древней Руси, находимъ также нѣсколько наставленій касательно того, какъ нужно читать книги. Въ сл. 35 „Наказанье, како подобаетъ чтущему къ уши братьи прилежно нчьсти", находимъ: „читающій долженъ начать съ того мѣста, гдѣ кончилъ его предшественникъ, и не прерывать порядка чтенія — „чтобы чтеніе было подобно вязи, сотканной изъ золота". Нужно заботиться, чтобы чтеніемъ доставить пользу и себѣ и слушающимъ. „Начни чтеніе. не радя и о словеси единомь и прескачя стихы. таковыи ни навыкнути хощеть. яко же подобаеть. ни научить внемлющихъ. токмо конецъ женеть словеси. и когда кончаеть чтенье. Ты же любимиче мой трезвитель буди яко да себе ползуеши почитаньемъ. и послушающихъ"...

„Иже в ползах книжныхъ", читаемъ въ 82 словѣ, „не любьзно послушаа и сихъ любовью не чтеть. сь дубъ бесплодовитъ наречеться". „Ты помысли",—обращается авторъ къ тому же предмету въ 96 словѣ,—„яко душа требуеть своея пища. яко же и тѣло. аще не приметь мертва есть. ибо человѣкъ сугубъ есть. от душа и тѣла... ты убо яко добръ съмотрьливець дажь

[1]) Архангельскій. Тв. о. ц. въ древ.-рус. письм. вып. 3, ст. 114.

душевнаа брашна души... а телеснаа телеси. не токмо тѣло питаа и душю же оставиши пусту. гладомь мершу. ни убо не остави си душа мертвы быти. но питаи ю словесы божии. в псалмѣхъ и пѣньихъ и в пѣснехъ духовныхъ. въ чтеньихъ божественныхъ книгъ. въ постѣхъ, бдѣньихъ [1]". Въ одномъ древне-русскомъ сборникѣ сказано: „Кто безъ книгъ мудрствуетъ, тотъ подобенъ оплоту безъ подпоры, стоящему, пахнетъ на него грѣховный вѣтеръ и падетъ онъ, не имѣя подпоры въ словахъ книжныхъ".

Изъ всего сказаннаго видно, что въ древней Руси высоко ставилось чтеніе книгъ, но при чтеніи имѣлась только въ виду одна цѣль: польза души и ея спасеніе. Вотъ почему были распространены только книги религіозно-нравственныя, главнымъ образомъ, Св. Писаніе и творенія св. отцовъ церкви. Это былъ любимый и главный матеріалъ для нашихъ предковъ.

Въ древне-русскомъ обществѣ было въ обычаѣ читать Евангеліе всякій день. Псалтирь предки наши знали наизусть: онъ былъ ихъ настольною книгою. Притчи, премудрость экклезіаста Соломона и премудрость Іисуса сына Сирахова своимъ поучительнымъ и практическимъ характеромъ приходились особенно по вкусу народа и проникли въ его пословицы. Книги Св. Писанія любили читать наши предки съ толкованіями: таковы толковые евангеліе, апостолъ, псалтирь, апокалипсисъ.

Послѣ душеспасительныхъ книгъ въ старинной русской библіотекѣ важное мѣсто занималъ хронографъ, имѣвшій весьма большое распространеніе. Хронографъ имѣлъ большой авторитетъ для древне-русскихъ грамотеевъ; составленіе его считалось дѣломъ важнымъ, и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую историческую энциклопедію. Начиная отъ сотворенія міра, хронографъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаніями апокрифическими, разсказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особенно грековъ и римлянъ до паденія Византіи [2]), пере-

---

[1]) Парен. № 7, л. 181, Арханг., ст. 41, в. 3.

[2]) Хронографъ Георгія Амартола, кромѣ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, заключалъ гражданскую и церковную исторіи до половины X в., а Іоанна Малалы Антіохійскаго содержалъ гражданскую исторію до временъ первыхъ римскихъ императоровъ.

ходилъ затѣмъ къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтописнымъ сборникамъ. Что хронографамъ придавали значеніе, видно, напр., изъ того, что волынскій лѣтописецъ совѣтуетъ читателю „да почтеть хронографа".

То научное просвѣщеніе, о которомъ, быть можетъ, думалъ Св. Владиміръ и лучшіе люди его времени, не привилось на Руси. Большинство „книжныхъ людей" того времени были лишь грамотеи и самоучки-начетчики. Грамотность и начитанность — вотъ что было достояніемъ нашимъ въ до-монгольскій періодъ.

„Единственный способъ пріобрѣтать разныя знанія, извѣстный русскому человѣку въ теченіе цѣлыхъ столѣтій", говоритъ Н. Ѳ. Каптеревъ [1]), „состоялъ въ томъ, что онъ сначала обучался у какого-нибудь мастера чтенію и письму, а затѣмъ уже самостоятельно читалъ тѣ книги, какія тогда вращались въ обществѣ и были ему доступны. Это послѣднее — самостоятельное чтеніе книгъ дѣлало тогдашняго человѣка въ глазахъ общества лицомъ образованнымъ, ученымъ. О школахъ общественныхъ и правительственныхъ, въ которыхъ бы систематически преподавался извѣстный кругъ наукъ, о полученіи образованія внѣ начетчества, русскій чаловѣкъ не имѣлъ представленія, и потому начетчество считалъ единственно правильною и возможною для него системою пріобрѣтенія всякихъ научныхъ знаній". Когда значительно уже позже въ XVI и XVII в.в. возникли новые запросы и требованія на болѣе широкое и разностороннее образованіе, то съ трудомъ подходили къ мысли о необходимости устроить среднюю или высшую школу для развитія и укрѣпленія знаній; правительство старалось вызывать въ Москву ученыхъ людей, знающихъ греческій и латинскій языки, съ тѣмъ, чтобы они по преимуществу занимались переводами нужныхъ книгъ, и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему новыя знанія и свѣдѣнія, обновили бы и расширили запасъ знаній, оказавшихся или недостаточными, или устарѣвшими.

„Для достиженія этой цѣли", говоритъ г. Каптеревъ, „нужна

---

[1]) Каптеревъ, Н. „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи". Твор. св. отцовъ въ русск. перев., прил. книжки IV, 1889 ст., 625—626.

была, по мнѣнію русскихъ, не средняя или высшая школа, значеніе которой они еще ясно не представляли себѣ, а нужны были новыя книги, изъ которыхъ каждый съ помощью простого чтенія самъ бы могъ извлечь нужныя и потребныя ему свѣдѣнія, не прибѣгая къ обученію въ школѣ — самостоятельное чтеніе книгъ должно было замѣнить собою школьное обученіе".

Вотъ почему и въ до-монгольскій періодъ учителя, если и существовали, то съ большинствомъ учащихся занимались одной грамотой, и только немногіе любознательные юноши могли получить отъ нихъ начала научнаго образованія, которыя въ послѣдствіе приходилось развить и дополнить самостоятельнымъ чтеніемъ.

Но не успѣвъ сдѣлать того, для чего были приглашены, учителя-греки подняли у насъ грамотность, такъ что она еще при жизни св. Владиміра стала распространяться по мелкимъ городамъ, особенно же быстро стала распространяться со времени Ярослава, который позаботился дать русскимъ „четьи" книгъ въ достаточномъ количествѣ и самъ приказывалъ набирать дѣтей для ученія. Грамотность проникла въ города, а можетъ быть, съ заведеніемъ новыхъ монастырей и храмовъ, проникала и въ села. Насадителями ея несомнѣнно въ началѣ были учители-греки и ихъ ближайшіе ученики, но въ послѣдстіе дѣло это перешло исключительно въ руки русскаго духовенства, которое по профессіи своей должно было знать грамоту. Вслѣдъ за грамотностью должна была явиться начитанность, какъ результатъ приложенія къ дѣлу умѣнья читать: безъ нея немыслимъ и интересъ къ грамотности. И такъ какъ въ то время самыми главными и важными были интересы религіозно-церковные, то, естественно, что и начитанность была въ сферѣ религіозно-церковной. Съ распространеніемъ книгѣ явился вкусъ и интересъ къ чтенію; многіе изъ древне-русскихъ начетчиковъ обладали громадными знаніями въ области Св. Писанія и Свв. Отцовъ церкви. Это видно, напр., хотя бы изъ посланія Св. Симона къ Поликарпу (отн. къ 1225—1226 гг.), гдѣ видна у автора большая начитанность и обширныя знанія Св. Писанія.

Изъ сказаннаго видно, что книга явилась въ древне-русскомъ обществѣ важнымъ воспитательнымъ орудіемъ. Книга и боже-

ственная мудрость отожествлялись въ сознаніи древне-русскаго человѣка. Поэтому въ древне-русскихъ сборникахъ: Изборникѣ Святослава, Пчелѣ, Измарагдахъ и Златоустахъ, мы находимъ неоднократные панегирики книги; но такъ какъ при чтеніи книгъ имѣлась въ виду одна только цѣль—польза души и ея спасеніе, то были распространены только книги религіозно-нравственныя, главнымъ образомъ Св. Писаніе и творенія Св. Отцовъ церкви. Особенно предки наши любили Псалтырь—она была настольною у нихъ книгою. Самостоятельному чтенію книгъ, а не школѣ придавалось большое значеніе: школа дѣлала древне-русскаго человѣка только грамотнымъ, и была лишь ступенью къ его умственному развитію и совершенствованію, что, по тогдашнимъ понятіямъ, достигалось лишь самостоятельнымъ чтеніемъ книгъ. Отсюда широкое распространеніе начетчества, какъ условія быть ученымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Источники и пособія: Лѣтопись по Ипатскому Списку. Изд. Арх. ком. 1871 г.—Шевыревъ, С. Исторія русской словесности, преимущественно древней.—Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда". Одесса, 1893 г.—Архангельскій, А. С. Творенія Отцовъ церкви въ древне-русской письменности. 4 вып. Казань, 1889—1890 г.

Глава V.

Состояніе просвѣщенія и нравовъ въ XI—XII вв. Поученіе Владиміра Мономаха. Образованіе женщинъ.

Обыкновенно бываетъ, что народъ, принимая новую религію, не отрѣшается отъ прежней, съ которой свыкся и съ которой связываетъ его историческое прошлое, но такъ или иначе соединяетъ новыя религіозныя понятія съ старыми. То же самое явленіе произошло и съ русскимъ народомъ послѣ принятія христіанства.

По мѣрѣ распространенія христіанства въ Россіи, замѣчалось и ослабленіе язычества, но процессъ этотъ шелъ довольно медленно. Сначала это язычествованіе обнаруживается въ самомъ грубомъ видѣ: народъ рядомъ съ христіанскимъ Богомъ вѣритъ въ прежнихъ своихъ боговъ Перуна, Хорса и др., приноситъ имъ жертвы, сохраняетъ языческіе праздники и обряды. Такимъ образомъ на Руси было настоящее двоевѣріе. При такомъ состояніи религіозной жизни естественно, что въ до-монгольскій періодъ въ состояніи нравовъ замѣчаются значительные недочеты. Важнѣйшіе изъ нихъ: грубость и жестокость нравовъ, семейная распущенность и пьянство; среди князей существуютъ усобицы.

Но принявши въ соображеніе время, обстоятельства и состояніе нравственности другихъ европейско-христіанскихъ народовъ въ описываемое же время, историкъ не можетъ произнести очень строгаго приговора древне-русскому обществу до-монгольскаго періода. Уже важно и то, что князья постоянно толкуютъ, что они братья и потому обязаны жить дружно, а не враждовать; защищать Русскую землю отъ враговъ, а не проливать христіанскую кровь въ усобицахъ [1]). Правда, слова были въ разладѣ съ дѣломъ; но вѣдь и слова имѣютъ силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ; а ихъ повторяли и князья, и духовенство, и народъ, отказывавшіеся по временамъ принимать участіе въ усобицахъ.

Карамзинъ [2]) отмѣчаетъ благотворное вліяніе христіанства: „Со временъ Владиміра Святого", говоритъ онъ, „нравы долженствовали измѣниться въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: князья, вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и не разъ сами укрывались въ нихъ отъ суетъ міра. Достойные святители и пастыри церкви учили государей стыдиться злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными страстями, были ходатаями человѣчества и вступались за утѣсненныхъ. Такъ епископы убѣждали Святополка II не мучить Ва-

---

[1]) Подробности у С. Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. III, глава I, стр. 745—746. Изд. 2-е. 1893 г.

[2]) Истор. Гос. Росс. т. III, стр. 142. Изд. Евдокимова.

силька, а Долгорукаго освободить Берладника; такъ митрополитъ удерживалъ новгородцевъ отъ войны междуусобной, такъ архіепископъ Митрофанъ примирилъ народъ съ княземъ". Были даже весьма поучительные примѣры широкаго вліянія христіанства на нравственность. Истинно благочестивыхъ людей можно было встрѣтить не только въ средѣ іерарховъ и монаховъ, но и между князьями. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны: Владиміръ Святой, сыновья его Борисъ и Глѣбъ, Изяславъ Ярославовичъ, Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ Великій.

Христіанскій идеалъ кротости и смиренія проникалъ мало-по-малу какъ въ высшіе, такъ и низшіе слои древне-русскаго общества: Владиміръ Мономахъ былъ религіозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ только дѣтямъ; по словамъ лѣтописца, „онъ всею душею любилъ Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храня заповѣди Божіи, имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ неимовѣрно". Иноческіе подвиги Святослава Давыдова Черниговскаго, религіозное направленіе Ростислава Мстиславича, христіанская кончина Ярослава Галицкаго достаточно извѣстны изъ исторіи.

Преп. лѣтописецъ Несторъ подъ 1180 г. такъ характеризуетъ князя Романа: „Сий же благовѣрный князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемь красенъ, и всею добродѣтелью украшенъ, смиренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣяше ко всимъ и къ братьи своей истѣньную, нелицемерную, страха Божія наполненъ, нищая милуя, манастырѣ набдя" [1]).

Вліяніе христіанства видно и въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго законодательства, Русской Правдѣ. Въ древнѣйшихъ элементахъ, какіе она въ себѣ содержитъ, видны повсюду слѣды обычнаго права, олицетворяющаго на дѣлѣ ту мысль, которая встрѣчается въ памятникѣ государственнаго управленія, ей современномъ, въ „Мѣрилѣ Праведномъ": „Твердый законъ — норовъ добръ". Письменно изложено это право въ первый разъ при Ярославѣ I въ Новгородѣ, затѣмъ сыновья его и внуки дополняютъ Русскую Правду. „Разсматривая постепенное развитіе русскаго

---

[1]) Лѣт. по Ипат. сп., стр. 418.

законодательства," говоритъ Шевыревъ [1]), „въ этихъ трехъ поколѣніяхъ государей, мы видимъ, какъ вліяніемъ христіанской вѣры смягчается духъ Правды: какъ дѣти Ярослава отложили убіеніе за голову, учредивъ на мѣсто его выкупъ кунами; какъ сначала ограждена была только личность человѣка строгимъ закономъ и мало по малу ограждается при Владимірѣ Мономахѣ его собственность; устроиваются отношенія семейныя посредствомъ законовъ о наслѣдствѣ; обезпечиваются права матери и вдовы; уравниваются полы передъ судомъ; защищена жизнь самыхъ рабовъ и обезпечено цѣломудріе женское безчестною вирою".

Грамотность и начетчество начинаютъ распространяться въ народѣ. Нѣкоторые изъ князей для того времени были весьма образованными людьми.

Сыновья и внуки Ярослава I наслѣдовали его ревность къ распространенію книжнаго ученія.

Сынъ его, Святославъ собиралъ книги, которыми наполнилъ свои клѣти; изъ этихъ книгъ дошло до насъ два сборника. Другой сынъ Ярослава I, Всеволодъ, говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, которые онъ изучилъ сидя дома, какъ выражается сынъ его Мономахъ, и этимъ даетъ знать, что Всеволодъ изучилъ языки не по необходимости во время странствованія по чужимъ землямъ, но единственно изъ любознательности. Мономахъ замѣчаетъ при этомъ, что знаніе языковъ доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. Религіозная начитанность Мономаха видна изъ его сочиненій.

Святославъ (Святоша) Давыдовичъ собиралъ книги, которыя подарилъ Кіево-печерскому монастырю; по его побужденію инокъ Ѳеодосій перевелъ съ греческаго посланіе Льва, папы Римскаго, къ Флавіяну, архіепископу Константинопольскому.

Въ сводѣ лѣтописей Татищева часто встрѣчаемъ извѣстія объ образованности князей: напр., о Святославѣ Ростиславичѣ говорится, что онъ зналъ греческій языкъ и книги охотно читалъ; о Святославѣ Юрьевичѣ, что онъ охотникъ былъ читать и милостиво припималъ ученыхъ людей, приходившихъ изъ Греціи и странъ западныхъ, часто съ ними разговаривалъ и спорилъ; о Романѣ

---

[1]) Исторія русской словесности, т. I.

Ростиславичѣ Смоленскомъ (какъ мы объ этомъ говорили раньше), что онъ многихъ людей побуждалъ къ ученію, устроилъ училища, при которыхъ содержалъ учителей, греческихъ и латинскихъ, на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ. Михаилъ Юрьевичъ, по словамъ того же свода лѣтописей, очень хорошо зналъ Св. Писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ такъ же свободно, какъ по-русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ. О Ярославѣ Владиміровичѣ Галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять правой вѣрѣ, понуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями и монастырскіе доходы назначалъ для содержанія училищъ.

О Константинѣ Всеволодовичѣ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ говорится, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, потому что часто и прилежно читалъ книги, а въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей [1]) говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, покупалъ много старинныхъ книгъ греческихъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ князей, самъ писалъ, и другіе съ нимъ трудились; однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя частію самъ купилъ, частію получилъ въ даръ отъ патріарховъ [2]).

Вскорѣ послѣ начала у насъ письменности началась и наша литература. Образцами для самостоятельныхъ произведеній русскихъ писателей стали служить творенія Отцовъ церкви и затѣмъ произведенія византійской литературы. Писателями были образованнѣйшіе люди того времени, преимущественно монахи; въ монастыряхъ, какъ мы говорили, сосредоточивалось и развивалось просвѣщеніе. Литература получила характеръ духовной и была подъ сильнымъ вліяніемъ отеческой литературы и византійской; это продолжалось нѣсколько столѣтій, почти до XVII вѣка. Первые наши писатели, созерцая жизнь съ духовной высоты, заботились главнымъ образомъ о выраженіи христіанской истины въ сво-

---

[1]) Упомин. объ этомъ въ первой главѣ Исторіи русской педагогіи, ч. 1-я.
[2]) С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III, глава I, ст. 746—747. Изд. 1893 г.

ихъ твореніяхъ и просвѣщеніи ею народа и не думали о своей личности, объ оригинальности идей, и потому рядомъ съ своими собственными мыслями приводили, не стѣсняясь, чужія, иногда цѣлыя выписки изъ твореній св. Отцовъ церкви. Древніе наши авторы иногда писали безискусственно и просто, иногда же и въ формѣ своихъ сочиненій слѣдовали византійской литературѣ, подражали ея искусственнымъ пріемамъ; сочиняли они: проповѣди, поученія, посланія, описанія путешествій къ святымъ мѣстамъ; рано началась у насъ и лѣтопись. Наша лѣтопись также носитъ духовный характеръ; имъ отличаются и произведенія первыхъ свѣтскихъ писателей (напр. Владиміра Мономаха, Даніила Заточника).

Первымъ по времени нашимъ писателемъ считаютъ новгородскаго епископа Луку Жидяту (или Жиряту), отъ котораго дошло до насъ небольшое „поученіе братіи", въ которомъ онъ коротко и просто высказываетъ общія христіанскія наставленія о молитвѣ, о любви къ ближнимъ, о прощеніи обидъ, о почитаніи старшихъ и т. далѣе.

Болѣе замѣчательнымъ писателемъ былъ митр. Иларіонъ, отличавшійся высокой нравственной жизнью и написавшій „О законѣ, Моисеомъ даннѣемъ, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшіихъ"; сочиненіе это проникнуто глубоко-религіознымъ и патріотическимъ чувствомъ и отличается прекрасной внѣшней отдѣлкой. Отъ преп. Ѳеодосія Печерскаго († 1074) дошло до насъ нѣсколько поученій братіи и два поученія мірянамъ. Въ своихъ поученіяхъ Ѳеодосій учитъ самоотверженной и дѣятельной любви къ Богу, терпѣнію и мужеству въ перенесеніи монашескихъ подвиговъ, въ отогнаніи злыхъ помысловъ; говоритъ, что монахи обязаны трудиться и кормиться плодами трудовъ своихъ, и отъ этихъ трудовъ и отъ подаянія боголюбивыхъ людей кормить убогихъ и странныхъ. Особенно замѣчательны его поученія къ народу.

Во второй половинѣ XII в. мы встрѣчаемся съ церковнымъ проповѣдникомъ, слава о которомъ, какъ русскомъ Златоустѣ, гремѣла по Россіи: то былъ св. Кириллъ, епископъ Туровскій. Содержаніе словъ Жидяты составляетъ краткое изложеніе правилъ христіанской нравственности; слова Кирилла Туровскаго большею частью представляютъ краснорѣчивыя представленія священныхъ

событій, празднуемыхъ церковью, и расположенныя по праздникамъ. Въ словахъ Кирилла замѣчается особенная любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, сравненіямъ, сопоставленіямъ. Въ древній періодъ произведенія Кирилла Туровскаго были явленіемъ выдающимся, живымъ, удовлетворявшимъ потребности читателей: вотъ почему въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ они читались съ интересомъ и переписывались весьма усердно, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные списки.

Изъ Отцовъ церкви, служившихъ образцомъ для Кирилла, ученые (Калайдовичъ, Каченовскій) указываютъ преимущественно на Іоанна Златоуста; другіе думаютъ, что называли его Златоустомъ за то, что въ древній періодъ онъ былъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ.

Въ „Словѣ святыхъ Отецъ о наказаньи“ [1]) находимъ: „Первѣе братие всякая мудрости ищите кротости...“ и далѣе: „Паче же всего того принимаите добрую кротость, еже есть всѣмъ добрымъ дѣломъ мати. А глава же есть всѣмъ нелицемѣрная любы. Аще ли главу отвержеши, излиха все опроче тѣла есть“.

Въ словѣ св. Кирилла о томъ, „яко не забывати учителеи своихъ“ [2]) говорится: „Аще кто великъ стль или малыхъ, рекше попорѣ, душеполезному разуму и хитрому свѣдѣнію навыкъ, и въ разумъ истинныи прити и иныхъ научити, то аще будетъ научился и от мужа проста, рекше не от ереа, то держать ему его въ своемъ сердци и въ души и умѣ въ незабытную память, до исхода душа своея, имя его со своимъ именемъ въ молитвах и всякомъ ст҃омъ поминати, не токмо въ дневных но и въ нощных молбахъ. Добрыи бо человѣкъ отъ добраго сокровища износить добрая, а злыи отъ злаго злая...“

Кромѣ названныхъ писателей въ до-монгольскомъ періодѣ мы встрѣчаемъ и другихъ, которые при меньшихъ достоинствахъ литературнаго исполненія обнаруживаютъ замѣчательныя для своего времени достоинства литературнаго замысла и національнаго чувства. Таковъ въ особенности трудъ начальнаго лѣтописца „По-

---

[1]) По рукоп. Румянц. Муз. № 186, л. 83—85. Измарагд. XIV в. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. 2. 1858, гл. XVII.

[2]) См. глава XXII, ст. 130—131.

вѣсть временныхъ лѣтъ“ (начало XII вѣка). Сочиненіе это есть сводъ различнаго рода произведеній: лѣтописныхъ замѣтокъ разныхъ временъ, отдѣльныхъ сказаній и повѣстей, житій святыхъ, поученій, народныхъ преданій. Составитель свода былъ, несомнѣнно, для того времени весьма образованный человѣкъ, книжный, начитанный, съ широкимъ взглядомъ на жизнь; онъ пользовался самыми разнообразными сочиненіями и по содержанію, и по характеру, и по воззрѣніямъ, и все это объединилъ умѣлою рукою. Составителемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ долгое время считали преп. Нестора; въ настоящее время признается несомнѣннымъ лишь то, что лѣтописные труды преп. Нестора вошли въ составъ лѣтописнаго „свода“. Продолжатели начальнаго лѣтописца нерѣдко возвышались среди однообразной погодной записи событій до живого картиннаго изложенія (какъ, напр., въ волынской лѣтописи).

Отъ XII вѣка дошли до насъ замѣчательные памятники: „Хожденіе“, или путешествіе, „Даніила въ Святую землю“, положившее начало цѣлому ряду путешествій ко святымъ мѣстамъ; „Слово о Полку Игоревѣ“, сохранившее истинные перлы старой поэзіи, „Слово“ или „моленіе“ Даніила Заточника. Всѣ эти памятники, которые несомнѣнно надо считать уцѣлѣвшимъ остаткомъ, а не единственнымъ содержаніемъ древне-русской письменности до-монгольскаго періода, свидѣтельствуютъ о живомъ пробужденіи просвѣтительныхъ интересовъ, о высокомъ настроеніи чувства, о способности воспринимать высшіе идеалы и ученія болѣе высокой школы; но для развитія этихъ задатковъ и стремленій не нашлось достаточной пищи и опоры, вслѣдствіе сложившихся историческихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Для историка русской педагогіи особенно важно уяснить, какими идеалами руководились въ древней Руси, и въ этомъ отношеніи надо обратить особенное вниманіе на драгоцѣнный памятникъ древне-русской письменности „Поученіе князя Владиміра Мономаха дѣтямъ“. Оно находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1096 г. Жизнь и дѣяніе Владиміра Мономаха (1053—1125 г.) на пользу Русской земли достаточно извѣстны

изъ исторіи [1]), для насъ же особенно важно превосходное его „Поученіе".

Сочиняя свое „Поученіе", Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ виду не только дѣтей своихъ, а также и „иныхъ" людей, кто прочтетъ и „приметъ въ сердце свое" его „грамотицю".

Такъ какъ Владиміръ Мономахъ былъ человѣкъ образованный и начитанный, то неудивительно, что на его Поученіи замѣтно вліяніе другихъ извѣстныхъ тогда произведеній: такъ весьма вѣроятно, что онъ зналъ „Поученіе дѣтямъ" Ксенофонта и Θеодоры, находящееся въ Изборникѣ Святослава 1076 года; кромѣ того онъ пользовался Библіею и поученіемъ Василія Великаго къ юношеству. Отъ этихъ заимствованій въ цѣнности поученіе ничего не теряетъ. Оно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ рисуется идеалъ человѣка, какъ его тогда понимали. Главныя свойства человѣка по этому идеалу — человѣколюбіе и трудолюбіе, основанныя на религіозности и благочестіи. Благочестіе и дѣятельность поставляются въ основаніи всего. На такой идеалъ тѣмъ болѣе нужно обратить вниманіе, что онъ съ теченіемъ вѣковъ, распространяясь мало-по-малу, со временемъ составилъ идеалъ почти у всего русскаго народа. Успѣхъ, значитъ, состоялъ въ томъ, что идеалъ этотъ значительно выяснился, и изъ великокняжескихъ хоромъ перешелъ въ простые дома крестьянъ и сдѣлался идеаломъ всего народа.

Въ этомъ идеалѣ видно сильное вліяніе христіанства.

Напомнимъ нѣкоторыя важнѣйшія мѣста изъ этого замѣчательнаго Поученія. „Приближаясь къ гробу [2]), пишетъ Владиміръ Мономахъ [3]), благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезныя, и всякій кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: „онъ говоритъ несправедливо"... „Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть

[1]) См., напр., Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II, глава III, ст. 314—360. Изд. 2-е.

[2]) Въ подлинникѣ сказано „на санехъ сѣдя"; правильнѣе понимать эти слова въ прямомъ смыслѣ, т.-е. что Мономахъ писалъ свое Поученіе, собираясь въ путь.

[3]) Переводъ Карамзина. Ист. Гос. Росс. т. II, ст. 105. Изд. Евдокимова.

основаніе добродѣтели. Великъ Господь, чудесны дѣла его! О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ, но благодѣяніе. Не забывайте бѣдныхъ: кормите ихъ и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно христіанству. Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго: жизнь и душа христіанина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны: нынѣ живы, а завтра во гробѣ. Бойтесь всякой лжи, піянства и любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души. Чтите старыхъ людей, какъ отцовъ, любите юныхъ, какъ братьевъ. Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти надъ собою. Все хорошее узнавъ, вы должны помнить; чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками: за что хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣнность—мать пороковъ: берегитесь ея. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, и на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей, читайте наизусть молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшею: „Господи помилуй". Не засыпайте никогда безъ земного поклона, а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку: на охотѣ и на войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя: не надѣялся на посадниковъ и бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ, самъ назиралъ церковь и божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ".

Въ этомъ замѣчательномъ поученіи какъ бы въ зародышѣ находятся тѣ педагогическія начала, которыя впослѣдствіи предстояло развить, расширить и углубить русской педагогіи: страхъ Божій и любовь къ человѣчеству поставляются въ основаніи добродѣтели. Владиміръ Мономахъ твердо поставляетъ на видъ, что не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ людей, но добрыя дѣла. Въ этомъ же поученіи кромѣ важности религіозно-этическаго элемента въ жизни человѣческой впревые указывается на

цѣнность знанія: „все хорошее узнавъ, вы должны помнить; чего не знаете, тому учитесь“. Трудъ поставляется въ обязанность всякому: „человѣкъ долженъ всегда заниматься, гдѣ бы онъ ни находился — въ пути, на конѣ“. По возможности всякій человѣкъ долженъ все самъ дѣлать для себя и не затруднять другихъ излишними заботами о себѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ образованіи женщинъ въ до-монгольскій періодъ, имѣющихъ во всѣ вѣка громадное вліяніе на семейную жизнь и состояніе просвѣщенія. Къ сожалѣнію, объ этомъ сохранилось весьма мало извѣстій.

Первое женское училище въ Россіи было основано, по свидѣтельству Татищева, въ 1086 г. въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ княжною инокинею Анной (Янкой) Всеволодовною [1]). Хотя это извѣстіе и подвергается сомнѣнію, но несомнѣнно однако, что обученіе женщинъ, въ какой бы то ни было формѣ, существовало на Руси съ самаго начала нашей исторіи просвѣщенія, ибо не смотря на отсутствіе какихъ бы то ни было школъ для женщинъ, у насъ всегда, съ незапамятныхъ временъ, были грамотныя женщины, учившія и другихъ.

Въ „Житіи преподобныя Евфросиньи Полоцкой“ (вторая половина XII в.) говорится, что Евфросинья, въ мірѣ Предслава, дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича, очень рано выучилась читать и писать, и отказавшись отъ замужества, 12 лѣтъ, противъ воли родителей, ушла въ монастырь къ своей теткѣ — игуменьѣ, женѣ князя Романа Всеславича. Для этого она, съ разрѣшенія полоцкаго епископа, поселилась въ голубцѣ при соборной церкви и тамъ переписывала книги. По словамъ С. Соловьева [2]), она ихъ продавала и выручаемыя деньги отдавала нищимъ. Открывъ свой монастырь, Евфросинья собрала вокругъ себя сестеръ, родственницъ и знакомыхъ и стала учить ихъ грамотѣ, рукодѣлію, а также „воздержанію и терпѣнію, юные же душевной чистотѣ и безстрастію тѣлесному, говѣнію благообразну, ступанію кротку, гласу смиренну, слову благочинну, ядению и питію безмолвну, при

[1]) Татищевъ. Исторія Россіи съ древн. временъ. Изд. 1773 г., кн. 2, ст. 138. У Лихачевой. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, ст. 1. 1890 г.

[2]) Исторія Рос., т. III, ст. 176.

старѣйшихъ молчати, мудрѣйшимъ покореніе, мало вѣщати, а множайше разумѣти" [1]).

Изъ этого видно, что такой кодексъ воспитанія, носящій на себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго вліянія, установился у насъ еще въ первые вѣка христіанства и долго передавался отъ поколѣнія въ поколѣніе.

Еще въ началѣ XIII в. въ Суздалѣ было, по показаніямъ Н. И. Костомарова, женское училище, основанное дочерью Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, Евфросиньею, которая сама учила въ немъ грамотѣ, письму и пѣнію [2]). Рано обрекши себя Богу, она не пренебрегла и земными науками, какъ говорится о ней въ житіи: изучала грамматику, риторику, философію, науку числа и мѣры [3]).

Такія обширныя познанія у русской женщины въ XIII в. справедливо навели сомнѣніе въ достовѣрности извѣстія, сообщеннаго составителемъ „Житія" [4]). Это сомнѣніе какъ бы оправдывается тѣмъ, что „Житіе" написано монахомъ Григоріемъ въ половинѣ, какъ думаетъ Филаретъ, XVI в., стало быть, три вѣка спустя послѣ смерти Евфросиньи. Проф. Ключевскій говоритъ, что біографы святыхъ рѣдко имѣли точныя и полныя свѣдѣнія описываемой имъ жизни святого. Очень можетъ быть, что составитель „Житія", желая усилить въ умахъ читателей впечатлѣніе отъ подвиговъ св. Евфросиньи, приписалъ ей не только вдохновеніе и краснорѣчіе, но и довольно обширныя познанія.

Изъ сказаннаго видно, что хотя въ древне-русскомъ обществѣ до-монгольскаго періода замѣчались значительные недостатки нравовъ, но въ общемъ надо отмѣтить благотворное вліяніе христіанства.

Христіанскій идеалъ кротости и смиренія мало-по-малу проникалъ въ народную массу. Это видно и изъ изученія древнѣй-

---

[1]) Степенная книга. 1775 г., ч. I, ст. 278, у Лихачевой, Матеріалы, ст. 8.

[2]) Костомаровъ. Русская Истор. т. I, ст. 95.

[3]) Въ подлинникѣ объ этомъ такъ сказано: „Аще и не во Аѳинѣхъ учися блаженная, но аѳинейски премудрости изучи: философію же и риторію и всю граматикію, числа и кругомъ обхожденіе и вся премудрости".

[4]) Буслаевъ. Историческіе очерки русск. нар., слов. и искусства, т. II. 1861. Ст. 158.

шихъ памятниковъ: Русской Правды, поученій Θеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и Поученія Владиміра Мономаха. По словамъ Кирилла Туровскаго, „добрая кротость есть мать всѣхъ добрыхъ дѣлъ; глава же всему—нелицемѣрная любовь“.

Въ Поученіи Владиміра Мономаха, какъ уже сказано (стр. 44—45), какъ бы въ зародышѣ находятся тѣ педагогическія начала, которыя предстояло въ послѣдствіе развить русской педагогіи. Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству поставляются въ основаніи добродѣтели. Владиміръ Мономахъ твердо поставляетъ на видъ, что не постъ, не монашество, не уединеніе спасутъ людей, но добрыя дѣла. Въ этомъ же Поученіи впервые указывается на цѣнность знанія: „все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь“.

Что касается образованія женщинъ, то объ этомъ дошло до насъ мало извѣстій, да и тѣ подвергаются сомнѣнію. Надо, однако, думать, что образованіе женщинъ въ какой бы то ни было формѣ существовало въ древней Руси, такъ какъ у насъ всегда, съ незапамятныхъ временъ, существовали грамотныя женщины, учившія и другихъ.

Источники и пособія: Лѣтопись по Ипатскому списку,—Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II и III.—Шевыревъ, С. Исторія русской словесности.—Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. II.—Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1890 г.—Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. 1861 г.

Глава VI.

Монастырская педагогія. XIII—XIV вв.

Монгольское иго. Воспитательное значеніе Троице-Сергіевой лавры и вообще монастырей. Состояніе образованія и просвѣщенія.

Нашествіе монголовъ и ихъ слишкомъ двухъ-сотлѣтнее иго имѣло пагубное вліяніе на начинавшееся просвѣщеніе: оно остановилось въ своемъ развитіи, во многихъ мѣстахъ ослабѣло и совсѣмъ исчезло. Въ пламени сожигаемыхъ городовъ погибли драгоцѣнныя книгохранилища. Священное Писаніе и вообще книги стали рѣдки. Школы сами собою закрывались въ сожженныхъ городахъ; учителя разбѣгались. Школы и книгохранилища сохранились лишь тамъ, куда не проникло монгольское разореніе, напр. въ Новгородѣ и въ Галичѣ съ Волынью.

Тверской князь Михаилъ Александровичъ († 1399) долженъ былъ ѣхать въ Новгородъ учиться грамотѣ и божественному писанію у архіепископа Василія [1]).

Образованіе духовенства очень понизилось. Изучали вѣру (за немногими исключеніями) уже не изъ первоначальнаго живого источника ея — Священнаго Писанія, но изъ книгъ богослужебныхъ и отеческихъ. Такъ современные лѣтописцы приводятъ изреченія не изъ Св. Писанія, какъ Несторъ, а изъ книгъ богослужебныхъ. Много книгъ Св. Писанія погибло въ пожарищахъ монгольскихъ и онѣ стали рѣдкостью. Напротивъ, стали приходить къ намъ изъ Болгаріи сочиненія апокрифическія, повѣсти, вымышленныя воображеніемъ дѣтскимъ или совсѣмъ нечистымъ [2]).

Правда, и въ продолженіе всего двухъ-сотлѣтняго монгольскаго ига въ Россіи были просвѣщенные архипастыри, охранявшіе русскую церковь отъ вреднаго вліянія суевѣрныхъ произведеній иноземнаго невѣжества, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поучавшіе народъ истинамъ вѣры и истинному благочестію. Таковы епископъ

---

[1]) Въ 1341 г. пріѣха Михаилъ княжичъ съ Тфери въ Новгородъ къ владыкѣ грамотѣ учиться. Пол. Соб. Л. III, 81.

[2]) Филаретъ. Исторія русской церкви. II, 46—47.

Владимірскій Серапіонъ, митрополитъ Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій Кириллъ († 1280), Московскіе святители Алексѣй, Іона, св. Кириллъ († 1427), основатель и игуменъ Бѣлозерскаго монастыря. Но труды этихъ свѣтлыхъ единичныхъ личностей не могли, конечно, восполнить недостатокъ въ священныхъ книгахъ, во множествѣ погибавшихъ въ пламени монгольскихъ пожаровъ. Кромѣ того, вслѣдствіе уничтоженія церквей и школъ, число грамотныхъ чрезвычайно уменьшилось. Въ прежнее время, какъ мы видѣли, князья не щадили средствъ для заведенія школъ и библіотекъ, способствовали устроенію храмовъ; теперь же, когда земля была разорена, опустошена, обременена тяжкою данью, когда всѣ постоянно ожидали новаго нашествія варваровъ, было не до того. Татарское иго остановило развитіе государственной жизни, еще не успѣвшей сложиться и окрѣпнуть. Князья должны были всѣ заботы употреблять только на защиту своихъ областей отъ татарскихъ хановъ и ихъ баскаковъ. Какъ они, такъ и епископы должны были ѣздить въ Орду, кланяться ханамъ и терпѣть униженія. Это рабство *унизило духъ народный* и развило грубый деспотизмъ въ высшихъ и рабскую покорность въ низшихъ сословіяхъ. Но особенно татарское иго надолго задержало христіанское просвѣщеніе Россіи, усилило невѣжество и укоренило грубыя суевѣрія и пороки. Въ то время, когда нужно заботиться о сохраненіи жизни и имущества, трудно было думать о просвѣщеніи. Пастыри церкви старались, по возможности, ослабить бѣдствія монгольскаго ига, исправляя разныя нестроенія въ церковной жизни и побуждая народъ къ нравственному исправленію. Скорбь объ отечествѣ, покаяніе и молитва даютъ главное содержаніе и силу русскому слову XIII в., которое вообще необильно.

Пораженные внѣшними бѣдствіями, лучшіе русскіе люди все болѣе и болѣе уходили въ самихъ себя и, оплакивая бѣдствія родины, воспитывали въ себѣ тѣ духовныя силы, которыя возрасли и окрѣпли уже въ XIV в. и способствовали сверженію ненавистнаго ига.

Но и во время монгольскаго ига существовали, хотя въ небольшомъ количествѣ, частныя школы. По крайней мѣрѣ, о существованіи учебнаго сословія можно заключить изъ того, что въ

ярлыкѣ хана Узбека, данномъ митр. Петру (1313 г.) ханъ обращается между прочими гражданскими лицами также къ „книжникамъ, уставодержальникамъ и учительнымъ людскимъ повѣстникамъ“ [1]).

Въ тяжелую годину народныхъ бѣдствій выдвигается съ особенной силой важное воспитательное значеніе монастырей и въ особенности Троице-Сергіевскаго монастыря.

Троице-Сергіевскій монастырь былъ основанъ въ центрѣ Россіи и вскорѣ пріобрѣлъ большую извѣстность и значеніе. Подобно Кіево-Печерской Лаврѣ и монастырь Троице-Сергіевскій питалъ такую же любовь къ книгамъ, былъ также дѣятеленъ въ распространеніи просвѣщенія по русской землѣ.

Уже основатель и первый его игуменъ, преп. Сергій, отличался любовью къ просвѣщенію и книгамъ, хотя и не могъ, по недостатку средствъ, вполнѣ удовлетворять эту любовь. Православная церковь, ублажая его въ своихъ хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ, справедливо говоритъ, что онъ „явился яко рѣка, обильно всю землю напояя словомъ ученія“.

Трудно было жить русскимъ людямъ во времена татарщины. Люди безпомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и предпріимчивость. Внѣшнее стихійное бѣдствіе грозило превратиться во внутренній хроническій недугъ. Чтобы сбросить варварское иго, построить крѣпкое, независимое государство, ассимилировать дикихъ инородцевъ,—надо было русскому народу прежде всего приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и уныніемъ. Этому великому дѣлу нравственнаго воспитанія народа и посвятилъ свою жизнь преп. Сергій Радонежскій.

Пр. Сергій, въ міру Варѳоломей, былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла, родился въ 1313 г. По смерти родителей онъ отдалъ все имѣніе младшему брату, а самъ съ старшимъ братомъ Стефаномъ удалился въ пустыню, верстахъ въ 10 отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь во имя Св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя

[1]) П. Аристовъ. Христоматія по русской исторіи. Стр. 515—516.

въ Московскій Богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ пр. Сергій всею душею предался подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, и искушенія. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи поставлено было нѣсколько избушекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Преп. Сергій самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ тѣлесной и духовной дѣятельности: самъ на братію рубилъ дрова, муку въ жерновахъ мололъ, пекъ хлѣбъ, варево варилъ, кроилъ и шилъ одежду, воду носилъ изъ источника, а по ночамъ молился за всѣхъ. Въ 1354 г. братія почти силой заставили его принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ преп. Ѳеодосія: та же строгость въ жизни и неутомимость въ трудахъ. Патріархъ Филоѳей, узнавъ о пр. Сергіи, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и митрополита Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно казалось тяжкимъ и возбудило ропотъ, такъ что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на Киржачъ, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился, по повелѣнію митр. Алексія и по просьбѣ своей братіи, потому, что безъ него въ монастырѣ были большіе безпорядки. Между тѣмъ средства обители значительно увеличились; возрасла и слава пр. Сергія. Митр. Алексій пользовался его совѣтами; не разъ посѣщалъ обитель и Димитрій Донской; какъ извѣстно, св. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Странники, нищіе, больные, увѣчные устремились къ новому разсаднику любви христіанской. Народъ говоритъ, что пр. Сергій, подражая великому примѣру Спасителя, любилъ дѣтей и, когда родители приводили ихъ къ нему подъ благословеніе, охотно разговаривалъ, игралъ съ ними и одѣлялъ ихъ игрушками, которыя самъ для нихъ готовилъ.

Любя самъ книжныя занятія, пр. Сергій стремился особенною любовью отличать хорошихъ книгописцевъ и любителей книжнаго дѣла. Составитель житія преп. Сергія, Епифаній Премудрый, свидѣтельствуетъ, что одинъ изъ его учениковъ Аѳанасій, въ послѣдствіе игуменъ Серпуховскаго монастыря, „бѣ въ добродѣтелехъ мужъ чуденъ и въ божественныхъ писаніяхъ зѣло разуменъ

и доброписаніи многа руки его и до нынѣ свидѣтельствуютъ, и сего ради любимъ бѣ зѣло старцу (т. е. преп. Сергію). 25-го сентября 1391 г. преп. Сергій почилъ на 78-мъ году своей жизни.

Въ чемъ же слѣдуетъ видѣть важное нравственно-воспитательное вліяніе преп. Сергія?

Разумѣется, говоритъ пр. Ключевскій [1]), и мы присоединяемся къ его мнѣнію, преп. Сергій могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку, а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынножителей. Мы всѣ читали и перечитывали страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дроворубомъ, портнымъ, плотникомъ, служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха; какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новичка, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью ходилъ дозоромъ мимо келій, легкимъ стукомъ въ двери или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить досужее время". Читая эти разсказы, видишь предъ собою практическую школу благонравія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навыкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣя-

---

[1]) Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Богосл. Вѣстн. 1892 г. Ноябрь.

тельности учениковъ пр. Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, и каждый, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго.

Міряне приходили въ монастырь помолиться и поучиться. „Міръ смотрѣлъ на чинъ жизни въ монастырѣ преп. Сергія и то, что онъ видѣлъ, бытъ обстановка пустыннаго братства, поучали его самымъ простымъ правиламъ, которыми крѣпко христіанское общество. Хотя въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, но всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ слѣды порядка и размышленія, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой и всѣ молятся послѣ работы; во всѣхъ чуялся скрытый огонь, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступаетъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Міръ видѣлъ все это и уходилъ ободренный и освѣженный. Надобно припомнить людей XIV вѣка, ихъ бытъ и обстановку, запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ, чтобы понять впечатлѣніе этого зрѣлища на набожныхъ наблюдателей".

„Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло преп. Сергій въ Радонежской пустынѣ; цѣлые полвѣка приходившіе къ нему вмѣстѣ съ водой изъ его источника черпали въ его пустынѣ утѣшеніе и ободреніе и, воротясь въ свой кругъ, по каплямъ дѣлились съ другими.

Этими каплями нравственнаго вліянія и выращены были два факта, которые легли среди другихъ основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія и которые оба связаны съ именемъ преп. Сергія. Одинъ изъ этихъ фактовъ—великое событіе (Куликовская битва), совершившееся при жизни пр. Сергія, а другой—цѣлый сложный и продолжительный историческій процессъ, только начавшійся при его жизни.

Событіе состояло въ томъ, что народъ, сто лѣтъ привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался наконецъ съ духомъ, всталъ на поработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями".

Мы знаемъ, что преп. Сергій благословилъ на этотъ подвигъ Димитрія Донского (1380 г.).

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости, которое преп. Сергій вдохнулъ въ русское общество, еще живѣе и полнѣе воспринялось русскимъ монашествомъ. Въ жизни русскихъ монастырей со времени Сергія начался замѣчательный переломъ: замѣтно оживилось стремленіе къ иночеству. Преп. Сергій съ своей обителью и своими учениками былъ образцомъ и начинателемъ въ этомъ оживленіи монастырской жизни. Изъ сказаннаго видно, что примѣромъ своей жизни, высотой своего духа, нравственнымъ авторитетомъ преп. Сергій поднялъ упавшій духъ русскаго народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее, отчего можетъ быть названъ истиннымъ просвѣтителемъ и воспитателемъ русскаго народа.

Обитель пр. Сергія продолжала расти и послѣ его смерти. Одни ученики Сергія оставались тамъ и поддерживали его завѣты, другіе избирались игуменами въ другіе монастыри, третьи расходились по разнымъ областямъ сѣверной Россіи, строили свои обители и всюду вводили тотъ же уставъ и тѣ же порядки, какіе были и у преп. Сергія. Монастырь пр. Сергія такимъ образомъ являлся какъ бы образцомъ для другихъ монастырей и въ этомъ его важная заслуга. Онъ былъ для сѣверо-восточной Руси тѣмъ, чѣмъ Кіево-Печерская лавра для Руси юго-западной. Поэтому и пр. Сергій можетъ быть названъ первымъ организаторомъ и устроителемъ монастырей въ сѣверо-восточной Россіи. Въ XIII ст. основано было 22 монастыря, въ XIV в. ихъ насчитываютъ до 80.

Какъ мы уже говорили, монастыри въ то время были настоящими школами, т.-е. и народными училищами и разсадниками книжнаго просвѣщенія. Молодежь тогдашняя свои стремленія къ знанію удовлетворяла въ монастыряхъ, какъ нынѣ въ университетахъ и академіяхъ. Родители посылали своихъ дѣтей въ монастырь для обученія грамотѣ. Люди, потерпѣвшіе отъ различныхъ бѣдъ и невзгодъ, искали здѣсь утѣшенія и отрады. Непрерывная молитва, богослуженіе, руководство въ строгомъ исполненіи устава и церковныхъ обрядовъ, постъ, воздержаніе, трудъ, терпѣніе и любовь братская—все оказывало могучее воспитательное вліяніе.

Лѣтописное дѣло по преимуществу велось въ монастыряхъ; монастыри и храмы болѣе другихъ мѣстъ были обезпечены отъ разныхъ случайностей, а потому въ нихъ постепенно стали возникать библіотеки.

Самая лѣтопись въ старину должна была удовлетворять не одной любознательности или книжному интересу, который поддерживался участіемъ авторовъ въ событіяхъ или религіозномъ настроеніи, но также и политическимъ цѣлямъ: въ нее князья заносили свои распоряженія и условія: въ нѣкоторыхъ монастыряхъ велись систематическія записи (новгород. лѣтоп.) существовали церковныя лѣтописи (какъ, напр., 3-я новгород.). Понятно такимъ образомъ, почему въ послѣдствіе, когда правительство стало заботиться о собираніи книгъ и рукописей, монастыри могли доставить самые цѣнные матеріалы. Наконецъ, монастыри имѣли больше возможности располагать опытными и искусными писцами. Нѣкоторые изъ русскихъ долго жили для списыванія книгъ въ Константинопольскихъ и аѳонскихъ монастыряхъ; новгородскій архіеп. Алексѣй (XIV в.) имѣлъ своихъ писцовъ, труды которыхъ признаются даже теперь лучшими по исполненію [1]). О другомъ новгородскомъ архіепископѣ (Моисеѣ) извѣстно, что онъ собралъ много писцовъ и списалъ много книгъ. Вообще о тогдашнихъ монастыряхъ и ихъ основателяхъ мы имѣемъ не мало извѣстій, подтверждающихъ, что они занимались списываніемъ и собираніемъ книгъ. [2]) Во главѣ особенныхъ любителей и ревнителей просвѣщенія здѣсь прежде всего долженъ быть поставленъ другъ и собесѣдникъ пр. Сергія, Св. Кириллъ Бѣлоозерскій. Еще въ бытность простымъ инокомъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ онъ занимался перепискою книгъ, по повелѣнію архимандрита Ѳеодора и на Бѣлѣ-озерѣ самъ ничего не держалъ въ своей келіи и братіи совѣтовалъ ничего не держать въ келіяхъ, кромѣ книгъ. До сихъ поръ въ его монастырѣ хранится 17 книгъ, писанныхъ его рукою.

---

[1]) Срезневскій, Древн. книги. 19.

[2]) Иконниковъ, В. С. Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. 1-я, ст. 102. Кіевъ. 1891.

Въ самой обители пр. Сергія его любовь къ книжнымъ занятіямъ унаслѣдовалъ ученикъ и преемникъ его по степени игуменства пр. Никонъ. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ ревностно заботился объ обогащеніи обители книгами. Особенно замѣчательна отъ его времени: „Псалтирь съ послѣдованіями", писанная около 1428 г., гдѣ изобрѣтательность писца въ почеркахъ и художественное выполненіе красками съ золотомъ разныхъ заставокъ достойны изумленія.

Почти при полномъ отсутствіи организованной книжной торговли, при дороговизнѣ книгъ, зависѣвшей отъ цѣнности матеріала и трудности списыванія, первый и главный путь пріобрѣтенія книгъ былъ путь списыванія ихъ троицкими „книгописцами". Св. Стефанъ Пермскій собственноручно списалъ много книгъ. Германъ Соловецкій, будучи самъ не книженъ, поручалъ списыванье другимъ и собиралъ книги.

Знаменитая и первая изъ монастырскихъ по своимъ книжнымъ богатствамъ Соловецкая библіотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему монаху Досиѳею (конца XV в.), который на собираніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь.

Живя случайно въ Новгородѣ, онъ пріискалъ писцовъ и оттуда посылалъ книги въ Соловецкій монастырь. Безъ сомнѣнія, также заботились о развитіи книжнаго дѣла и пріобрѣтеніи книгъ и во всѣхъ остальныхъ монастыряхъ, заимствовавшихъ строй своей жизни изъ монастыря Сергіева. Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри являлись лучшими хранилищами сокровищъ и книгъ. Самые акты считали за лучшее сберегать въ тѣхъ же церквахъ и монастыряхъ. Монастыри въ то время пользовались громаднымъ значеніемъ; они вели непосредственныя сношенія съ властями и получали отъ нихъ весьма широкія права. Такъ, постепенно образовались значительныя церковныя и монастырскія библіотеки, какъ-то: Софійская, при Новгородскомъ соборѣ, Троицко-Сергіевская, Чудовская, Кирилло-Бѣлозерская, Ростовская, Волоколамская, Соловецкая и мн. др. Изъ описей, дошедшихъ до насъ, видно, что въ нихъ были не только церковныя книги, но и лѣтописи, хронографы, сборники, повѣсти, географическія сочиненія, а позже являются переводы космографій и книгъ. Въ монастыряхъ соста-

вляются сборники жалованныхъ и другихъ грамотъ, послужившіе весьма важнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ изданій. Отсюда досталась масса актовъ историко-юридическаго содержанія и памятниковъ письменности, такъ что монастырскіе архивы и библіотеки до сихъ поръ оказываются еще невполнѣ исчерпанными [1]).

Изъ сказаннаго несомнѣнно, что монастыри, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ источники древне-русской образованности, естественно сдѣлались регулирующими центрами въ общественной жизни сѣверо-восточной Руси. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность, и потому неудивительно, что и самой умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ, что образовательное вліяніе монастырей давало преобладаніе въ обществѣ религіозному строю жизни. Такъ, полагая съ молитвою на устахъ и крестомъ въ рукахъ основаніе обителямъ въ темныхъ лѣсахъ и дебряхъ, среди финскихъ поселеній, монахи своими подвигами стягивали разрозненное населеніе, своими порядками обучали ихъ правильнымъ формамъ гражданственности и своими книгами вносили въ нихъ свѣтъ христіанской истины. Тѣ же изъ монаховъ, которые чувствовали себя способными быть учителями, очень нерѣдко уже и въ то старо-давнее время посвящали себя дѣлу народнаго учительства въ прямомъ смыслѣ этого слова. Время отъ времени у насъ появлялись грамотные и начитанные монахи, исполненные усердія и ревности поучать. Еще и до настоящаго времени нерѣдко по монастырямъ русскимъ встрѣчаются типичные представители этихъ учительныхъ монаховъ: они даютъ возможность наглядно составить себѣ понятіе объ ихъ древнихъ и старыхъ предшественникахъ. Явится въ какомъ-нибудь монастырѣ учительный благочестивый старецъ, распространяется о немъ слухъ, и народъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ начинаетъ стекаться къ нему толпами, а его келья превращается въ непрестанную полную авдиторію. Какъ есть въ настоящее время, такъ было и въ древнее. Способные къ учительству монахи смотрѣли на него, какъ на свою прямую обязанность и стремились упражняться въ немъ по мѣрѣ силъ со всѣмъ усердіемъ. Въ жи-

[1]) Иконниковъ, В. С. Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. 1-я, ст. 103.

тіяхъ святыхъ подвижниковъ древней Руси можно найти многочисленные примѣры такого учительства [1]).

Главныя черты монастырской педагогіи были: постъ, усердная молитва, братолюбіе, нищелюбіе, безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ, почитаніе книгъ, умѣнье отдавать себя всего на служеніе общему дѣлу.

Лучшія русскія женщины XIII и XIV вв., подобно мужчинамъ, стремились въ монастырь. И это не потому только, что въ обществѣ господствовалъ аскетическій взглядъ на жизнь, но потому, что только въ монастыряхъ женщины находили необходимую защиту, покой и удовлетвореніе высшихъ духовныхъ интересовъ. И не только въ XIII и XIV вв., во время владычества монголовъ, но и позже въ XV и XVI вѣкахъ монастыри имѣли привлекательную силу для лучшихъ людей, задававшихся высшими вопросами, и потому неудивительно, что въ нихъ стремились какъ мужчины, такъ и женщины. Не даромъ же такой осторожный историкъ, какъ С. Соловьевъ [2]) говоритъ: „Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: чтобы сталось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема?“

Нравы, само общество, состояніе просвѣщенія, внѣшнія причины—все влекло лучшихъ людей отдалиться отъ міра. Однѣ женщины уходили въ монастырь, другія запирались въ теремъ. Въ монастырѣ, какъ и въ теремѣ, говоритъ Лихачева [3]), женщины волей или неволей должны были наполнять свой день, кромѣ рукодѣлія, и другими занятіями. Женскіе монастыри большею частію были монастырями общинножительными, а во всѣхъ такихъ монастыряхъ были одни и тѣ же или весьма сходные между собой уставы и правила; въ эти правила включалось и чтеніе книгъ въ келіяхъ [4]). Точно также и въ теремахъ „набожность, какъ говоритъ Забѣлинъ, наполняла день, ибо уставъ каждодневной жизни

[1]) См. Н. Кедровъ. Просвѣтительная дѣятельность Троице-Сергіевой лавры. Москва. 1892 г., стр. 69.

[2]) Соловьевъ, С. Истор. Рос. Т. IV, стр. 341, изд. 1-е.

[3]) Матеріалы для истор. жен. обр. въ Россіи.

[4]) Въ женскихъ монастырскихъ школахъ, кромѣ книжнаго ученія, письма и пѣнія, обучали рукодѣлью, шитью и инымъ полезнымъ имъ ремесламъ. (Татищ. Ист. II, 138).

требовалъ чтенія, какъ душеспасительнаго подвига. Читались: житія святыхъ, поученія на каждый день и пр. Оттого знаніе священной и церковной исторіи въ тогдашнемъ грамотномъ обществѣ было распространено болѣе, чѣмъ всякое другое. Въ совокупности съ знаніемъ церковнаго догмата или устава, это была единственная наука того времени, то самое, что мы теперь понимаемъ подъ словомъ образованность. Въ особенности въ замкнутомъ теремѣ, лишенныя участія даже мыслью и словомъ въ дѣлахъ общественныхъ, упражнялись въ нравственныхъ и умственныхъ интересахъ". Изъ этого видно, что затворничество женщинъ, принесшее не мало зла и горя русской жизни, имѣло и свои хорошія стороны, сослужило нѣкоторую службу, не допустивъ женщинъ до полнаго отчужденія отъ просвѣщенія.

Что касается состоянія образованія, то объ этомъ мы имѣемъ слѣдующія извѣстія.

Въ грамотахъ XIV вѣка упоминается, говоритъ Н. А. Лавровскій [1]), о содержаніи при церквахъ сиротъ и дѣтей (обоего пола), которыхъ не только питали, но и учили грамотѣ. Но вообще надо замѣтить, что правильно организованныхъ училищъ не было, и внѣ монастырей образованіе стояло на низкой ступени. О знаменитомъ героѣ Куликовской битвы въ житіи его говорится, что онъ не былъ изученъ книгами, о Василіи Темномъ извѣстно, что онъ былъ не книженъ и не грамотенъ.

Хотя въ житіяхъ и лѣтописяхъ о нѣкоторыхъ лицахъ попадаются такія замѣтки: „вданъ бываетъ родителема книгамъ учитеся" „времени же приспѣвшу вданъ бываетъ отъ родитель своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ", но эти записи повидимому указываютъ только на существованіе частныхъ школъ, отдѣльныхъ учителей-мастеровъ, о которыхъ говорилъ въ послѣдствіе и Стоглавъ. Къ XIII и XIV в. относится меньше литературныхъ произведеній, чѣмъ къ до-монгольскому періоду.

Въ XIII в. у насъ былъ замѣчательный проповѣдникъ Серапіонъ, епископъ владимірскій; въ своихъ поученіяхъ онъ призывалъ народъ, по случаю постигшаго бѣдствія (монгольскаго ига),

---

[1]) О древне-русскихъ училищахъ.

къ покаянію и молитвѣ, скорбѣлъ о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народныхъ, возставалъ противъ суевѣрій. Къ XIV вѣку относятся многія, дошедшія до насъ грамоты, въ которыхъ видна крѣпость семейнаго союза: „быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто". Старшій братъ держалъ, напр., такую рѣчь къ младшимъ: „отецъ нашъ приказалъ намъ жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю жити за одинъ..." Отецъ, напр., говоритъ своимъ дѣтямъ: „а вы, дѣти мои, живите за одинъ", и безпрестанно повторяетъ: „а матери своей слушайте во всемъ, изъ ся воли не выступайте ни въ чемъ".

Въ поученіи Кирилла, м-та Кіевскаго (до 1280 г.) сказано: „блюдите и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ... Челядь свою наказуйте страху Божію, и голодомъ не морите, ни наготою не томите, но любите ихъ яко своя уды, или яко Христосъ насъ всѣхъ, тако же творите; дѣти своя духовныя наказуйте (учите)" [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что монгольское иго способствовало пріостановкѣ просвѣщенія и унизило духъ народный. Въ пламени монгольскихъ пожаровъ много погибло храмовъ и книгъ.

Въ это время выдвигается важное воспитательное значеніе монастырей и особенно Троице-Сергіевскаго. Пр. Сергій Радонежскій вдохнулъ въ русское общество XIV вѣка духъ нравственной бодрости и крѣпости и положилъ начало цѣлому ряду монастырей въ сѣверо-восточной Россіи, которые явились настоящими народными школами и разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Родители посылали въ монастыри своихъ дѣтей для наученія грамотѣ, юноши искали въ нихъ удовлетворенія идеальныхъ запросовъ, а взрослые и старики искали въ нихъ успокоенія и ободренія. Монастыри первые положили начало русскимъ библіотекамъ и книгохранилищамъ, въ нихъ постоянно занимались списываніемъ и собираніемъ книгъ.

Главныя черты монастырской педагогіи были: постъ, усердная молитва, братолюбіе, нищелюбіе, безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ, почитаніе книгъ, умѣнье отдавать себя всего на служеніе общему дѣлу.

---

[1]) Аристовъ, Хрис. по рус. ист. Ст. 514.

Источники и пособія: еп. Филаретъ. Исторія русской церкви т. II. Н. Я. Аристовъ, Христоматія по русской исторіи. Варшава. 1870 г. Проф. Ключевскій. Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства Богос. Вѣст. 1892. 11. Иконниковъ В. С. Опытъ русской исторіографіи. Кіевъ. Т. 1, вып. 1 и 2-й. 1891. Н. Кедровъ. Просвѣтительная дѣятельность Троице-Сергіевой лавры. Москва. 1892 г.

Глава VII.

Педагогія учителей „мастеровъ". XV вѣкъ.

(Частныя школы. Состояніе образованія и просвѣщенія.)

Уже съ XV вѣка у насъ начинаютъ развиваться частныя школы.

„Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. А. Соболевскій, что Москва этого времени не имѣла никакихъ ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ. Но зато въ ней было много мелкихъ частныхъ училищъ [1]), такъ много, что желавшему обучить своего сына грамотѣ не нужно было ихъ разыскивать.

Въ XV вѣкѣ св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ новгородскій, научился грамотѣ, повидимому, въ своей родной деревнѣ близъ Москвы, для св. Александра Свирскаго нашлось училище въ родной деревнѣ въ Обонежьѣ, для св. Зосимы Соловецкаго — въ родномъ селѣ тоже въ Обонежьѣ, для св. Антонія Сійскаго— въ селѣ близъ Бѣлаго моря, для св. Александра Ошевенскаго— въ деревнѣ близъ Бѣлаго озера; св. Мартиніанъ Бѣлозерскій былъ отданъ въ училище, находившееся близъ Кириллова монастыря. Слѣдовательно, въ этомъ вѣкѣ не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, какъ поселенія нашего далекаго

[1]) Названіе „училище" употреблено Геннадіемъ и отцами Стоглаваго собора; сверхъ того оно находится въ житіяхъ свв. Антонія Сійскаго (крестьянина) и Филиппа митрополита (боярскаго рода).

сѣвера, не было недостатка въ училищахъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно послѣ предписаній Стоглаваго собора, число училищъ должно было значительно увеличиться. Эти училища содержались „учителями“ (житія) или „мастерами“ (Геннадій) изъ среды духовенства. Стоглавъ, какъ увидимъ ниже, предписывалъ открывать въ городахъ училища священникамъ, дьяконамъ и дьячкамъ. Житія свв. Іоны, архіепископа новгородскаго (начало XV в.) и Никандра Псковскаго (XVII в.) говорятъ объ учителяхъ дьяконахъ; житіе св. Александра Ошевенскаго и царская грамота 1629 года говорятъ объ учителяхъ дьячкахъ.

Сверхъ учителей духовныхъ, кажется, были учителя изъ свѣтскихъ людей. По крайней мѣрѣ, дьякъ учитель св. Мартиніана Бѣлозерскаго, въ житіи его называется „мірскимъ“. Св. Мартиніанъ Бѣлозерскій (самое начало XV вѣка), поступившій въ Кирилловъ монастырь ребенкомъ, былъ отданъ игуменомъ для обученія грамотѣ „мірскому дьяку“, котораго дѣло „бѣяше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости“ [1]). Св. Александръ Ошевенскій (XV вѣкъ), поступивъ въ тотъ же Кирилловъ монастырь уже грамотнымъ, былъ отданъ игуменомъ для лучшаго „наказанія“ къ дьяку нѣкоему разумну и искусну [2]).

Число учениковъ въ училищахъ было, конечно, разнообразно. Житіе арх. Іоны (XV в.) упоминаетъ о „многихъ соученикахъ“ святаго; житія преп. Іосифа Волоцкаго, Александра Свирскаго и Антонія Сійскаго о томъ, что вмѣстѣ со святыми учились ихъ „сверстники“. Лицевое (иллюстрированное) житіе преп. Сергія, написанное въ XVI вѣкѣ и, конечно, передающее дѣйствительность этого столѣтія, въ одной изъ своихъ миніатюръ изображаетъ намъ училище съ 11 учениками, такимъ образомъ: въ комнатѣ на одной лавкѣ сидятъ рядомъ 5 учениковъ съ книгами: сзади нихъ помѣщаются еще трое; налѣво отъ нихъ — еще двое; на правой сторонѣ учитель объясняетъ урокъ преп. Сергію“.

По возрасту главная часть учениковъ были дѣти. Цѣлый рядъ житій святыхъ указываетъ на семилѣтній возрастъ, какъ на

[1]) Погод. № 737. Лѣтоп. Занят. Археогр. Коммиссіи вып. I. Соболевскій. Образован. Моск. Руси XV—XVII. Ст. 15.
[2]) Синод. № 413.

обычный возрастъ начинающихъ учиться грамотѣ, безъ различія сословій. Такъ, въ житіи св. Іоасафа Каменскаго, княжескаго сына (первая половина XV вѣка) мы читаемъ: „достигшу седмаго лѣта, и вданъ бысть въ наученіе грамотѣ"; въ житіи Св. Іосифа Волоцкаго: „егда бысть... седми лѣтъ, родителіе его даша на ученіе грамотѣ", въ житіи архіеп. Серапіона, крестьянскаго сына: „седмаго лѣта достигшу, вданъ бываетъ въ наученіе грамотѣ". Другія житія говорятъ о возрастѣ учениковъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ: но и они, и Стоглавъ, даютъ ясно понять, что онъ былъ дѣтскій. Время обученія грамотѣ въ массѣ случаевъ не могло быть продолжительнымъ. Способные мальчики, вѣроятно, выучивались ей скоро, приблизительно въ два года. Такъ, св. Александръ Ошевенскій „спѣшно пѣкако" „изучился", Св. Игнатій Вологодскій „вскорѣ ученіе книжное извыче"; учитель св. Антонія Сійскаго дивился „скорому его наученію", св. Іосифъ Волоцкій, по словамъ его біографа Саввы, „учашеся разумно и всѣхъ сверстникъ превзыде: единымъ годомъ изучи псалмы Давыдовы и на другій годъ вся божественная писанія навыче". Малоспособные, какъ св. Александръ Свирскій, учились „косно и нескоро", къ огорченію своихъ родителей, и, повидимому, лишь послѣ долгихъ усилій усвоивали книжную мудрость, да и то, конечно, не всѣ.

Какіе же были предметы обученія въ училищахъ?

Житія святыхъ XV вѣковъ говорятъ о нихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: святой „наученъ бысть грамотѣ и всякому благочестивому обычаю", „извыче книжное ученіе", „извыче божественное писаніе". Несомнѣнно, значительное большинство училищъ были простыми школами грамотности, которыхъ учили только читать и писать. Въ нихъ сначала преподавалась азбука, потомъ читались часословъ и псалтирь, а иногда, сверхъ того, апостолъ. „Подобаетъ убо вамъ, учителіе, вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественнымъ писменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же часовники и псалтыри и прочія божественныя книги, и паче же убо всего—еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука" [1]). А въ предисловіи къ

[1]) Синод. № 850, XVII в. л. 527.

грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (изд. 1721 года) говорится: „Издревле россійскимъ дѣтоводцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтыри, та же писати; но сихъ же нѣцыи преподаютъ и чтеніе апостола". Кромѣ училищъ грамотности, вѣроятно, всегда въ соединеніи съ ними московская Русь XV—XVII вѣковъ имѣла еще особыя училища, спеціальныя для тѣхъ подростковъ, которые предназначались въ священники и въ дьяконы. Ихъ имѣлъ въ виду арх. Геннадій, жалуясь на незнаніе учителями „силы въ божественномъ писаніи", на незнакомство учениковъ съ церковнымъ порядкомъ. Наши свѣдѣнія объ этихъ спеціальныхъ училищахъ крайне скудны и, вѣроятно, въ большинствѣ изъ нихъ не шли далѣе усовершенствованія въ грамотѣ и пѣніи и изученія богослужебнаго чина.

Данныя, приведенныя проф. Соболевскимъ, даютъ возможность признать, что въ московской Руси какъ въ XV в., такъ и въ послѣдующихъ XVI и XVII в. образованность для всѣхъ сословій во всѣхъ отношеніяхъ была одна та же. И княжескій сынъ, и священническій и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы одному и тому же по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же умѣнья читать и писать. Затѣмъ уже они сами самостоятельно, каждый отдѣльно, могли набираться ученности, изучая книги.

Однако, такое состояніе просвѣщенія не удовлетворяло лучшихъ людей того времени; изъ нихъ св. Геннадій, архіеп. новгородскій (1485—1504) прославился своими заботами о просвѣщеніи. Геннадій въ посланіи своемъ къ тогдашнему митр. Симону проситъ походатайствовать предъ вел. кн. Іоанномъ III о заведеніи школъ для образованія духовенства. „Приведутъ ко мнѣ мужика, писалъ онъ, и я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и потому едва бредетъ; и я его отреку (откажу), а они извѣтъ творятъ: „земля, господине, такова: не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ", ино всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ челомъ бьютъ: „пожалуй,

господине, вели учити"; и я прикажу учить ихъ эктеніи, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ, да просятся прочь и не хотятъ ее учить... а хотя и учатся, то не отъ усердія и живутъ долго; а на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія; а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. И я для того бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправиться; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ учить въ училищахъ первое азбука-граница истолкована совсѣмъ [1]), да и подтительныя слова, да Псалтиря съ слѣдованіемъ на крѣпко; а какъ то изучатъ, могутъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги. А то мужики невѣжи учатъ робятъ да рѣчь ему испортитъ, да первое изучатъ ему вечерню, а за эту мастеру принести каши да гривну денегъ, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да поминки (подарки) кромѣ того, что рядилъ отъ него. А какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ. А какъ государь укажетъ изучить Псалтырь съ слѣдованіемъ да и все то, что выше писано, и укажетъ, что брать отъ того, то учащимся будетъ легко, и не посмѣютъ отказываться. Да чтобы и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, занеже то нерадѣніе въ землю вошло. И какъ услышатъ то учащіеся, то съ усердіемъ примутъ ученіе [2])".

Изъ приведенныхъ словъ арх. Геннадія видно, что существовавшія въ XV в. частныя школы учителей-мастеровъ были на чрезвычайно низкой ступени „какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ" (т.-е. еле читаетъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Геннадій указываетъ, чему слѣдуетъ учить въ школахъ: „а мой совѣтъ учить въ училищахъ первое азбука гра-

---

[1]) Выраженіе азбука-граница, толкуетъ г. Миропольскій (Очеркъ исторіи цер. прих. шк. в. III, ст. 28), обозначаетъ такую азбуку, которая состояла изъ акростиховъ, причемъ каждый стихъ начинался съ буквы, въ порядкѣ алфавита.

[2]) Акт. истор. Т. 1, № 104.

ница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко“.

Вслѣдствіе низкой степени образованія въ народѣ мало-помалу начало распространяться мнѣніе, что не дѣло міряпъ „чести книги“, а въ XVI в. стали даже побаиваться чтенія книгъ: многіе боялись взять въ руки даже апостолъ и евангеліе; сребролюбивые и невѣжественные мастера, боясь, чтобы ихъ заработки не уменьшились, способствовали распространенію такого мнѣнія и говорили, что „грѣхъ простымъ (свѣтскимъ) чести апостолъ и евангеліе“ и, когда находились любознательныя лица, которыя хотѣли „навыкати писанія“, они отговаривали ихъ, замѣчая „не чтите книгъ многихъ, чтобы не сойти съ ума и не впасть въ ересь“ [1]). Поэтому лучшимъ людямъ, ревнителямъ просвѣщенія, приходилось писать въ защиту книгъ и доказывать ихъ пользу. Сохранилось и отъ XV вѣка не мало отдѣльныхъ наставленій и даже поученій о почитаніи книжномъ, которыя обыкновенно помѣщались въ предисловіи къ различнымъ сборникамъ. Въ нихъ говорилось, что „добро есть почитаніе книжное“, что „книгами достоитъ искати пути спасенія“, что онѣ „наведутъ на истинный путь и разрѣшатъ духовные союзы“. Къ книжному чтенію приходилось даже побуждать и бѣлое духовенство.

Хотя почитаніе книжное, любовь и охота къ чтенію и списыванію книгъ процвѣтали только въ монастыряхъ, въ народѣ такъ привыкли къ развитію книжнаго чтенія въ монастыряхъ, что считали это прямо и исключительно „чернеческимъ дѣломъ“. И дѣйствительно, въ большихъ монастыряхъ иноки были истинными книжниками, обладавшими большой начитанностью. Такъ, напр., Іосифъ Волоцкій въ своемъ „Просвѣтителѣ“ дѣлаетъ многочисленныя ссылки на отцовъ церкви; митр. Даніилъ, кромѣ отцовъ церкви, ссылается на многія книги богослужебныя, кормчія, прологи, патерики и приводитъ множество выдержекъ изъ житій Святыхъ.

Къ XV вѣку относятся сочиненія пр. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Пр. Іосифъ Санинъ, прозванный Волоцкимъ

---

[1]) Объ этомъ можно найти у Курбскаго и Артемія Преображенскаго.

(1440—1515), представляетъ образецъ строгаго инока и древняго русскаго богослова. Какъ почти всѣ древне-русскіе люди, Іосифъ образовался самоучкой; при помощи одного чтенія книгъ онъ пріобрѣлъ обширныя богословскія свѣдѣнія. Во время борьбы съ ересью жидовствующихъ Іосифъ написалъ нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ, которыя потомъ вошли въ составъ его извѣстнаго сочиненія „Просвѣтителя", представляющаго первое обширное русское оригинальное богословское сочиненіе, въ которомъ разсматриваются всѣ истины христіанской вѣры и дѣятельности.

Пр. Нилъ Сорскій (1433—1508) былъ постриженникъ Кириллова монастыря. Онъ долгое время прожилъ на Аѳонской горѣ и изучилъ писанія отцовъ пустынниковъ. По возвращеніи въ Россію, онъ положилъ начало скитской жизни, при чемъ особенное вниманіе обратилъ на внутренній смыслъ иноческой жизни. Нилъ Сорскій предписывалъ инокамъ стремленіе къ внутреннему духовному совершенству.

Отъ XV в. дошло до насъ много посланій, которыя въ то время были главною формою сочиненій. Въ этихъ посланіяхъ выражаются заботы нашихъ настырей и учителей о современныхъ дѣлахъ церкви и государства, о прекращеніи княжескихъ раздоровъ и утвержденіи власти московскаго царя, объ искорененіи народныхъ пороковъ, предразсудковъ и суевѣрій. Особенно замѣчательны посланіе къ вел. кн. Ивану III на Угру митрополита Геронтія съ духовенствомъ и ростовскаго архіеп. Вассіана, по случаю нашествія Ахмата. Своими авторитетными посланіями, смѣлымъ и властнымъ словомъ своимъ духовенство направляло нравственную и историческую жизнь Руси.

Источники и пособія: Акты историческіе. Т. I.—Соболевскій. Образованность Московской Руси въ XV—XVII вѣкахъ. Спб. 1892 г.

Глава VIII.

Максимъ Грекъ. XVI вѣкъ.

Уже въ XVI вѣкѣ начинаютъ сознавать недостатки простой грамотности. Упадокъ строгой монастырской жизни, нравственныя нестроенія въ обществѣ, размноженіе ересей,—все вызывало необходимость реформы въ дѣлѣ тогдашняго образованія.

Повсемѣстный упадокъ нравственности, ослабленіе истинной вѣры, остатки язычества, суевѣріе, возведеніе обрядовъ на степень догматовъ, смѣшеніе апокрифовъ съ истинными писаніями, ошибочные переводы и искаженные списки богослужебныхъ книгъ— всѣ эти нестроенія свидѣтельствовали о большихъ недостаткахъ образованія и просвѣщенія.

Нужны были люди съ широкимъ философскимъ, научнымъ и богословскимъ образованіемъ, способные поднять тяготу, накопившуюся вѣками, а такихъ-то людей въ современномъ обществѣ не было, такъ какъ доселѣ всѣ русскіе писатели, самые даровитые и просвѣщенные, много что обладали богословскими свѣдѣніями но почти вовсе не были знакомы ни съ наукой, ни съ философіей.

Такимъ лицомъ, сыгравшимъ значительную роль въ исторіи нашего просвѣщенія XVI вѣка, былъ Максимъ Грекъ (род. 1480 г., ум. 1556 г.), аѳонскій инокъ (родомъ албанскій грекъ), приглашенный въ Россію для описи греческихъ рукописей, хранившихся въ библіотекѣ вел. князя Василія Іоанновича и для перевода нѣкоторыхъ изъ нихъ на церковно-славянскій языкъ. Время пребыванія его въ Россіи относится къ 1516—1556 гг.

Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ свѣдѣній не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, какія тогда существовали. Послѣ первоначальнаго ученія на своей родинѣ, онъ получилъ дальнѣйшее образованіе въ Италіи, бывшей тогда центромъ умственнаго движенія всей Западной Европы, долго жилъ тамъ въ своей ранней юности „у мужей, премудростью много украшенныхъ“, слушалъ въ разныхъ школахъ „нарочитыхъ учителей“,

основательно изучилъ языки греческій и латинскій, французскій и италіанскій, науки—грамматику, піитику, риторику, діалектику, древне-классическія литературы — греческую и римскую. Древнегреческихъ писателей называлъ онъ своими первыми наставниками. Арх. Макарій говоритъ, что Максимъ Грекъ основательно изучилъ системы древнихъ философовъ, особенно Платона и Аристотеля. Хорошее филологическое образованіе принесло пользу Максиму впослѣдствіи при его многочисленныхъ переводахъ съ греческаго, отличающихся строгою отчетливостью, и при повѣркѣ чужихъ переводовъ. Оно дало ему возможность скоро усматривать характеристическія черты писателя и, познакомивъ его съ началами здравой критики, помогало ему легко отличать подлинное отъ подложнаго въ писаніяхъ древнихъ.

Но не однимъ научнымъ образованіемъ обязанъ Максимъ Грекъ Италіи: въ лицѣ Іеронима Савонаролы, знаменитаго доминиканскаго проповѣдника, она показала ему примѣръ дѣятельности, одушевленной религіознымъ рвеніемъ. Максимъ лично зналъ Савонаролу, слушалъ его проповѣди, удивлялся его твердости въ вѣрѣ. Разсказывая въ одномъ сочиненіи о сожженіи Савонаролы съ двумя его послѣдователями, онъ прибавляетъ: „я же съ радостью сравнилъ бы ихъ, если бы они не были латиняне вѣрою, съ древними защитниками благочестія“. Видно, что личность Савонаролы произвела глубокое впечатлѣніе на Максима и, конечно, имѣла большое вліяніе на образованіе его характера, и въ Максимѣ Грекѣ мы видимъ ту же ревность по вѣрѣ и ту же смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ онъ удивлялся въ Савонаролѣ. Около 1507 г. Максимъ отправился на Аѳонскую гору и поступилъ въ Ватопедскую обитель. Монастырь Ватопедскій въ то время славился книжными сокровищами, особенно для ищущаго богословскаго образованія. Объ этомъ мы можемъ заключить по множеству рукописей, оттуда вывезенныхъ въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и составляющихъ донынѣ украшеніе московской синодальной библіотеки. Ученые путешественники прошедшаго столѣтія и нынѣшняго отзываются о Ватопедской библіотекѣ, какъ о лучшей на Аѳонѣ. Здѣсь то постригся Максимъ Грекъ и посвятилъ себя по преимуществу занятіямъ богословіемъ, читалъ и

изучалъ творенія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина. Въ трудахъ для обители, въ подвигахъ жизни иноческой и въ ученыхъ занятіяхъ Максимъ провелъ на Аѳонѣ около десяти лѣтъ, какъ въ это время получено было изъ Россіи неожиданное приглашеніе, на имя одного изъ старцевъ Ватопедскаго монастыря. Въ письмѣ къ игумену, начальствующему въ Кареѣ, Симону, вел. князь московскій, Василій Іоанновичъ, просилъ прислать къ нему на время переводчика, книжнаго старца Савву. Симеонъ, съ согласія братіи ватопедской, рѣшился послать вмѣсто престарѣлаго Саввы инока Максима. Игуменъ ватопедскій Анѳимъ, въ посланіяхъ къ великому князю и къ митрополиту, свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ „свѣдущъ въ божественномъ Писаніи и способенъ къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ, и такъ называемыхъ эллинскихъ", т.-е. языческихъ. „Правда, писалъ онъ, Максимъ не знаетъ языка русскаго, а только греческій и латинскій; но мы надѣемся, что онъ скоро научится и русскому языку". Великій князь принялъ Максима весьма радушно: назначилъ ему пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ и содержаніе отъ своего двора. Митр. Варлаамомъ онъ былъ принятъ также весьма благосклонно.

Послѣ осмотра великокняжеской библіотеки, Максиму поручено было заняться переводомъ толкованія на Псалтырь. Псалтырь, какъ мы говорили, была любимою книгою древне-русскихъ людей. Съ нея начиналась грамота. Къ ней всего чаще обращались въ церковномъ богослуженіи. Она же служила и для домашняго благочестиваго упражненія и уединенному подвижнику и простому мірянину.

Такъ какъ Максимъ еще не былъ свѣдущъ въ русскомъ языкѣ и тѣмъ менѣе былъ знакомъ съ особенностями нашего церковнаго языка, то дали ему двухъ переводчиковъ, знающихъ латинскій. Они должны были передавать то на церковно-славянскомъ языкѣ, что́ слышали отъ него на латинскомъ. Оба они были изъ числа переводчиковъ, которыхъ правительство употребляло для сношеній съ иностранцами. То были: Димитрій Герасимовъ, бывшій въ разныхъ посольствахъ при дворахъ, и Власій. Въ пособіе переводчикамъ назначены двое писцовъ: Михайло Медоварцевъ и инокъ Силуанъ.

Дм. Герасимовъ писалъ своему знакомому: „а нынѣ, господине, переводитъ Максимъ псалтырь съ греческаго толковую великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ, перемѣняясь; онъ сказываетъ по латыньски, а мы сказываемъ по русски писаремъ“.

Вотъ кто, справедливо замѣчаетъ арх. Макарій, были настоящіе переводчики этой псалтыри на нашъ языкъ.

Когда Псалтырь была переведена черезъ 15 мѣсяцевъ, и Максимъ хотѣлъ возвратиться на Аоонъ, князь Василій Іоанновичъ и митр. Варлаамъ упросили его заняться исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Максимъ началъ исправлять тріодь, а потомъ перевелъ съ греческаго толкованіе на Дѣянія Апостольскія и Златоустовы бесѣды, на евангелія отъ Матоея и отъ Іоанна.

Изъ оригинальныхъ сочиненій наибольшаго нашего вниманія заслуживаютъ нравоучительныя сочиненія Максима Грека. Въ нихъ онъ подвергаетъ самому строгому разбору и осужденію всѣ недостатки религіозно-нравственной жизни народа во всѣхъ его сословіяхъ: неправосудіе и мздоимство судей и начальниковъ, грабежи, разбои и всякаго рода насилія, фарисейство, лицемѣріе, отсутствіе истиннаго благочестія въ средѣ самого духовенства. Сочиненія Максима представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ до нѣкоторой степени отразилась и современная ему Россія, съ нравственной стороны, и его собственная судьба. Въ Россіи въ то время жива еще была ересь жидовствующихъ, хотя уже осужденная и подвергшаяся жестокому преслѣдованію. Максимъ подалъ свой голосъ противъ этой ереси и ея проповѣдниковъ. Русскихъ сильно безпокоили тогда происки придворнаго врача Николая Нѣмчина, старавшагося распространить между ними и латинство и астрологію; въ обличеніе его Максимъ написалъ нѣсколько сочиненій. Между грамотеями русскими были тогда въ большомъ ходу апокрифы, и число ихъ еще увеличилось переводомъ подобныхъ новыхъ книгъ съ латинскаго языка. Максимъ разбирая эти апокрифы, показывалъ ихъ нелѣпость и несостоятельность. Максимъ смѣло обличалъ всѣ эти недостатки и училъ всѣхъ, какъ жить и дѣйствовать по-христіански. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ времени былъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ; Максимъ, твердо и открыто высказался и по этому вопросу. Сочине-

нія Максима весьма многочисленны (ихъ насчитываютъ до 134) и разнообразны, но не велики по объему; изложены они то въ формѣ размышленій и разсужденій, то въ видѣ посланій, разговоровъ, историческихъ разсказовъ, молитвъ и священныхъ пѣснопѣній. Слогъ въ сочиненіяхъ Максима нельзя назвать ни чистымъ, ни правильнымъ. Сначала, по пріѣздѣ къ намъ, Максимъ не зналъ русскаго языка; потомъ, хотя изучилъ его и писалъ на немъ, но не владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Самое видное мѣсто въ ряду его статей занимаютъ сочиненія догматико-полемическія, написанныя въ защиту вѣры православной христіанской противъ иновѣрцевъ и неправославныхъ: іудеевъ, язычниковъ, магометанъ, армянъ и латинянъ. Максимъ строго держится того самаго воззрѣнія на науку и философію, какое образовалось еще въ первые вѣка христіанства, когда отцами церкви греко-римская наука была принята въ пособіе при утвержденіи христіанскаго ученія. Наука должна быть служительницею Вѣрѣ, рабою Евангелія и Богословія, какъ называлъ ее еще Іоаннъ Дамаскинъ. „Философія, говоритъ Максимъ, священна, потому что она говоритъ о Богѣ, Его правдѣ и промыслѣ, на все простирающемся и непостижимомъ. И хотя не во всемъ она успѣваетъ, потому что не имѣетъ вдохновенія, какимъ обладали св. пророки, но показываетъ достоинство кротости и мудрости, устанавливаетъ гражданственность („гражданство составляетъ") и вообще украшаетъ нравы добрыми правилами". Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что хорошо знать словесныя науки („словесъ внѣшнихъ вѣдѣній") для того, чтобы правильно говорить, развивать и совершенствовать умъ („къ навыченію еже правѣ глаголати и очищенію"), а не для того, чтобы отрицать божественные догматы и разсуждать о нихъ, потому что они выше помышленія и выше зрѣнія всякаго и „только познаются вѣрою". Вслѣдствіе этого отъ философовъ Максимъ Грекъ совѣтовалъ заимствовать только то, что̀ способствовало бы „утвержденію благочестія и христіанской вѣры", а философію „вездѣ понужати и аки рабынею истины водити и непщевати".

Свой взглядъ на занятіе древними писателями Максимъ Грекъ выразилъ такъ: „Ученіе древнихъ мужей слѣдуетъ пріобрѣтать, если оно содѣйствуетъ славѣ Божіей, возбуждаетъ насъ большою

божественною любовью и не противорѣчитъ священному писанію". По его понятію, самый разумъ есть порожденіе вѣры („отродъ бо вѣры разумъ есть"). Съ религіозной стороны смотритъ Максимъ и на событія міра: по его понятію, возвышеніе царей, побѣды, войны, паденіе царствъ и т. п. бываетъ или выраженіемъ благодѣянія Божія или наказаніемъ за грѣхи людей. Онъ не допускаетъ даже разсужденій о природѣ, если только они противорѣчатъ „богодухновенному писанію", а потому совѣтуетъ „крѣпцѣ держатися Дамаскиновы книги" и „будеши, прибавляетъ онъ, великъ, богословецъ и естествословецъ". Примѣняя философію къ религіи и считая ее только „рабой" послѣдней, Максимъ Грекъ, и свои возраженіи противъ нея основываетъ на словахъ Священнаго Писанія и вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ называетъ ее „тщетною прелестью, крадущею простыхъ разумы". Даже признавая „внѣшнія науки („окружняя ученія") добрыми и нужными человѣческому житію", онъ прибавляетъ, „множайшая нѣкая вредна и пагубна въ нихъ крыются, яже аще по единому исчитати восхощемъ, книгу цѣлу счинити понудимся. Толика въ нихъ многа лжа и нечистота".

„Не подумайте однако, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что я укоряю внѣшнее ученіе, польза котораго засвидѣтельствована .., не такой я неблагодарный его ученикъ, но я осуждаю только чрезмѣрное испытаніе разума". Въ своихъ сочиненіяхъ Максимъ Грекъ нерѣдко приводитъ мѣста греческихъ и римскихъ писателей и съ особенною похвалою отзывается о Платонѣ; объ Аристотелѣ онъ отзывается рѣзко, потому что западные ученые, преклоняясь предъ авторитетомъ Аристотеля, старались всякій догматъ вѣры согласить съ его ученіемъ и тѣмъ ризу церкви, истканную отъ вышняго богословія, раздирали „лютѣ діалектическими софизмами". „Обратись мысленно", говоритъ Максимъ, „къ италіанскимъ училищамъ и ты увидишь тамъ, какъ Платонъ и Аристотель, подобно потокамъ, потопляютъ всѣхъ. И никакой догматъ, ни божественный, ни человѣческій, не считается твердымъ, если не будетъ утвержденъ силлогизмами Аристотеля".

Великая заслуга Максима Грека предъ русскимъ просвѣщеніемъ заключается въ томъ, что онъ раскрывалъ истинныя начала

христіанской вѣры и точныя научныя понятія. Онъ первый показалъ русскимъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, не достаточно простой грамотности, что для этого необходимы солидныя научныя познанія; Максимъ старался объяснить русскимъ, что лица, которыя пожелали бы приняться за исправленіе книгъ, должны имѣть познанія не только въ грамматикѣ, но и піитикѣ, риторикѣ и самой философіи, а переписчики должны знать, по крайней мѣрѣ, грамматику. Неудивительно, если нѣкоторые даже преувеличивали значеніе Максима Грека и считали его человѣкомъ выше своего вѣка по уму и образованію, а другіе, водясь иногда духомъ партіи, только одного Максима и признавали человѣкомъ умнымъ и просвѣщеннымъ и безъ мѣры превозносили его переводы и исправленіе книгъ и его сочиненія.

Однажды въ разговорѣ Максимъ спрашивалъ Берсеня: „какой отъ меня пользѣ быти?“, на что Берсень отвѣчалъ „ты человѣкъ разумной и можешь насъ пользовати и пригоже было намъ тебя въспрашивати, какъ устроити государю землю свою, и какъ людей жаловати, и какъ митрополиту жити [1])“. Такъ смотрѣли на Максима тѣ, которые хотѣли видѣть въ немъ общественнаго дѣятеля.

Но духовное поборничество навлекло Максиму много враговъ и способствовало его паденію. Явились люди недовольные его трудами, говорившіе, что онъ посягаетъ на старыя книги и портитъ ихъ, вредитъ вѣрѣ; къ этому присоединилось недовольство многихъ духовныхъ лицъ на его обличенія недостатковъ современной монастырской жизни. Въ числѣ недовольныхъ были митр. Даміанъ и иноки Волоколамскаго монастыря. На соборѣ 1525 г. Максимъ былъ судимъ и осужденъ на заключеніе въ Волоколамскій монастырь; потомъ онъ былъ переведенъ въ Тверской Отрочь монастырь. Нѣсколько разъ тщетно просилъ онъ освободить его и отпустить на Аѳонъ. Его освободили только въ 1553 году и перевели въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ онъ и скончался черезъ три года.

Но дѣло Максима Грека не погибло; сѣмена были брошены

[1]) Акты экспед. № 172.

въ невоздѣланную русскую почву; нужно было время, чтобы взойти имъ и окрѣпнуть. Вотъ почему мы считаемъ Максима Грека однимъ изъ почтенныхъ и выдающихся дѣятелей въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ не только для насъ важенъ своими сочиненіями, но и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ онъ способствовалъ образованію многихъ русскихъ людей. На допросахъ келейникъ Максима Грека показалъ, что къ Максиму приходили: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ и Юрій Тютинъ „и говаривали съ нимъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ“. Θеодоръ Жаренный бралъ у него для себя „тетрадки“. Къ Максиму же на бесѣды ходилъ Петръ Шуйскій.

Самъ Максимъ образовалъ нѣсколько учениковъ: Сильвана, Савву, архимандрита новоспасскаго, Михаила Медоварцева, Нила Курметева, Димитрія Герасимова (переводчика), Зиновія Отенскаго, Германа, архіеп. Казанскаго и князя Курбскаго.

Источники и пособія: Арх. Макарій. Исторія русской церкви.—В. С. Иконниковъ. Максимъ Грекъ. Кіевск. Унив. Изв. 1865—1866.—Порфирьевъ. Исторія русской словесности, т. I. Казань. 1886 г.—А. Галаховъ. Исторія русской словесности древней и новой.

Глава IX.

Заботы Стоглава объ образованіи. XVI вѣкъ.

(Состояніе образованія и просвѣщенія въ XVI в. Идеалъ женщины).

Въ XV и XVI вѣкахъ, какъ извѣстно, шло медленное, но постоянное дѣло объединенія Сѣверо-Восточной Руси; во время этой упорной борьбы нѣкогда было думать о просвѣщеніи—„поисшатались обычаи и самовластіе учинилось по своимъ волямъ и предніе законы порушились“—и вотъ для исправленія этого, по

приказанію царя Іоанна IV Васильевича, собираются соборы. Въ 1547 и 1549 гг. собирается соборъ съ цѣлью собрать и пересмотрѣть мѣстныя житія святыхъ, установить нарочитые дни чествованія святыхъ государства русскаго, а въ 1551 г. новый соборъ „во исправленіе церковнаго благочинія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія". Этими соборами государственная власть соединялась съ церковной затѣмъ, чтобы соборнѣ уложить и утвердить обиходъ жизни по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ и по прежнимъ законамъ праотеческимъ. Памятникомъ дѣяній этого собора есть книга Стоглавъ или соборныя постановленія, раздѣленныя на сто главъ. Стоглавъ обнимаетъ не всю жизнь человѣка XVI вѣка, но только тѣ стороны, которыя поисшатались, а поисшатались тогда, однако, чуть не важнѣйшія явленія общественной жизни; замѣчалось большое паденіе нравовъ грубость и невѣжество. Недаромъ же на соборѣ твердо сознана была мысль о необходимости образованія, объ учрежденіи училищъ. Несмотря на существовавшія школы грамотности, просвѣщеніе все-таки было въ печальномъ состояніи. Не только народъ былъ грубъ, невѣжественъ и необразованъ, но даже священники еле умѣли читать, и некого было ставить во священники.

Изъ посланія арх. Геннадія мы видѣли, что по малому числу грамотныхъ людей некого было ставить во священники; ставленники едва умѣли разбирать псалтырь. Но всѣ старанія и заботы Геннадія о заведеніи прочно организованныхъ училищъ не имѣли успѣха. Въ народѣ, напротивъ, распространялись невѣжество и гибельныя суевѣрія; отъ невѣжества усилилась порча богослужебныхъ книгъ и произошелъ крайній упадокъ нравственности. Стоглавому собору предстояло на всѣ эти непорядки обратить вниманіе. Засѣданія собора происходили въ царскихъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія „пастыря мудраго и просвѣщеннаго" и открыты были рѣчью царя, гдѣ онъ особенно жаловался на небрежное ученіе, какъ причину крайней малограмотности ставленниковъ. Соборъ въ отвѣтахъ своихъ приводитъ свидѣтельство ставленниковъ, что они учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ затѣмъ, что имъ больше негдѣ учиться, но что родители ихъ и мастера сами мало знаютъ, тогда какъ прежде

въ разныхъ городахъ существовали училища, въ которыхъ обучали чтенію, письму и церковному пѣнію. Въ главѣ 25 „о дьяцѣхъ хотящихъ во діаконы и въ попы становитися“ [1]) читаемъ: „Иже есть діяки, которіи хотящіи діяконства и священничества, а грамотѣ мало умѣютъ... да и о томъ ихъ святители истязаютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣты чинятъ: мы де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитеся негдѣ. Колько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ, а отцы ихъ и мастеры сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да учиться имъ негдѣ. А прежде сего училища бывали въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ, и по инымъ градомъ многіе грамотѣ, писати и пѣти, и чести учили, потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много, но писцы, и пѣвцы, и четцы славны были во всей земли и до днесь“. Обсудивъ вопросы и отвѣты, соборъ постановилъ учинить въ домахъ священниковъ и дьяковъ училища, гдѣ бы дѣти могли учиться грамотѣ, церковному пѣнію и чтенію божественныхъ книгъ.

Въ главѣ 26-й находится: „Отвѣтъ соборной о училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ“. „И мы о томъ соборнѣ уложили. по царскому совѣту. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ. и по всѣмъ градомъ. тѣмъ протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ. со всѣми священники и діяконы. коемуждо въ своемъ градѣ по благословенію своего святителя. избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діяконовъ, и діяковъ женатыхъ и благочестивыхъ. имущихъ въ сердцыхъ страхъ Божій. могущихъ и иныхъ пользовати и грамотѣ чести и пѣти и писати гораздивы. и у тѣхъ священниковъ и у діяконовъ и у діяковъ учинити въ домѣхъ училища. чтобы священницы и діяконы и всѣ православные христіане. въ коемждо градѣ. давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ. книжнаго писма и церковнаго пѣнія и чтенія налойного. и тѣ бы священники. и діяконы. и діяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати, и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, но и паче же всего учениковъ

[1]) Стоглавъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. 1863.

бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли бы отъ всякаго плотскаго растлѣнія... но и паче же ото всякія нечистоты, чтобы имъ вашимъ береженіемъ и поученіемъ пришедъ въ возрастъ достоинымъ быти священническому чину, да учениковъ бы есте своихъ и во святыхъ божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, и чтенію и конарханію по церковному чину, и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, коль сами умѣсте, и силы бы имъ писанія сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши всѣ книги учили“.

Итакъ, для поднятія просвѣщенія соборъ считалъ нужнымъ завести училища въ каждомъ городѣ въ домахъ священниковъ и дьячковъ; причемъ поставлялъ на видъ, чтобы священники и дьячки учили бы дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ (наставленіемъ), болѣе же всего учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ.

Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образцовъ, какъ греческіе живописцы писали, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять, причемъ соборъ обращалъ особенное вниманіе на нравственныя качества живописца: „подобаетъ бо быти живописцу смирну и кротку. благоговѣйну. не празднословцу. ни смѣхотворцу. ни сварливу. ни завистливу. ни піяницы. ни убійцы. но же всего хранити чистоту душевную и тѣлесную и съ превеликимъ тщаніемъ писати и воображати на иконѣхъ и на декахъ Господа нашего Ісуса Христа и пречистую его Богоматерь . . . и всѣхъ святыхъ по образу и по подобію и по существу смотря на образъ древнихъ живописцовъ и знаменити съ добрыхъ образцовъ“ [1]).

Относительно богадѣльныхъ домовъ соборъ предлагалъ: „царь да повелитъ по всѣмъ городамъ переписать немощныхъ, престарѣлыхъ, кромѣ здравыхъ строевъ (молодыхъ, способныхъ къ работѣ людей); устроить въ каждомъ городѣ богадѣльни мужскія и женскія, и не имѣющихъ гдѣ главу подклонити помѣщать туда, и снабжать всѣмъ содержаніемъ, принимать для поддержанія сихъ

[1]) Глава 43 „о живописцѣхъ и честныхъ иконахъ“.

богадѣленъ и доброхотную милостыню; приставить къ нимъ крѣпкихъ тѣломъ рабочихъ людей и женщинъ, для приготовленія пищи, сколько будетъ нужно; поручить надзоръ надъ богадѣльнями добрымъ священникамъ, цѣловальникамъ или и другимъ гражданамъ, чтобы они имѣли попеченіе о соблюденіи порядка въ богадѣльняхъ и спокойствіи призрѣнныхъ, а сверхъ того, священникамъ вмѣнять въ обязанность, чтобы они приходили въ богадѣльни и поучали живущихъ тамъ благочестію и доброй нравственности, исповѣдывали и пріобщали больныхъ, погребали умершихъ, и поминали ихъ на церковныхъ службахъ".

Для исторіи народныхъ обычаевъ, вѣрованій и суевѣрій интересна глава 41, гдѣ указывается на обычай ѣздить въ церковь къ вѣнчанію съ органниками, гусельками и пѣніемъ бѣсовскихъ пѣсенъ, на гаданія въ Аристотелевы врата и Рафли, по звѣздамъ и по планетамъ, на суевѣрное почитаніе среды и пятницы, на суевѣрныя и гадательныя книги: Рафли, Шестокрылъ, Вороноград, Острономій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочетье, Аристотелевы врата, на языческіе обычаи и игры и пр. Причину всѣхъ нестроеній, суевѣрій и пороковъ отцы собора видятъ въ упадкѣ древнихъ преданій, въ отступленіи отъ древнихъ уставовъ и правилъ благочестія, и потому средствомъ къ исправленію считаютъ возстановленіе упадшихъ уставовъ. „Соборъ стремится возстановить древніе церковные правила и уставы, справедливо замѣчаетъ г. Порфирьевъ [1]), но въ немъ самомъ не видно твердаго знанія этихъ правилъ и уставовъ; онъ указываетъ на нихъ большею частью въ общихъ фразахъ „по священнымъ правиламъ", „по преданію св. апостолъ и св. отецъ", „по уставу"; а если и приводятся самыя правила, то неполно и неясно и часто въ „искаженномъ видѣ". Соборъ предписываетъ пастырямъ церкви учить народъ, но это предписаніе, разумѣется, было мертвой буквой при той неграмотности пастырей, о которой засвидѣтельствовалъ самъ же соборъ. Послѣ этого неудивительно, что благія намѣренія Стоглава искоренить развившіеся въ русской жизни пороки и заблужденія

---

¹) Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Казань. 1886 г. ст. 538.—Макарій. Ист. Рус. Ц., т. VI, ст. 233—235.

остались безуспѣшными. Отцы собора мало обратили вниманія на внутренній источникъ всѣхъ суевѣрій и пороковъ, а остановились на внѣшнихъ безпорядкахъ. Эти внѣшніе безпорядки, разумѣется, больше всего поражали; но они были слѣдствіемъ внутреннихъ недостатковъ — слѣдствіемъ упадка въ русской жизни духа вѣры и благочестія, подавленнаго невѣжествомъ и мертвою обрядностью; а между тѣмъ на исправленіи этой обрядности отцы собора преимущественно и остановили свое вниманіе. Въ этомъ отношеніи Максимъ Грекъ стоялъ выше отцовъ собора; онъ лучше и глубже понималъ корень всѣхъ нестроеній въ русской жизни и требовалъ не внѣшняго, но внутренняго, нравственнаго исправленія, разумнаго пониманія духа вѣры и благочестія и истиннаго христіанскаго просвѣщенія.

Что касается вообще произведеній словесности XVI в., то мы должны сказать, что въ нихъ выражается, съ одной стороны, стремленіе къ критическому разбору недостатковъ русской жизни, вмѣстѣ съ заботою объ ихъ исправленіи, а съ другой—стремленіе подвести итогъ подъ выработанныя издавна начала, правила и обычаи. Такъ Максимъ Грекъ сдѣлалъ строгій разборъ всѣхъ недостатковъ современной жизни, умственной, религіозной и нравственной. Такой же разборъ религіозно-церковной жизни произведенъ отцами Стоглаваго собора. Такой же кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни представляетъ въ себѣ Домострой (о чемъ ниже). Въ области литературной такое же значеніе итога или свода имѣетъ сборникъ митр. Макарія—Великія Четьи Минеи, въ которомъ собраны почти всѣ книги, находившіяся въ употребленіи у нашихъ предковъ, и въ которомъ, слѣдовательно, подведенъ итогъ богатствамъ древней письменности. Главное богатство въ ней составляли житія Святыхъ, которыя до сихъ поръ разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ; Москва, собравшая всѣ областныя силы русскаго государства, становится центромъ и всѣхъ мѣстныхъ Святыхъ, собирая сказанія о нихъ въ одинъ сборникъ.

Изъ жизни Святыхъ больше всего возбуждали интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, житія русскихъ Святыхъ. На нихъ преимущественно и обратилъ вниманіе Макарій при составленіи своихъ Четій-Миней. Большую часть остальныхъ входящихъ въ ихъ составъ

сочиненій Макарій находилъ готовыми, и ему нужно было только заняться исправленіемъ и перепиской ихъ; но не то было съ житіями русскихъ Святыхъ. Онъ долженъ былъ заботиться объ исправленіи старыхъ редакцій житій, составленіи новыхъ, и вообще дѣятельность его въ этомъ отношеніи столь важна, что цѣлый современный ему періодъ въ русской агіобіографіи можно назвать Макарьевскимъ. Трудъ Макарія имѣетъ громадное значеніе въ русской литературѣ, такъ какъ безъ него множество замѣчательныхъ русскихъ сочиненій остались бы намъ неизвѣстны. Но еще больше заслуги Макарія для русской литературы въ томъ, что онъ своими Четьими-Минеями представилъ намъ яркую картину тогдашней образованности. Въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ ему наукъ. По нимъ можно судить, что не широкъ былъ умственный горизонтъ образованнаго человѣка XVI вѣка. Библія, творенія отцовъ церкви, преимущественно Василія Великаго и Дамаскина, книги въ родѣ сочиненія Косьмы Индикоплова, множество отдѣльныхъ статей о великихъ и невѣроятныхъ явленіяхъ природы—вотъ и весь матеріалъ для знаній, которыя пріобрѣталъ образованный тогдашній человѣкъ объ окружающей его природѣ. Путевыя записки въ родѣ странника Даніила и т. п. давали ему свѣдѣнія по географіи, а съ исторіей онъ знакомился по библейскимъ разсказамъ, хронографамъ, хроникамъ и всякаго рода житіямъ Святыхъ. Эти послѣднія были болѣе всего распространены въ массѣ и для тогдашняго общества отчасти замѣняли и нынѣшнюю беллетристику.

Въ XVI вѣкѣ было положено начало типографскому искусству въ Россіи.

Какъ Максимъ Грекъ, такъ и Стоглавый соборъ обратили вниманіе на искаженіе богослужебныхъ книгъ невѣжественными переписчиками. Для пресѣченія этого зла, одной изъ лучшихъ мѣръ являлось однообразное ихъ изданіе, и потому царь Іоаннъ, по совѣту митр. Макарія, рѣшилъ завести въ Москвѣ типографію.

Въ 1563 г. два мастера печатныхъ дѣлъ, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, начали заниматься книгопечатаніемъ, и въ мартѣ 1564 г. окончено было печатаніе

„Дѣянія Апостольска и посланія соборная и Святаго Апостола Павла посланія“, а въ 1566 г. былъ отпечатанъ Часословъ.

На первыхъ же порахъ книгопечатанія пришлось бороться съ предразсудками невѣжественныхъ людей. Кромѣ этого въ то время въ Москвѣ существовалъ обширный классъ „доброписцевъ“, которые занимались перепискою книгъ. Книгопечатаніе отнимало у нихъ работу и лишало доходовъ. Все это было причиною, что первыхъ типографщиковъ обвинили въ ереси и волшебствѣ, въ связи съ нечистою силою. Ѳедоровъ и Тимоѳеевъ бѣжали изъ Москвы въ Литву. Однако устроенная ими въ Москвѣ типографія уцѣлѣла, книги печатались и мало-по-малу распространялись въ народѣ.

Для того, чтобы ознакомиться съ идеальными личностями древне-русской жизни, необходимо обратиться къ житіямъ Святыхъ. Здѣсь изображается тотъ высшій, нравственный міръ, къ которому тяготѣли наши предки.

Начиная свой разсказъ, авторъ житія тотчасъ же переносится своимъ восторженнымъ духомъ къ высокому идеалу нравственнаго совершенства въ лицѣ того угодника, о которомъ повѣствуетъ.

Въ началѣ XVII столѣтія сыновья любовь вдохновила нѣкоего Каллистрата Осорьина описать житіе своей матери Юліаніи Лазаревской. Особенный интересъ этого житія состоитъ въ томъ, что оно переноситъ насъ въ боярскую семью XVI вѣка, такъ мало намъ извѣстную, и вращается около особы, которая составляетъ ея средоточіе, около вѣрной жены и нѣжной матери. Мы приведемъ здѣсь главнѣйшія черты этого житія [1]).

„Въ г. Муромѣ отъ Іустина Недюрева ключника родилась блаженная Юліанія. По смерти своей матери, она осталась шести лѣтъ; ее взяла бабка и воспитывала ее шесть лѣтъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ. Блаженная же отъ молодыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ (у которыхъ потомъ жила) и во всемъ была имъ

---

[1]) См. Ѳ. Буслаевъ. Древне-русская народная литература и искусство, т. II, Спб. 1861 г. Идеальные женскіе характеры древней Руси. Ст. 251—263.

послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры надъ ней смѣялись. Отъ смѣха и всякой игры удалялась. Только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла; сиротъ и вдовъ, и немощныхъ въ веси той всѣхъ обшивала, и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія, и всѣ дивились ея разуму и благовѣрію. Не было въ той веси церкви, ни вблизи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ прочитаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ наставляема была нраву добродѣльному.

Когда ей минуло 16 лѣтъ, она отдана была замужъ въ г. Муромѣ мужу доброродну и богату, именемъ Георгію Осорьину. Вѣнчалъ ихъ іерей Пименъ, который и научилъ ихъ страху Божію, по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ, какъ жить мужу съ своею женою, и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ. Она же внятно, со всѣмъ прилежаніемъ послушала божественнаго ученія... и дѣломъ все исполнить старалась. Свекорь (богатый и доброродный) поручилъ ей править все домовое хозяйство. Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла къ нимъ (роднымъ мужа), ни въ чемъ не ослушивалась, не перечила, но много почитала ихъ, и все повелѣнное ими непрекословно совершала; такъ что и свекорь и свекровь дивились, и всѣ родственники ихъ. И многіе испытывали ее въ рѣчахъ и отвѣтахъ; она же на всякій вопросъ давала благочестный и смысленный отвѣтъ; и всѣ дивились ея разуму и славили Бога. Ея мужъ, занятый царскою службою, хотя и зналъ грамотѣ, но до женитьбы своей мало упражнялся въ дѣлахъ благочестія. Юліанія не только сама молилась, но и мужа своего учила прилежно молиться, такъ какъ видѣла въ этомъ свой святой долгъ. Она постоянно занималась дѣломъ, какъ говоритъ житіе, „прилежно локти свои на веретено утверждала и на пяличное дѣло". И продавая работу свою, деньги раздавала нищимъ. Была она хитра (искусна) пяличному дѣлу. Многую милостыню тайно отъ свекра и свекрови творила. И все это дѣлала по ночамъ, чтобы никто не узнавалъ. А днемъ домовное хозяйство

безъ лѣности правила. О вдовахъ и сиротахъ, какъ настоящая мать, заботилась; своими руками кормила и поила, обмывала и обшивала.

Всѣ въ домѣ ея были одѣты и насыщены, и каждому дѣло, по силѣ его, давала; а гордости и величанья не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобы ей кто на руки воды подалъ, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ, но все сама собою творила. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и она себѣ въ тяжесть вмѣняла, и всегда со смиреньемъ укоряя душу свою говорила: „кто же я сама убогая, что предстоять мнѣ такіе же человѣки, созданье Божіе?“ Когда гнѣвъ Божій постигъ русскую землю, и наступилъ великій голодъ, отъ котораго много людей умирало, Юліанія многую милостыню творила тайно отъ всѣхъ. Брала у свекрови себѣ пищу, будто бы на утреннее и полуденное яденье; и отдавала нищимъ. Когда же кто изъ нищихъ умиралъ, она покупала умиральныя ризы и на погребенье посылала деньги. Вскорѣ послѣ голода, былъ на людей сильный моръ. Многіе помирали болѣзнію, прозванною пострѣломъ. И многіе неразумные, изъ боязни, въ домахъ своихъ запирались, и язвенныхъ пострѣломъ къ себѣ не пущали, и къ одеждѣ ихъ не прикасались. Блаженная же, тайно отъ свекра и свекрови, зараженныхъ многихъ, своими руками въ бани обмывая, исцѣляла и Бога молила объ исцѣленіи. . . .

Было у нея десять сыновей и три дочери. Ненавидящій добро дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить: и воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами: но она все смысленно и разумно разсуждала и усмиряла. И когда одного изъ сыновей убилъ рабъ, а другой умеръ на царской службѣ, то хотя и скорбѣла, но душевно, а не тѣлесно. Не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлаютъ другія женщины, но днемъ поминала дѣтей своихъ милостынею и кормлею нищихъ, а ночью молилась Богу. Бѣднымъ во всѣмъ помогала. Плакалась, видя человѣка въ бѣдѣ. съ рабами же, какъ съ родными дѣтьми, обходилась. Провинившимся рабамъ и рабынямъ, вмѣсто грозы, милованье творила и отъ божественныхъ писаній поучала, а не бранью и по-

боями. Хотя и не умѣла она грамотѣ, но любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ, и каждое слово слышала, внятно понимала. Предъ смертью собравъ дѣтей, поучала ихъ о любви, и о молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ".

И вчитавшись въ эти немногія строки житія, развѣ не тронетъ читателей идеальный образъ Юліаніи. Вы видите изъ житія, что кроткая и благочестивая Юліанія съ раннихъ лѣтъ отличалась нѣжностію и теплотою чувства, восторженною набожностью и преданностью своему долгу и обязанностямъ. Обо всѣхъ она заботилась въ домѣ; и всѣ были одѣты и насыщены, она ни отъ кого не требовала услугъ, но все сама старалась дѣлать. Будучи весьма любвеобильна, она умѣла сохранить твердость воли и безропотно встрѣчала невзгоды и бѣдствіи, постигавшія ее въ жизни. Не рыдала, не рвала на головѣ волосъ, когда убили ея сына, но скорбѣла душой. Общественныя бѣдствія, проносившіяся надъ нею, только изощряли ея любящее, сострадательное сердце. Не только кормила она нищихъ и отдавала имъ послѣднюю копѣйку, но заботилась о нихъ и во время всеобщаго голода и моровой язвы. Послѣдній кусокъ хлѣба готова была отдать голоднымъ, а во время моровой язвы не боялась прикасаться къ зараженнымъ, она сама утѣшала ихъ, обмывала и исцѣляла, не гнушаясь язвъ, не страшась смерти. Конечно, все было кругомъ сѣро и мрачно, грубость и невѣжество господствовали повсюду; Юліаніи хотя и не могли вполнѣ понять и оцѣнить окружающіе, но образъ ея могъ воспитывающимъ образомъ дѣйствовать на дѣтей и подростающее поколѣніе, показывалъ достойный примѣръ христіанской нравственности и любви къ людямъ. Что образъ этотъ западалъ въ сердца, видно хотя бы изъ почтеннаго стремленія сына оставить его въ назиданіе потомству и съ этою цѣлью описавшаго житіе своей матери.

Изъ сказаннаго видно, что въ XVI вѣкѣ начинаютъ яснѣе проявляться заботы о просвѣщеніи. Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ знаній и стремился распространить въ Россіи истинныя начала христіанской вѣры и точныя научныя понятія. Онъ важенъ для насъ не только своими сочиненіями, но и тѣмъ нравственнымъ влія-

ніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ способствовалъ образованію значительнаго числа русскихъ людей. Стоглавый Соборъ старался устранить безпорядки въ религіозно-церковной жизни поднятіемъ образованія, заведеніемъ училищъ, по крайней мѣрѣ, на дому у священниковъ и дьячковъ, съ тѣмъ чтобы въ этихъ училищахъ обучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, чтенію и конорханію. Митрополитъ Макарій своими Четьими-Минеями далъ намъ яркую картину образованности XVI вѣка; въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ въ то время знаній. Домострой далъ намъ кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни.

Несмотря на то, что образованіе и просвѣщеніе XVI вѣка стояло на небольшой высотѣ, нѣкоторыя отдѣльныя личности представляютъ большой интересъ для исторіи педагогіи. Такою высокою идеальною личностью для своего времени мы считаемъ Юліанію Лазаревскую. По своей самоотверженной любви, по преданности долгу и семейнымъ обязанностямъ, по твердой воли и умѣнью переносить несчастія она вызываетъ глубокія симпатіи и могла воспитывающимъ образомъ дѣйствовать не только на своихъ дѣтей, но и вообще на послѣдующее поколѣніе, которое поучалось ея жизнью.

Источники и пособія: Стоглавъ. Спб. 1863 г. Изд. Д. Е. Кожанчикова.—Порфирьевъ. Исторія рус. слов. т. I.—Ѳ. Буслаевъ. Древне-русская народная литература и искусство, т. II. Спб. 1861.

Глава X.

Педагогическое значеніе древне-русскихъ сборниковъ „Пчелы" и „Прологи".

Изслѣдователь древне-русской жизни приходитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что въ ней весьма важную роль играли древне-русскіе сборники. Историко-литературное значеніе Пчелъ, Златоуста, Измарагда и Домостроя достаточно признано; историку русской педагогіи и просвѣщенія предстоитъ собрать важнѣйшія педагогическія и нравственныя идеи, въ нихъ заключающіяся, для того чтобы показать, чѣмъ жило и руководилось древне-русское общество. Но такой трудъ въ полномъ объемѣ не подъ силу въ настоящее время одному человѣку, такъ какъ многіе изъ сборниковъ вовсе не обслѣдованы и требуютъ многихъ лѣтъ кропотливыхъ изслѣдованій и изысканій въ нашихъ книгохранилищахъ. При своемъ изслѣдованіи мы будемъ пользоваться Пчелою В. Семенова, изслѣд. объ Измарагдахъ В. Яковлева, Домостроемъ И. Е. Забѣлина и нѣкоторыми рукописными сборниками [1]).

Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ— доставить назидательное чтеніе; они читались и многократно переписывались; мысли, проводимыя ими, нечувствительно входили въ воззрѣнія грамотныхъ людей того времени.

Пчела если и можетъ быть названа сборникомъ, то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ называются этимъ словомъ Златоустъ или Измарагдъ: это антологія, составленная не изъ отдѣльныхъ статей, имѣющихъ самостоятельное значеніе, а изъ афоризмовъ, краткихъ изреченій разныхъ писателей, изреченій, распредѣленныхъ по содержанію на отдѣльныя главы или рубрики.

Пчела, какъ извѣстно, была любимѣйшею книгою въ древней Руси, многократно переписывалась, дополнялась и измѣнялась. Она оказывала довольно значительное вліяніе не только на древнерусскую литературу, но и на нравственныя и педагогическія воз-

[1]) Изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго.

зрѣнія древней Руси. Пчела существуетъ во множествѣ списковъ отъ XIV до XVIII вв. и заключаетъ въ себѣ изреченія, выбранныя изъ Св. Писанія, твореній Св. Отцовъ и классическихъ писателей: Платона, Сократа, Пиѳагора, Аристотеля и мн. др. Однѣ Пчелы переведены съ греческаго; другія русскаго состава.

Недавно, благодаря трудамъ В. Семенова, издана Древняя русская Пчела по пергаментному списку, относящемуся къ XIV—XV вв. [1]).

Извлечемъ изъ нея важнѣйшія нравственныя и педагогическія идеи:

На первыхъ страницахъ мы встрѣчаемъ ученіе о незлобіи: „не одолѣи злобою благодаті, но одолѣи благодатию злобѣ“ (апостолъ ст. 1); „не твори зла и не постігнеть тебе зло“ (ib.); „подобає писанье твердо имѣти, а дѣла свѣтла, и равенъ будеши Богу, аще не сотвориши ничтоже недостоино ему“ (Демокритъ, ст. 12): „медляя починаи дѣло, поченже въ борзѣ кончаи“ (ib.).

Въ словѣ 2 о мудрости находимъ: „не дѣти бываите умомъ, но злобою млади будите, а умомъ же свершени“ (отъ апост. ст. 16 и 357); „яко же солнце просвѣщаетъ очи всѣмъ имѣющимъ, такоже и мудръ мужь просвѣщаеть вся елико прикасаються словесному етьству“ (ст. 164). О значеніи философіи говорится: „дѣлатель землю мягчитъ а философ душю“.

Источникомъ и основаніемъ мудрости Пчела признаетъ добродѣтель: „источникъ и мати и коренье мудрости добродѣтель е, а все лукавьство от безумья починаеться“ (Златоустъ ст. 17). „мудрость же надъ всѣми добродѣльми царствуетъ“, однако „смѣшно есть, иже глаголєть, яко мудрость безъ ученья есть: безъ нея бо нѣсть ползы, отъ инѣхъ ремествъ, та бо есть владыко господьство (?) и красота и чинъ съ подобиемъ коегождо исправливаеть“ (ст. 19).

Громадное значеніе любви не разъ отмѣчается: „аще языкомъ глаголю и англьскымъ, любви же не имамъ, быхъ аки мѣдь звенящи и акы кумвал звяцая. аще раздаю имѣние свое или дамъ тѣло свое на съжьжение огню, любви же не имамъ, ничтоже

[1]) Спб. 1893. Пергаментный списокъ Пчелы хранится въ Император. Публичной Библіотекѣ, куда онъ поступилъ въ 1845 г. изъ собранія Фролова.

есмь" (ст. 54), и далѣе: „вражды конецъ вѣдаи, а любви не вѣдаи" (ст. 56).

Пчела рекомендуетъ словесное воздержаніе: „Буди всякъ человѣкъ скоръ на послушание, а лѣнивъ на глаголание, и аще кто словомъ не согрѣшаеть, то свершенъ есть, мога обуздати все тѣло свое" (ст. 147 и 191, апостолъ,), ибо „ни птицы упущены скоро можеши опять яти, ни слова изъ устъ вылетѣвъша възвратити можеши и яти„ (ст. 195); но этимъ нисколько не отрицается значеніе и даже могущество слова, напротивъ: „якоже и коневи рзание, и псу брехание и волови рютье (мычанье) и лютому звѣрю риканье дано есть, да то ихъ знаменье есть, такоже и человѣку слово, да то его знаменье, то же его градъ, то же оружье, то же и стѣна, сь животенъ боголюбенъ кромѣ всѣх животъ симъ почтенъ есть" (ст. 152), и далѣе „слово аки благы жител одѣваеть душю образомъ" (Демокритъ ст. 154) и „уши свои не ко всѣмъ прикланяи словомъ, слово бо зло злу дѣлу наставникъ есть„ (Менандръ 155.); „съ рече яко естьство человѣче, такы и рѣчи" (Онопидъ ст. 156); „кротъко слово разрушаетъ гнѣвъ" (187 ст.); „мѣра вѣсомъ, а истина мудрыми словесы исправиться" (Плутархъ ст. 283).

Труду приписывается большое значеніе, ему даже посвящена отдѣльная глава (32-я) о страдолюбіи: „съ тяжимъ трудомъ съ радостью прнято есть и съхранено, а еже добыто безъ труда скоро преобидяться" (Св. Василій ст. 269); „вездѣ лютостью и трудомъ къ человѣкомъ прібываютъ полезная" (Златоустъ ст. 270) и: „блудныя есть мужь то иже чести ищеть себѣ, а страды (труда) бѣгаеть, от неяже и честь ростеть" (Евагр. ib.); „естьственное добродѣяние истлѣваеть лѣность, а безумье исправляеть ученье" (Плутархъ ст. 271); „присное (частое) веселие и сладость обыкъшимъ пакостить зѣло и скоро сътваряеть и (ихъ) немощьна, трудъ же и во инѣхъ пользуеть (и силу подаваеть)". (Златоустъ ст. 271). Поэтому рекомендуется научить тѣло трудиться, а душу съ твердостью переносить непріятности.

Что касается собственно ученія и воспитанія, то въ этомъ отношеніи въ Пчелѣ находимъ нѣсколько важныхъ мыслей; одну изъ такихъ прекрасныхъ мыслей мы находимъ на ст. 148: „Уча

учи правомъ, а не словомъ; иже словомъ мудръ, а дѣла его несвершена, то хромъ есть, а иже языкъ доброглаголивъ имѣетъ, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятенъ есть; но то правыи, иже малы о добродѣяньи глаголеть, а добродѣяпья добрѣ являеть и прілагаеть вѣру къ своему ученію житьемъ своимъ". И далѣе: „тогда учитель свершіть и вѣренъ бываетъ уча, егда дѣяниемъ учить по апостольскому глаголу, яже начатъ Іисусъ творити и учити" (ст. 150); „учитель нравомъ да покорить ученика, а не словомъ" (эпихарии ст. 155).

О томъ, что ученье должно быть пріемлемо съ радостью, должно быть пріятно и интересно учащимся; видимъ изъ слѣд. словъ Св. Василія: „насильно учение не можеть твердо быти, съ радостию же и веселиемъ входя твердо прилежить къ душамъ внимающимъ" (ст. 157). „Сь въпросимъ, что сладко въ всемъ житии, и рече: учение и наказание и вѣданье первыя вещи" (ст. 171).

Въ рукописномъ сборникѣ „Пчелы" [1]) находимъ слѣдующія изреченія:

„А конецъ добродѣтели имѣти въ помышленіи покаяніе и любовь ко всѣмъ". „Узокъ бо есть путь терпѣние и правда". „Не богатство рай отверзаетъ, ни широкаго пути сладость, но нищета". „Казни сына твоего и покоитъ на старость твою" (листъ 2). „Не радуйся о неправдѣ, радуйся же о истинѣ" (Давидъ, листъ 3). „Безмолвие бо рождаетъ чистоту, а кротость рождаетъ милостыню, а милостыня есть души спасеніе, а жестокосердіе рождаетъ гнѣвъ и унынiе" (л. 11).

Терпѣніе и смиреніе высоко ставятся: „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша, претерпѣвый до конца той спасется". „Имѣя смирение покоряетъ бѣсы, а не имѣя смирения покоренъ будетъ бѣсомъ". „При славѣ буди смиренъ, а при печали мудръ" (л. 3). „Смиряйся вознесется, а возносяйся смирится" (Сираховъ). „Смиренъемъ душа украшается аки невѣста манисты". „Аще печаленъ еси помолися Богу, радостенъ ли еси смирися" (листъ 25). „Постомъ душа просвѣщается аки мрачный день солнечнымъ си-

---

[1]) Повидимому, относящемся къ XVII в.; изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго.

рѣчь солнцемъ". „Страхомъ Господнимъ душа утверждается аки добрый нестрашливый воинъ браннымъ оружиемъ" (листъ 27). О необходимости добрыхъ дѣлъ говорится словами апостола: „Аще кто християнинъ нарицается и вѣру праву имѣя, а дѣлъ добрыхъ не творитъ, то подобенъ есть имущу лицю без очесъ якоже бо тѣло без души тако и вѣра без дѣлъ" (листъ 25 об.).

„Аще кто милостыню дастъ нищимъ, то Христу в руцю влагаетъ" (л. 33). „Лучше храма Божія воскомъ не просвѣщати нежели убогихъ обидѣти" (л. 33 об.). „Творя заповѣди Божия то любитъ Бога и Богъ его возлюбитъ" (л. 30).

Послушаніе считается дѣломъ весьма важнымъ: „Послушание больши есть поста и пустыннаго жития. Самъ бо Господь нашъ Іисусъ Христосъ послушливъ бывъ даже до смерти" (л. 10).

О значеніи доброй жены говорится: „Добра жена мужа и по смерти спасетъ, а злая жена мужа и при животѣ загубляетъ" (л. 23). „Первое добро жена лѣпотою лица своего, второе веселиемъ взора, третие еже возрастомъ и чистотою тѣла своего, аще будетъ держитъ чисто тѣло свое можетъ добро быти всякое дѣло ея и по вся часы веселится оне мужъ ея . . . аще ли скверно держитъ тѣло свое зло есть и все дѣло ея и по всякъ часъ печалию упивается мужъ ея" (лист. 24).

Читая эти изреченія Пчелы, намъ могутъ сказать, что это выдержки изъ Библіи, Св. Отцевъ, Евангелія, древнихъ классическихъ писателей и т. п., что здѣсь нѣтъ или очень мало своего, оригинальнаго. Но напомню прекрасныя слова Н. А. Лавровскаго [1], что „въ старинной нашей литературѣ не различалось строго свое отъ чужаго: чужое или вполнѣ принималось за свое, если оно вполнѣ согласовалось съ понятіями, съ умственными и нравственными потребностями народа, или постепенно подводилось подъ уровень этихъ потребностей, согласовалось съ ними; усвоенное такимъ образомъ чужое становилось своимъ, начинало дѣйствовать на жизнь, какъ самостоятельно выработанный сю образовательный элементъ". Мысли, находимыя въ различныхъ спискахъ Пчелы, правда, афористичны, но только въ такомъ видѣ онѣ и

[1]) Памятники старин. русскаго воспит. ст. 1.

были доступны пониманію древне-русскихъ книжниковъ и начетчиковъ [1]), не получившихъ правильнаго школьнаго образованія, не прошедшихъ чрезъ строгую школу мышленія; отъ этого, впрочемъ, въ цѣнѣ онѣ ничего не теряютъ.

Историку просвѣщенія необходимо ознакомиться и съ Патериками.

Патерики заключаютъ въ себѣ житія Святыхъ; въ одномъ—египетскихъ, въ другомъ—синайскихъ, въ третьемъ—іерусалимскихъ; по ихъ образцу составился и у насъ патерикъ печерскій. Въ этихъ сочиненіяхъ правила богоугодной жизни представлялись въ примѣрахъ и въ живыхъ образахъ, что было вполнѣ согласно съ благочестивымъ настроеніемъ духа и жизни нашихъ предковъ. Иногда такіе сборники назывались „синаксарями", гораздо чаще „прологами". Синаксари отличались краткостью. При переводѣ съ греческаго на славянскій они получили названіе „прологовъ" по первой статьѣ и по предисловію, которое было помѣщено въ началѣ сборника. Въ своей русской формѣ Прологъ заключалъ житія Святыхъ греческой церкви, житія русскихъ Святыхъ и разнаго рода назидательныя повѣсти и поученія иногда съ апокрифическимъ элементомъ; статьи церковно-учительныя, каковы назидательныя повѣсти, поученія и богословскія разсужденія чрезвычайно разнообразны по формѣ и по содержанію. Это большею частью небольшія цѣльныя произведенія или извлеченія изъ твореній христіанскихъ подвижниковъ, встрѣчаемыя часто и въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ, но не мало между ними и статей самостоятельныхъ. Историкъ литературы отмѣтитъ въ ея памятникахъ многоразличныя отраженія Пролога: такъ указываютъ любопытныя параллели съ Прологомъ въ поученіи Владиміра Мономаха и въ Домостроѣ; для народныхъ духовныхъ стиховъ Прологъ во многихъ случаяхъ послужилъ источникомъ [2]). „Патерики

[1]) Эта афористичность, напротивъ, особенно приходилась по вкусу и по силамъ нашимъ предкамъ, которые безъ труда могли запомнить и употреблять ихъ по нуждѣ; изъ Пчелы приводитъ изреченіе Демокрита Вассіанъ, арх. Ростовскій, въ своемъ посланіи къ Іоанну III; многія изреченія изъ Пчелъ вошли въ пословицы.

[2]) См. Н. Петровъ. О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875 г. А. Пономаревъ. Славяно-русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Спб. 1890. См. А. Пыпинъ. Начатки русской литературы. В. Е. 1893. Книга 12.

синайскій и скитскій,—говоритъ г. Буслаевъ,—проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI в. до XVII в. включительно. Исторія о Варлаамѣ и Іосафатѣ Царевичѣ, вся основанная на идеализаціи пустынножительства, пользовалась въ древней Руси такою популярностью, что даже отразилась въ народной поэзіи стихами объ Асафѣ—царевичѣ и о похвалѣ пустынѣ. Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ Прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-русскую литературу и, скажемъ мы отъ себя, и на воспитаніе. Въ ежедневномъ чтеніи Пролога онѣ заучивались наизусть, нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли [1]).

„Большая часть проложныхъ поученій,—говоритъ проф. Н. Петровъ [2]),—такого содержанія и характера, что они одинаково могутъ быть прилагаемы ко всякому христіанину. Признакомъ истиннаго христіанина служатъ вѣра правая и добрыя дѣла. Область нравственныхъ проложныхъ поученій для всякаго христіанина опредѣляется двумя главными добродѣтелями: любовью къ Богу и ближнимъ. Иногда проложныя поученія общаго характера касаются и частныхъ пунктовъ христіанскаго правоученія. Эти пункты суть слѣдующіе: удаленіе отъ грѣховъ, особенно противообщественныхъ, покаяніе и причастіе, хожденіе въ церковь и благоговѣйное стояніе въ ней, дѣла милосердія къ ближнимъ, отношенія къ властямъ, семейныя отношенія между мужемъ, женою, дѣтьми и домочадцами“. По мнѣнію проф. Н. Петрова [3]), составъ проложныхъ поученій гораздо обширнѣе и лучше касается разнообразныхъ сторонъ русской жизни, чѣмъ другіе древне-русскіе сборники. Въ этомъ отношеніи съ Прологомъ могли бы поспорить Макарьевскія Четьи-Минеи, но онѣ по своей громадности не могли быть такъ доступными для каждаго и вліятельными, какъ Прологъ въ по-

---

[1]) Буслаевъ, Ѳ. Историч. очерки русской народной словесности и искусства II, 231—232.
[2]) Loc. cit.
[3]) О происхожд. и составѣ славяно-русскаго Пролога. Ст. 330.

учительномъ своемъ отдѣлѣ. Поэтому Прологъ можно назвать энциклопедическимъ сборникомъ свѣдѣній для древне-русскаго человѣка не только по другимъ отраслямъ знанія, но и по нравоученію". Древнѣйшій извѣстный списокъ славяно-русскаго пролога относится къ 1262 г.

Подъ названіемъ Старчества или поученій отъ Старчества разумѣется собраніе правилъ наставленій и примѣровъ, относящихся къ иноческой жизни. Они выбраны изъ житій святыхъ иноковъ-подвижниковъ и сочиненій Святыхъ, писавшихъ объ иноческой жизни: Ефрема и Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Анастасія Синаита и др. Къ этому роду сочиненій относится Лавсаикъ инока Палладія, Исторія Боголюбцевъ Өеодорита Кирскаго и Лимонарь (лучъ духовный или цвѣтникъ) Іоанна Мосха (VII в.).

Въ нашемъ распоряженіи былъ „Лімонарь сирѣчь цвѣтникъ мыдрыми Кирѣ іоанномъ софроніемъ и инѣми различными преподобными отцы сочиненъ". Въ главѣ 172-й говорится о Козьмѣ Схоластикѣ: „бѣ бо сей мужъ смиренномудръ, милостивъ, воздержателенъ, дѣвъственъ, братолюбивъ, нищелюбивъ, многу убо намъ сеи мужъ ползу творяши не токмо словомъ уча, но и множество книгъ имяше паче всѣхъ сущихъ иже во Александріи иже совсѣмъ изволеніемъ подаваше требующимъ, имѣнія не собираше, во всемъ дому его ничто же ино видѣти, точію книги, одръ и трапезу, всякому же человѣку входити къ нему и вопрошати юже на ползу и прочитати книги не возбранно бѣ; по вся же дни вхождахъ к нему и николиже обрѣтохъ его праздна: но или чтуща или па іюдея списующа, много бо ревность имыи, иже обращати іюдеи ко истиннѣ".

Въ главѣ 171 говорится о Зоилѣ чтецѣ, который постоянно трудился „не точію себѣ, но и инѣмъ готовъ служити и пребываше без покоя книги почитая и пиша".

Такимъ образомъ въ Лимонарѣ часто проводится мысль о необходимости и пользѣ чтенія книгъ для инока.

По поводу блудныхъ поползновеній нѣкоего монаха вдова говоритъ ему: „молю же тя убо воспряни и не мози погубити малыя ради похоти толикихъ лѣтъ дѣла их же с трудомъ стяжа и лишитися вѣчныхъ благъ".

Въ главѣ 217: „рече старецъ нѣкіи чада соль от воды есть аще прикоснется водѣ растаетъ невидима бываетъ такожде и минхъ отъ жены есть, и аще прикоснется женѣ, растлится и въ небытіе бываеть, сирѣчь умираеть душею“.

Въ Патерикѣ скитскомъ (XVI в.) находимъ слово св. Ефрема „о ползѣ души и о смиреніи“. Нач. „Да есте вѣдуще возлюбленіи, яко вси нравы сами въсдержатся съузъ любви духовней“ (лист. 384); въ словѣ „о нравѣхъ добрыхъ и злыхъ“ сказ. „Страхъ Божій отгонить вся злобы, а лѣность отгонить страхъ Божій: плененіе же грѣховное отгонить лучшаа нравы добрыа“.

Источники и пособія: Главный источникъ—„Древняя русская Пчела“ по пергаменному списку, трудъ Виктора Семенова. Спб. 1893 г. — Рукописная Пчела XVII в., на заглав. листѣ: „Пчела птица прилѣтаетъ на воскъ и на красные цвѣты. Отъ них же собираетъ мед и сотъ на приношение церкви и на услаждение домашнем (?). Такожде и премудрыи человѣкъ приклоняетъ главу свою на смирение и на премудрые словеса“.—Н. Петровъ. О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875.—Буслаевъ Ѳ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства.

Глава XI.

Златоустъ и „О воспитаніи дѣтей“ I. Златоустаго.

Въ древней Руси были извѣстны цѣлыя собранія святоотечественныхъ твореній или нѣкоторые отдѣлы ихъ, принадлежащіе Ефрему Сирину, Василію Великому, Григорію Богослову, пр. Нилу, Геннадію Константинопольскому, Іоанну Лѣствичнику, Антіоху, Максиму Исповѣднику, аввѣ Дороѳею, Ѳеодору Студиту, черноризцу Петру. Но ни одного отца церкви творенія не были такъ любимы и такъ распространены въ нашей древней письменности, какъ творенія св. Іоанна Златоустаго. Богатство мысли соединя-

лось въ его поученіи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, состоявшимъ чаще всего и главнымъ образомъ въ ясности, естественности и простотѣ. Много привлекало читателей и внутреннее содержаніе его наставленій. Іоаннъ Златоустъ—по преимуществу проповѣдникъ любви къ ближнимъ. Въ этомъ заключалась тайна силы его слова. Съ другой стороны, въ твореніяхъ св. Златоуста нѣтъ того суроваго аскетизма, который такъ сильно развитъ у болѣе позднихъ византійскихъ писателей. Во всѣхъ твореніяхъ его разлита какая-то особая жизнерадостная струя, свѣтлое воззрѣніе на прекрасный Богомъ устроенный міръ. Зато и любили наши предки этого возвышеннаго отца церкви.

„Іоаннъ Златоустъ былъ въ полномъ смыслѣ народнымъ проповѣдникомъ. Онъ входилъ въ разсмотрѣніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, съ необыкновенною заботливостью входилъ въ разсмотрѣніе различныхъ житейскихъ отношеній, говорилъ объ обязанностяхъ къ государству, властямъ, обществу, семьѣ, и всегда живыми и яркими красками рисовалъ идеалъ христіанина, гражданина и семьянина. Поэтому и понятно, что древне-русскіе сборники: „Златоструй“ и „Златоустъ“ заключали въ себѣ свѣжій и сильный образовательный элементъ для всего русскаго народа. Еще важнѣе для насъ другое убѣжденіе, что въ сочиненіяхъ І. Златоуста, независимо отъ ихъ просвѣтительнаго значенія, содержится богатый запасъ въ тѣсномъ смыслѣ педагогическихъ совѣтовъ, наставленій и правилъ, которые, сдѣлавшись однажды извѣстными, не могли не оставить глубокаго слѣда“.

„Весьма многіе изъ нихъ касаются отношеній мужа и жены, жены и матери въ семействѣ, ихъ взаимныхъ отношеній, правъ и обязанностей, касаются и вопроса о воспитаніи дѣтей. Эти положенія, высказанныя съ ясностью, свѣжестью и сердечнымъ одушевленіемъ, должны были произвесть сильное впечатлѣніе на древнерусскихъ читателей и способствовать установленію педагогическихъ правилъ и пріемовъ“.

„Такое достоинство педагогическихъ наставленій и правилъ І. Златоуста, какъ замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, было причиною того, что они съ давнихъ поръ начали входить въ педагогическія статьи нашихъ сборниковъ“. Какъ цѣнились они въ старину,

видно изъ того, что рѣдкій сборникъ не имѣетъ хоть одной изъ этихъ статей, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку варіантовъ одной и той же статьи.

Одинъ изъ самыхъ раннихъ сборниковъ словъ I. Златоустаго былъ сдѣланъ болгарскимъ царемъ Симеономъ, давшимъ своему труду названіе „Златоструяя" (т.-е. словеса).

Трудъ Симеона дошелъ до насъ, впрочемъ, уже въ довольно позднихъ сравнительно спискахъ XII в. и еще болѣе позднихъ XV и XVI вв., и, очевидно, ни одинъ изъ дошедшихъ списковъ не представляетъ собою подлинной редакціи труда. Въ самыхъдревнихъ спискахъ уже видны слѣды участія позднѣйшихъ „списателей", равно подобные слѣды замѣтны и въ спискахъ Златоструя XV—XVI вв.

Выборъ словъ преимущественно обще-моральнаго содержанія.

Цѣль составленія Златоструя выражена въ прилогѣ словами: „да въсякъ почитаяй я прилѣжьнѣ съ разумомь аште ся не лѣнить тьча. многу пользу въ нихъ души и тѣлу обрящтеть". Книга, слѣдовательно, должна была служить для назидательнаго домашняго чтенія. Соотвѣтственно этой цѣли и выборъ поученій почти не выходилъ изъ круга нравственныхъ наставленій.

Какъ распространены были поученія Іоанна Златоустаго въ нашей письменности, и какъ они нравились древне-русскимъ читателямъ, отчасти можно было видѣть и изъ того, что уже очень рано у насъ стали появляться и самостоятельные, принадлежавшіе русскимъ „списателямъ" сборники его поученій. Одними изъ таковыхъ были Златоусты. Златоусты извѣстны въ спискахъ XIV—XVII в., но древнѣйшая редакція ихъ должна быть отнесена ко времени гораздо болѣе раннему. Предполагаютъ, что древнѣйшую основу Златоустовъ составлялъ рядъ поученій на воскресные дни недѣль великаго поста и нѣкоторыхъ изъ предшествующихъ.

Въ послѣдующіе вѣка Златоусты пополнялись и разнообразились еще новыми дополненіями и вставками—въ Златоусты стали вноситься многія такія „слова" и поученія, которыя только приписывались Іоанну Златоусту, но принадлежали русскимъ авторамъ [1]).

[1]) Такъ по рукописи „Златоуста" Московск. Синод. библіот. № 231 къ этому разряду словъ можетъ быть отнесено „Поученіе отца духовного дѣтемъ душевнымъ отъ словеси Іоанна Златоустого" (лл. 23—24).

Въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько списковъ Златоустовъ XVI вѣка [1]).

Въ одномъ изъ нихъ, въ словѣ св. І. Златоуста „о крестѣ Господни и отверженіи Петровѣ“ говорится о значеніи послушанія: „Братіи пріимѣте покореніе доброе и честное послушаніе. Царь бо есть надо всѣми добродѣтелми пость; милостыня до небеси возводит человѣка, любы же и миръ до престола Божія, а покореніе и послушаніе одесную Бога... Покоренія, послушанія нс бездны можета человѣка извести. Аще сію кто стяжет не убоится въ будущемъ вѣце... всяка добродѣтел есть от тою рождается и милостыня и мир, любы, смиренне и прочая... Покореніе, послушаніе всяку добродѣтель ражает, вѣру и любовь, милостыню, постъ, молитву, нищелюбіе; покореніе (и) послушаніе; всяку отгонитъ злобу, зависть, ярость, ненависть, скупость, клевету, хулу, ересь, лихоиманіе, резоимство, гробленіе и пр.“.

Въ понедѣльникъ 3-ей недѣли поста въ поученіи І. Златоустаго „о уставѣ житія человѣческаго“ сказано: „Иже кто милостыню творит от своего труда, то Богови пріятно, а иже кто неправдою добывающе на худых и на сиротах емлеще. тѣм милостыню творит. и тѣмъ хощет Богови милъ быти, того Богъ ненавидитъ. Се же вы братіе глаголю любите другъ друга. и не осужайте никого же, ни завидите, ни хулите, ни укоряйте, ни лжи послуси будите, но в правдѣ и во смиреніи всякаго человѣка привечаите, аще не подаяніемъ, но словомъ добрымъ. и не стыдитеся старѣйшему главы своея подклонити. ни лѣнитеся пред честнѣйшими постояти. то бо все в честь Богу творите“.

Въ пятницу 2-й недѣли поста въ поученіи нѣкоего христолюбца къ духовнымъ братіямъ говорится:

„Риточникъ рѣче: казняй сына своего любить его. а не казня ненавидит его“.

Въ субботу сыропустную въ поученіи І. Златоустаго сказано: „Аще рече Господь оставляйте человѣком согрѣшенія, и вамъ оставитъ Отецъ Небесный. аще ли не оставите зло творящимъ и вамъ не оставятся грѣси. аще ли не оставиши зло творящим не

[1]) Изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго.

мошеши спастися. яко бо корень добродѣтели любы тако і всѣмъ злобам корен есть вражда"...

И. Е. Забѣлинъ въ своихъ „Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи" останавливается надъ Златоустомъ XVII в. „Главы настоящія сія книги, глаголемыя Златоустъ, другія половины, съ четверга послѣ Всѣхъ Святыхъ, первыя недѣли" [1]). Онъ указываетъ, что въ разсматриваемомъ Златоустѣ встрѣчаются параллельныя мѣста, почти слово въ слово съ Домостроемъ. Домострой выписываетъ цѣликомъ или только нѣсколько сокращаетъ „поученіе и наказаніе отца духовнаго"; главы XI, XII, XIII и XX почти вполнѣ заимствованы изъ Златоуста. Но лучше всего на подобныя заимствованія указываетъ глава XVII: „Како дѣти учити и страхомъ спасати", большая часть которой есть не что иное, какъ сплошная выписка съ незначительными варіантами изъ „Слова отъ притчей къ родителямъ и къ чадомъ", въ пятокъ 5 недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 160. Приведемъ изъ него важнѣйшія мѣста:

„Наказуяй сына своего отъ юности, и онъ тя покоитъ на старость твою и дастъ красоту души твоей. Не ослабляй бія младенца; аще жезломъ біеши его не умретъ, но паче здравъ будетъ; ты бо бія его по тѣлу, душу его избавляеши отъ смерти. Аще ли имаши дщери, положи на нихъ грозу свою и соблюдеши я отъ тѣлесныхъ грѣхъ, да не посрамится лице твое. Аще любиши сына своего, учащай ему раны, да возвеселишися последи о немъ. Накажи его доколѣ юнъ, и егда взмужаетъ, порадуешися о немъ, и посредѣ знаемыхъ похвалишися, и завистъ пріиметъ врагъ твой. Воспитай дѣтищи твои съ прещеніемъ и обрящеши покой о немъ и славу и благословеніе отъ Бога. Не смѣйся и не играй со младенцемъ своимъ, вмалѣ бо осклабишися, а во многѣ поскорбиши и поболиши о немъ и послѣди яко оскомизну зубомъ, тако печаль сотвориши души своей. Не давай воли дѣтищу во юности его, но сокруши ему ребра донележе растетъ. Еда како ожесточавъ неповинитъ ти ся, и будетъ ти отъ него досада люта, и болѣзнь души, и скорбь немала, и нищета дому, и погибель имѣ-

[1]) Рукопись хранится въ Архивѣ Оружейной Палаты № 3.

нію, и укоръ отъ сосѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, а предъ властьми платежъ и зла досада".

Приведенное слово „отъ притчей", такъ сходное съ Домостроемъ, если оно и русское сочиненіе, то въ свою очередь также составлено выборкою изъ словъ переводныхъ, что у нашихъ древнихъ составителей сборниковъ было въ большомъ ходу и даже въ особенномъ уваженіи; нѣкоторыя мѣста взяты изъ словъ І. Златоуста.

„Всѣ, сколько извѣстно, педагогическія статьи въ нашихъ старинныхъ сборникахъ", говоритъ Н. А. Лавровскій [1]), заимствованнаго содержанія. Ихъ можно раздѣлить на два рода: одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ преобладающій библейскій элементъ, содержаніе другихъ заимствовано изъ сочиненій отцовъ церкви, преимущественно Іоанна Златоуста. Утвердительно можно сказать, что Библія, особенно для древнѣйшаго времени, была главнымъ педагогическимъ источникомъ. Библейскія опредѣленія семейныхъ отношеній, библейскій идеалъ мужа и жены, отца и матери, сына и дочери, а также изображенія уклоненій отъ этого идеала пользовались у насъ въ старину неизмѣннымъ авторитетомъ. Главныя, сюда относящія книги Библіи, заключающія въ себѣ въ тѣсномъ смыслѣ воспитательный элементъ,—это книга Соломона и Іисуса сына Сирахова. Но такъ какъ и въ этихъ книгахъ изреченія, непосредственно относящіяся къ опредѣленію семейныхъ отношеній, рѣдко находятся болѣе или менѣе соединенными вмѣстѣ, а большею частью разсѣяны, то съ давнихъ поръ должна была явиться потребность соединить разсѣянныя педагогическія правила въ отдѣльныя цѣльныя группы, какъ для полноты и ясности ихъ разумѣнія, такъ и для примѣненія къ воспитательной практикѣ". Приведемъ здѣсь для образца выдержки изъ статьи „Слово и притчи и о наказаніи дѣтей къ родителемъ своимъ" [2]):

„Человѣци внемлите извѣсто о глаголемыхъ сихъ и наказаите измлада дети своя. глаголетъ божья премудрость. любяи

[1]) Памятники старинаго русскаго воспитанія.

[2]) Изъ Сборника XV в., по каталогу И. П. Б. № 209 Толст. I 214 прив. у Н. А. Лавровскаго. Памятники старинаго русскаго воспитанія, ст. 3. Эта статья часто встрѣчается въ Измарагдахъ, какъ увидимъ ниже.

сына своего жезла на него не щади. наказаи его въ юности да на старость свою покоиття. аци ли измлада не накажеши его. то ожесточавъ не повинетьтися... аще кто детеи своихъ не научить воли божьи, лютѣе разбойникъ осудится. убійца бо тѣло умрътвить. а родителье аще не научатъ, то душю си погубятъ [1].. не ослабляи наказая дѣти своя. аще бо бъеши жезломъ, то не умретъ. но паче здравье будетъ. душу бо его спасеши... любя же сына своего учащаи ранами его. да послѣди о немъ возвеселишися и среди знаемыхъ хвалу пріимеши, воспитаи детище въ наказаніи, да обрящеши славу и благословеніе отъ Бога. не даждь во юности дѣтищу воли. покازни его донелѣже ростетъ. да егда ожесточавъ не повинеттися и будетти досада отъ него люта. и болѣзнь души и скорбь не мала и тщета домови и погибель имѣнью. укоръ отъ сусѣдъ. посмѣхъ предъ врагы. того дѣла бываетъ предъ властели платежь. и зла досада. и братье и сестры слышавше сице накажите дѣти своя, не словомъ токмо но и раною. да ине не примите по нихъ отъ людеи срама..."

Такимъ образомъ приведенныя обѣ статьи изъ Златоуста XVII в. и изъ сборника XV в. весьма близки по духу и по содержанію.

Содержаніе другого рода педагогическихъ статей, встрѣчающихся весьма часто въ нашихъ старинныхъ сборникахъ, заимствовано изъ отцевъ церкви, преимущественно Іоанна Златоуста. Сочиненіе послѣдняго „О воспитаніи дѣтей" послужило образцомъ для множества статей этого рода.

Извѣстно, что педагогическіе совѣты, наставленія, не только разсѣяны въ сочиненіяхъ I. Златоуста, но и соединены вмѣстѣ въ одной довольно обширной статьѣ, которая вся посвящена воспитанію. Съ одной стороны, важность и интересъ содержанія этой статьи, съ другой—вообще расположеніе, господствовавшее у насъ издавна къ сочиненіямъ Златоуста, необходимо должно вести къ заключенію, что она хорошо извѣстна нашимъ старинным книж-

[1]) Эта мысль почти буквально заимствована изъ сочиненія I. Златоуста „О воспитаніи дѣтей". Тѣ родители, которые не радѣютъ о душѣ дѣтей, хуже дѣтоубійцъ, потому что убійца только тѣло отдѣляетъ отъ души, а тѣ и тѣло и душу ввергаютъ въ вѣчный огонь. IV. 406.

никамъ, а слѣдовательно должна войти въ наши старинные сборники.

Дѣйствительно, въ послѣднихъ встрѣчаются ея переводы, вѣроятно, древняго происхожденія. Мы приведемъ здѣсь переводъ этой статьи (выдержки) изъ сборника XVI вѣка [1]), гдѣ она помѣщена подъ заглавіемъ „О воскръмленіи дѣтіи“:

Молю вы и понуждаю много. о своихъ дѣтех творимъ (помышленіе поучающе ихъ на добродѣтель любовію же и прещеніемъ всячески, и спасенія ищетѣ тѣхъ души... (приводятся примѣры Іова, Авраама и Давида), подобаетъ убо смотрити родителемъ. не яко да оставятъ дѣти богаты сребромъ и златомъ. но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны. яко да немного требуютъ. да не въ житійская похотѣния всѣмъ умомъ уклонятся.. вѣсте бо яко не имущѣ добродѣтели ни единыя не пріимутъ отъ Бога милости. ты жь бы да конь добръ тѣмь купилъ. и домъ свѣтелъ и село велико. то все твориши и разсмотряеши о души ихъ. яко же бы добра была. ни словесе о томъ твориши. нъ неполезну любовь отци о дѣтехъ имутъ, не хотяще ранъ нанести на ня. и словесы запретити. ни оскорбити своихъ сыновъ бесчинно живуще. егда бо ты не казниши его юного ни умудриши“.. и далѣе: „не от естства бо человѣкомъ се злоба приходитъ. нъ своею волею зли бываемъ [2]). тѣмь ни богатьство дѣтемъ оставляемь, но оставі я наказаны страху Божію.. да не смотря о житіи дѣтеи. но прежде пецися о души ихъ. да добродѣтельны оставиши. аще бо вы добрѣ сыны своя накажете. а тіи пакы своя такоже научатъ. и тако до пришествія Христова твое наказание поидетъ... аще бо любиши сына учащаи ему раны“.

Статья заканчивается словами: „да се вѣдый человѣче казни сына своего отъ юности его и покоит тя на старость твою. и дастъ красоту души твоей. Аще бо и жезломъ біеши его. не умретъ нъ здравѣй будетъ. ты бо бія его по тѣлу душу его избавиши отъ

---

[1]) См. № 218 Толст. I, № 47, гдѣ она помѣщена на лл. 495—498, взят. изъ Памят. стар. русск. воспит. Н. А. Лавровскаго, ст. 9—20. Сборникъ этотъ г. Яковлевъ называетъ Измарагдомъ.

[2]) Эти слова чрезвычайно важны, такъ какъ указываютъ, что человѣкъ по своей волѣ бываетъ золъ.

муки. дщери ли имаши положи на нихъ грозу свою и ублюдеши я въ телесныхъ да не посрамиши дому своего".

Въ своемъ сочиненіи „Περὶ παίδων ἀνατροφῆς", говоритъ Н. А. Лавровскій, Іоаннъ Златоустъ ясно и опредѣлительно высказалъ свой взглядъ на значеніе и цѣль воспитанія.

Этотъ взглядъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе для стариннаго русскаго воспитанія, что Іоаннъ Златоустъ считался безусловнымъ авторитетомъ. Совершенно отвергая врожденность въ человѣкѣ зла, онъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкореняется вслѣдствіе дурного воспитанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ свою рѣшительную вѣру во всегомущество воспитанія: „не отъ естества приходитъ людямъ зло, говоритъ онъ, но своею волею злы бываемъ". Эту вѣру выражаетъ онъ и слѣдующими превосходными словами: „если ты хорошо воспитаешь своихъ дѣтей, а эти своихъ, то до пришествія Христа пройдетъ твое воспитаніе, и ты за все это получишь награду, какъ положившій начало и корень доброму плоду". Такимъ образомъ, по Златоусту, родители могутъ сдѣлать все изъ своихъ дѣтей: отъ родителей зависитъ будущность дѣтей, отъ нихъ зависитъ посѣять въ ихъ душѣ зло или добро, приготовить имъ безконечное блаженство въ будущей жизни или вѣчное мученіе въ аду. Цѣль воспитанія — добродѣтель, или страхъ Божій, какъ выражается Златоустъ. Ее онъ высказываетъ и въ началѣ приведенной статьи и потомъ повторяетъ нѣсколько разъ: „да не смотри о житіи (т. е. о житейскихъ и общественныхъ выгодахъ) детеи. но преже пецися о души ихъ. да добродѣтельны оставиши", „подобаетъ убо смотрити родителемъ. не яко да оставятъ дѣти богаты сребромъ и златомъ. но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны".

Что же касается до средствъ, какія въ этой статьѣ предлагаются родителямъ для воспитанія въ дѣтяхъ добродѣтели, то они всѣ основаны на страхѣ и, въ послѣдней степени, сводятся на предписаніе не щадить жезла и учащать раны. Такая суровость во взглядѣ на воспитательныя средства (которыя, однако, пришлись очень по вкусу нашей старинной педагогіи) не можетъ не показаться странною тому, кто знакомъ съ духомъ и характеромъ всѣхъ сочиненій Златоуста. Какъ объяснить эту суровость,

когда все ученіе его глубоко проникнуто истинно-христіанскою любовью и кротостью? Едва-ли можно предположить, что эти средства исходили изъ основного, искренняго педагогическаго убѣжденія Златоуста. Даже въ приведенномъ сочиненіи можно замѣтить стараніе смягчить ихъ нѣсколькими общими выраженіями, напр. „словесы запретити, умудрити, воздержати и обучати". Въ другихъ же мѣстахъ своихъ сочиненій (нѣкоторыя изъ которыхъ приведены выше) ясно и твердо высказывается въ пользу господства любви и кротости.

Поэтому и встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ мѣста, отличающіяся суровостью, не стоятъ въ органической связи съ его основными христіанскими воззрѣніями на воспитаніе, а обусловливаются вліяніемъ библейской педагогіи и ея строгихъ предписаній относительно воспитательныхъ средствъ. Такое мнѣніе, какъ замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ ученіи другихъ отцовъ церкви можно замѣтить ту же двойственность, которую слѣдуетъ объяснить двойственностью источниковъ, на которыхъ они утверждали свою педагогію: передъ ними, съ одной стороны, лежала Библія, предписывающая не щадить жезла, учащать раны и сокрушать ребра, съ другой— Евангеліе съ его прямыми указаніями на необходимость примѣненія любви и кротости въ обращеніи съ дѣтьми.

І. Златоустъ боится, чтобы небрежнымъ воспитаніемъ не причинить дѣтямъ въ будущемъ большого зла.

„Откуда тяжкія и продолжительныя болѣзни у насъ, и у нашихъ дѣтей? Откуда потери, откуда несчастія, откуда огорченія, откуда безчисленное множество золъ? Не отъ того ли, что мы не стараемся исправлять порочныхъ дѣтей своихъ?" [1]) „Не такъ жестоко изострить мечъ и, взявъ его въ правую руку, погрузить его въ самое сердце дѣтища, какъ погубить и развратить душу, потому что у насъ нѣтъ ничего равнаго ей" [2]).

Что Іоаннъ Златоустъ хорошо понималъ возможность при правильномъ воспитаніи обойтись безъ побоевъ, видно, между

[1]) Св. отца нашего І. Златоустаго „О воспитаніи дѣтей". Перев. Филарета арх. Черниговскаго, пр. 24.

[2]) Ib. пр. 27.

прочимъ, и изъ того, какое значеніе онъ придаетъ пріученію дѣтей съ самаго ранняго возраста къ доброй жизни: „если мы съ самаго начала, съ самаго ранняго возраста опредѣлимъ дѣятельность дѣтей лучшими правилами, то избавимся на будущее время отъ большихъ трудовъ: привычка къ доброй жизни обратится для нихъ впослѣдствіи въ законъ“ (XII, 462).

Евангельскія опредѣленія, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій [1]), и согласныя съ ними понятія о воспитаніи отцовъ церкви медленно проникали въ домашній бытъ; между тѣмъ библейскія ближе подходили къ старинной русской воспитательной практикѣ, а потому находили себѣ усердныхъ собирателей въ старинныхъ нашихъ книжникахъ и усердныхъ читателей въ старинныхъ отцахъ семействъ. Нравственныя явленія вырабатываются вѣками, и странно было бы представлять древнюю русскую семью вдругъ превратившеюся изъ патріархальной и грубой въ устроенную по Евангельскому образцу.

Упомянемъ еще о статьѣ „како достоитъ чаду чтити родителя своя“ изъ сборника XVI в., приписываемой также Іоанну Златоусту [2]). Эта статья весьма замѣчательна по изображенію всѣхъ заботъ и трудовъ, обращенныхъ родителями на малолѣтнихъ дѣтей, по свѣжести красокъ, которыми живо обрисовываются самыя простыя и естественныя отношенія родителей къ дѣтямъ. При чтеніи этой статьи въ вашемъ воображеніи живо представляется мать, патріархально кормящая своего ребенка мягкою и безтрудною пищею; вы живо представляете себѣ отчаяніе матери и неутѣшный плачъ отца, когда ребенокъ боленъ. Приведя на память молитвы родителей за дѣтей, ихъ милостыню бѣднымъ, почетъ учителямъ („и чти творимыя за тя дидаскаломъ твоего дѣля ученія хотяща да бы хытръ былъ и разуменъ умомъ и смысленъ а не грубліи человѣкъ“), чтобы они образовали его умъ, сочинитель рѣзко выставляетъ неблагодарность дѣтей, забывающихъ всѣ заботы о нихъ родителей и не старающихся доставить имъ довольство и спокойствіе въ старости. Эта живость и яркость

---

[1]) Пам. стар. русск. вос. ст. 20.

[2]) Толст. I, 47. Памят. стар. рус. воспит. Н. А. Лавровскаго, ст. 30—32.

изображенія напоминаетъ лучшія, поэтическія мѣста въ сочиненіяхъ Іоанна Златоуста, и такая статья могла имѣть при чтеніи большое воспитательное значеніе, уясняя дѣтямъ ихъ обязанности по отношеніи къ родителямъ.

Источники и пособія: Главнымъ пособіемъ служила статья Н. А. Лавровскаго. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтенія въ Императ. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Унив. Повр. Изд. 1861, іюль-сентябрь. — Затѣмъ источниками было нѣсколько рукописныхъ Златоустовъ XVI и XVII вв. изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго, къ подробному описанію которыхъ мы намѣрены приступить со временемъ. — Другія пособія: Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности 1888 — 1890. — Забѣлинъ Ив. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Москва 1872.—І. Златоуста „О воспитаніи дѣтей“, переводъ Филарета, арх. Черниговскаго.

Глава XII.

Измарагдъ

Нѣсколько позже, но все же очень рано, возникъ на русской почвѣ другой сборникъ поученій І. Златоуста — „Измарагдъ“ (изумрудъ) Появленіе Измарагдовъ относятъ къ концу XIII и началу XIV вв. Измарагды, какъ говоритъ проф. Архангельскій, принадлежатъ къ разряду тѣхъ древне-русскихъ сборниковъ, которые не имѣли точной, строго-опредѣленной редакціи. В. А. Яковлевъ признаетъ въ Измарагдахъ двѣ главныя, основныя редакціи, а три другія представляютъ передѣлки или пополненія одной изъ нихъ.

Вполнѣ тождественныхъ списковъ Измарагдовъ нѣтъ, но болѣе или менѣе сходныхъ довольно много. Древнѣйшій списокъ

Измарагда находится въ Румянцовскомъ музеѣ (№ 186) и не сохранился вполнѣ.

Повидимому, одной и той же редакціи съ Румянцов. Измарагдомъ XIV вѣка — списокъ Измарагда библіотеки Троицко-Сергіевой Лавры XVI в. (№ 204). Наиболѣе раннимъ спискомъ господствующей редакціи Измарагдовъ является списокъ б-ки Троицко-Сергіевой Лавры, конца XV в. (№ 91). Къ этой господствующей редакціи принадлежитъ большинство дошедшихъ списковъ Измарагдовъ Въ болѣе позднихъ спискахъ Измарагда основной составъ собранія довольно одинаковъ; различіе заключается въ отсутствіи или излишкѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, небольшаго количества статей. Въ Измарагдахъ помѣщалось много статей общихъ съ Златоустами, и вообще рѣзкую грань между Златоустами и Измарагдами провести трудно.

Главное отличіе заключалось, повидимому, въ томъ, что въ Златоустахъ собирались поученія „по содержанію своему основанныя или на воскресномъ евангельскомъ чтеніи или на воспоминаніи празднуемаго церковью событія, каковы въ особенности слова на нед. отъ мытаря и фарисея и до нед. всѣхъ святыхъ",— статьи же Измарагдовъ имѣли различное, смѣшанное содержаніе; строгой, какой-либо опредѣленной системы въ подборѣ и содержаніи статей въ Измарагдахъ не замѣтно. Единственно, что можно отмѣтить въ этомъ отношеніи, это то что главное назначеніе Измарагдовъ было, повидимому, для домашняго чтенія мірянъ, а не для чтенія въ церкви, какую цѣль имѣли между прочимъ Златоусты.

Въ Измарагдахъ также встрѣчается не мало словъ, приписываемыхъ Іоанну Златоусту, но принадлежавшихъ въ дѣйствительности русскимъ авторамъ [1]). Здѣсь также помѣщалось не мало словъ и поученій подъ именами св. Василія Великаго, св. Ефрема, Григорія двоеслова, Кирилла александрійскаго и др., но многія изъ нихъ русскаго происхожденія.

„Сборникъ, изслѣдуемый нами, говоритъ г. В. Яковлевъ, (т. е. Измарагдъ) состоитъ по преимуществу изъ поученій и

---

[1]) Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ др.-рус. письменности.

въ значительной части русскихъ проповѣдниковъ. Относясь съ подобострастіемъ къ авторитету отцовъ церкви, древне-русскій литераторъ предпочиталъ говорить не „своими словами", но изреченіями этихъ авторитетовъ. Онъ оставлялъ за собою одно право, выборъ изъ свято-отческой литературы, и въ этомъ обнаружилась его самостоятельность".

Какъ умѣли пользоваться этимъ правомъ представители нравственно-поучительной литературы можетъ указать намъ Измарагдъ. Здѣсь именно мы видимъ, что составитель этого сборника отлично понималъ потребности своихъ читателей: онъ руководился соображеніями, которыя были результатомъ близкаго знакомства съ условіями нравственной жизни этихъ читателей, со степенью ихъ духовнаго развитія. Предлагая имъ въ наставленіе высокія истины христіанской нравственности въ совершенно доступной для нихъ формѣ и скрывая свою личность за именами отцовъ церкви и нѣкоторыхъ славянскихъ и русскихъ духовныхъ авторитетовъ, составитель, помимо воли своей, изобличилъ самого себя—представивъ намъ образецъ идеальнаго христіанскаго учителя, истиннаго „пастыря словесныхъ овецъ", которымъ можетъ гордиться древняя Русь.

Тотъ фактъ, что Измарагдъ имѣлъ такое широкое распространеніе, свою литературную исторію съ XIV по XVII в. включительно, прямо указываетъ, что онъ удовлетворялъ духовнымъ потребностямъ своихъ читателей. Измарагдъ представляетъ намъ отраженіе умственныхъ интересовъ болѣе грамотной среды древне-русскаго общества, а неизвѣстный его составитель является какъ представитель этой болѣе развитой части общества или представитель лучшихъ духовныхъ стремленій своего народа, съумѣвшій трудомъ своимъ удовлетворить его интересамъ [1]).

Нельзя не обратить вниманія на самую идею, вызвавшую появленіе Измарагда. Въ XIV—XV вв. у неизвѣстнаго ревнителя просвѣщенія, а можетъ быть, и у двоихъ такихъ ревнителей одного XIV в. и другого въ XV в. выработалось сознаніе въ необходимости, для распредѣленія здравыхъ понятій о религіи и

[1]) В. А. Яковлевъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. 1892. ст. 3.

христіанской нравственности какъ въ приходскомъ духовенствѣ, такъ и между мірянами, составить сборникъ для домашняго чтенія.

Одно ужъ это предпріятіе весьма знаменательный фактъ самъ по себѣ; но съ другой стороны онъ указываетъ еще на другое важное обстоятельство. Грамотность этого времени далеко не была столь рѣдкимъ явленіемъ не только среди духовенства, но и среди мірянъ, какъ мы до сихъ поръ привыкли думать. Если бы это было такъ, то трудно допустить, чтобы такой для своего времени образованный, умственно развитой и такъ хорошо знающій окружающее его общество человѣкъ, какъ составитель Измарагда, сталъ трудиться надъ доставленіемъ подходящаго матеріала для чтенія обществу [1]). Видимо, это было не такъ—распространенность нашего сборника доказываетъ, что онъ нашелъ читателей, пришелся имъ по вкусу, удовлетворялъ ихъ духовнымъ интересамъ и потребностямъ. Творчество неизвѣстнаго составителя Измарагда состояло только въ редакціи сборника: у насъ нѣтъ данныхъ для признанія его авторскаго права даже на нѣкоторыя отдѣльныя главы труда его и, по всей вѣроятности, онъ пользовался уже готовымъ матеріаломъ. Но для насъ важно не опредѣленіе степени самостоятельнаго творчества его составителя, но указаніе на то, какія стороны жизни интересовали его въ современномъ ему обществѣ и, разъ сборникъ сдѣлался въ немъ популярнымъ, изъ него мы можемъ усмотрѣть, какіе вопросы интересовали это общество, съ его помощью составить себѣ представленіе о нравственномъ развитіи среды, въ которой имѣлъ широкое распространеніе нашъ памятникъ [2]).

Извлечемъ изъ труда г. Яковлева важнѣйшія данныя, касающіяся Измарагда.

Г. Яковлевъ, какъ мы говорили, считаетъ 2 извода Измарагда.

„Измарагдъ перваго извода начинается „Стословомъ“ патріарха Геннадія, т.-е. изложеніемъ исповѣданія вѣры и нравствен-

---

[1]) Въ недавнее время проф. А. И. Соболевскій подвергнулъ вопросъ о грамотности и образованности древней Руси XV—XVII вв. новому разсмотрѣнію и пришелъ къ выводамъ, что дѣло было далеко не такъ печально. См. Образованность Москов. Руси XV—XVII в.

[2]) В. А. Яковлевъ. Опытъ изс. „Измарагда“, ст. 299—300.

ной христіанской жизни. Стословъ Геннадія пользовался уваженіемъ древней Руси Вліяніе его ясно видно на „Слово Даніила Заточника", на „Поученіе нѣкоего отца къ сыну", на „Домострой" и „Сынъ церковный". Отрывки Стослова составляли иногда отдѣльныя поученія, изъ которыхъ два входили въ составъ второй редакціи Измарагда. Причина популярности этого памятника заключается въ простотѣ изложенія и поэтому удобопонятности для людей невысокаго умственнаго развитія.

Обязанности православнаго христіанина изложены очень просто, въ формѣ простыхъ предписаній. Они касаются не только собственно религіи, но и обыденной жизни, отношеній православнаго христіанина къ ближнему вообще и властямъ придержащимъ въ особенности.

Послѣдняя часть изложена особенно подробно и помѣщена непосредственно за изложеніемъ обязанностей человѣка къ Богу. Послѣдняя (100-я) глава содержитъ какъ бы сокращенный итогъ всего ранѣе изложеннаго. Она особенно была распространена въ древне-русской литературѣ: „Конецъ же всѣмъ прежде реченнымъ, говорится здѣсь, возлюби Господа отъ всея души и страхъ его да будетъ въ сердцѣ твоемъ. Нравомъ буди истиненъ, кротокъ, смиренъ и покорливъ, очима долу пониченъ, умъ же въ небеси простирая; умиленъ къ Богу и къ человѣкомъ привѣтливъ, печальнымъ утѣшитель, терпѣливъ въ напасти; къ нищимъ щедръ и милостивъ, нищимъ кормитель, страннопріимникъ; скорбенъ грѣха ради, веселъ о Бозѣ; алченъ буди и жаденъ, кротокъ, не словоохотливъ, не златолюбивъ, но друголюбецъ, не гордъ, боязливъ предъ царемъ, готовъ къ повелѣнію его; въ отвѣтахъ сладокъ, часто молитвенникъ, разуменъ трудникъ къ Богу, не судникъ всякому человѣку, поборникъ обиднымъ, нелицемѣренъ".

За Стословомъ Геннадія идутъ четыре слова о почитаніи книжномъ [1]).

Христіанской любви составитель Измарагда придавалъ особенно важное значеніе. Въ Измарагдѣ находимъ: слово I. Златоуста о любви и зависти (гл. 16), сл. св. Ефрема о любви (гл. 20),

---

[1]) Мы надъ ними останавливались въ главѣ IV.

сл. св. отецъ о разсмотрѣніи любви (гл. 21). „Любовь есть матерь добрыхъ дѣлъ, говорится въ первомъ словѣ: „се бо истинная любовь есть и богоугодная еже нищету рассыпати, сирѣчь не призрѣти въ убожествѣ сущихъ отъ роду своего, но подавати имъ требованія тѣлесная“. Затѣмъ предписывается помогать болящимъ и отъ бѣдъ отымати, утѣшать въ скорбяхъ и печали. „Сказано, если любимъ любящая насъ, то чѣмъ лучше поганыхъ. Господь говоритъ въ Евангеліи: любите врагы и добро имъ творите и взаемъ дайте и молитесь за творящая намъ бѣды, тò есть истинная любовь...“

Всѣ добродѣтели безъ любви ничто, всѣ религіозные подвиги и жертвы „кромѣ любви ни во что же вмѣняются предъ Богомъ“.

Въ сл. св. отецъ „о разсмотрѣніи любви“ главнымъ образомъ разсматривается сущность истинной любви и трактуется о покореніи и послушаніи, какъ проявленіи ихъ. Покореніе и послушаніе ставится даже выше любви. „Болѣе же всего пріимите, братіе, говоритъ проповѣдникъ, покореніе и доброе честное послушаніе, то бо есть царь надъ всѣми добрыми дѣлами и надъ всѣми благостынями. Постъ бо доводитъ до дверей, а милостыня до небеси, а любовь и миръ до престола Божія, а покореніе и послушаніе одесную Бога поставитъ и Бога умолитъ и царство небесное отверзетъ и наслѣдіе вѣчныя жизни подастъ“.

Мѣсто это почти тождественно съ словомъ св. І. Златоуста о крестѣ Господнѣ и отверженіи Петровѣ, находящемся въ Златоустѣ XVI в. [1]).

За группою словъ „о любви“ слѣдуетъ „Слово нѣкоего отца къ сыну“. Это изъ тѣхъ произведеній, которыя проходятъ съ начала нашей письменности до XVIII ст. включительно.

Поученія эти писались иногда въ видѣ завѣщаній или посланій и несомнѣнно ведутъ свое начало изъ Византіи: въ сборникѣ Святослава 1076 г. кромѣ нашего еще два такихъ наставленія: 1) Ксенофонта, иже глагола съ сынома своима [2]) и 2) свя-

[1]) Приведено нами въ главѣ XI, ст. 99.

[2]) Напомнимъ это поученіе къ дѣтямъ Ксенофонта, иже глагола къ сынома своима: „Азъ чадѣ реку вама. человѣчя житія отити хощю: вѣста бо како въ

тыя Өеодоры. Какъ подражаніе имъ является въ нашей литературѣ завѣщаніе Владиміра Мономаха, протоіерея Сильвестра, Посошкова Татищева,—другіе же безъ имени, какъ напр. „Завѣщаніе нѣкоего отца къ сыну“, „Наказаніе духовнаго отца къ духовнымъ дѣтямъ“. Общій характеръ ихъ—наставленія богоугодной и благоустроенной жизни въ міру.

Въ Измарагдѣ первой и второй редакціи въ каждой помѣщено по одному изъ такихъ словъ; въ разсматриваемой редакціи Измарагда слово это носитъ заглавіе: „Слово нѣкоего отца къ сыну“, во второй „Посланіе нѣкоего отца къ сыну духовному“ и имѣетъ спеціальный характеръ: оно направлено противъ пьянства. Разсматриваемое „Слово отца къ сыну“ по всей вѣроятности не оригинальное произведеніе, а переведенное съ греческаго, или, по крайней мѣрѣ, составлено изъ византійскихъ источниковъ. „Не стыдися, говорится въ немъ, всякому въ образѣ божіи създанному главы своея преклонити, старѣйшаго деньми почтить не лѣнися и покоить старость его постарайся, сверстники своя миромъ встрѣчай, меншихъ же себѣ съ любовью пріими, предъ честнѣйшимъ тебя не потрудися стояти“, „ненавидитъ ли кто тебя, смирися съ нимъ и дай ему по силѣ свой даръ и поклонися ему“.

Въ главѣ 55-ой находимъ „Слово о премудрости и наказаніи чадъ“, которое во многомъ основывается на приведенной выше статьѣ I. Златоустаго „о воскръмленіи дѣтіи“.

Въ разсматриваемомъ поученіи Измарагда авторъ его прямо ссылается на I. Златоустаго: „Златословенный бо глаголетъ, говорится здѣсь, аще кто дѣтей своихъ не научитъ волѣ Божіей,

житии семь жихъ безлукы. како отъ вьсѣхъ чьстьнъ бѣхъ и любимъ, не сана ради велика. нъ норовьмь великъмь. Не укорихъ никого же не вередихъ и никого же не оклеветахъ; ни завидѣхъ никомужо: ни разгнѣвахъся ни накогоже, ни на мала, ни на велика. Не оставихъ церкве божия вечеръ ни за утра ни полудне. Не прѣзьрѣхъ ништихъ. ни оставихъ страньна и печальна не прѣзьрѣхъ никъгда же. иже въ тьмьницахъ заключении. потрѣбьная имъ даяхъ: иже въ плѣньницѣхъ избавихъ. Не помыслихъ на доброту чюжю. Тако и вы живѣта чядѣ мои. да и ваю Богъ ублажить. и дльголѣтьна явить и сътворить. Убогыихъ посѣштянта. въдовицѣ заштиштанта. не моштьныя милуита. и осуждяемыя бес правьды изьмѣта. миръ имѣита сь всѣми. Паче же вьсѣхъ иже въ пустыни и въ печерахъ и въ пропастьхъ земльныих добро творита“. Изъ Изборника Святославова 1076 г. у Ө. Буслаева. Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Москва 1861 г. ст. 293—294.

лютѣе разбойникъ осудится, убійца бо тѣло умертвитъ, а родители аще чадъ не научатъ, то душю сихъ погубятъ" [1]).

Изъ обозрѣнія содержанія первой редакціи Измарагда г. Яковлевъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) Сборникъ былъ составленъ для нравственно поучительнаго чтенія не только мірянъ, а можетъ быть и преимущественно бѣлаго духовенства. 2) Въ сборникѣ настойчиво проводится мысль, что для душевнаго спасенія необходимо книжное ученіе. Только „вѣдущій" можетъ знать истинный къ нему путь. „Вѣдущему" же не подобаетъ таить въ себѣ знанія, но по силѣ научить другого, по крайней мѣрѣ, семейство и друзей своихъ. 3) Спасеніе получается не за исполненіе внѣшнихъ обрядовъ религіи (постъ, удрученіе тѣла и пр.), но истинно добродѣтельною жизнью и любовью къ ближнему. Эта любовь есть основаніе христіанской жизни.

Вторая редакція „Измарагда" была наиболѣе распространена въ древне-русской читающей публикѣ, и мы имѣемъ въ настоящее время до ста списковъ ея, начиная съ XV по XVIII ст. Вполнѣ тождественныхъ списковъ Измарагда нѣтъ, говоритъ г. Яковлевъ, но очень сходныхъ нѣсколько экземпляровъ есть.

Въ составъ второй редакціи Измарагда „Книгы глаголемаа Измарагдъ въ неиже пишетъ поученія душеполезна святыхъ избранныхъ отецъ" между прочимъ вошли: Слово иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустого, патріарха Царяграда, о чтеніи божественныхъ писаній, слово св. Григорія, папы римскаго, „Добро есть, братіе, и полезно всякому вѣрному почитаніе книжное", слово св. апостола Павла, слово І. Златоуста какъ не лѣпитися книги чести, слова св. Ефрема, какъ слушати книгъ чтомыхъ, слово св. апостолъ и св. отецъ како жить христіаномъ, слово І. Златоуста како имѣти челядъ, слово св. отецъ како чтити дѣтемъ родителей.

Въ словѣ св. Григорія, между прочимъ, говорится: „О человѣче, что глаголеши въ толицѣй бури мятежа и власти мира сего, почто не отвергнеши печали почитаніемъ книжнымъ. Черньци бо, убѣжавше мирскихъ мятежей и въ затишіи сѣдяще, много утвер-

[1]) См. ниже.

женіе пріемлютъ; мы же, въ велицѣ мятежи и въ бури мира сего живуще и многи грѣхи творяще, достоитъ ны часто почитающе св. книги отгоняти печали и тѣми искати спасенія".

Въ одномъ изъ списковъ Измарагда XVII вѣка [1]) помѣщено слово: „нѣкоего старца о почитаніи книжномъ, яко полезнѣе всѣхъ книгъ почитати Псалтырь".

Въ спискѣ Измарагда XVI в. б-ки Тр. Сер. Лавры (№ 203) находимъ слово о наказаніи отъ притчи дѣтей, къ родителемъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: „Златословесный глаголеть. аще кто дѣтей своих не научить. страху и воли божіи тъ лютѣе разбойникъ осудится. убійца бо тѣло умрътвит. а родители. аще не учать. душу губят . . . Аще ли не слушаеть тебя твое дѣтя. то не пощади е. яко же мудрость божиа глаголеть. 6 ранъ или 12 сыну или дъщери. аще ли вина зла то 20 ранъ плетью. Наказайте убо дѣти своя Бога ся бояти. а злыхъ нравъ остатися. да помощь души вашей будетъ. Не ослабляй наказаа дѣти си. аще біеши жезломъ. не умреть. нъ паче здравѣи будеть. душу бо его спасеши. аще накажеши. Дъщери ли имаши. положи на нихъ грозу свою. да съблюдеши я от тѣлесныхь. и не осрамить ти ся лице... Любяи же сына учащай ему раны да послѣди ж о немь возвеселишися. и среди знаемых похвалу пріимеши. Въспитай дѣтище в наказаніи. да обрящеши славу и благословеніе отъ Бога. Не дажь въ юности волю дѣтищу, нъ казни и до нележе ростеть. а егда же ожесточавь не повинеться и будеть ти досада от него люта. и болѣзнь души. и скрьбь немала. и тщета домови. и погибель имѣнію. укоръ от сусѣд, и посмѣх пред врагы. и пред властели платежь и досада зла. Того дѣля братие и сестры. наказайте дѣти своа. не словомъ токмо нъ и ранoю. да нынѣ не пріимете о них от людей сорома, а в будущіи вѣкъ мукы с ними".

Соотвѣтственное мѣсто въ Измарагдѣ № 204 б-ки Тр. Сер. Лавры „Иванъ Златоустъ глаголетъ, иже кто дѣтей своих цѣломудрию не наказуетъ. то горше разбоиникъ осудятс. убійца бо тѣло смерти предаеть. а они душю. но вы же братие и чяда любимая. учите дѣти своя изъ млада всему божию закону и добру

[1]) Императ. Публич. Библіот. книгохран. Погодина № 1021

нраву. страхъ бо божій прімше не опечалит тебе на старость твою. аще ли тебе не послушаетъ дѣтя твое. то загода на нь лозы не пощади".

Въ томъ же Измарагдѣ находимъ: „Иерей нѣкто именемъ Илія. смиренъ человѣкъ и кротокъ и угоденъ на всяко дѣло благо. сесь бо бяше двою отрочяту отець. и видя тою на злобу шествующа. и не казняше ни възбраняше имъ. и страху божію не учяху. ни казни убо не дастъ им раною. роднымъ дѣтемъ своимъ, а духовнымъ опитемьею. но словесы искаше ею отвести отъ зла. а не раною. она же въ буести и не наказаніи все злое творяста [1])".

Въ заключеніе обзора Измарагдовъ упомянемъ, что по мнѣнію проф. Архангельскаго древнѣйшимъ исходнымъ прототипомъ ихъ едва ли не былъ извѣстный Изборникъ (Святослава) 1076 года. По крайней мѣрѣ, и въ общемъ характерѣ содержанія и въ подборѣ статей—нельзя не видѣть между первыми и послѣднимъ довольно замѣтной близости.

Источники и пособія: Главными пособіями были — изслѣдованіе В. А. Яковлева: Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. Одесса. 1893 г.— Изслѣдов. проф. А. С. Архангельскаго: Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. Вып. I—IV. Казань. 1889—1890. Ѳ. Буслаевъ. Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Москва. 1861.

---

[1]) Приведено у Архангельскаго вып. IV. Ст. 16 и 17.

Глава XIII.

Домострой. Итогъ обозрѣнія древне-русскихъ сборниковъ.

Къ XVI вѣку относится замѣчательный памятникъ русскаго быта Домострой, имѣвшій притомъ большое педагогическое значеніе, такъ какъ по Домострою воспитывался цѣлый рядъ поколѣній. Домострой есть книга, въ которой, какъ показываетъ самое названіе, собраны правила домашняго строя, домашней или семейной жизни. Составленіе этого руководства приписывается извѣстному руководителю царя Іоанна Грознаго священнику Сильвестру. Новѣйшіе изслѣдователи того мнѣнія, что Сильвестръ не былъ авторомъ Домостроя и что Домострой слагался по частямъ въ разное время и различными лицами; въ XVI столѣтіи правила эти были соединены въ одно цѣлое сочиненіе, какъ предполагаютъ, въ Новгородѣ, причемъ составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду богатый боярскій домъ. Сильвестръ, вѣроятно сократилъ Новгородскій изводъ, примѣнилъ его къ московскимъ обычаямъ и прибавилъ къ нему главу: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну". Такимъ образомъ Домострой дошелъ до насъ въ двухъ видахъ, или изводахъ: одинъ болѣе подробный, заключающій въ себѣ 63 главы; другой—нѣсколько сокращенный; но въ этомъ послѣднемъ есть 64-я глава, написанная священникомъ Сильвестромъ.

Въ Домостроѣ выражается не частный взглядъ одного человѣка и даже не воззрѣнія и правила только одной эпохи XVI в. Въ немъ излагаются обычаи, образовавшіеся издавна, въ теченіе всей древне-русской жизни, преподаются наставленія, составившіяся подъ вліяніемъ всей древне-русской письменности. Тѣсная связь Домостроя и особенно первыхъ его 25 главъ съ памятниками древней письменности несомнѣнна. Не только основной взглядъ и мысли, которыя высказываются въ этихъ правилахъ, но даже и самыя выраженія, въ какихъ они передаются постоянно, указываютъ на священныя и богослужебныя книги, житія святыхъ и разныя отеческія сочиненія, которыя отъ самыхъ первыхъ временъ были источникомъ образованія нашихъ предковъ. Наставленія о

почитаніи родителей, о воспитаніи дѣтей, изображеніе доброй и умной хозяйки заимствованы изъ книгъ св. Писанія — Притчей, Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса, сына Сирахова.

Въ частности, что касается воспитанія дѣтей, то подобнаго рода статьи мы встрѣчали и въ Златоустахъ и Измарагдахъ, откуда она ближайшимъ образомъ и заимствована. Наставленія о домашнемъ обиходѣ, хожденіи въ церковь, почитаніи отца духовнаго и пр., весьма сходны съ разными сборниками отеческихъ сочиненій: Златоустомъ, Измарагдомъ и Златыми Цѣпями.

Въ Домостроѣ есть заимствованія и изъ поученія Владиміра Мономаха.

Строгой системы въ расположеніи статей въ Домостроѣ нѣтъ; но можно сказать, что 15 главъ посвящены преимущественно наставленіямъ объ отношеніяхъ семейныхъ; въ остальныхъ идетъ рѣчь о домашнемъ хозяйствѣ. Характеръ Домостроя чисто практическій; праведное житіе онъ представляетъ не въ общихъ чертахъ, но опредѣленно указываетъ, въ какихъ добродѣтеляхъ оно должно выражаться. Въ изложеніи побужденій къ праведному житію онъ также не ограничивается одними высшими, чисто духовными побужденіями, но присоединяетъ къ нимъ еще практическія побужденія, указываетъ на общественное мнѣніе. Такъ, воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ онъ убѣждаетъ родителей тѣмъ, что дурныя „не наказанныя (не воспитанныя) дѣти отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и срамота [1])“.

Домострой, говоритъ г. Забѣлинъ [2]), есть зерцало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всѣ, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни. Это зерцало нашего древняго домашняго быта, зерцало общества и общественности. Предъ этимъ зерцаломъ, то есть подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ своемъ существѣ и до сихъ поръ еще носитъ много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія.

---

[1]) Домострой глав. XV и XVIII.

[2]) Забѣлинъ, И. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII в.

Какая нравственная сила служила основаніемъ нашему древнему обществу? Изъ какой органической клѣточки образовалось русское общество? Органическою клѣточкою, отвѣчаетъ г. Забѣлинъ [1]), нашего до-петровскаго общественнаго быта былъ родъ: родительское, патріархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей до-петровской жизни. Это было начало или стихія родительской опеки, стихія старшей воли, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно и было главнымъ начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Родительская опека съ идеаломъ родового старшинства существовала и существуетъ вездѣ, но не вездѣ она становилась стихіею жизни. У насъ не только семья и родъ, что очень естественно и обыкновенно, держались крѣпко и твердо стихіею родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительною силою нашего развитія. Она проникала всюду и все подчиняла своимъ воззрѣніямъ. Это былъ нашъ нравственный и политическій воздухъ, которымъ мы жили, дышали, въ теченіе всей нашей исторіи. Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, по которому русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется"...

Подобно тому, какъ древняя наша общественность нашла себѣ типическое выраженіе въ мѣстничествѣ, такъ и родовая власть, строившая эту общественность, вполнѣ и типически выразила себя въ извѣстномъ Домостроѣ. Это памятникъ, можно сказать, громаднаго значенія для исторіи, и жаль, что далеко не многими онъ оцѣненъ по его достоинству.

„Въ Домостроѣ есть немало заимствованій изъ Іоанна Златоуста. Но не должно думать, что такія заимствованія были простыя непосредственныя выписки изъ книгъ. Напротивъ, тексты, внесенные въ Домострой, иногда цѣликомъ, слово въ слово, были заучеными, ходячими рѣчами, присловіями въ устахъ духовныхъ учителей. Они усвоивались непрестаннымъ чтеніемъ и употребле-

---

[1]) Забѣлинъ, И. Дом. быт. ст. 28—47.

ніемъ на всякій пригодный случай: они по необходимости точно и вѣрно заучивались, ибо въ томъ и заключалась цѣль книжнаго обученія. Такимъ образомъ, если требовалось составить или сказать какое-либо поученіе, то не только слова, но и цѣлыя рѣчи изъ запаса памяти являлись сами собою, такъ что все дѣло списывателя подобныхъ поученій заключалось лишь въ извѣстномъ расположеніи этихъ памятныхъ текстовъ, соотвѣтственно его мысли и намѣренію. Можно сказать, что всѣ старыя наши поученія, наказанія, слова русскаго сочиненія составлялись такимъ путемъ [1]).

Такимъ образомъ Домострой по естественнымъ причинамъ явился цвѣтомъ и сокомъ общихъ мѣстъ церковнаго ученія, направленнаго къ нравственному устройству дома. Это въ литературномъ смыслѣ. Въ практическомъ жизненномъ смыслѣ онъ явился такимъ же общимъ мѣстомъ русской нравственности, воздѣланной въ теченіе вѣковъ на почвѣ писанія и на почвѣ искони вѣчныхъ бытовыхъ идеаловъ [2]).

Кто же является центромъ всѣхъ поученій Домостроя? кто этотъ сосудъ избранъ, который долженъ не себя одного нести къ Богу, но многихъ? Домострой именуетъ этотъ сосудъ государемъ дома, также настоящимъ, большимъ, прилагая ему какъ нераздѣльную съ нимъ почву для его нравственной дѣятельности жену, чадъ и домочадцевъ. Младенчествующее общество очень высоко ставило личность родителя; поэтому и написанное ученіе возвысило эту власть въ лицѣ родителя до послѣдней крайности; но вмѣстѣ съ тѣмъ возложило на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома и всю нравственную отвѣтственность во всемъ, что бы ни случилось въ домѣ: съ женой, дѣтьми и домочадцами.

Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Домострой: „Господу рекшу: будете оба въ плоть едину, Апостолу рекшу: аще страждетъ единъ удъ, то всѣ уды съ нимъ страждутъ. Тако жъ и ты, не о себѣ единомъ пецыся, но о женѣ и о дѣтяхъ своихъ и о прочихъ и о послѣднихъ домочадцѣхъ — вси бо есмы связаны единою вѣрою

---

[1]) Забѣлинъ, ст. 42.
[2]) Забѣлинъ, ст. 41.

къ Богу; и съ добрымъ симъ прилежаніемъ имѣй любовь ко всѣмъ въ Бозѣ живущимъ и око сердечное взирающе къ Богу и будеши сосудъ избранъ, не себе единаго несый къ Богу, но многи, и услышиши добрый рабе и вѣрный: буди въ радости Господа Бога твоего".

На этомъ-то наказѣ построена вся нравственная практическая философія нашего древняго вѣка.

Этотъ наказъ составляетъ, такъ сказать, душу, основу всѣхъ поученій Домостроя: онъ въ немъ повсюду, почти во всякой строкѣ, гдѣ только касается поученія и назиданія. Господинъ дома одинъ за всѣхъ долженъ „отвѣтъ дати въ день страшнаго суда" говоритъ Домострой. Эта священная обязанность и великая отвѣтственность давала уже владыкѣ дома самыя широкія права и полномочія. Родительская воля, по Домострою, сама по себѣ образецъ и сама себѣ наука. Вотъ почему Домострой особенно настаиваетъ, чтобы господарь жены, чадъ и домочадцевъ какъ возможно заботливѣе опредѣлялъ ихъ волю. „Казни сына твоего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей". „Любя сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися".

Отъ дѣтей Домострой требуетъ повиновенія и послушанія родителямъ вс всемъ. „Со страхомъ раболѣпно служите имъ, да и сами отъ Бога мзду пріимите и жизнь вѣчную наслѣдите, яко совершители его заповѣди".

Такое же дѣтское послушаніе Домострой налагаетъ и на жену: „жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како души спасти, Богу и мужу угодити и домъ свой добре строити; и во всемъ ему покорятися и что мужъ накажетъ, то съ любовью пріимати (и со страхомъ внимати) и творити по его наказанію".

Такимъ образомъ съ одной стороны Домострой воспитывалъ, утверждалъ и укрѣплялъ безграничную волю старшаго, съ другой стороны въ лицѣ младшаго воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ безпрекословное покореніе и послушаніе, доходившее порой до приниженія личности.

Хорошо ли это? Мы твердо памятуемъ, что не дѣло историка восхвалять или осуждать тѣ или другія историческія явленія: его

дѣло объяснять. Поэтому попробуемъ объяснить, почему Домострой имѣетъ такую цѣнность и значеніе, и почему для древней Руси были важны тѣ начала, выразителемъ которыхъ является Домострой.

„Истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица не могло существовать въ обществѣ, говоритъ И. Забѣлинъ [1]), гдѣ родовой духъ съ такою силою пригнеталъ, давилъ личность, т.-е. всякую человѣческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась также матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно пріобрѣтеніе своей воли, или въ сущности пріобрѣтеніе нравственной или матеріальной силы распоряжаться въ данныхъ обстоятельствахъ, быть полнымъ хозяиномъ. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздѣльна съ идеей самовластія, а еще ближе, съ идеей самоволія и своеволія. Своеволіе и самовластіе въ ту эпоху было нравственною свободою человѣка: въ этомъ крѣпко и глубоко былъ убѣжденъ весь міръ — народъ, оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Мы вообще напрасно думаемъ, что богатырство самовластія являлось характерною чертою только въ органахъ государственной, правительственной власти. Оно было существеннымъ характеромъ всякой власти, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ и политическомъ быту. Самое существо власти иначе не представлялось, какъ подъ видомъ самовластія".

„Не даромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни. Домострой былъ вполнѣ законченнымъ словомъ ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ дѣломъ того же идеала, также вполнѣ законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другого идеала. Грозный окончилъ запутанный актъ русской драмы— исторіи. Государево дѣло уже выпадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ. Цѣлые сто лѣтъ прошли въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ

[1]) Дом. бытъ русск. цар.

конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній. Приближалось что-то невѣдомое, новое. Тѣмъ сильнѣе подымалось все старое и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очертаніяхъ".

„Званный идеалъ, наконецъ, явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго государя общества, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеалъ и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился, и оттого такъ ей и сочувствовалъ".

Но если мы во многомъ сочувствуемъ и соглашаемся съ нашимъ уважаемымъ историкомъ и знатокомъ древняго русскаго быта И. Е. Забѣлинымъ въ его взглядѣ на значеніе Домостроя, то не можемъ не отмѣтить, что въ его историческихъ соображеніяхъ есть какой-то пробѣлъ, есть какой-то недостатокъ. Употребляя неоднократно слово нравстенный идеалъ, онъ какъ будто уклоняется отъ того, чтó дѣйствительно должно имъ считаться. Нравственный идеалъ—сила великая: это то, чтò согласно съ высочайшей идеей Добра. Понятно, что въ разные вѣка и эпохи неодинаково понимался нравственный идеалъ, неодинаковы были и средства къ его достиженію. И ужъ идея самовластія и своеволія никакъ не можетъ быть названа нравственнымъ идеаломъ русскаго народа: это скорѣе одно изъ средствъ, которымъ русскій народъ стремился осуществить нравственный идеалъ. Не споримъ, что въ древности эта идея считалась важнымъ и могучимъ средствомъ.

Кажется въ діалектической формѣ это разсужденіе можно выразить такъ: „мы бѣдны, порабощены чужеземнымъ игомъ, мы не можемъ вѣровать такъ, какъ хотимъ, не можемъ служить Единому, Истинному Богу, не можемъ слѣдовать заповѣдямъ Христовымъ, и все потому, что мы слабы и немощны, что у насъ разныя воли (въ удѣльновѣчевой періодъ). Намъ надобно собраться съ силами, имѣть единую, твердую волю, а для этого надо свою волю съумѣть подчинить другой болѣе сильной волѣ". И вотъ начинается медленный процессъ выработки русскаго духа, характеризующійся умѣніемъ подавлять свою волю, подчинять ее иной, болѣе высшей.

Вся исторія нашей жизни можетъ быть резюмирована немногими словами: какъ медленный и постоянный процессъ выработки твердой, сильной воли. Этотъ процессъ едва-ли закончился и въ настоящее время, хотя, конечно, сообразно потребностямъ времени и духу просвѣщенія онъ значительно видоизмѣнился и сгладился. Конечно, въ этомъ процессѣ историческаго развитія могли быть шероховатости, угловатости, порой даже значительныя упущенія и уклоненія.

Съ народомъ случалось то, что̀ случается порой съ мудрецами и учеными, когда они, подбирая факты ради какой-нибудь главной идеи, ради какой-нибудь теоріи, порой увлекаются деталями, мелочами и забываютъ на время, а иные навсегда, свою главную, основную, руководящую идею. Но рано или поздно главная идея, если только она имѣетъ силу и жизненность, дастъ себя знать и напомнитъ, во имя чего собирались факты.

Если порой дѣлатели русской исторіи слишкомъ увлекались идеей самовластія и своеволія, то были люди, которые всегда твердо памятовали о высокомъ нравственномъ идеалѣ и напоминали о немъ Россіи: то были великіе подвижники земли русской, въ родѣ Владиміра Мономаха, св. Сергія Радонежскаго, митр. Филиппа, а позже св. Димитрія Ростовскаго и др. Они ясно и твердо указывали, что идея верховной власти должна подчиняться другой, болѣе высшей идеѣ—идеѣ нравственнаго совершенства, христіанской любви и милосердія.

Обратимся теперь къ содержанію Домостроя и остановимся особенно на тѣхъ главахъ его, которыя ближе всего насъ касаются. Мы будемъ пользоваться Домостроемъ по списку Императорскаго Общ. Истор. и Древностей.

Въ главѣ 4-й говорится „страхъ Божіи всегда імѣи в сердці своем і памят смертную, і любов нелицѣмерную ко всѣм...“ „праведенъ буди и истиненъ, и смиренъ, очи долу поницая, умъ же къ небеси простирая. умоленъ к Богу, и человѣком привѣтливъ, печальнаго утѣши, терпѣлив в напастех, і недосадител, всякому человѣку щедръ, милостивъ, нищекормецъ, страннопріимник, скорбенъ грѣха ради, веселъ о Бозѣ, алченъ буди отъ піаньства і жаден от обьяденія, кротокъ, неславохотен, незлатолюбец, но друго-

любець...“ (ст. 15—16). Царя бойся, и служи ему вѣрою, і всегда о нем Бога моли . . . і во всеи повинуися ему (глава 5, ст. 16).

Въ 6-й главѣ говорится, како чтити дѣтем отцов своих духовных і повиноватися во всем [1]).

Въ главѣ 9-й говорится: в монастыри, і в больници і в темницы заключенных посѣщаи, и милостиню по силѣ всяких потребныхъ подаваи, елико требуют, і види бѣду их и скорбь, и всякую нужу, і елико возможно помогаи им“ (ст. 31).

Въ главѣ 10 говорится: А к церквам Божіим всегда с вѣрою приходи безъ гнѣва, і безъ зависти, і безъ всякія злобы, і во всякои смиренной мудрости, і кротости, і в чистотѣ телеснои с приношеніем...“ (ст. 32).

Гл. 13. А в церкви стояти на всяком пѣніи съ страхом и с молчаніем молитися, а дома всегда павечерница и полунощница и часы пѣти . . . А в церкви ни с кем не бесѣдоват, с молчаніемъ стояти и со вниманіем слушати божественнаго пѣнія и чтенія, ни куда не обзираясь . . . А от объяденія и піянства и от пустошныхъ бесѣд и смѣхотворенія неподобного всегда беречися. А татбы, и блуда, и лжи, и клеветы, и зависти и всякого неправеднаго собранія, и ростов и корчмы, и мыта, і всякого лукавства не любити, і не гнѣватис ни на кого, и не помнити зла, и разбоя, и грабленія, і всякого насилія, и неправеднаго суда отнюд не творити (ст. 35—36).

Глава 16 „...во утри воставати к позвону і после пѣнія мужу з женою совѣтовати о устроеніи домовнѣм“.

Глава 19 говоритъ: „како дѣтеи своих воспитати во всяком наказаніи и страсе Божіи“.

„А пошлет Богъ у кого дѣти, сынове и дщери, и имѣти попеченіе отцу и матери о чадех своих, снабдѣти и воспитати в добрѣ наказании, і учити их страху Божію, і вѣжеству, і всякому благочинію, і по времени, по дѣтем смотря и по возрасту, учити ихъ рукодѣлію, отцу сыновъ, а матери дщери, кто чему достоин, каковъ кому просугъ дас Богъ. а любити их и беречи и страхом спасати, учя и наказуя, и разсужая и раны возлагати. Наказуи

---

[1]) См. гл. III.

дѣти во юности, покоятъ на старос твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесной, і от всякаго грѣха, якож зеницу ока, якож своея душа. аще что дѣти съгрѣшатъ, отцовым, и матерним небреженіем, і о тѣх грѣсѣх отвѣт дати самем в день страшнаго суда, аще дѣти небрегомы будут, і внѣ наказаніи отца и матери, аще согрѣшат или что зло сътворят, и отцу и матери и з дѣтми от Бога грѣх, а от людеи укоръ и посмѣхъ, а имѣнію тщета, а себѣ скорбь, а от судеи продажа и срамота. аще у богобоязнивых родителеи и у разумных и разсудных чада воспитани в страсѣ божіи і в добрѣ наказаніи, і во благоразсудном ученіи всякому разуму, і вѣжеству, и промыслу, и рукодѣлію, и тѣ чада с родители своими бывают от Бога помилованы, а отъ священнаго чина благословени, і от добрых людеи хвалими" (ст. 57—59).

Такимъ образомъ Домострой на первомъ мѣстѣ ставитъ обученіе житейскимъ правиламъ, праведному житію. Надо учить страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію — это основные предметы обученія. Затѣмъ уже надо обучать домоводству, какому-либо ремеслу „кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ далъ Богъ", причемъ отецъ долженъ обучать сыновей, а мать дочерей. Но обучая дѣтей, надо „любить ихъ и беречь и страхомъ спасать, уча и наказуя и съ расужденіемъ раны возлагати".

Въ 21-й главѣ говорится: „како дѣтеи учити и страхом спасати".

„Казни сына своего от юности его, и покоитъ тя на старость твою, даст красоту души твоеи. і не ослабей бья младенца. аще бо жезлом биеши его, не умретъ, но здравіе будет. ты бо бья его по тѣлу, душу его избавиш от смерти. дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою и зблюдеши ея от телесных. да не посрамиши лица своего, да в послушаніи ходят . . . Любяи же сына своего учащаи ему раны, да последи о нем возвеселишись. Казни сына своего измлада, і порадуешис о нем в мужествѣ... воспитаи дѣти с прещеніем. обрящеши от них покои и благословеніе, не смѣйся игры творя к нему вмалѣ, вмалѣ бо осклабишис, а в велицы поболиши скорбя, і последи як оскомиши творнши души твоей, и не даи же ему власти во юности, но сокруши ему ребро, донелиж ростетъ, да ожесточавъ не повинеттися, и будет ти от

него досаженіе и болѣзнь души и тщета домови, и погибель имѣнію, і укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣх пред враги, і пред властели платеж, и досада зла" (ст. 61—62) [1]).

Отсюда видно, что Домострой предаетъ большое значеніе тѣлесному наказанію, вѣритъ въ педагогическое значеніе жезла. Не слѣдуетъ, однако, изъ этого дѣлать тотъ выводъ, какъ дѣлали это многіе, что древняя русская педагогія отличалась крайней жестокостью. Правда, нравы были далеко не мягкіе, но и въ самомъ Домостроѣ не разъ слышатся слова любви и кротости, которыя такъ часты въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ: „обучая дѣтей, надо любить ихъ и беречь".

Проф. Ключевскій [2]) говоритъ даже, что „педагогическій жезлъ былъ больше метафизическій, чѣмъ реальный. Великое значеніе приписывалось ему только въ планахъ, ради логической стройности и послѣдовательности". О жезлѣ, кажется, охотнѣе писали, чѣмъ примѣняли къ дѣлу.

Государь дома являлся воспитателемъ всей семьи: онъ долженъ былъ учить и жену, и дѣтей, и домочадцевъ „не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидѣти, не обидити чюжаго, не претис всуе, не осужати, не бражничати, не просмѣивати, ни помнити зла, не гнѣватис ни на кого, і к болшим быти послушну и покорну, а к средним любовну, а к меншим і ко убогим привѣтну і милостиву (глава 25, ст. 69)". „А людей у себя держи дворовыхъ добрыхъ, чтобы были рукодѣлны, и кто чего достоинъ, и такому рукодѣлю учи, а не воръ бы былъ, ни бражникъ, не зерщикъ, не татъ, ни разбойник, ни блудник, ни всякому злу не творец. всякои бы человѣкъ у доброго господаря первое наученъ страху Божію, потом всякои добродѣтели, вѣжству, и смиренію, і доброму промыслу, і домовному строенію" (глава 26, ст. 70).

Надо заботится и о матеріальномъ благосостояніи слугъ: „А государь и государыня людей своихъ жаловали бъ и поили, кормили, и покоили, и одѣвали, и въ теплѣ бы жили, и во всякомъ покоѣ и во благоденствѣ всегда".

---

[1]) Срав. соотвѣт. мѣста въ Измарагдахъ. Гл. XII. Ист. р. п. ч. I, стр. 115.
[2]) См. рѣчь его „Два воспитанія". 1893 г.

Домострой даетъ совѣты, чтобы все въ жизни семейной и общественной дѣлалось въ любви, тишинѣ, мирѣ и согласіи. Онъ предписываетъ милосердіе. „Подобаетъ убо мужем поучати женъ своих с любовью, і благоразсуднымъ наказаніем, жены мужеи своих вопрошают о всяком благочиніи како душа спасти, і Богу і мужу угодити и дом свои добрѣ строити, и во всем мужу покорятися, что он накажет, то с любовью і со страхом внимати і творити по его наказанію і по сему писанію“ (глава 33, ст. 85).

Остальныя главы „Домостроя“ заключаютъ въ себѣ различные хозяйственные совѣты. Здѣсь говорится о всѣхъ сторонахъ хозяйства съ величайшею подробностью, доходящею до мелочей.

„Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“ (64-я глава) написано Сильвестромъ для своего сына Анѳима и его жены. Его называютъ еще малымъ Домостроемъ, такъ какъ оно представляетъ извлеченіе или сокращеніе большого Домостроя. Завѣщаніе это, между прочимъ, очень хорошо характеризуетъ личность самого Сильвестра. Подобно Владиміру Мономаху, который въ своемъ поученіи разсказываетъ дѣтямъ о своей жизни, и Сильвестръ въ подкрѣпленіе своихъ наставленій указываетъ своему сыну на свою собственную жизнь. „Ты видѣлъ, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; какъ, Божіею милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностью, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ по силѣ кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужскаго пола

и женскаго, и въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ; многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ къ книжному рукодѣлью, однихъ серебрянному мастерству, другихъ всякому рукодѣлью, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу... Самъ знаешь, что не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостью, и безо всякой лжи" [1]).

Домострой игралъ несомнѣнную и громадную роль въ XVI и XVII вв. и даже гораздо позже; но давая на все подробныя и точныя правила, онъ заключалъ жизнь въ очень тѣсныя рамки, мѣшалъ ея свободному развитію. Вліяніе школы-семьи было непрерывное, постоянное; но древняя русская школа—семья не способствовала всестороннему развитію личности, порой подавляла ее, и въ этомъ ея важный недостатокъ.

Подведемъ теперь итогъ сказанному.

Изъ краткаго обозрѣнія древне-русскихъ сборниковъ: Пчелъ, Прологовъ, Златоустовъ, Измарагда и Домостроя мы пришли къ тому заключенію, что они имѣли въ древне-русской жизни высокое педагогическое значеніе. Они были проводниками христіанскихъ идей о любви, милосердіи, послушаніи. Въ постоянномъ чтеніи ихъ русскіе книжники почерпали силы для благочестивой и нравственной жизни. Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ—доставить назидательное чтеніе—пришлась по вкусу и потребностямъ древне-русскихъ читателей; вотъ почему эти сборники неоднократно переписывались и имѣли большое распространеніе въ древне-русскомъ обществѣ. Пчелы, напр., признаютъ, что источникъ и мать мудрости есть добродѣтель, что учить надо нравомъ, примѣромъ добродѣтельной жизни, а не словомъ только, что ученье должно быть пріемлемо съ радостью, должно быть пріятно

[1]) Приведено у И. Порфирьева. Исторія русской словесности. Казань. 1886. Древній періодъ ч. I, ст. 555.

и интересно учащимся. Самая афористичность Пчелъ приходилась по вкусу и по силамъ нашимъ предкамъ, которые безъ труда запоминали мысли изъ Пчелъ и при случаѣ пользовались ими, проводили ихъ въ жизнь.

Прологи и патерики настойчиво проводили христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнему и своей идеализаціей монашества способствовали у насъ развитію монастырей, бывшихъ въ древности разсадниками просвѣщенія.

На педагогическія воззрѣнія и убѣжденія нашихъ предковъ весьма вліяла Библія и св. отцы церкви, но особеннымъ вліяніемъ, почетомъ и авторитетомъ пользовался І. Златоустъ, сочиненія котораго во множествѣ списковъ, въ видѣ т. н. Златоустовъ, обращались въ древней Руси и были не только хорошо знакомы нашимъ книжникамъ, но и дали толчекъ русскимъ педагогическимъ сочиненіямъ, которыя во многомъ подражали соч. І. Златоуста „О воспитаніи дѣтей".

І. Златоустъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкореняется вслѣдствіе дурного воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно высказываетъ свою вѣру въ могущество воспитанія „не отъ естества приходитъ людямъ зло, но своею волею злы бываемъ". Какъ высоко цѣнился въ русской письменности І. Златоустъ видно изъ того, что въ древне-русскихъ сборникахъ, особенно Измарагдахъ, есть немало статей приписываемыхъ І. Златоусту, въ дѣйствительности же принадлежащихъ русскимъ авторамъ.

Сборникъ Измарагдъ былъ въ частномъ домашнемъ употребленіи и былъ интересно и поучительно составленъ. Измарагдъ представляетъ намъ отраженіе умственныхъ интересовъ болѣе грамотной среды древне-русскаго общества, а неизвѣстный его составитель является однимъ изъ лучшихъ представителей древней Руси. Въ Измарагдѣ настойчиво проводится мысль, что для духовнаго спасенія необходимо книжное ученіе и что спасеніе получается не за исполненіе внѣшнихъ обрядовъ религіи, но за добродѣтельную жизнь и любовь къ ближнему. Эта любовь есть основаніе христіанской жизни.

Домострой представляетъ кодексъ правилъ домашней жизни, которымъ руководились не только въ XVI и XVII вв., но и гораздо

позже. Это—зерцало нашего древняго быта; поэтому педагогическія взгляды Домостроя имѣютъ для насъ большое значеніе. Домострой по преимуществу воспитывалъ волю старшаго и въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ точно задачамъ русской жизни, проявленнымъ исторіей, которая и вся можетъ быть резюмирована, какъ медленный процессъ выработки твердой воли. Предписанія Домостроя, хотя по временамъ отличаются суровостью и имѣютъ указанные нами недостатки, въ общемъ направлены къ благой цѣли—твердому прочному устроенію русской семьи, какъ основы всего русскаго государства.

Источники и пособія. Главнымъ источникомъ служилъ Домострой по списку Императорскаго Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1882.—Пособіями были: И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. Москва. 1872 г.—Порфирьевъ И. Исторія русской словесности ч. I. Древній періодъ Казань 1886 г.—Некрасовъ. Изслѣдованіе о происхожденіи древнерусскаго Домостроя.

Глава XIV.

Юго-западныя братства и школы. (XVI и XVII в.).

Извѣстно, что монгольское иго способствовало раздѣленію Руси на юго-западную и сѣверо-восточную. Историческая судьба каждой въ теченіе трехъ вѣковъ была не одна и та же. Юго-западная Русь, вошедшая въ составъ великаго княжества Литовскаго, своимъ просвѣщеніемъ, стремленіемъ къ образованію, заведеніемъ школъ, типографій значительно опередила сѣверо-восточную, чему не мало способствовали близость Литвы къ Западной Европѣ и Польшѣ, съ послѣднею она при Ягеллѣ соединилась въ одно государство (1386 г.), а потомъ при Сигизмундѣ Августѣ была присоединена и окончательно (1569 г.).

Умственное и религіозное движеніе XV и XVI в. въ Западной Европѣ, отразившееся на Польшѣ, имѣло вліяніе на Юго-Запад-

ную Русь. Лица, принадлежавшія къ высшему дворянству, начиная съ XV в., нерѣдко получали образованіе въ Прагѣ, Краковѣ и другихъ городахъ, гдѣ существовали университеты и академіи, совершали путешествія по Европѣ и такимъ образомъ усвоивали европейскіе обычаи и нравы.

Чтобы крѣпче привязать Русь къ себѣ, Польша составила планъ сдѣлать ее латинскою, уничтожить въ ней православную вѣру, русскій языкъ и народность. Важнѣйшимъ орудіемъ для исполненія этого плана явились іезуиты, которымъ Августъ открылъ свободный доступъ въ Польшу. Они тотчасъ же начали дѣятельную пропаганду латинства, написали сочиненія противъ православія, но главное могучее орудіе, силу котораго они лучше, чѣмъ кто бы то ни было, оцѣнили, было воспитаніе юношества. Для воспитанія ревностныхъ приверженцевъ католической церкви и дѣятельныхъ противниковъ православія они заводили въ различныхъ важнѣйшихъ польскихъ и русскихъ городахъ училища. Для простого же народа придумали и осуществили унію (1596 г.). Но со времени люблинской уніи и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, въ средѣ наиболѣе дальновидныхъ южно-руссцевъ явилось сознаніе въ неотложной необходимости научнаго образованія, явилось сознаніе, что то „вельми много зашкодило панству русскому, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ розширяти и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибили", потому что православные „не маючи своихъ наукъ, у науки Римскія свои дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ мало по малу науками своѣми все панство Русское до вѣры Римской привели [1])". Результатомъ такого сознанія было заведеніе школъ въ Острогѣ, Брестѣ, Вильнѣ, Могилевѣ и др. городахъ.

Лучшіе русскіе люди тогдашняго времени сознавали, что іезуиты обладаютъ могучимъ средствомъ и что съ ними можно бороться только равнымъ оружіемъ. Поэтому нѣкоторые наиболѣе

---

[1]) Привед. у С. Голубева. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. I ст. 413.

образованные и знатные русскіе вельможи, еще до введенія уніи, начали заботиться объ основательномъ образованіи въ духѣ православія. Такими энергичными защитниками православія явились въ Литвѣ князь Курбскій и князь Константинъ Острожскій. Курбскій и лично, и письменно убѣждалъ богатыхъ лицъ не отдавать дѣтей въ іезуитскіе коллегіумы, а воспитывать ихъ въ духѣ православія на прилежномъ изученіи св. отцовъ и учителей церкви.

Князь Константинъ Острожскій открылъ высшее училище въ Острогѣ (1580 г.), завелъ при немъ типографію, въ которой было напечатано много книгъ богослужебныхъ и учительныхъ; стараніями его издана въ Острогѣ (1580—1581 г.) первая полная славянская Библія. „Со скорбію видѣлъ князь Острожскій, говоритъ М. А. Максимовичъ [1]), какъ іезуиты, приголубленные королемъ Баторіемъ для распространенія „свободныхъ наукъ" въ Польшѣ, заткали ее своею хитромысленною паутиною и водворили въ ней вѣрогоненія, проявившіяся такъ сильно въ правленіе Жигимонта III Вазы". Князь К. Острожскій, подобно отцу своему, славенъ былъ военными подвигами, неоднократно поражалъ орды татарскія, насылая на нихъ и подвластное ему казачество Украинское. „Но не военныя дѣла составили ему имя въ исторіи. Онъ стяжалъ себѣ славу, какъ великій поборникъ православія, какъ защитникъ и утѣшитель православнаго западно-русскаго народа, когда настало гоненіе на православіе со стороны латинства".

Отъ пастырей духовныхъ онъ требовалъ преимущественно двухъ качествъ: святости жизни и знанія священнаго писанія, и выражалъ желаніе, чтобы способнѣйшіе иноки учились по славянски, по гречески и по латыни [2]). Много писали также о богатствѣ и пышности его двора, но лучшимъ украшеніемъ при его Острожскомъ дворѣ были, конечно, училище и типографія, заведенныя имъ въ Острогѣ. Острожское училище были первою на Руси греко-латинскою школою для преподаванія „вызволенныхъ или вольныхъ наукъ" по примѣру училищъ западно-латинскихъ. Острожское училище, основанное въ

[1]) См. Собраніе сочиненій т. I. Отд. истор. Кіевъ 1876 г. ст. 177.

[2]) См. Запись кн. Острожскаго Конст. Конст. на преобразованіе Дерманскаго монастыря въ общежительный. 1602 г. Памятники, издан. временною комис. для разбора древнихъ актовъ, т. IV ст. 34.

1580 г., въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ изданіяхъ того времени именовалось даже „академіею“, въ чемъ справедливо видятъ намѣреніе князя создать высшее учебное заведеніе. Что во всякомъ случаѣ училище не имѣло уже характера элементарной школы, это видно и изъ другого ея названія „Школа грецкая (греческая) у Острогу“; о томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и установленный для нея курсъ наукъ.

Въ острожскомъ училищѣ преподавался съ самаго основанія его греческій языкъ, чего не бываетъ въ школахъ элементарныхъ. Ректоромъ его былъ образованный человѣкъ того времени, посѣщавшій европейскіе университеты, экзархъ александрійскій Кириллъ Лукарисъ. Заботясь о просвѣщеніи, князь Острожскій собственноручно писалъ сенатору Поцѣю, „чтобы позаботиться между прочимъ о закладанію школъ и наукъ вольныхъ, а звлаща для цвиченя духовныхъ, пильно потреба, жебыхъ мо мѣли ученые пресвитеры и казнодѣе добрые; бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилося“ [1]).

Должно быть, подобно острожской школѣ завелъ у себя школу и двоюродный братъ кн. Острожскаго кн. Юр. Юр. Слуцкій, такъ какъ Антоній Поссевинъ въ своихъ донесеніяхъ папѣ Григорію XIII (1581 г.) говоритъ, что „князья Острожскій и Слуцкій имѣютъ свои типографіи и училища, въ коихъ сей расколъ питается (т. е. наше православная вѣра)“. Изъ первыхъ питомцёвъ Острожскаго училища особенно памятенъ доблестный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, настояніемъ котораго въ 1620 г. была возстановлена Кіевская митрополія, четверть вѣка сиротѣвшая безъ пастыря.

Но высшее сословіе не долго могло поддерживать борьбу съ латинствомъ: молодое поколѣніе увлеклось польскою образованностью и даже сыновья Курбскаго и Острожскаго приняли католическую вѣру. Его мѣсто заняли южно-русскія братства.

На основаніи такъ называемаго „магдебургскаго права“, которымъ пользовались многіе города, ремесленные и купеческіе цехи составили общины и каждая община имѣла свое особое устройство.

---

[1]) Максимовичъ Т. I ст. 182.

свой судъ и управленіе. Эти общины получили названіе „братствъ" и группировались около извѣстныхъ монастырей и церквей, принимая ихъ въ свое вѣдомство. Первыя братства, возникшія еще въ XV в., были львовское (1439) и виленское (1458 г.); потомъ образовались: кіевское, луцкое, могилевское, оршанское, брестское и др.

За образецъ и основаніе, при учрежденіе церковныхъ братствъ, приняты были примѣры христіанской жизни первыхъ временъ и многочисленныя заповѣди Спасителя и апостоловъ—любви, какую люди должны имѣть другъ къ другу. На такую мысль, въ учрежденіи братствъ, прямо указывали восточные патріархи и польскіе короли. Давая граматы на основаніе того или другого братства, патріархи многократно приводили въ нихъ слова Спасителя и апостоловъ, заповѣдующія христіанамъ имѣть между собою любовь; вотъ почему и братства въ граматахъ назывались „братства любви и милосердія".

Вся дѣятельность братствъ, носящая характеръ благотворительно-религіозный, ограничилась исключительно ихъ заботами о благолѣпіи церквей, участіи въ избраніи духовныхъ лицъ и контролѣ надъ ними, обязательномъ присутствіи братчиковъ при торжественныхъ церковныхъ службахъ. О борьбѣ братствъ съ иновѣріемъ въ это время не было и помина. Но съ восьмидесятыхъ годовъ XVI в. въ исторіи братствъ происходитъ крупный переворотъ: они вступаютъ въ новую фазу своего развитія, вызванную наступательнымъ движеніемъ католицизма. Братства реформируются въ религіозно-оборонительныя учрежденія, выступаютъ дѣятельными защитниками православной вѣры и русской народности, возникаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православію угрожала наибольшая опасность. Такими городами были Вильна и Львовъ. Здѣсь вырабатываются самыя обстоятельные братскіе уставы, служившіе образцомъ для уставовъ другихъ братствъ, начинавшихъ довольно быстро распространяться по разнымъ городамъ юго-западной Россіи (Брестъ, Минскъ Могилевъ др.).

Желающій вступить въ братство долженъ былъ предварительно (первѣе нежели ся впишетъ) ознакомиться съ братскими порядками. Вписавшись же неукоснительно посѣщать братскія сходки

и принимать участіе во всѣхъ братскихъ дѣлахъ. Не посѣщать собраніе можно было только по весьма уважительнымъ причинамъ.

Во время сходокъ собравшіеся братчики, „остерегаясь порожнихъ и непотребныхъ розмовъ", должны были „радити о церкви Божой" и о своемъ духовенствѣ „радити и пилное старане мѣти, абы наука вшелякая христіанскимъ дѣтямъ въ школѣ была, заботиться объ ученыхъ дидаскалахъ благочестивыхъ, старательныхъ, трезвенныхъ, чтобы „за пилною наукою ихъ люди росли и хвала Божія множилася; радити о выживеню убогихъ и скитальныхъ", а также о прочихъ бѣдныхъ людяхъ, которымъ негдѣ было „главы преклонити".

Въ граматѣ патріарха Кирилла Луцкому братству (1623 г.) сказано: „при таковомъ собраніи и соединеніи себя въ одной любви и порядку братскому, братія всѣми мѣрами обязаны заботиться о благолѣпіи церкви, о постоянномъ добромъ проповѣдникѣ и о школѣ, чтобы юноши, при попеченіи своихъ родителей, имѣли приличное содержаніе и образованіе" [1]).

Бесѣды на собраніяхъ должны были вестись чинно, пристойно. Право слова предоставлялось каждому братчику, но всѣмъ разомъ говорить возбранялось, „а поединомъ, еденъ, по другомъ"—причемъ каждый желающій о чемъ либо заявить обязанъ былъ испросить о томъ позволенія у старшихъ. Бесѣда должна вестись голосомъ тихимъ, любовно и разумно. Еслибы какой братъ, по Божію допущенію, а не по своей винѣ и нерадѣнію пріобѣднѣлъ и разорился, или подвергся какимъ либо несчастіямъ и напастямъ, тогда всѣ братія, какъ деньгами братскими, такъ и сами отъ себя, обязаны его вызволять, и во всемъ ему помогать, и въ болѣзни его призирать, и о душѣ его заботиться, оказывая любовь къ брату своему, при жизни его и по смерти. Тѣхъ, которые въ хорошемъ состояніи и богаты, братія не должны дѣлать богаче, но только обѣднѣвшимъ помогать и деньги братскія ссужать заимообразно безо всякой лихвы [2]).

Съ конца XVI вѣка братства предпринимаютъ различныя мѣры

---

[1]) См. Памятники, изд. врем. ком. Т. I-II ст. 48.

[2]) Изъ той же грамоты Кирилла, содержащей въ себѣ уставъ Луцкаго братства. § 12, ст. 48.

для парализованія успѣховъ латинской пропаганды, приглашаютъ въ свою среду извѣстныхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ, выпускаютъ въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно полемически-религіознаго содержанія, подаютъ въ сеймы и королямъ прошенія о свободѣ религіозной совѣсти и охранѣ правъ православной церкви. Но особенно братства оцѣнили значеніе образованія; заботы о просвѣщеніи, „подаванье наукъ учтивыхъ и цвиченье дѣтей породу христіанскаго" считали дѣломъ чрезвычайно важнымъ и для его распространенія заводили типографіи и училища.

Уже въ концѣ XVI в. на помощь острожской школѣ являются братскія училища: львовское (1587), виленское (1588), брестское (1592) и могилевское (1596 г.) Кромѣ того братства отправляли даже молодыхъ людей въ западные коллегіумы и университеты, чтобы такимъ образомъ приготовить разумныхъ и просвѣщенныхъ защитниковъ вѣры.

Считая православныя южно-русскія школы разсадниками, гдѣ питается схизма, латино-уніатскія власти всячески старались умалить ихъ значеніе, тормозя ихъ отрытіе и офиціально низводя ихъ на степень низшихъ училищъ, урѣзывая ихъ права и привиллегіи; ограничивая кругъ и объемъ преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ.

Львовское братство съ большимъ трудомъ могло получить отъ Сигизмунда III право pro tractandis liberis artibus, т.-е. право преподавать въ своей школѣ предметы въ объемѣ нѣсколько расширенномъ сравнительно съ учебными заведеніями низшихъ разрядовъ.

И несмотря на такія затрудненія, школы устраиваются, получаютъ правильную организацію, разумный уставъ и хорошихъ учителей.

Острожское училище славилось своими учителями, „мужами великой учености". Львовская школа нѣкоторое время была разсадникомъ просвѣщенія во всей юго-западной Россіи, играла роль almae matris для юго-западныхъ школъ, такъ какъ щедро снабжала ихъ какъ учителями, такъ и учебными пособіями. Поэтому, оцѣнивая значеніе школъ того времени, нельзя не признать за ними большихъ заслугъ.

На первомъ планѣ, конечно, слѣдуетъ поставить заботы юго-западныхъ школъ о выработкѣ религіозно-нравственныхъ началъ

въ учащихся, а также широкій доступъ, который былъ открытъ ими для всѣхъ, жаждавшихъ просвѣщенія — и знатныхъ и простыхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, то равенство между учащимися, о которомъ съ такимъ благородствомъ говорятъ школьные уставы. Мало того, что двери школы не были закрыты для сиротъ и бѣдныхъ: они находили себѣ здѣсь кровъ и пропитаніе. Довольно сдѣлано школами и для обогащенія учащихся научными свѣдѣніями; но въ послѣднемъ отношеніи онѣ, конечно, стояли ниже современныхъ ими школъ польскихъ, въ особенности іезуитскихъ.

Какъ бы тамъ ни было, благодаря львовскому, виленскому, а позже кіевскому и др. училищамъ, въ юго-западной Россіи начала распространяться западная наука, хотя наука эта была схоластическая. Сущность этой схоластической науки состояла не въ содержаніи, которое у нея было данное, готовое и заключалось въ христіанскомъ ученіи, но въ пріемахъ и формахъ при раскрытіи этого содержанія.

Въ ней начала и формы древней науки и особенно философіи Аристотеля были приложены къ объясненію и утвержденію христіанскаго ученія. Такая формальная наука всего болѣе отвѣчала тѣмъ насущнымъ потребностямъ, для которыхъ русскіе начали знакомиться съ образованіемъ и которыя состояли главнымъ образомъ въ томъ, чтобы защитить отъ поползновеній католицизма древнія истины православной вѣры. Схоластическая наука стала воспитывать не просто грамотныхъ и начитанныхъ людей, какъ это было прежде, но ученыхъ, которые способны были понять, оцѣнить, объяснить книгу, защитить истину и отвергнуть заблужденіе. Эти ученые стали приводить христіанскія истины, заключающіяся въ разныхъ источникахъ, въ научныя системы. Вмѣстѣ съ богословскими системами, начали появляться книги и руководства и по другимъ предметамъ знанія.

Вообще съ этого времени стали разпространяться разныя знанія по философіи, исторіи, миѳологіи, естествознанію. Чрезъ Польшу переходили изъ западной литературы разныя литературныя произведенія: повѣсти, сказанія, романы. По образцу польской поэзіи развилась поэзія силлабическая, явились сначала мистеріи, а потомъ свѣтскія драмы и комедіи. Центромъ схоластиче-

ской науки сдѣлалось Кіевское училище, о чемъ скажемъ подробнѣе ниже.

Источники и пособія. Источникомъ служили Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ военномъ, под. и вол. генералъ-губернаторѣ. 1848, т. I, т. II—IV.—Пособіемъ служили: Исторія Кіевской Духовной Академіи, С. Голубева, т. I, 1886. Кіевъ.—М. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, отдѣлъ историческій. Кіевъ, 1876.—С. Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. I.—Флеровъ. Православныя церковныя братства въ юго-западной Россіи.

Глава XV.

Уставъ Луцкой школы.

Такою научною школою, гдѣ преподавались уже „разныя науки", была школа Луцкая, возникшая въ 1620 г. при Крестовоздвиженской церкви въ Луцкѣ, по благословенію константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Два устава ея мы находимъ въ Памятникахъ, изданныхъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ [1]). Мы приведемъ изъ нихъ важнѣйшіе параграфы.

Первый уставъ.

§ 1. Каждый, кто вступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись ректору, съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу

[1]) Цѣликомъ оба эти устава приведены нами въ Русской Педагогикѣ. Опытъ педагогической Хрестоматіи см. стр. 12—23.

не на одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ наукъ; и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.

§ 2. Такъ присмотрѣвшись, если вступить не захочетъ, отходитъ съ благословѣніемъ; а если согласится на порядокъ и правила наши, то долженъ объявить старшему, и по его приказанію, внесши въ школьную кружку 4 гроша, будетъ вписанъ отъ ценитарха въ большой школьный списокъ, и такимъ образомъ принятъ и зачисленъ въ ученики.

§ 3. Старшему и тому, кому старшій поручитъ, каждый ученикъ будетъ обязанъ оказывать совершенное и почти безусловное послушаніе, во всемъ совѣтуясь съ нимъ и ему повинуясь добровольно, безъ всякаго принужденія и ропота, какъ тому, который будетъ обязанъ наставлять его и учить всему приличному и полезному. Ибо если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ даже самыхъ низкихъ имѣетъ мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ, которыя всѣ прочія науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ.

§ 4. Такъ какъ въ нашей школѣ будутъ учить разнымъ языкамъ и наукамъ [1]) и опредѣлены часы, въ какіе чему должно учиться, то каждый ученикъ, поступивши въ школу и не могши въ скорости ни наукъ, которыя здѣсь преподаются, ни того усмотрѣть, къ какой онъ способенъ, долженъ просить совѣта у начальника школы, за какую науку ему взяться. И что онъ, сообразивъ его лѣта, наклонность и способности, посовѣтуетъ ему, за то съ охотою и долженъ будетъ приняться, исключая тѣхъ учениковъ, которые или отъ родителей, или отъ имѣющихъ на то право назначены собственно къ какой-либо извѣстной наукѣ; однако жъ и тѣмъ должно быть совѣтуемо полезнѣйшее.

§ 5. Въ часы учебные, по утру и послѣ обѣда, всѣ обязаны быть въ школѣ на лицо и приходить въ пору. Со всевозможною тишиною, безъ разговоровъ, шептаній, перемигжокъ и переходовъ другъ къ другу [2]), каждый, сидя на своемъ мѣстѣ, долженъ слу-

---

[1]) Этимъ параграфомъ ясно указывается, что Луцкая школа была школа научная.

[2]) Въ подлинникѣ сказано: „за тихою вшелякою безрозмовъ и шептовъ, мигговъ и до себе прехажок“.

нать, уразумѣвать и замѣчать все, что̀ будетъ читано, сказываемо и диктуемо учителемъ, стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное могъ выразить подобно учителю.

§ 6. Никто не долженъ дѣлать ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно между собою, никакой сдѣлки, что-либо закладывать, торговать, покупать, продавать безъ вѣдома учителя, твердо помня то, что такіе дѣла и поступки суть кража, а потому грѣхъ смертный.

§ 7. Какъ безъ вѣдома учителя ничего нельзя дѣлать, такъ и въ школѣ или вовсе не быть или пріити поздно, т.-е. послѣ назначеннаго часа, или, наконецъ, прежде времени выйти никто не долженъ осмѣливаться. Но если случится какая важная причина или отсутствія, или земледенія, или ухода: то ее объявить учителю, и отъ него для своей потребности испросить позволеніе. Ибо кто опоздаетъ, или разъ не будетъ въ школѣ, строго будетъ наказанъ; кто два дня безъ вѣдома пропуститъ, не будетъ принятъ въ школу.

§ 8. Что̀ будетъ говориться или дѣлаться въ школѣ, никто за порогъ школьный выносить не долженъ [1]).

§ 9. Такъ какъ наши ученики, кромѣ наукъ и добродѣтели, ничему другому учиться не будутъ, то мы предостерегаемъ, чтобы они не имѣли у себя для сихъ двухъ предметовъ никакого препятствія. И такъ какъ два занятія, другъ другу мѣшающія, часто одно другое разстраиваютъ, то ученики не должны держать никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремеслъ.

[1]) Этотъ параграфъ заслуживаетъ нашего вниманія и требуетъ объясненія. Мы уже говорили, что братства не пользовались симпатіями польскаго правительства, и такъ какъ на братскихъ совѣщаніяхъ перѣдко обсуждались мѣры борьбы съ латинскою пропагандою, то братчики принимали строгія мѣры, чтобы ихъ совѣщанія хранились въ глубокой тайнѣ, даже „предъ подружіемъ своимъ и домовными повиненъ былъ каждый утаити що было мовлено и ражено въ собраніи „братій". Въ приведенной выше грамотѣ патріарха Кирилла, содержащей въ себѣ уставъ Луцкаго братства (ок. 1623 г.) въ § 10 сказано: „Дѣла и совѣщанія братскія должны оставаться подъ покровомъ тайны и не должны быть выносимы на сторону ни однимъ братомъ, подъ страхомъ наказанія, какое назначатъ за сіе братіе тому, кто бы на то отважился". Подобное умѣнье хранить тайну, быть воздержнымъ на языкѣ, воспитывала и школа, точно отражая потребности современной жизни, Этотъ параграфъ перешелъ потомъ и въ азбуковники, обращавшіеся въ великорусскихъ школахъ XVII в., хотя онъ здѣсь потерялъ почти всякое реальное значеніе; въ нихъ рекомендовалось: „мести школу и выносить соръ, только не „словесный". „Школьный соръ вонъ износите, бытностей же и рѣчей отнюдь не износите"

Кромѣ принадлежностей школьныхъ а также для пріобрѣтенія и соблюденія истинныхъ добродѣтелей, основывающихся на Православіи, они не должны имѣть у себя никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ. За всѣмъ тѣмъ старшій начальникъ долженъ имѣть внимательное око.

§ 10. Никто не долженъ ходить ни въ какія неприличныя собранія или пирушки, и имѣть обращеніе и товарищество съ тѣми, которые тому преданы; ибо человѣкъ, какъ съ преподобными преподобенъ бываетъ, такъ со строптивыми развращается. Напротивъ, пребывая въ благонравіи и ведя товарищество съ благонравными, должны всѣ оказывать почтеніе людямъ достойнымъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, открывая предъ ними голову и отдавая поклонъ. Равно и къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ-то: монастырямъ, кладбищамъ, училищамъ, преимущественно предъ другими мѣстами, должны имѣть почтеніе. А сіе они сдѣлаютъ, какъ, находясь въ тѣхъ мѣстахъ, станутъ воздерживаться отъ лишнихъ поступковъ, непристойныхъ словъ и нескромныхъ шутокъ.

Въ § 11 говорится, что каждый ученикъ долженъ прежде всего учиться тому, что̀ ведетъ его ко спасенію, и затѣмъ указывается на необходимость всегдашняго посѣщенія церкви въ воскресные и праздничные дни.

Въ § 12 сказано, что каждый постъ необходимо исповѣдываться и причащаться.

Второй уставъ Луцкой школы, излагающій порядокъ школьный, относится къ 1624 году [1]).

§ 1. Даскалъ, или учитель сей школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздерживъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистникъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не басносказатель, не пособникъ ересей; но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляя собою образецъ благихъ дѣлъ. Въ такихъ добродѣтеляхъ да пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель. Къ такому учителю кто-либо

¹) Мы пропускаемъ предисловіе къ уставу.

приводя и отдавая на науку сына и другихъ долженъ взять съ собою одного или двухъ сосѣдей „да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ“ и сдѣлать съ учителемъ постановленіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ, сообразно реестру сему, ниже написанному. И долженъ прежде всему быть прочитанъ ему тотъ реестръ, дабы зналъ, какимъ образомъ будутъ учить его сына, и чтобы не препятствовалъ ему въ томъ порядкѣ, но всѣми мѣрами содѣйствовалъ дѣтямъ въ наукѣ, приводя ихъ въ послушаніе учителю, какъ истинный отецъ, желающій видѣть утѣшеніе и благой плодъ трудовъ. Потомъ имѣетъ онъ, по обыкновенію, записаться въ списокъ.

§ 2. А учитель, взявъ порученное ему дитя, долженъ заботливо учить его полезнымъ наукамъ; за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически, не сверхъ мѣры, а по силамъ, не съ буйствомъ, а кротко и тихо, не только мірски, но и выше мірскаго [1]). И чтобы онъ, по своей небрежности, зависти или лукавству, не остался виновенъ ни за одного ученика предъ Богомъ Вседержителемъ, а также предъ родственниками ученика и предъ нимъ самимъ, если бы отнялъ у него время и занялъ его чѣмъ инымъ. Ибо сказано: „лукавый рабе и лѣнивый, подобаше ти вдати сребро мое торжникомъ и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою“. И еще: „иже щадитъ жезлъ (свой) ненавидитъ сына своего“ и еще: „аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчища есте, а не сынове [2]).“

§ 3. Садиться каждый долженъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаемомъ по успѣхамъ. Кто больше будетъ знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ: а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на низшемъ мѣстѣ.

§ 4. Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ

---

[1]) Проф. М. Владимирскій-Будановъ толкуетъ это мѣсто такъ, что учитель долженъ наказывать ученика не по формальному соотвѣтствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣркѣ (см. Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерствъ. Ж. М. Н. П. 1873 г. Часть CLXVIX). Проф. Л. Леонтовичъ объясняетъ, что учитель наказываетъ, руководясь не только общими законами о проступкахъ и взысканіяхъ, но и своей личной оцѣнкой виновности ученика. (Школьный вопросъ въ древней Россіи. Варшав. Универс. Изв. 1894 г., кн. V, ст. 41—42).

[2]) Очевидно ни духъ времени, ни цѣль школы не позволяли обойтись безъ наказаній; но учитель долженъ былъ наказывать кротко и тихо. М. Д.

быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности равны всѣ. Ибо всѣ мы братія о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа и ни одинъ членъ, напримѣръ, глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: „ты мнѣ не нужна".

§ 5. Учитель долженъ и учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить ихъ, сколько кто по силамъ научиться можетъ, только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ. Ибо сказано: „просящему у тебе дай, и хотящему у тебе взяти не отврати". И еще: „Богъ хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти".

§ 6. Сходиться въ школу мальчики должны въ опредѣленное время, т.-е. въ большіе дни, чтобы всѣ были къ 9-му часу, точно также и въ меньшіе дни, какъ установитъ учитель. И отпускать ихъ послѣ ученія домой, также въ опредѣленный часъ. Ибо сказано: „все да дѣйствуется во славу Божію и въ подобное время".

§ 7. Каждое утро учитель долженъ тщательно наблюдать, чтобы, если какого мальчика не будетъ, тотчасъ же послать за нимъ и узнать причину, по которой не пришелъ: не занялся ли гдѣ игрою; не залѣнился ли дома; не спалъ ли сверхъ мѣры и потому не пришелъ въ школу. Обо всемъ этомъ должны развѣдать и привести въ школу. Ибо написано: „овѣхъ страхомъ (и принужденіемъ) спасайте".

§ 8. По утру всѣ, сошедшись въ назначенный часъ, не должны начинать ученія, пока не прочтутъ молитвъ и обычнаго предисловія. Ибо сказано: „въ началѣ дѣла твоего Бога поминай".

§ 9. Дѣти въ школѣ дожны быть раздѣлены на трое: одни, которые будутъ учиться распознавать буквы и складывать; другіе, которые будутъ учиться читать и выучивать наизусть разные уроки, третьи будутъ пріучаться объяснять читанное, разсуждать и понимать. Ибо сказалъ св. Павелъ: „Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ, егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческая" [1]).

§ 10. По утру послѣ молитвъ, прежде всего каждый долженъ

---

[1]) Этимъ параграфомъ ясно устанавливается дѣленіе школы на три группы.

говорить вчерашній урокъ свой и показать свое писанье, какое писалъ дома, и изложеніе своего урока; а потомъ должны учиться по частямъ псалтыри или грамматикѣ съ разборами, и инымъ многимъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель, сообразно съ потребностью.

§ 11. Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя, должны списывать на таблицѣ свои уроки, заданные имъ отъ учителя, исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ писать. А выучивъ въ школѣ трудныя слова, должны другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ, пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, предъ своимъ хозяиномъ, должны прочитать тотъ урокъ, который въ школѣ учили, съ объясненіями его, какъ то бываетъ въ школѣ. А что учили въ тотъ день, должны списать вечеромъ на дому, и принесть въ школу по утру, и показать своему учителю, дабы всякій плодъ ученія былъ извѣстенъ: „Отъ плода бо древо познано будетъ".

§ 12. Учитель обязанъ будетъ учить и на письмѣ имъ предлагать: отъ Святого Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія Святыхъ Отцовъ, отъ философовъ поэтовъ, историковъ и прочая: „Елика бо предпанисана быша, въ наше наказаніе предпанисанася" [1]).

§ 13. Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіе недѣли. И должны учиться пасхаліи, и лунному теченію, и счету, и вычисленію, или правиламъ церковнаго пѣнія: „Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію".

§ 14. Послѣ обѣда въ субботу, учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ правамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ предъ родными своими и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе, т.-е. предъ Богомъ и Святыми Его почитаніе и страхъ, предъ родными и учителемъ послушаніе, предъ всѣми вообще покорность

---

[1]) Этимъ и слѣдующимъ параграфомъ до извѣстной степени указывается кругъ предметовъ обученія.

и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сія наставленія должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго по школьной чашѣ испивать. Ибо писано: „любяй сына прилежнѣе наказуетъ, а не любяй щадитъ жезла". И еще „безуміе виситъ на сердцѣ юнаго, жезлъ же и наказаніе далече отгонитъ отъ него". „Вливаютъ вино ново въ мѣхи новы, и обое соблюдется".

§ 15. Въ воскресеніе и въ праздники Господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ или святомъ днѣ, и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ. Ибо сказано: „Блаженъ, иже въ законѣ Господни поучается день и нощь".

§ 16. Двухъ или четырехъ мальчиковъ, въ каждую недѣлю иныхъ, по порядку назначать должно для наблюденія, отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь. Дѣло ихъ будетъ: пораньше придти въ школу, подмести школу, затопить въ печкѣ и сидѣть у дверей, и знать обо всѣхъ, кто выходитъ и входитъ. Они должны записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, или въ церкви безчинно стояли, или домой идучи не вели бы себя пристойно. Ибо сказано: „блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри; искупующе время, яко дніе лукави суть".

§ 17. Еслибы какой мальчикъ одинъ день ходилъ въ школу, а другой день пропускалъ, и такимъ образомъ только тратилъ бы время, числясь въ училищѣ: таковаго больше не принимать; потому что и знахарь, еслибы больного одинъ день лѣчилъ, а въ другой пропускалъ, то, вмѣсто излѣченія, повергъ бы его въ большую болѣзнь. Ибо сказано: „отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща".

§ 18. Учитель и братія строители школьные, должны напоминать родителямъ объ ихъ сыновьяхъ, а хозяевамъ о порученныхъ имъ и стороннихъ дѣтяхъ, чтобы дѣти дома поступали сообразно съ порядкомъ ученія школьнаго, показывая тѣмъ образованность и приличную лѣтамъ своимъ людскость предъ всякимъ сословіемъ. И еслибы что противное образованію оказалось въ дѣтяхъ,

имѣетъ быть изслѣдовано; а еслибы учитель своимъ нерадѣніемъ, или родственники хозяина безпорядкомъ своимъ препятствовали наукѣ и благимъ нравамъ, то виновный имѣетъ подлежать отвѣтственности.

§ 19. Еслибы также кто захотѣлъ взять своего сына отъ учителя, для какой иной надобности, то долженъ взять его не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и при тѣхъ же одномъ или двухъ лицахъ, при которыхъ отдалъ его въ ученіе, дабы своимъ безпорядочнымъ поступкомъ не сдѣлать оскорбленія ни ученику и себѣ самому, ни учителю, что отобралъ у него ученика безъ объясненія причины, когда такой порядокъ соблюдаютъ и всѣ другіе ремесленники. Ибо не только сына, но и слугу поручаютъ ремесленнику, при людяхъ и порядкомъ, и потомъ, когда чему научится, тѣмъ болѣе не хотятъ пренебрегать таковымъ порядкомъ, но, собравши многихъ, одобряютъ постоянство и терпѣливость родныхъ и его самого. Тогда и мастеру бываетъ великое удовольствіе, что видитъ ученика своего не послѣднимъ. И сіе гораздо болѣе должно наблюдать въ училищахъ и у людей христіанскихъ. Ибо написано: „Всякъ дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту; творяй же истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана“.

§ 20. Еслибы самъ учитель, или кто изъ учениковъ его, былъ виновникомъ такихъ поступковъ, которыхъ законъ не только не предписываетъ, но еще запрещаетъ: былъ бы, напримѣръ, блудникъ, пьяница, воръ, кощунъ, нерадивецъ, сребролюбецъ, клеветникъ, гордецъ, такой отнюдь не долженъ быть здѣсь не только учителемъ, но даже и жителемъ. „Да не соблазните“, сказалъ Спаситель, „ни единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ во имя Мое“. Ибо будучи самъ противникомъ заповѣдей Господнихъ, какъ можетъ другихъ сохранить въ цѣломудріи и наставить на пользу? Самъ Господь сказалъ: „не можете добрѣ глаголати зли суще“. И еще „всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ и въ огнь вметаютъ“.

Заканчивается уставъ краткой программой ученія: „Школы словенской ученіе начинается такъ: сперва научаются складывать

буквы; потомъ обучаются грамматикѣ; притомъ учатся церковному порядку, чтенію, пѣнію. Также пріучаются ежедневно, чтобы дѣти одинъ другого спрашивали по гречески, а отвѣчали по словенски, и также чтобы спрашивали по словенски, а отвѣчали бы на простомъ языкѣ. Но вообще они не должны между собою разговаривать на одномъ простомъ языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ нынѣ тому учатся, приступая къ высшимъ наукамъ: къ діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по словенски. На русскомъ языкѣ написаны діалектика и риторика и другія философскія сочиненія, принадлежащія къ школѣ [1]).

Приведенный уставъ Луцкой школы свидѣтельствуетъ несомнѣнно о томъ, что уровень педагогическихъ знаній и требованій значительно повысился въ юго-западной Руси къ началу XVII в. Образованность и людскость —высоко ставятся; учитель долженъ и учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и убогихъ; богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только знаніями; кто больше изъ учащихся будетъ знать, тотъ долженъ сидѣть выше, хотя бы былъ весьма бѣденъ; учитель долженъ быть образцомъ мудрости и добродѣтели для учащихся и обращаться съ ними кротко и любовно.

Изъ приведеннаго же устава видно, что въ Луцкой школѣ изучались уже риторика и діалектика по переведеннымъ на славянскій языкъ руководствамъ. Такимъ образомъ школа Луцкая была такою же научною школою, какъ и школа Львовская, Виленская, а потомъ Кіевская, была тѣмъ, что мы называли бы теперь среднеобразовательною школою [2]).

Источники и пособія: главный источникъ Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше

---

[1]) Въ I т. Памятниковъ уставъ этотъ взятъ изъ Луцкаго сборника. Въ подлинникѣ на полѣ противъ словъ „составися школа кгрецкая“ есть старинная приписка по-польски, что „мурованная (каменная) школа построена въ братскомъ монастырѣ въ 1620 г.“.

[2]) О преподованіи въ Львовской школѣ ученія грамматическаго, діалектическаго и риторическаго еще до 1592 г. см. Ар. З. Рос. т. IV. №2.

учрежденною при Кіевскомъ военномъ, Подол. и Волын. генералъ-губернаторѣ, т. I—IV; особенно I т. 1848 изд. втор.

Глава XVI.

Учебники братскихъ школъ и предметы обученія въ нихъ.

Такъ какъ въ братскія школы принимались зачастую дѣти, вовсе не подготовленныя, то обученіе въ нихъ начиналось съ азбуки, затѣмъ слѣдовали часословъ и псалтырь (въ связи съ изученіемъ церковныхъ службъ и пѣнія), далѣе грамматика и прочія науки.

Въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (изд. 1619) читаемъ: „Дѣткамъ учитися починаючимъ, Букварь, звыкле рекши Алфавитарь, з той же грамматики вычерпленный, абы склоненіями граматичными з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ навыкали, до наученя подаваный нехай будетъ. По часословѣ зась и псалтири (которыи опусканы быти не маютъ) выученню ся овая грамматика з выкладами, то есть, з показованемъ и уживанемъ еи пожитковъ, наступитъ“. Что касается до древнихъ языковъ, то элементарное ознакомленіе съ ними (и прежде всего съ греческимъ) начиналось довольно рано, непосредственно по обученію славянской грамотѣ, но болѣе основательное обученіе продолжалось въ высшихъ классахъ.

Относительно дѣленія на классы братскихъ школъ имѣются свѣдѣнія положительныя, но опредѣленныхъ указаній, какіе именно предметы преподавались въ каждомъ изъ нихъ—нѣтъ. Виленская школа (въ 1619 г.) дѣлилась на пять отдѣленій (училищъ), изъ нихъ въ трехъ читалась латинская наука, въ четвертомъ русская, въ пятомъ славянскій и греческій языки. Что касается до Кіево-братской Богоявленской школы, то въ ней по словамъ ея воспитанника Игнатія Іевлевича были (въ 1630—1631 гг.) слѣдующія четыре отдѣленія: русская школа, инфима, грамматика, синтаксима [1]).

Учебниковъ, употреблявшихся въ западно-русскихъ школахъ

---

[1]) Истор. Кіев. Дух. Акад. ст. 190.

конца XVI — начала XVII в., дошло до насъ немного. Изъ нихъ извѣстны только:

1. Кграматыка словеньска языка з газоѳилакіи славного града Острога власное отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича княжати на Острогу и пр. (изд. въ 1586 въ г. Вильнѣ).

2. Ἀδελφότης. Грамматика доброглаголиваго Еллинославенскаго языка совершеннаго искусства осьми частей слова. ко наказанію многоименитому Россійскому роду (изд. 1591 г. во Львовѣ). Она была издана львовскими студентами и раздѣлялась на четыре части: орѳографію (правописаніе), просодію (припѣваніе), этимологію (правословіе) и синтаксисъ (сочиненіе). Въ „Извѣщеніи" (предисловіи) объяснены значеніе и польза грамматики: „она есть первый ключъ, отверзающій умъ къ разумѣнію писаній, первое изъ семи свободныхъ искусствъ (artium liberalium), отъ нея, будто, по ступенямъ трудолюбивые достигаютъ діалектики, риторики, музыки, ариѳметики, геометріи, астрономіи, поэтому этими семью мудростями, какъ нѣкіимъ сосудомъ разсужденія, черпаютъ изъ источниковъ философіи и богословія". Такое воззрѣніе на грамматику, усвоенное средними вѣками отъ древнихъ изъ Александрійской школы перешло въ Польшу, а оттуда въ юго-западную Русь, какъ видно изъ славянскихъ грамматикъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго.

3. Грамматика Славенска съвершеннаго искусства осми частій слова, и иныхъ нуждныхъ. Ново съставлена Л. З. (Лаврентіемъ Зизаніемъ). Изд. 1596 г. въ Вильнѣ.

4. Въ 1596 г. въ типографіи (друкарнѣ) православнаго Виленскаго братства напечатанъ былъ букварь, подъ заглавіемъ: „Наука к читаню и розумѣню письма славенскаго: тутыжъ о Святой Троицы, и о въчловеченіи Господни". Здѣсь кромѣ азбуки, складовъ и молитвъ находилось еще изложеніе православной вѣры Стефана Зизанія.

5. Грамматики Славенския правилное Синтагмы (Мелетія Смотрицкаго изд. 1619 г.).

6. Грамматика албо сложеніе письмени хотящимъся учити Славеньскаго языка млодолѣтнымъ отрочатомъ (изд. 1621 г. въ

Вильнѣ), съ картинкою на заглавномъ листѣ, изображающею классъ и учителя, который наказываетъ ученика. Въ грамматикѣ послѣ молитвъ слѣдуютъ разныя наставленія спачала дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ: „къ вамъ же, отцы и учителя, тако глаголемъ: „не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе бо есть привязано въ сердцы отрочате. Жезломъ же наказанія изженини его". Эти совѣты о строгомъ обращеніи находятся и въ позднѣйшихъ азбукахъ.

При грамматикѣ Лаврентія Зизанія приложенъ „Лексисъ, сирѣчь, реченія въкратцѣ събраны и изъ словенскаго языка на простый русскій діалектъ истолкованы", гдѣ объяснены нѣкоторыя слова (напр. акаѳистъ, аллилуіа, архитриклинъ и др.). Въ 1627 г. напечатанъ въ Кіевѣ „Лексиконъ славянороссскій и именъ толкованіе", составленный Памвою Берындою.

Въ 1664 г. изданъ былъ букварь въ Кіевѣ, а въ 1671 г. львовское братство издало также букварь.

Приведенные подъ №№ 1—6 учебники происхожденія школьнаго, т.-е. составлены наставниками братскихъ школъ, иногда даже не безъ содѣйствія лучшихъ учениковъ (какъ напр. Ἀδελφότης). „Повсемѣстное распространеніе сихъ учебниковъ по временнымъ южнорусскимъ школамъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Независимо отъ другихъ соображеній, относительно этого имѣются и положительные факты: братства при тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ обмѣнивались своими изданіями, при чемъ книги наиболѣе нужныя посылались въ большомъ количествѣ, а учебники даже цѣлыми сотнями (Голубевъ).

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самыхъ учебникахъ (со словъ г. Голубева). Буквари представляли собою родъ небольшихъ дѣтскихъ энциклопедій, имѣвшихъ въ виду, кромѣ обученія чтенію, сообщать первоначальныя религіозныя истины. Начинались они азбукою славянскою (а, б, в, г, и т. д.), затѣмъ слѣдовали склады (ба, ва, га и проч.), отдѣльныя слова и изреченія для упражненія въ чтеніи и причемъ въ позднѣйшихъ букваряхъ фразы для заучиваній приспособлены были къ тому, чтобы дать элементарныя свѣдѣнія о грамматическихъ формахъ. Затѣмъ слѣдовали общеупотребительныя молитвы (Царю небесный, Трисвятое, утренния и

вечернія молитвы), исповѣданіе вѣры и нравственныя изреченія преимущественно изъ притчей Соломоновыхъ (напр. сыну яждь медъ понеже есть добрый). Въ концѣ помѣщались сравнительно болѣе обширные трактаты. При изложеніи основныхъ понятій христіанской религіи, въ учебникахъ обращалось преимущественное вниманіе на то, чтобы вкоренить въ умы питомцевъ убѣжденіе въ истинности православія, сравнительно съ другими вѣроисповѣданіями, и научить ихъ пріемамъ религіозной полемики. Что касается греческой грамматики Ἀδελφότης, то, безъ сомнѣнія, она составлена подъ руководствомъ митр. Арсенія Элассонскаго, бывшаго во Львовѣ наставникомъ братской школы. Самъ составитель говоритъ, что она „сложена отъ различныхъ грамматикъ". Но въ основу ея положена была грамматика Ласкариса, впервые изд. въ 1476 г. Ἀδελφότης напечатана на двухъ языкахъ греческомъ (четныя страницы) и параллельно съ нимъ славянскомъ. Изученіе обоихъ языковъ въ школѣ очевидно велось одновременно, на что указываютъ и дошедшіе до насъ школьные уставы. Во львовскомъ уставѣ 1587 г. говорится: „также учатъ на каждый день, абы дѣти одинъ другого пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и ты жъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано по простой мовѣ. И ты жъ не маютъ з собою мовити простою мовою ено словенскою и грецкою". То же самое мы видимъ въ приведенномъ луцкомъ уставѣ.

Опредѣленіе грамматики составителями Ἀδελφότης дается такое: „Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати и яко мерительно, или числительно вещественно, съ разсужденіемъ повѣдающе" или „грамматика есть искусство при творцехъ же и исписателехъ яко на множѣ глаголаемыхъ писмо, еже являетъ твореніе и исписаніе". Славянская грамматика Лаврентія Зизанія составлена была не безъ вліянія греческой львовской грамматики. Отсюда довольно замѣтный ея недостатокъ: стремленіе автора облечь славянскій языкъ въ невсегда сродныя ему формы греческаго языка. Она значительно полнѣе львовской и въ изложеніи ея тѣ особенности, что она составлена въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Славянская грамматика, составленная учителемъ виленской

братской школы Мелетіемъ Смотрицкимъ, составляетъ важную эпоху въ исторіи церковно-славянскаго языка. Хотя славянскій языкъ былъ языкомъ священныхъ книгъ и богослуженія, но съ теченіемъ времени онъ не оставался безъ вліянія народнаго русскаго языка. Когда такое вліяніе сдѣлалось значительнымъ, появилась грамматика Смотрицкаго, которая стремилась установить правила книжнаго славянскаго языка въ отличіе отъ рѣчи народной и какъ бы въ огражданіе отъ ея вліянія. Эта грамматика, впрочемъ имѣла большій успѣхъ въ сѣверо-восточной Руси, чѣмъ въ юго-западной.

Учебниковъ по другимъ предметамъ до нашего времени не дошло, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ указаній на нихъ въ существующей литературѣ.

О преподаваніи реторики и діалектики въ южно-русскихъ школахъ XVII в. существуетъ мнѣніе, что первая изучалась „болѣе практическимъ способомъ, чѣмъ по теоріи"; руководствомъ же для второй могла быть всего скорѣе діалектика Дамаскина, доказательствомъ чего служитъ множество славяно-русскихъ списковъ ея XVI—XVII столѣтій [1]).

Въ древнихъ братскихъ школахъ языкознаніе было не бѣдно. Самое названіе школъ зависѣло отъ того, какіе языки изучались въ нихъ. Въ большей части братскихъ школъ изучали греческій, латинскій и славянскій языки. Иногда предметомъ обученія былъ и польскій языкъ, хотя онъ въ то время былъ общеупотребительнымъ и популярнымъ языкомъ. Но преимущественное вниманіе въ братскихъ школахъ было обращено на изученіе древнихъ языковъ; знаніе ихъ считалось необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка того времены. Плодами изученія греческаго языка было то, что на немъ писали воспитанники свои сочиненія, говорили рѣчи, и даже въ сочиненія на отечественномъ языкѣ любили употреблять греческія фразы и цитаты [2]).

---

[1]) См. Педагогія древнихъ братскихъ школъ. М. Линчевскаго. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1870 г. Сент. 132—133.

[2]) Многія сочиненія, выпущенныя братствами, носятъ греческія заглавія, таковы: Θриносъ, Антиграфа, Апокризисъ, Евхаристіонъ, Лиθосъ и пр. Польза греческаго языка была такъ ощутительна для православныхъ, что даже, съ по-

Но всѣ науки были только приготовительными къ изученію наукъ богословскихъ, такъ какъ и главною задачею братскихъ школъ было отстоять и поддержать православіе. Кругъ богословскихъ наукъ въ братскихъ школахъ былъ довольно обширенъ. Кириллу Транквилліону приписывается составленіе на Руси первой научной богословской системы. Эта система, думаютъ, была первымъ учебнымъ руководствомъ въ братскихъ школахъ по предмету догматическаго богословія. Катихизисъ Желиборовскаго, написанный для львовской школы, и катихизисъ Лаврентія Зизанія, учителя виленской школы, считаются древнѣйшими руководствами къ изученію началъ православно-христіанскаго богословія въ братскихъ школахъ. Читая въ уставахъ братскихъ школъ объ обязанности учителя преподавать ученіе о добродѣтеляхъ, изъяснять праздники, можемъ заключить, что здѣсь преподавались нравственное богословіе и литургика. Изъ того факта, что учителямъ братскихъ школъ вмѣнялось проповѣдовать слово Божіе въ храмѣ, естественно предположить, что въ школахъ братскихъ теоретически и практически изучалось церковное проповѣдничество. Соотвѣтственно нуждамъ того времени, полемика богословская составляла самую живую часть богословскаго преподаванія. Львовское и особенно виленское братство своими сочиненіями разрѣшали разнообразныя недоумѣнія православныхъ. Антиграфа, Пересторога и Ѳриносъ съ особенною силою доказывали истину православія, обличали ложь иновѣрныхъ заблужденій, указывали опасности, могущія произойти отъ увлеченія ими, равнымъ образомъ и средства обойти оныя. Если весь православный народъ юго-западной Руси „носился съ этими сочиненіями, какъ съ любимыми дѣтищами", то естественно, какъ предполагаютъ, что въ братскихъ школахъ они были незамѣнимыми руководствами при изученіи полемики. Особенное вниманіе обращено было въ древнихъ братскихъ школахъ на изученіе Священнаго Писанія. Патріархъ Іеремія въ своей грамотѣ львовской школѣ изученіе Священнаго Писанія поставляетъ главною цѣлью братскихъ школъ. „И такъ, говоритъ онъ, Священное Писаніе

явленія коллегія могилянской, нашлись защитники преимущественно изученія греческаго языка, сравнительно съ латинскимъ. Такимъ былъ изъ воспитанниковъ львовской школы Павелъ Негребецкій.

можетъ умудрить и спасти человѣка; но его нельзя разумѣть безъ прилежнаго изученія". Объемъ и методъ изученія св. Писанія высказанъ въ уставахъ братскихъ школъ въ слѣдующемъ параграфѣ „учитель обязанъ выдавать ученикамъ въ запискахъ ученіе отъ святыхъ евангелій, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія святыхъ отцовъ" (см. § 12 Луцкой школы 2-й уст.).

Объ обученіи пѣнію братскія школы довольно усердно заботились. Для обученія пѣнію былъ особенный учитель, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и регентомъ ученическаго хора. Касательно музыки извѣстно, что любовь къ ней до того была велика въ ученикахъ братскихъ школъ, что уставъ даже запрещалъ носить въ школу какіе-либо музыкальные предметы.

Пособія: С. Голубевъ. Исторія Кіевской Духовной Академіи. В. I. Кіевъ 1886. Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевской Академіи М. Линчевскаго (Труды Кіевской Духов. Академіи. 1870). Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ I.

Глава XVII.

Кіевское братское училище и Кіево-могилянская коллегія.

Къ началу XVII в. число братствъ въ Юго-Западной Руси растетъ, матеріальныя ихъ средства увеличиваются, издаются книги, заводятся типографіи и школы.

Кіево-Печерская Лавра, съ трудомъ оправившаяся послѣ татарскаго погрома, до конца XVI столѣтія пребывавшая въ „лѣности и мрачной сустѣ мірской", снова начинаетъ вспоминать свое славное прошлое и обновителемъ ея жизни является знаменитый архимандритъ Елисей Плетенецкій (1599—1624 г.) Къ его времени относится существовавшая въ Лаврѣ школа, гдѣ преподавались „разные діалекты". Елисей Плетенецкій былъ не только ревнителемъ строгаго иноческаго житія, но и вы-

дающимся любителемъ просвѣщенія, собиравшимъ къ себѣ отовсюду ученыхъ мужей и заслужившимъ отъ современниковъ названіе „ученыхъ людей прибѣжища, наукъ любящихъ промотора и школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливаго фундатора" [1]). Въ проповѣди Копыстенскаго, сказанной при погребеніи Плетенецкаго, есть даже нѣкоторое указаніе на характеръ и размѣры самаго преподаванія въ заведенныхъ архимандритомъ школахъ. „Науки намъ такъ познанія разныхъ діалектовъ якъ и выразумѣніе письма святого жичилъ и о дидаскалы искусные старался". Можно думать изъ этого, что въ школѣ Плетенецкаго преподавались тѣ же предметы, что и въ другихъ братскихъ школахъ до-могилянскаго періода.

Къ 1615 г. относится учрежденіе братства въ Кіевѣ при Богоявленской церкви. По уставу всѣмъ братчикамъ предписывалось сохранять между собою совершенную любовь. „Належитъ всѣмъ братіямъ жити въ любви не позверховной, але щирой, единъ другого шануючи". Въ то же время Галшка (Елизавета) Гулевичевна, жена мозырскаго маршалка Стефана Лозки, подарила братству дворъ въ Кіевѣ (на Подолѣ) для основанія монастыря; причемъ жертвуя свой дворъ на религіозно благотворительныя учрежденія, поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы на ея фундушѣ существовали монастырь ставропигіальный, школа и гостиница. Братство, сливаясь съ фундушемъ Гулевичевны, естественно обязано было исполнять волю жертвовательницы.

Вмѣстѣ съ основаніемъ братства возникаетъ и школа о которой за первое время ея существованія (1615—1631 г.) мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Изъ братскаго устава ясно, что братчики хорошо уже понимали значеніе наукъ и просвѣщенія „Отъ науки, говорятъ братчики въ Уписѣ, хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ ростетъ, Речи Посполитой оброна мощная и оздоба предивная ростетъ".

Опредѣленно же свой взглядъ на значеніе школы для православія Кіевскіе братчики высказывали въ письмѣ къ Москов-

---

[1]) См. Казанье Погребове 16?5 г.

скому царю Михаилу Θеодоровичу [1]): „училище отрочатомъ православнымъ милостію Божіею языка славено-русскаго, еллиногреческаго и прочихъ даскаловъ великимъ иждивениемъ устроихомъ, да не отъ чуждаго источника пиюще, смертоноснаго яда западния схисмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римлянамъ уклонятся".

Патріархъ Θеофанъ въ граматѣ своей, данной братству (26 мая 1620 г.), называетъ школу братскую—школою „еллинословенскаго и латино-польскаго письма". Отсюда является несомнѣннымъ, что воспитанники обучались четыремъ языкамъ: славянскому, греческому, латинскому и польскому. Кажется, однако, что преимущественное вниманіе удѣлялось языку славянскому (по временамъ даже школа называлась „словенскою"). Наиболѣе дальновидные ревнители православія хорошо понимали, что сохраненіе своей вѣры и народности стоитъ въ тѣсной зависимости съ сохраненіемъ родного, славянскаго языка, на которомъ отправлялось богослуженіе и написаны были всѣ священныя книги. Настоятельная необходимость въ греческомъ языкѣ видна изъ того, что къ концу XVI в. усилились сношенія съ греческими патріархами, граматы ихъ надо было умѣть читать и отвѣчать на нихъ, да и вообще надо имѣть въ виду древнія традиціи, связывавшія Русь съ Византіей. Южно-руссы не разъ обращались къ греческимъ патріархамъ о высылкѣ имъ „ученыхъ дидаскаловъ", и тѣ оказывали имъ просимое содѣйствіе. Латинскій языкъ въ братскихъ школахъ до-могилянскаго періода не былъ въ особенномъ почетѣ; нѣкоторые строгіе ревнители православія хлопотали даже о полномъ его изгнаніи, боясь, чтобы изучавшіе его не были привержены „къ хитростнымъ латинскимъ наукамъ", но въ силу политическихъ и общественныхъ условій изученіе его дѣлалось все болѣе и болѣе необходимымъ; латинскій языкъ былъ ключемъ къ тогдашней наукѣ, принадлежностью человѣка ученаго, и исключеніе его изъ школьной программы могло вредно отразиться на всемъ образованіи. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Exegesis'ѣ, отстаивая необходимость болѣе широкой постановки

[1]) Арх. Юго-Запад. Рос ч. I т. VI № CCXXIX привед. у С. Голубева.

латинскаго языка въ южно-русскихъ школахъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Первая причина, почему нашему народу потребна латинская наука — та, чтобы нашей Руси не называли глупою Русью. А то поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, въ городской или земскій судъ, смотришь безъ laciny, placi winy [1]): ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла, глядитъ только то на того, то на другого, вытаращивъ глаза какъ ворона“. Что касается собственно Кіево-братской школы, то преподаваніе латинскаго языка здѣсь было поставлено нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ братскихъ школахъ. Игнатій Іевлевичъ въ автобіографической запискѣ заявляетъ о довольно значительномъ успѣхѣ своемъ въ изученіи означеннаго языка въ Кіево-братской школѣ (1630 — 1631 гг.). На значительную же высоту преподаваніе его поднялось только во время Петра Могилы. Что касается польскаго языка, то введеніе преподаванія его въ школы являлось еще болѣе необходимымъ, отвѣчавшимъ насущнымъ потребностямъ времени и обстоятельствъ. Безъ него нельзя было ступить и шагу. Если даже незнаніе латинскаго языка нерѣдко ставило южно-руссовъ въ неловкое положеніе, то безъ знакомства съ польскимъ не было возможности знакомиться съ тогдашней литературой, которая вся была на польскомъ языкѣ. Вотъ почему мы видимъ, что польскій языкъ вводится въ школы виленскую, могилевскую, кіевскую. Въ Кіево-братской школѣ за первый періодъ ея существованія (1615—1631 г.) преподавались тѣ же предметы, что и въ другихъ братскихъ школахъ, т.-е. славянская грамматика, часословъ, псалтырь, октоихъ „дѣльный“, богословіе, св. писаніе „съ толкованіями“, реторика, діалектика и философія. „Заботясь о расширеніи школьной программы, говоритъ г. Голубевъ, ревнители просвѣщенія внесли въ нее латинскій языкъ, знаніе котораго было неотъемлемымъ признакомъ учености, а также нѣкоторые свѣтскіе предметы, преподававшіеся въ польскихъ коллегіяхъ. Этотъ шагъ велъ къ необходимому сближенію съ латино-польскою наукою и необходимо долженъ былъ отразиться на характерѣ и методѣ преподаванія этихъ предметовъ,

---

[1]) Безъ латыни безъ вины виноватъ.

представлявшихъ собою сколокъ съ преподаванія однородныхъ наукъ въ латино-польскихъ коллегіяхъ. Особенно замѣтные слѣды латино-польскаго вліянія отражаются на наукахъ риторическихъ. Витіеватость, напыщенность, забота исключительно о фразѣ, блестки ложной эрудиціи — неотъемлемыя принадлежности польской панегирической литературы—начинаютъ пріобрѣтать право гражданства и въ однородныхъ по содержанію произведеніяхъ южно-русскихъ, проникая и въ церковное краснорѣчіе.

Но не смотря на то, что въ южно-русскихъ школахъ давалось уже научное образованіе, все таки это образованіе не могло сравняться съ образованіемъ, даваемымъ хотя бы польскими коллегіями, куда нерѣдко и отправлялись православные южно-руссцы для довершенія своего воспитанія. При этомъ имѣлись въ виду добрыя цѣли: южно-руссцы хотѣли, оставивъ въ сторонѣ неправославныя идеи, ознакомиться только съ научными пріемами, господствовавшими въ латино-польскихъ коллегіяхъ, облечься во всеоружіи современной науки, чтобы впослѣдствіи обратить ее противъ своихъ же учителей на защиту православія, но это не всегда удавалось. Трудно было пройти сквозь горнило іезуитскихъ школъ совершенно свободнымъ отъ господствовавшаго въ нихъ направленія. Измѣна праотцевой вѣрѣ лицами, испившими отъ чуждаго источника, стала явленіемъ нерѣдкимъ. Такимъ образомъ настоятельно являлось необходимымъ возвысить уровень преподаванія, по крайней мѣрѣ, до равенства съ научными силами противной стороны. Это было сдѣлано митрополитомъ кіевскимъ Петромъ Могилою, реформировавшимъ Кіево-братскую школу и тѣмъ сыгравшимъ весьма важную роль въ исторіи образованія и просвѣщенія юго-западной Руси.

Петръ Могила (1596—1647) былъ сынъ молдавскаго господаря, и, по словамъ однихъ біографовъ, получилъ воспитаніе въ львовской братской школѣ [1]); по словамъ другихъ, воспитывался въ Парижскомъ университетѣ [2]). Эти оба мнѣнія заслуживаютъ довѣрія и притомъ другъ друга не исключаютъ. Всякій

---

[1]) Описаніе кіево-софійскаго собора, ст. 166.
[2]) См. Кіевскій каталогъ митрополитовъ.

знатный панъ того времени считалъ непремѣнною своею обязанностью, послѣ обученія сына мѣстными наставниками, посылать его для довершенія образованія въ заграничные коллегіи и университеты, слушаніе лекцій въ которыхъ вошло въ моду, сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ въ средѣ польской и западно-русской аристократіи. Несомнѣнно извѣстно, что Петръ Могила былъ знатокомъ западно-европейской литературы, высоко цѣнилъ образованіе, даваемое въ школахъ заграничныхъ, и считалъ дѣломъ первой важности для юго-западной Россіи перенесеніе на русскую почву западной науки. Впослѣдствіи, когда ему удалось устроить свою Кіево-могилянскую коллегію, онъ очень гордился тѣмъ, что въ ней обученіе наукамъ и преподаваніе идетъ также хорошо, какъ и въ коллегіяхъ заграничныхъ. Въ молодости онъ былъ при дворѣ коренного канцлера и гетмана Станислава Жолкѣвскаго, находился по сказанію Нѣсѣцкаго, въ военной службѣ и отличился въ рядахъ польскихъ войскъ подъ Хотиномъ. Неизвѣстно съ точностью, что заставило Петра Могилу промѣнять блестящую карьеру, ожидавшую его въ свѣтѣ, на скромную роль инока. Извѣстно только, что въ 1625 г. онъ былъ постриженъ въ монахи въ Кіево-Печерской лаврѣ. По этому поводу, впрочемъ, можно сказать, что въ двадцатыхъ годахъ XVII ст., когда П. Могила поселился въ Польшѣ, въ западно-русскихъ областяхъ велась усиленная религіозная борьба между русскими и поляками, и трудно было не принять въ ней участіе потомку молдо-влахійскихъ воеводъ, издавна извѣстныхъ своей горячею приверженностью къ православію. П. Могила не могъ „сердцемъ не возболѣзновать“ по угнетенному православію. Общее религіозное движеніе увлекло Могилу и онъ примыкаетъ къ кругу передовыхъ дѣятелей того времени, горячо ратовавшихъ за дѣло православія. Онъ часто начинаетъ посѣщать Кіевъ, сдѣлавшійся центромъ религіознаго движенія и заводитъ сношенія съ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ. Со смертію архимандрита Кіево-Печерской лавры, онъ, имѣя въ виду благія цѣли и широкія задачи, усиленно добивается его мѣста и, не смотря на рядъ неудачъ, наконецъ, успѣваетъ получить желаемое мѣсто, предварительно, конечно, постригшись въ монахи. Впослѣдствіи онъ сдѣлался митрополитомъ кіев-

скимъ. Въ своемъ завѣщаніи митр. Іовъ Борецкій убѣдительно проситъ Могилу „даже подъ неблагословеньемъ заказывалъ (приказывалъ), дабы школы въ братствѣ кіевскомъ для цвичения дѣтокъ христіанскихъ, а не гдѣ инде фундованы были“. Сначала (1631 г.) П. Могила какъ будто сближается съ братствомъ, но потомъ послѣ избранія Исаіи Копыстенскаго (а не его, Могилы) митрополитомъ, онъ съ нимъ расходится и задумываетъ основать высшую коллегію въ Лаврѣ: „вознамѣрился фундовать школы для того, чтобы юношество наставляемо было во всякомъ благочестіи, въ добрыхъ правахъ и свободныхъ наукахъ [1])“. Но Могилянская школа, учрежденная въ Лаврѣ, не имѣла успѣха; въ Кіевскомъ обществѣ возникли крайне неблагопріятные толки о характерѣ преподаванія могилянскихъ дидаскаловъ (изъ которыхъ нѣкоторые были заграничные ученые) [2]), ихъ обвиняли въ шаткости убѣжденій и въ приверженности къ уніи. Подобные толки сильно волновали особенно простой народъ и дѣло дошло даже до открытаго возмущенія. Лаврскую школу пришлось закрыть. Въ то же время Кіевское братство обратилось съ просьбой къ митр. Исаіи и гетману Ивану Петрижицкому побудить П. Могилу принять подъ свое покровительство братскую школу. Петръ Могила „латво и невзборонснѣ“ (легко и безпрекословно) уступилъ просьбѣ братчиковъ, принялъ въ 1631 г. подъ свое покровительство Богоявленское училище и преобразовалъ его въ такъ называемую Кіево-Могилянскую коллегію (1633 г.) [3]). Въ благодарность за это всѣ члены братства актомъ, состоявшимся 30-го декабря 1631 года, признали Петра Могилу старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ какъ школъ, при Кіевской братской церкви „отъ себе уфундованныхъ“, такъ и самой церкви и всего при ней монастыря.

---

[1]) О лаврской школѣ за короткій полугодовой періодъ ея существованія мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

[2]) Петръ Могила, сдѣлавшись архимандритомъ и задумавъ учредить школу, считалъ, что для этого прежде всего необходимы хорошіе, образованные учителя. Съ этою цѣлью онъ началъ отправлять молодыхъ людей за границу на собственный счетъ. Въ числѣ ихъ были: Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ, Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, Тарасій Земка и Иннокентій Гизель (мнѣніе это, однако, г. Голубевымъ подвергается сомнѣнію. См. Ист. кіев. дух. Ак. ст. 225—226).

[3]) Которая только съ 1701 г. начала называться Кіевской Академіей.

Въ апрѣлѣ 1632 г. скончался король Сигизмундъ III. Остатки православнаго дворянства сплотились тогда около Петра Могилы съ цѣлью истребовать законнымъ путемъ отъ Рѣчи Посполитой возвращеніе правъ и безопасности православной церкви. Не безъ сильнаго вліянія П. Могилы, вновь избранный король Владиславъ далъ православнымъ „дипломъ", которымъ предоставлялъ имъ болѣе правъ и выгодъ, чѣмъ тѣ, какія были написаны въ меморіалѣ, составленномъ на конвокаціонномъ сеймѣ. Предоставлена была полная свобода переходить какъ изъ православія въ унію, такъ и изъ уніи въ православіе; отдана была православнымъ луцкая епархія, снимались всякія запрещенія, стѣсненія, запрещалось дѣлать оскорбленія православнымъ людямъ

Православные дворяне, бывшіе на сеймѣ, въ благодарность за труды на пользу церкви и просвѣщенія, тогда же порѣшили удалить отъ митрополіи Исаію Копинскаго, какъ человѣка уже престарѣлаго и болѣзненнаго, и избрали, вмѣстѣ съ бывшими тамъ духовными, въ митрополиты Петра Могилу. Король утвердилъ этотъ выборъ и далъ Петру Могилѣ привилегію на преобразованіе кіевскаго братскаго училища въ коллегію. Посланный въ Константинополь ректоръ кіевскихъ школъ Исаія Трофимовичъ испросилъ для Петра Могилы патріаршее благословеніе. П. Могила ревностно принялся за устроеніе церкви и коллегіи. Идеаломъ Могилы былъ такой русскій человѣкъ, который, крѣпко сохраняя и свою вѣру и свой языкъ, въ то же время былъ человѣкомъ образованнымъ, стоялъ бы въ уровень съ поляками, съ которыми судьба связала его въ государственномъ отношеніи. Преобразованія Петра Могилы касались не только состава курсовъ и объема преподаванія наукъ, но и самаго характера воспитанія и образованія. Наукъ введено было больше, курсы наукъ были расширены; вмѣстѣ съ тѣмъ и самое образованіе и вся коллегія получили другой характеръ, во многомъ отличный отъ братскихъ школъ.

Могила, слѣдуя примѣру академіи краковской, открылъ въ своей школѣ полный курсъ наукъ словесныхъ, начиная съ низшихъ классовъ до философіи и богословія, завелъ библіотеку и типографію, которая, впрочемъ, не долго тамъ существовала, а была соединена съ лаврскою. Вмѣстѣ съ переименованіемъ Кіево-

братской школы въ коллегію, она была возведена на степень первоклассныхъ училищъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Могила основалъ особую школу въ м. Винницѣ. Воспитанники коллегіи были раздѣлены на два разряда: низшій и высшій; къ первому относились ученики низшихъ классовъ и ученики реторики и назывались sodales minoris Congregationis, ко второму относились студенты философіи и богословія и назывались sodales majoris Congregationis [1]). Съ этимъ вмѣстѣ построена и конгрегаціонная училищная церковь во имя благов. кн. Бориса и Глѣба. Въ настоятели этой церкви былъ назначенъ іеромонахъ, бывшій учителемъ реторики, который потому назывался Pater Congregationis.

Съ увеличеніемъ числа учебныхъ предметовъ послѣдовало и иное распредѣленіе классовъ. Такъ какъ первою статьею училищной инструкціи поставлялось обязательнымъ изученіе языковъ: латинскаго, славянскаго и греческаго, то для этого открыты были четыре низшіе класса. Въ первомъ изъ нихъ обучали читать и писать, но непремѣнно на трехъ языкахъ, а не на одномъ славянскомъ, какъ это было въ приходскихъ школахъ; этотъ классъ назывался аналогіею или фарою. Во второмъ классѣ, называвшемся инфимой, пріучали учениковъ уже грамматическому разбору, ограничиваясь, впрочемъ, первоначальными понятіями. Въ классѣ грамматики прочитывались уже сполна грамматики означенныхъ языковъ съ подробнымъ филологическимъ разборомъ. Латинскій языкъ, безъ сомнѣнія, изучался по руководствамъ, принятымъ въ польскихъ училищахъ, гдѣ большую роль игралъ извѣстный Альваръ, проникнувшій въ братскія школы и кіевскую коллегію. Затѣмъ ученики переходили въ классъ синтаксимы, гдѣ они упражнялись въ переводахъ съ греческаго и латинскаго на славянскій и русскій и обратно.

Кромѣ того здѣсь преподавали катихизъ, ариѳметику, нотное пѣніе и отчасти музыку. Окончившіе ученіе въ низшихъ классахъ переходили въ средніе, которыхъ было два: классъ поэзіи, или піитики, и классъ краснорѣчія или реторики.

Теперешнія наши понятія о поэзіи представляютъ ее, какъ

---

[1]) Первые назывались учениками, вторые студентами.

вѣнецъ и высшее проявленіе обработаннаго человѣческаго слова, но не то было въ то время. Коллегія разумѣла поэзію, только какъ artem pangendi versus — какъ искусство сплетать вирши и, конечно, потому поставила ее прежде реторики, что по опыту знала, что это ремесло не требуетъ большого труда и строгой послѣдовательности мыслей, что механическая работа стихосложенія сама собою вызываетъ слово за словомъ. Ученики синтаксимы переходили въ классъ піитики съ огромнымъ запасомъ словъ, эпитетовъ, синонимовъ и пр. Надобно было придумать средство къ установкѣ всего этого въ какомъ-нибудь порядкѣ и для этого тогдашніе ученые признали лучшимъ средствомъ извѣстное количество слоговъ, метръ, цезуру и проч. Стѣсняемый правилами піитики, ученикъ свободнѣе потомъ писалъ въ классѣ реторики, которая уже не предписывала ему ни метра, ни цезуры, а между тѣмъ онъ тутъ являлся уже пріученнымъ къ обдумыванію каждаго ставимаго на бумагу слова. Построенная по классическимъ источникамъ піитика и направленіе имѣла классическое, при поэтическомъ вымыслѣ прибѣгали къ изреченіямъ и примѣрамъ изъ классическихъ писателей и вводили образы изъ греческой миѳологіи. Знаніе миѳологіи процвѣтало въ коллегіи, и сочиненія воспитанниковъ нерѣдко наполнялись всѣми богами Олимпа. Строеніе стиховъ было взято также изъ классическихъ руководствъ; стихи писали на латинскомъ, польскомъ и славянскомъ языкахъ.

Но пріучая механическимъ окончаніемъ виршей къ правильному сочетанію понятій и предложеній, преподаватели піитики въ то же время сообщали учащимся современныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи. Такъ, напр., въ учебникѣ, дошедшемъ до насъ отъ времени Петра Могилы, (1637 г.) мы видимъ, что тогда трактовали о происхожденіи, достоинствѣ и значеніи поэтовъ, о томъ, что можетъ быть предметомъ поэтическихъ произведеній, и какъ раздѣляется поэма, что такое эпопея, комедія, трагикомедія, трагедія, буколическая, элегическая, идиллическая, дидактическая и сатирическая поэзія и, наконецъ, истолковывали всѣ виды эпиграммы или надписей. По образцу польскаго стихосложенія образовалось въ Кіевѣ стихосложеніе силлабическое, основанное на числѣ слоговъ, съ удареніемъ на предпослѣднемъ

слогѣ. Силлабическіе стихи и называли виршами (испорч. латинское versus). Направленіе словесности вообще въ Европѣ въ это время было панегирическое. Въ прозаическихъ сочиненіяхъ оно особенно выражалось въ рѣчахъ разнаго рода на разные случаи, а въ поэтическихъ преимущественно въ поэмахъ и одахъ. Поэма составляла главную форму эпической поэзіи и замѣняла древнюю героическую поэму. Главными характерными чертами одъ и поэмъ были, съ одной стороны, чрезмѣрная лесть восхваляемому лицу, съ другой—самоуничиженіе хвалителя. Такая лесть не только не порицалась, но прямо предписывалась правилами теоріи.

„Намѣреваясь восхвалить славнѣйшаго вождя, Іоанна Мазепу, или другого какого либо героя, говорится въ ресторикѣ 1698 г., можешь аллегорически назвать его отцемъ отечества, который благодѣтельнымъ лономъ щедрости и милости объемлетъ всю Россію". Восхваляемаго героя можно было сравнить со всякимъ предметомъ, какъ бы онъ ни былъ высокъ, даже съ самимъ Богомъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что „если мы распространяемъ что-либо чрезъ сравненіе съ Богомъ, то не должны и не можемъ говорить, что предметъ нашъ больше, чѣмъ твореніе Божіе, или что онъ — самъ Богъ; но достаточно сказать, что онъ или кажется подобнымъ Богу, или немного ниже его [1]). При религіозномъ направленіи всего образованія были въ большомъ употребленіи произведенія духовнаго содержанія; въ лирической поэзіи къ такимъ произведеніямъ принадлежали переложенія церковныхъ пѣсней и молитвъ (напр. Царю небесный; Тебѣ, Бога, хвалимъ), такъ назыв. псалмы и канты; въ драматической поэзіи духовныя драмы или мистеріи. Кромѣ того, въ кіевскихъ піитикахъ говорится о разныхъ формахъ мелкихъ стихотвореній, которыя нравились по своей замысловатой, или просто забавной формѣ, таковы, напр., стихи раковидные или раки, которые одинаково можно было читать отъ лѣвой руки къ правой и обратно, акростихи въ разныхъ видахъ, эпиграммы въ разныхъ формахъ— въ формѣ куба, яйца, бокала, сѣкиры, пирамиды, треугольника [2]).

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1866. Ст. 91—92.

[2]) Труды Кіев. Дух. Акад. Ч. 2, ст. 320—321, 1886, ч. 1, 1867, ст. 104—118, у Порфирьева, ст. 607, т. I.

Преподаваніе реторики во многомъ было сходно съ преподаваніемъ ея въ извѣстныхъ того времени высшихъ европейскихъ школахъ. Въ руководствахъ, относящихся къ XVII в., реторику дѣлятъ то на двѣ, то на три части, но каждая изъ нихъ имѣла предметомъ своимъ одно и то же. Сначала говорили объ изобрѣтеніи мыслей, потомъ о расположеніи и, наконецъ, о выраженіи.

Къ этому иногда присоединялись правила, какъ сочинять рѣчи и письма поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, просительныя, прощальныя и надгробныя. Съ реторикой иногда соединялась діалектика, составлявшая какъ бы переходъ отъ наукъ словесныхъ къ философіи. Реторика преподавалась по латинскимъ руководствамъ, составленнымъ по сочиненіямъ Аристотеля, Димитрія Александрійскаго, Цицерона и Квинтиліана. Въ Кіевской Академіи сохранилось множество руководствъ какъ по реторикѣ, такъ и по піитикѣ съ самыми замысловатыми заглавіями: Fons Castalius, Lyra, Parnassus, Hortus poeticus, Camoena и пр.

Классы реторики и піитики всегда были полны слушателями, ибо тутъ преподавалось то, что было самымъ необходимымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ времени.

Высшихъ классовъ было два: философскій и богословскій.

Несмотря на то, что въ XVII в. Англія уже имѣла Бэкона и Локка, а Франція Декарта, Кіево-Могилянская коллегія главнымъ руководителемъ въ философскихъ наукахъ признавала только Аристотеля. Безъ сомнѣнія, философія этого великаго общемірового мыслителя имѣла и имѣетъ громадное образовательное значеніе, но въ коллегіи она преподавалась не въ подлинной системѣ, но по толкованіямъ, составленнымъ средневѣковыми схоластиками. Въ учебникахъ по философіи обыкновенно философія дѣлилась на три части: философію умственную или логику, философію естественную, или физику, и божественную, или метафизику.

Первой части философіи предшествовала діалектика, трактовавшая о законахъ разсудка во всѣхъ проявленіяхъ его дѣятельности. Сообщивъ свѣдѣнія о законахъ, діалектика приступала къ раскрытію перваго разсудочнаго дѣла, именно составленія понятій, затѣмъ предложеній, и, наконецъ, доказательствъ или силлогистическихъ умозаключеній. Такимъ образомъ это было какъ бы теоре-

тическая часть умственной философіи: т. н., логика становилась въ этомъ случаѣ какъ бы прикладною наукою; ибо тѣ же самые законы мышленія она прилагала только къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Второй частью философской науки являлась физика, которая была довольно обширна: она излагала общее начало всѣхъ вещей, матерію, форму, и ихъ видоизмѣненія; говорила о природѣ и свойствѣ предметовъ видимыхъ, жизни ихъ, какъ самихъ въ себѣ, такъ и внѣ себя, о безконечномъ и его качествахъ, пространствѣ, времени и физической пустотѣ; разсматривала законы общаго движенія и говорила о душѣ вообще и душѣ разумной со всѣми ея силами и способностями. Въ трактатѣ о душѣ высказаны всѣ тогдашнія психологическія свѣдѣнія; эти свѣдѣнія основались на библейскихъ сказаніяхъ о душѣ, развитыхъ и утонченныхъ схоластикой. Метафизика трактовала о существахъ возможныхъ и безтѣлесныхъ и объ отношеніи конечнаго къ безконечному. Эта часть философіи преподавалась въ размѣрахъ менѣе обширныхъ, чѣмъ прочія части. Къ этимъ частямъ философіи присоединялась этика, хотя она встрѣчалась не во всѣхъ философскихъ учебникахъ. Обращая вниманіе на методъ изложенія философскихъ трактатовъ, мы видимъ рядъ диспутацій, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на нѣсколько частныхъ пунктовъ, дробившихся на еще болѣе частныя положенія, вызывавшія, въ свою очередь, нѣсколько случайныхъ возраженій и опроверженій. Образцомъ философского учебника, составленнаго по Аристотелю, могутъ служить лекціи Іосафа Краковскаго. Въ этихъ лекціяхъ, говоритъ г. Липчевскій, собрана такая масса философскихъ свѣдѣній, столько учености, что на нихъ можно смотрѣть какъ на сборникъ, составленный трудами многихъ ученыхъ. Руководясь въ изученіи философіи Аристотелемъ, юго-западные ученые педагоги нерѣдко обращались въ своихъ чтеніяхъ къ источникамъ церковнаго характера; св. Писаніе и ученіе св. отцовъ церкви достаточно занимали мѣста въ ихъ трактатахъ и особенно тогда, когда разумъ „недоумѣвалъ“ относительно какого-либо философскаго предмета. Рѣшеніе всѣхъ философскихъ вопросовъ въ этихъ учебникахъ состояло изъ сбора мнѣній средневѣковыхъ схоластиковъ и текстовъ св. Писанія, приводимыхъ, большею частію, безъ всякой крити-

ческой оцѣнки. На изученіе философіи полагалось не менѣе трехъ лѣтъ. За то она въ это время исчерпывалась, какъ выражаются наставники философіи въ своихъ конспектахъ, „до слова, до единаго термина“.

Плодомъ такого довольно продолжительнаго изученія философіи было то, что студентъ выходитъ изъ философскаго класса довольно хорошимъ знаткомъ діалектическихъ тонкостей. Однако суровая строгость и головоломная сухость, какъ говоритъ Аскоченскій, философіи какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украйны. Они уважали ее, даже поставляли за честь себѣ отличаться діалектической тонкостью, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно всей душей привязаться къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея, съ тѣмъ чтобы потомъ самостоятельно двигать и разрабатывать ее, ни у кого не доставало охоты. Вотъ почему ни въ XVII в., ни даже и въ XVIII в. у насъ не было самостоятельной философіи, не было и собственной науки, приходилось пользоваться трудами западно-европейскихъ ученыхъ и философовъ.

Практическими упражненіями въ философскомъ классѣ были сочиненія какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ языкахъ, носившія громкое названіе великихъ диссертацій, которыя произносились въ общихъ студенческихъ собраніяхъ. Въ этомъ же классѣ студенты учились составлять и произносить проповѣди.

Однако выше всѣхъ наукъ въ Кіево-Могилянской коллегіи считалось богословіе, которымъ заканчивался курсъ и увѣнчивалось все стройное научное зданіе. Оно читалось съ большою полнотою, отчетливостью и стройностью, и потому курсъ богословскаго класса заканчивался только въ четыре года. Въ виду обстоятельствъ времени и главной цѣли коллегіи преподаваніе богословія носило полемическій характеръ и именно главною цѣлью имѣло укрѣпить и защищать отъ иновѣрныхъ нападковъ православіе. Если прибавить къ этому, что для преподаванія богословія избирались люди извѣстные своею ученостью, преданностью православію и читали его съ искреннимъ увлеченіемъ, то неудивительно, что наука эта была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи въ Кіевской коллегіи.

Всѣ почти высшія заведенія западной Европы того времени руководствовались, по части богословія, системою Ѳомы Аквината,

носившаго названіе Doctoris Angelici et Divini. Такъ какъ первые преподаватели коллегіи сами получили воспитаніе за границей, то въ своихъ лекціяхъ руководствовались тѣмъ же Өомою Аквинатомъ, но современныя событія неизбѣжно должны были вызывать преподавателей на рѣшеніе такихъ вопросовъ, о которыхъ Өома Аквинатъ ничего не говорилъ. Иновѣрные споры и толки невольно заставляли преподавателей отрываться отъ Аквината и вести рѣчь не „латинскими силлогизмами", а отъ догматовъ и писаній святыхъ отцовъ восточныхъ. Богословскія системы, появившіяся вскорѣ въ Кіевской коллегіи, отличались оригинальными мыслями и своеобразнымъ планомъ построенія и служили явнымъ доказательствомъ того, что кіевскіе ученые стремились къ самостоятельной разработкѣ богословской науки.

Въ классѣ богословія преподавалась и гомилетика, хотя преподаваніе ея не стояло на большой высотѣ. Но несмотря на недостаточность школьнаго преподаванія гомилетики, всѣ преподаватели коллегіи, согласно волѣ и распоряженію П. Могилы, обязаны были говорить въ воскресенья и праздничные дни поученія въ большой братской церкви.

Главнѣйшимъ изъ языковъ, преподаваемыхъ въ коллегіи, былъ языкъ латинскій. На него было обращено особенное вниманіе какъ потому, что онъ былъ, по выраженію патріарха Паисія, „благопотребенъ тогда кіевлянамъ, яко между латинами живущимъ"; такъ и потому, что въ западной Европѣ на немъ преподавались всѣ вообще науки и безъ него нельзя было пріобрѣсти названія образованнаго человѣка. За то въ Кіевской коллегіи приняты были всѣ мѣры, чтобы усовершенствовать воспитанниковъ въ знаніи латыни. Едва ребенокъ поступалъ въ школу, ему тотчасъ давали въ руки латинскій букварь и отчета въ заданномъ урокѣ требовалъ гораздо строже, чѣмъ по другимъ предметамъ; прійти въ коллегію съ невыученнымъ урокомъ и скрыть свое незнаніе не было никакой возможности: ибо предварительно ученикъ долженъ былъ отвѣтить свой урокъ т. н., авдитору, избиравшемуся изъ лучшихъ учениковъ), авдиторъ же сообщалъ свѣдѣнія о занятіяхъ учениковъ преподавателю. Каждую субботу происходило повтореніе недѣльнаго курса и сличались отмѣтки въ нотатахъ: ова-

завшіеся неуспѣвающими тутъ же получали приличное вознагражденіе.

Кромѣ того ученики занимались переводомъ латинскихъ авторовъ на русскій языкъ. Это происходило двоякимъ образомъ: устно и письменно. Послѣднимъ дѣломъ ученики занимались въ коллегіи и дома; классныя ихъ задачи назывались екзерциціями (exercitia) а домашнія оккупаціями (occupationes). Воспитанникъ низшихъ классовъ и особенно синтаксимы непремѣнно обязаны были объясняться между собою на латинскомъ языкѣ, хотя бы то было и внѣ коллегіи. „Въ ней, особенно въ періодъ съ 1631 года по 1701 г., пишетъ М И. Сухомлиновъ [1]), знаніе латинскаго языка было въ высшей степени распространено. Онъ былъ и языкомъ науки и языкомъ разговорнымъ. На немъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катехизиса и славянской грамматики. По латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ приходилось имъ встрѣчаться. За ошибку въ латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-русски, виновный подвергался самому строгому взысканію. Многіе духовные наши писатели, образовавшіеся въ XVII стол., писали свои сочиненія на латинскомъ языкѣ. Его вліяніе простиралось всюду, на всѣ роды и виды литературы, оно проникало и въ обыкновенную переписку, не назначенную для печати, по дѣламъ общественнымъ и даже домашнимъ". Польскій языкъ хотя и не преподавался, но былъ знакомъ всѣмъ учащимся, какъ общераспространенный въ Кіевѣ: и преподаватели и воспитанники коллегіи говорили на немъ охотнѣе и, можетъ быть даже свободнѣе, чѣмъ па русскомъ языкѣ. Изученіе церковно-славянскаго и мѣстнаго русскаго хотя и существовало, но самый мѣстный языкъ представлялъ странную и нескладную смѣсь польскихъ и малороссійскихъ выраженій. Тѣмъ не менѣе, теоретическое изученіе русскаго языка и филологическое его изслѣдованіе началось на юго-западѣ Россіи и Кіеву въ этомъ отношеніи принадлежитъ не малая заслуга. Іезуиты, возмутившіе кіевлянъ противъ коллегіи,

---

[1]) Сухомлиновъ. О языкознаніи въ древней Россіи. Учен. записки второго отд. Импер. Академіи Наукъ. 1854 г., т. I, ст. 237.

между прочимъ и тѣмъ, что въ ней находится въ большомъ пренебреженіи греческій языкъ и что она явно предпочитаетъ языкъ латинскій, имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ, дѣйствительно, въ Кіево-Могилянской коллегіи греческій языкъ стоялъ на второмъ планѣ, однако, изъ этого нельзя дѣлать вывода, что онъ былъ вовсе въ пренебреженіи; такъ какъ еслибы это была правда, коллегія не произвела бы такихъ эллинистовъ, какъ Епифаній Славинецкій, Сатановскій и др.

Курсы пінтики и реторики сопровождались упражненіями въ сочиненіяхъ виршъ и орацій на славянскомъ и латинскомъ языкахъ: церковныя и школьныя празднества, именины покровителей, начальниковъ и наставниковъ коллегіи и другія подобныя торжества доставляли учащимся частые случаи выступать съ такими сочиненіями за предѣлы своего класса. Кромѣ того, воспитанники разыгрывали драматическія произведенія религіознаго и нравственно-аллегорическаго содержанія, сочиненныя наставниками коллегіи.

Но особенно большое значеніе въ педагогическомъ отношеніи Кіево-Могилянская коллегія придавала диспутамъ. Въ то время и въ западной Европѣ истиннымъ нервомъ обученія былъ диспутъ. Жизнь схоластики была въ диспутѣ. Все къ нему сводилось. Диспутъ былъ единственнымъ упражненіемъ учащихся Магистры обязаны были, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю состязаться между собою въ присутствіи учениковъ. Бывали торжественные диспуты, привлекавшіе массы. Споры велись съ крайнимъ увлеченіемъ, не знавшимъ удержу. Раздѣлялись на партіи, спорили до хрипоты, кричали, говорили грубости, оскорбленія, произносили угрозы. Когда страсти разгорались, доходили до рукопашныхъ схватокъ (Thurot, 89) [1]). Кіевская коллегія любила также диспуты. Безъ диспутовъ не проходила ни одна лекція въ философскомъ классѣ; безъ диспутовъ, говорилъ Рафаилъ Заборовскій (бывшій ректоромъ 1731—1747) въ своей инструкціи, не возможно усвоить никакихъ познаній [2]). Еще въ низшихъ классахъ въ школьныхъ разговорахъ

---

[1]) Н. А. Любимовъ. Средневѣковая наука въ школѣ и внѣ школы. Русск. Вѣстн. № 1, 1893 г., стр. 218.

[2]) Актъ Кіевск. Акад. т. I, № 4, пунктъ VII.

есть нѣчто похожее на диспуты: но тамъ имѣлось болѣе въ виду изученія латинскаго языка, чѣмъ изощреніе мыслительныхъ способностей; диспуты въ полномъ смыслѣ начинались только съ философскаго класса. Въ этомъ классѣ диспуты замѣняли и преподаваніе уроковъ и недѣльныя репетиціи. „Во время чтенія лекціи, учитель предлагалъ ученику какой-либо вопросъ изъ прочитаннаго; прослушавъ мнѣніе спрошеннаго ученика, учитель спрашиваетъ его товарища, справедливо ли мнѣніе спрошеннаго; когда во мнѣніяхъ расходились оба спрошенные ученика, между ними завязывался диспутъ. Но диспуты имѣли и другую форму. Учитель назначалъ ученикамъ всего класса какой-либо отдѣлъ изъ преподаннаго приготовить на слѣдующій день. Пришедши въ классъ, онъ поднималъ двухъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ защищалъ какое-либо спорное мнѣніе, а другой возражалъ ему. Подобнаго рода диспуты бывали часто во время классныхъ занятій, но преимущественно для нихъ назначалась суббота. Они назывались приватными. Самъ Петръ Могила весьма любилъ диспуты. Въ Мнемозинѣ одинъ изъ учениковъ говорилъ ему: „твое развлеченіе книги, и ученые тебѣ любезны и пріятны диспуты по разнымъ вопросамъ“. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что еще во время Могилы диспуты были въ употребленіи въ коллегіи. Для того, чтобы заставить всѣхъ учениковъ высшихъ классовъ присутствовать на диспутахъ и слушать ихъ со вниманіемъ, митр. Т. Щербацкій приказалъ учителямъ спрашивать учениковъ въ классѣ, на другой день, послѣ диспута: „кто какіе аргументы говорилъ, кто какой именной фундаментъ положилъ своей опугны, какъ сольвованъ отъ дефендента или его учителя всякій аргументъ, что позволено и что не доказано, какая салюція въ дистинкціи послѣдовала, какая оной дистинкціи експликація и какимъ именно документомъ себѣ господа дефенденты защищаютъ. А кто бы на диспуты не ходилъ, тѣхъ записывать и имѣть ихъ за нерачительныхъ въ своемъ званіи; кондицій имъ не давать или и данныхъ лишать“. Въ этомъ предписаніи Тимофея Щербацкаго (бывш. ректь. 1747 — 1757 г.г.) высказано все, что и раньше требовалось отъ диспутовъ. Впрочемъ, изъ неоднократнаго принудительнаго предписанія, какъ митрополитовъ, такъ и начальства коллегіи относительно присутствія

учениковъ на диспутахъ видно, что учащіеся не долюбливали диспутовъ. Причина, почему не любили диспутовъ, понятна, они были дѣломъ не только нелегкимъ, но даже головоломнымъ. Публичные диспуты, бывшіе въ Кіевской коллегіи, обставлены бывали весьма торжественно. На диспутъ съѣзжались всѣ знатнѣйшіе сановники Кіева и окружные помѣщики, пріѣзжалъ даже и самъ митрополитъ. Когда митрополитъ и знатнѣйшіе изъ посѣтителей усаживались по мѣстамъ, префектъ подносилъ имъ разрисованныя конклюзіи или программы предстоящихъ диспутовъ.

Въ такихъ формахъ и въ такомъ направленіи утвердилась въ Кіевѣ наука. Она была до нѣкоторой степени снимкомъ съ западной схоластической науки. Въ этомъ заключалась ея сила и ея слабость. Съ одной стороны она была равносильнымъ оружіемъ для борьбы съ латинствомъ, съ другой стороны, усвояя образованіе отъ латинскихъ ученыхъ, кіевскіе ученые часто увлекались подражаніемъ имъ, и, ратуя противъ латинства, облекали свое ученіе нерѣдко въ латинскія формы и строгимъ ревнителямъ православія даже сами могли показаться латинствующими. Такимъ, дѣйствительно, и показались кіевскіе ученые московскимъ грамотникамъ, когда явились въ Москву. Въ дисциплинѣ коллегіи мы не видимъ уже той семейной простоты, которою дышала педагогія братскихъ школъ, но за то является уже всесторонняя система воспитанія, въ которой предусмотрѣны и подведены подъ правила школьныхъ уставовъ всѣ мотивы дѣятельности учащихся. Къ сожалѣнію, до насъ немного дошло данныхъ, относящихся къ дисциплинарному устройству коллегіи отъ Петра Могилы до Рафаила Заборовскаго (бывш. ректоромъ 1731 — 1747 г.). Сохранился одинъ только интересный памятникъ „Апоологіонъ" Петра Могилы. Въ этомъ памятникѣ сказалась горячая, чисто отеческая любовь и забота воспитателя о добромъ направленіи умовъ и сердецъ учащихся. „Часто мнѣ, говоритъ здѣсь П. Могила, представлялось, чтобы въ школахъ не только высшія науки, но тѣмъ паче и выше всего благочестіе вкоренялось и посѣвалось въ сердцахъ вашихъ, о юноши, а безъ того всякая мудрость есть буйство предъ Богомъ". Всѣ правила и наставленія, преподанныя Могилою „для добраго и пристойнаго житія и расположенія воли

воспитанниковъ" дышать строгимъ благочестіемъ. Но была и обратная сторона медали. „Дурныя стороны кіево-могилянской педагогіи, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія началъ юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало всѣ школьныя отношенія сверху до низу" [1]).

Изъ сказаннаго видно, что главное усиліе кіевской коллегіи было направлено къ тому, чтобы усилить и укрѣпить православную русскую вѣру, а для этого сдѣлать своихъ учениковъ ораторами, проповѣдниками, людьми искусными въ развитіи извѣстныхъ религіозныхъ положеній и находчивыми въ діалектической защитѣ. И несмотря на свои недостатки, достаточно отмѣченные литературой (порой сильно преувеличенные), схоластическое образованіе оказывало большое вліяніе на своихъ питомцевъ; умы крѣпли и изощрялись, пробуждалось уваженіе къ интересамъ мысли слова, смягчались нравы и формы человѣческихъ отношеній. Съ такимъ характеромъ образованія воспитанники кіевской коллегіи занимали видное положеніе въ обществѣ и литературѣ. Правда, порой отсюда выходили люди съ большимъ самомнѣніемъ, съ жаждою господства, но въ общемъ, благодаря строгой дисциплинѣ, коллегія вырабатывала людей съ громаднымъ самообладаніемъ, съ умѣньемъ подчиняться авторитету власти и въ тоже время горой стоять другъ за друга Такіе люди могли уже защищать не только религіозные, но и научные интересы. У кіевскихъ ученыхъ совершенства идеала становится уже не въ строгомъ отчужденіи отъ міра, а въ духовномъ просвѣщеніи ума тѣми науками, которыя помогаютъ служенію религіознымъ интересамъ. Подъ вліяніемъ этой науки идеалъ высшей духовной жизни перерождается и, мало по малу, вноситъ въ жизнь новыя стремленія. Такимъ образомъ начало любви и

---

[1]) См. Н. О. Сумцовъ. Іоанникій Галятовскій. К. 1884, ст. 7. Объ этомъ см. подробнѣе во II-й части Исторіи русской педагогіи гл. IX, ст. 125—128.

уваженія къ наукѣ было положено не въ петровское время и не его сотрудниками, которые явились только развивателями и продолжателями, а гораздо раньше, съ основаніемъ Кіево-Могилянской коллегіи. Безъ кіевскихъ ученыхъ и Петру Первому едва ли бы удалось двинуть русское просвѣщеніе.

Пособія: Голубевъ С. Ист. Кіев. Дух. Ак. ч. I. Аскоченскій. Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. 1856 г. ч. 1—2, іером. Булгаковъ. Исторія Кіевской Академіи Спб. 1843. Линчевскій М. Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевской Академіи (Тр. К. Д. А. 1870). Сухомлиновъ М. И. О языкознаніи въ древней Руси. Уч. Зап. 2-го от. Им. Ак. Н. т. I, 1854 г. Майковъ Л. Очерки изъ исторіи рус. литер. XVII и XVIII. стол. 1889. Порфирьевъ. Ист. р. сл. ч. I. С. Голубевъ. Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники т. I.

Глава XVIII.

Состояніе юго-западнаго просвѣщенія. Дѣятели юго-западнаго просвѣщенія XVII вѣка.

Подъ вліяніемъ братскихъ школъ съ одной стороны, а главнымъ образомъ подъ сильнымъ вліяніемъ Кіево-могилянской коллегіи въ Юго-Западной Руси XVII в. начало довольно значительно распространяться просвѣщеніе, и въ XVII в. мы встрѣчаемъ много уже образованныхъ и просвѣщенныхъ людей. Изъ числа выдающихся лицъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать на Мелетія Смотрицкаго, Гизеля, Барановича и Галятовскаго.

„Свѣтлость умѣетности и правды". въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже и въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господари пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя

братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южно-русскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венуловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича. Московское государство стало пользоваться услугами южно-русскихъ и западно-русскихъ ученыхъ съ половинѣ XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ иноковъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. Вскорѣ приближеннымъ къ царю человѣкомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст., говоритъ проф. Н. Сумцовъ [1]), можно намѣтить два главныхъ періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій. Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ восьмидесятыхъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища. Научное образованіе, даваемое ими, состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст., дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси являются князь Андрей Курбскій и въ особенности кн. Константинъ Острожскій. Характеристическія особенности науки и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главныя силы. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ школъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже „збройные рыцари“ въ области полемическаго богословія. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерѣ православныхъ все болѣе и болѣе усиливается „свѣтлость умѣстности“. Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, „Зачепкой“ Христофора и

[1]) Характеристика южно-русской литературы XVII в. Кіевъ 1885. ст. 6.

„Краткословнымъ отвѣтомъ" Феодула, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ; завершеніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русской литературы, развивавшейся подъ вліяніемъ братскихъ школъ, служитъ „Палинодія" Захаріи Копыстенскаго,— огромное религіозно-полемическое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г., но не напечатанное по неизвѣстнымъ причинамъ. „Палинодія" въ рукописи была извѣстна южно-русскимъ людямъ и послужила матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ сочиненій. Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, замѣчаетъ Завитневичъ [1]), чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было бы закрѣплено болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ". Во второе и третье десятилѣтіе XVII в. появилось два капитальныхъ филологическихъ произведенія „Славянская грамматика" Мелетія Смотрицкаго и „Лексиконъ славенороссійскій, именъ толкованія" Памвы Берынды. Мелетій Смотрицкій былъ сыномъ ректора Острожскаго училища. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ своего отца и руководствомъ его преемника по ректорству Кирилла Лукариса Мелетій (въ мірѣ Максимъ) получилъ первоначальное образованіе „во благочестіи и наказаніи книжномъ и грамматичномъ, будучи обученъ славянски, гречески и латински"; кн. К. Острожскій, замѣтивши въ Мелетіи Смотрицкомъ блестящія способности и, вслѣдствіе этого, рѣшившись дать ему самое широкое образованіе, отправилъ его въ 1601 г. въ виленскую іезуитскую коллегію, гдѣ Мелетій и кончилъ курсъ съ большимъ успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, что М. Смотрицкій не избѣжалъ вліянія іезуитской педагогіи. Затѣмъ онъ отправился въ заграничное путешествіе, слушалъ лекціи въ протестанскихъ университетахъ и на время отдалился отъ іезуитовъ. По возвраще-

———

[1]) Завитневичъ. Палинодія ст. 341.

нія на родину, Смотрицкій явился жаркимъ ревнителемъ православія. Самое видное мѣсто между его произведеніями этого періода дѣятельности занимаетъ Ѳринос или Плачъ Восточной церкви съ объясненіемъ догматовъ вѣры. Это первое, несомнѣнно принадлежавшее М. Смотрицкому, сочиненіе вышло въ Вильнѣ въ 1610 г. подъ псевдонимомъ Ѳеофила Ортолога. Книга Смотрицкаго была принята съ восторгомъ православными: они ее не выпускали изъ рукъ, оставляли дѣтямъ, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, приказывали даже класть съ собою въ гробъ. Смотрицкій пріобрѣлъ такую славу, что восторженные южно-руссцы называли его отцомъ православія и окружали всевозможнымъ вниманіемъ. Но Смотрицкій не устоялъ на высотѣ своего положенія и впослѣдствіи (1624 г.) перешелъ въ Унію.

Для насъ особенно важна грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ 1619 г. и представлявшая систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая терминологія, лишь отчасти измѣненная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигательное наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большой извѣстностью; нѣсколько разъ была издана (1629 г. въ Вильнѣ, 1648 г. и 1721 г. въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова, — словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатанія не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголистовъ [1]).

Грамматика М. Смотрицкаго имѣла большое вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе особенно въ Великороссіи, куда была принесена кіевскими учеными, приглашенными въ XVII ст. въ Москву. Она долгое время служила руководствомъ при изученіи церковно-

---

[1]) Засадкевичъ. М. Смотрицкій, какъ филологъ, ст. 98—99.

славянскаго языка и пособіемъ для справщиковъ при печатаніи ими книгъ. Что грамматика Смотрицкаго употреблялась въ великорусскихъ школахъ, могутъ служить выписки изъ грамматики Смотрицкаго, попадающіяся въ азбуковникахъ. Объ этомъ Мордовцевъ замѣчаетъ: „Въ нашемъ сборникѣ (XVII в.) между разными азбуковниками и руководствами, попадается очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанія. Въ числѣ ихъ видимъ большія выписки изъ грамматики Смотрицкаго, съ означеніемъ, на поляхъ, листовъ ея изданія [1]).

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ до конца восьмидесятыхъ годовъ XVII ст., около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянская коллегія. „Научное образованіе, говоритъ проф. Сумцовъ, состоитъ, главнымъ образомъ, въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій на языкѣ польскомъ; красвой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжолое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству, переходящая порой въ сумасбродство. Развивается крайній панегиризмъ... Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни, общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности. По времени дѣятельности, по взаимнымъ, личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣятели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣятели шестидесятыхъ, семи-

[1]) Характ. южно-рус. литер., ст. 12—13.

десятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ эти дѣятели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивиловскаго, Барановичъ — Галятовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали сообща и въ одномъ направленіи, что̀ обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій (единствомъ воспитанія)". Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галятовскаго, прибавляетъ проф. Н. Сумцовъ [1]) есть много цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди разнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать, чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство, обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галятовскій, Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказывали неоднократно. Они настаивали, чтобы въ большихъ городахъ были заведены коллегіи и типографіи, чтобы въ селахъ повсемѣстно были школы и шпитали, что воспитаніе и образованіе юношества должно основываться на религіозно-нравственныхъ началахъ, а общественныя и семейныя отношенія опредѣляться евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Въ нравственную обязанность поставлялось „предпочитати добро общее надъ уединенное" [2]).

Южно-русскіе ученые XVII ст. Бронскій, Смотрицкій, Копыстенскій, Барановичъ, Галятовскій, Радивиловскій, постоянно дѣлаютъ указанія на источники. Такъ въ „Апокрисисѣ" насчитывается 60 пособій автора, во Ѳриносѣ 145, въ „Палинодіи" 142. Указанія на пособія находятся или въ началѣ книги, послѣ преди-

---

[1]) Харак. южно-рус. литер., ст. 14.
[2]) Слово Гизеля въ его книгѣ „Миръ", привед. у Сумцова, ст. 15.

словія, или въ книгѣ на поляхъ, или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр., Барановичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей, другіе, напр., Смотрицкій и Галятовскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галятовскій, охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кіевскомъ ученомъ мірѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели" [1]).

Такимъ образомъ юго-западная литература XVII в. отличается именно характеромъ того образованія, которое господствовало какъ въ братскихъ школахъ, такъ особенно въ Кіево-могилянской коллегіи. Характеръ этой литературы — религіозно-церковный; наука была призвана въ школы для служенія вѣрѣ и церкви. Главною цѣлью образованія была защита вѣры и церкви отъ иновѣрныхъ нападеній; существенная же особенность юго-западной литературы, отличающая ее отъ древне-русской письменности, составляютъ научные въ ней элементы, научные пріемы и формы.

Замѣчательными поборниками по православной вѣрѣ были ректоръ кіевской коллегіи Іоанникій Галятовскій († 1688 г.) и архіеп. Черниговскій, Лазарь Барановичъ († 1694 г.). Галятовскій былъ основательно знакомъ съ Священнымъ Писаніемъ, св. отцами церкви, многими западно-европейскими схоластическими писателями, и имѣлъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. У него встрѣчаются ссылки на Овидія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція и др. И несмотря на то, что І. Галятовскій былъ самый начитанный человѣкъ своего времени, у него не видно критическаго отношенія къ источникамъ и пособіямъ, онъ выбиралъ изъ книгъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, хотя, конечно, и въ этомъ уже заслуга немалая.

Іоанникій Галятовскій былъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ юго-западной Руси XVII в. Онъ не только сочинялъ проповѣди, но и далъ правила, какъ ихъ сочинять; съ сборникомъ своихъ

[1]) Сумцовъ. Іоанникій Галятовскій. 1884, ст. 8.

проповѣдей, т. н., „Ключемъ разумѣнія", онъ соединилъ книгу: „Наука, албо способъ о сложеніи казаній" (т. е. поученій). Книга эта изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. „Науку" Галятовскаго можно изложить въ слѣдующихъ короткихъ словахъ. Тема для казанья берется изъ Священнаго писанія. Въ казаньѣ должно быть три части: 1) экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ „ознаймуетъ людямъ пропозицію свою, постановлене умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити 2) наррація, или самая проповѣдь, гдѣ казнодѣя объясняетъ то, что въ экзордіумъ обѣщалъ объяснить, и 3) конклюзія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что въ нарраціи тема раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милостыни, постѣ или о какомъ-либо порокѣ, напр., пьянствѣ, развратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святого, котораго празднуютъ, въ объясненіи его дѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галятовскій совѣтуетъ проповѣднику „обѣщати якую новую рѣчь показати, которои они не видѣли и не чували", или прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святаго, напр. имени св. Владиміра, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокрались мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казанье нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ или уподобленіяхъ [1]). „Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ", говоритъ I. Галятовскій, „откуда намъ взять матерію, изъ которой мы могли бы составить проповѣдь? Отвѣчаю: нужно читать Библію, жизнеописанія святыхъ, творенія учителей церковныхъ,—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго,

---

[1]) См. Н. Сумцовъ. Іоанникій Галятовскій, ст. 25.

Аѳанасія, Ѳеодорита, Ефрема, Іоанна Дамаскина и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ св. Писаніе". Но кромѣ того „нужно читать исторію и хроники о различныхъ панствахъ и странахъ, что въ нихъ дѣлается и что дѣлалось. Нужно читать книги о звѣряхъ, кампяхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и различныхъ водахъ, которыя находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойство и особенности и отмѣчать для себя, и прилагать къ своей проповѣди, которую хочешь говорить". Такимъ образомъ Галятовскій открываетъ для пользованія проповѣднику всю чрезвычайно обширную область природы и исторіи, насколько она постигалась тогдашнею наукою. Какъ же проповѣднику управиться съ столь разнообразными матеріалами, какъ приспособить ихъ къ своей проповѣди? „Для этого", заключаетъ Галятовскій, „читай проповѣди различныхъ проповѣдниковъ нынѣшняго времени и имъ слѣдуй". „Треба читати книги о звѣряхъ", внушаетъ Галятовскій проповѣднику и, дѣйствительно, въ южно-русскихъ проповѣдяхъ мы находимъ слѣды знакомства съ книгами о звѣряхъ (говорится о единорогѣ, слонѣ и т. п.). „Треба читати о птахахъ". Въ проповѣдяхъ находимъ выполненіе и этого требованія, въ нихъ сообщается о неясыти, фениксѣ и сароактесѣ. „Треба читати о гадахъ, рыбахъ". Есть въ проповѣдяхъ слѣды знакомства и съ этой стороны естественной исторіи, такъ въ нихъ говорится объ ихневмонѣ и крокодилѣ. „Треба читати о деревахъ, зельяхъ" — есть слѣды знакомства и съ средневѣковою ботаникою, фантастическою и полною выдумокъ (сообщаются напр. свѣдѣнія о деревѣ олеоконозъ). „Треба читати о каменяхъ и разныхъ водахъ"—сообщаются свѣдѣнія и изъ области средневѣковой минералогіи. Въ проповѣдяхъ даже съ подробностью излагаются средневѣковыя астролого-космографическія воззрѣнія.

„Находимыя выдержки изъ исторіи и природы служатъ, конечно, доказательствомъ плохого состоянія этихъ наукъ въ среднія вѣка; но за это едва ли можно винить южно-русскихъ проповѣдниковъ; не ихъ дѣло было разрабатывать гуманныя и реальныя науки, имъ приходилось только пользоваться готовыми свѣ-

дѣніями. Конечно, нужно пожалѣть о томъ, что южно-русскіе проповѣдники не слѣдили за послѣднимъ словомъ науки, что въ то время, когда уже извѣстны были великіе труды Бэкона, Ньютона и Коперника, они пробавлялись еще жалкими остатками средневѣковой науки, но и это является неизбѣжнымъ результатомъ того, что южно-русская ученость была плодомъ латино-польской цивилизаціи". (Терновскій).

При расположеніи „матеріи" въ словѣ Галятовскій совѣтуетъ руководствоваться вопросами (т. н. „общими мѣстами"): „кто чинилъ? что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? какимъ способомъ? въ какое время? Пользованіе этими вопросами нужно для полноты слова, чтобы проповѣдникъ не упустилъ изъ виду какой-нибудь стороны предмета. Затѣмъ дается совѣтъ—заботиться о занимательности проповѣди; для достиженія этой цѣли совѣтуется составлять замысловатыя вступленія, чтобы заставить слушать произносимую проповѣдь, и хитрыя заключенія, чтобы расположить слушателей придти на слѣдующую проповѣдь. Поученія Галятовскаго находящіяся въ его „Ключѣ разумѣнія" отличаются большой искусственностью; въ нихъ много символовъ, аллегорій, сравненія, которыя онъ беретъ отовсюду, изъ Священнаго Писанія, изъ исторіи, изъ внѣшней природы,—чрезвычайно натянуты и вычурны; въ погонѣ за интересомъ проповѣди, Галятовскій почти ничего не говоритъ; отсюда понятно, что проповѣдь является дѣломъ механическимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе формы и установленныхъ пріемовъ. Въ этомъ большой недостатокъ проповѣдей Галятовскаго. Его проповѣди были понятны только книжнымъ людямъ, рѣдко были проникнуты искренне сердечнымъ одушевленіемъ, чаще же всего были отвлеченно-разсудочными. „Ключъ разумѣнія" имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время „Ключъ" сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается онъ иногда и въ сельскихъ церквахъ.

Другимъ извѣстнымъ проповѣдникомъ XVII в. въ юго-западной Руси былъ Антоній Радивиловскій, игуменъ кіево-николаевскаго монастыря. Онъ составилъ два сборника проповѣдей: „Ого-

родокъ (садъ) Маріи Богородицы (1676 г.) и Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ (изъ цвѣтовъ розы) сплетеный (1688 г.). Аналогическое сближеніе или сопоставленіе духовныхъ предметовъ съ предметами и явленіями физической природы и вообще орнаментальная обстановка священныхъ и богословскихъ истинъ матеріаломъ изъ наукъ свѣтскихъ, замѣчаемыя въ словахъ Галятовскаго еще рѣзче высказываются въ проповѣдяхъ Радивиловскаго. Весьма часто Радивиловскій въ своихъ проповѣдяхъ приводитъ примѣры и свидѣтельства изъ древней исторіи и миѳологіи, но эти примѣры мало придаютъ силы доказываемымъ мыслямъ, а скорѣе относятся къ т. н. анекдотамъ.

Третьимъ знаменитымъ проповѣдникомъ въ юго-западной Руси XVII в. былъ Лазарь Барановичъ, архіеп. Черниговскій. Онъ составилъ два сборника поученій „Мечъ духовный (1666 г.) на недѣли" и „Трубы словесъ проповѣдныхъ" 1674 г. на разные церковные праздники. Предметъ „Меча" и „Трубъ" одинъ и тотъ же, религіозно-нравственныя наставленія. Особенность того и другого сборника состоитъ въ постановкѣ ихъ. Въ „Мечѣ" религіозно-нравственныя наставленія идутъ отъ самого проповѣдника; они представляютъ прямой, положительный законъ, которымъ долженъ руководствоваться каждый христіанинъ въ своей жизни. Въ „Трубахъ" религіозно-нравственныя правила представляются въ воплощеніи ихъ въ извѣстномъ праздничномъ событіи, преимущественно въ жизни святыхъ, а самая эта жизнь должна укрѣпить въ слушателяхъ ихъ религіозно-нравственную сторону. Различіе между сборниками исключительно внѣшнее, формальное, а именно въ „Мечѣ" 55 словъ, въ „Трубахъ" 80. Языкъ Барановича въ проповѣдяхъ церковно-славянскій: польскихъ и латинскихъ словъ почти нѣтъ; въ „Мечѣ" и „Трубахъ", малорусскія слова и обороты попадаются весьма рѣдко. Эту чистоту языка нельзя не поставить въ заслугу автору. Хотя Лазарь Барановичъ, по главнѣйшимъ свойствамъ своихъ проповѣдей, относится къ извѣстной школѣ юго-западныхъ проповѣдниковъ, но онъ менѣе дорожитъ пособіями тѣхъ источниковъ, которымъ дано обширное мѣсто у Галятовскаго и Радивиловскаго. Главную помощь при развитіи темы оказываютъ ему Священное Писаніе и отцы церкви. Тонъ и характеръ про-

повѣдей Барановича гораздо строже и церковнѣе проповѣдей Галятовскаго и Радивиловскаго. Проповѣдуя о томъ, кто сказалъ о себѣ: „Азъ есмь истина, я старался, говоритъ онъ,—писать только истину, не прибавляя не только никакихъ басней, но даже исторій, внѣ писанія и ученія церковнаго сущихъ". Въ его поученіяхъ, дѣйствительно, нѣтъ такихъ сказокъ и анекдотовъ изъ миѳологіи и исторіи, какіе встрѣчаются часто въ словахъ Галятовскаго и Радивиловскаго. Этимъ ограниченіемъ матеріала Барановичъ отступаетъ отъ названныхъ проповѣдниковъ: какъ тѣ распространяли свое слово энциклопедическими свѣдѣніями, такъ онъ, напротивъ, сдерживаетъ свою ученость, состоявшую въ знакомствѣ съ латино-польскою наукою и литературою. Но въ другихъ отношеніяхъ поученія Барановича не отступаютъ отъ современныхъ произведеній такого же рода: постоянно видишь искусственное сближеніе предметовъ, отысканіе символическаго ихъ смысла, толкованіе именъ, витіеватость и замысловатость. Почти каждая, самая обыкновенная мысль у него принимаетъ какую-нибудь витіеватую или замысловатую форму.

Проповѣди Галятовскаго, Радивиловскаго и Барановича могутъ служить образцами юго-западной проповѣди, развившейся подъ вліяніемъ схоластическаго образованія въ школахъ и латино-польской литературы. Она, конечно, нравилась образованнымъ людямъ того времени, которые, воспитываясь въ школахъ, были знакомы съ реторикой, исторіей, миѳологіей и др. науками, но она не могла быть полезна для большинства и особенно для простого народа, который не только не зналъ никакой науки, но не имѣлъ даже простой грамотности. Тѣмъ не менѣе такое направленіе надолго утвердилось въ юго-западной проповѣди и вмѣстѣ съ юго-западными учеными перешло и въ Москву.

Въ Малороссіи XVII в. весьма немногія лица пользовались столь обширной и почетной извѣстностью, какъ кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патріархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Онъ, по словамъ проф. Сумцова, былъ долгое время духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Трудъ его „Синопсисъ (обозрѣніе)

или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа и первоначальныхъ князей богоспасаемаго града Кіева“ былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ основаніе „Синопсиса“ легла хроника Θеодосія Сафановича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кіевской и волынской лѣтописямъ; къ хроникѣ этой прибавлены краткія извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго.

Пособія: Н. Θ. Сумцовъ. Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка. К. 1885.—Его же. Іоанникій Галятовскій (къ исторіи южно-русской литературы XVII в.). Кіевъ. 1884.—Его же. Лазарь Барановичъ. 1885.—Его же. Иннокентій Гизель. Завитневичъ. Палиподія. Варшава. 1883.—Засадкевичъ. М. Смотрицкій, какъ филологъ. 1883.—Голубевъ. Ист. Кіев. Дух. Акад.

Глава XIX.

Стремленіе къ просвѣщенію въ сѣверо-восточной Россіи XVII вѣка. Греко-латинскія школы въ Москвѣ XVII в.

Въ сѣверо-восточной Россіи XVII в. замѣчается значительное оживленіе въ умственной сферѣ. Появляются такіе запросы и требованія, о которыхъ раньше и не думали. Потребность и порой жажда новыхъ идей, проявившіяся еще въ царствованіе Бориса Годунова, рельефно выступаютъ во время Алексѣя Михайловича.

Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи въ сношеніяхъ съ чуждыми народами и ихъ представителями, пріѣзжавшими въ Москву. Но допущеніе все большаго и большаго количества иностранцевъ внутрь государства, явно высказываемая потребность въ нихъ, явно высказываемое признаніе превосходства ихъ въ наукѣ, необходимость учиться у нихъ,—предвѣщали ско-

рый переворотъ въ жизни русскаго общества, скорое сближеніе съ Западною Европою.

Уже царь Ѳеодоръ (1584—1598) любилъ и покровительствовалъ искусствамъ и художествамъ и съ этою цѣлью выписывалъ мастеровъ и искусныхъ людей изъ-за границы. Въ его время въ Россіи были искусные ювелиры (напр. Францискъ Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Онъ даже хотѣлъ завести шелковую фабрику въ Москвѣ, съ этою цѣлью вызвалъ изъ Италіи Марко Чинони, который ткалъ бархаты и парчи въ домѣ, отведенномъ ему близъ Успенскаго Собора. Умножилось число церквей: сначала живопись наша ограничивалась только иконописью, но затѣмъ появляются у насъ и картины.

„Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича Большая и Золотая Грановитыя палаты украсились живописью [1]). У Ѳеодора было уже два иностранныхъ врача Марко Ридлей и Павелъ Миланскій. Въ 1600 г. Борисъ Годуновъ вызвалъ шесть лѣкарей изъ Германіи. Есть извѣстія, что Борисъ очень сочувствовалъ научному образованію Россіи, имѣлъ намѣреніе завести школы и даже университеты, гдѣ бы русская молодежь училась европейскимъ языкамъ и наукамъ. Въ 1600 г. онъ посылалъ въ Германію нѣмца Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезть въ Москву профессоровъ и докторовъ. „Однако, говоритъ Карамзинъ, это важное намѣреніе не исполнилось, такъ какъ пишутъ, что встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, которое считало, что неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества католикамъ и лютеранамъ. Но, оставивъ мысль заводить университеты въ Россіи, царь послалъ 18 молодыхъ людей въ Лондонъ, Любекъ и во Францію учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же, какъ молодые англичане и французы ѣздили тогда въ Москву учиться русскому. Высоко цѣня образованіе, Борисъ звалъ къ себѣ изъ-за границы лѣкарей, художниковъ, ремесленниковъ и даже людей чиновныхъ. Борисъ особенно заботился объ образованіи своего любимаго сына, воспитывалъ его съ большимъ тщаніемъ, старался даже дать ему „научное образованіе“, и интерес-

---

[1]) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. т. X.

нымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній этого царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 г. нѣмцемъ Герардомъ [1]). При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1613—1645 г.) вызывали изъ-за границы не однихъ ратныхъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ: понадобились люди ученые, и, въ 1639 г. дана была опасная грамота для пріѣзда въ Москву извѣстному ученому голштинцу, Адаму Олеарію. „Вѣдомо намъ учинилось“, говоритъ царь въ грамотѣ, „что ты гораздо наученъ и навыченъ въ астрономіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ“. По государеву указу, въ 1637 г. переведена была съ латинскаго полная Космографія Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ [2]). Въ ученыхъ людяхъ нуждалось и государство для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны нуждалась въ наукѣ и Церковь для охраненія чистоты своего ученія. Однако, необходимость созданія среднихъ или высшихъ школъ не вошла еще въ сознаніе русскаго правительства и народа. Существованіе школы Арсенія грека при патріархѣ Филаретѣ подвергается сильному и справедливому сомнѣнію [3]). Правда, восточные патріархи не разъ указывали московскимъ царямъ на необходимость завести въ Москвѣ греческую школу. Патріархъ александрійскій Сильвестръ еще въ 1585 г. писалъ царю Ѳеодору: „Составь училища и поставь наказателя, чтобы въ немъ училась греческой грамотѣ и были бы научены отъ многихъ божественныхъ книгъ всей мудрости Божіей православной вѣры“. О томъ же писалъ и преемникъ Сильвестра патріархъ Мелетій Пигасъ въ 1593 году: „устрой у себя, царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ

---

[1]) Hessel Gerard см. Blaemwisch. Atlas т. I. Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Feodor, filius Tzaris Boris, desumta и пр. (Карамз. т. X. прим. 132).

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древ. врем., т. IX., гл. 5.

[3]) См. назв. ниже изслѣдованія С. Бѣлокурова и Н. Ѳ. Каптерова.

изсякнуть до основанія". Но ни откуда не видно, чтобы желаніе патріарховъ было исполнено тогда же или вскорѣ послѣ того. Извѣстно только, что лѣтъ черезъ сорокъ послѣ сего и именно въ концѣ патріаршества Филарета (въ 1632 г.) Московское правительство обратилось къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису съ просьбой прислать вполнѣ православнаго учителя для будущей школы. Но учитель явился въ Москву самъ неожиданно и скорѣе, чѣмъ думало московское правительство. 7-го сентября 1632 г. пріѣхалъ въ Москву протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ вмѣстѣ съ своимъ дьякономъ Григорьемъ. Его убѣдили остаться въ Москвѣ навсегда и 19-го сентября того же года выдали ему грамоту, въ которой повелѣвалось ему: „служити духовными дѣлы, переводити ему греческіи книги на словенскіи языкъ и учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческого языку и грамоте, да емуж переводіти книги съ греческого языка на словенскій языкъ на латинские ереси [1]). Іосифъ остался на жительство въ Москвѣ, и по мнѣнію г. Бѣлокурова только и занимался переводомъ книгъ съ греческаго на русскій. Кромѣ восточныхъ патріарховъ объ открытіи греческой школы въ Москвѣ хлопоталъ въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія и кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Въ грамотѣ къ царю Михаилу Θеодоровичу онъ проситъ даже соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ бы кіевскіе старцы обучали русскихъ юношей „греческой и славянской грамотѣ" [2]). Но со стороны на это не послѣдовало никакого рѣшенія.

Съ просьбою прислать учителя для школы московское правительство въ срединѣ XVII ст. обращалось и къ восточнымъ патріархамъ непосредственно, которые и прислали въ Москву „мудраго" митрополита Напакты и Арты Гавріила. 9-го декабря 1650 г. митр. Гавріилъ вмѣстѣ со старцемъ Арсеніемъ Сухановымъ прибылъ въ Москву; но пробылъ здѣсь недолго и вскорѣ послѣ 31-го марта 1651 г. онъ выѣхалъ изъ Москвы.

У извѣстнаго путешественника по Россіи въ XVII столѣтіи

---

[1]) М. Г. А. М. И. Д. Греческія дѣла К. 15, д. № 2 у Бѣлокурова, ст. 377.
[2]) Акты южной и западной Россіи т. III, № 33, с. 39.

голштинца Адама Олеарія, бывшаго въ Россіи въ 1634, 1636, 1638 —1639 и 1643 г., находится довольно любопытное свидѣтельство о школѣ Арсенія Грека въ 22-й главѣ III книги описанія его путешествія, главѣ „о русскомъ письмѣ, языкѣ и училищахъ". Олеарій, сказавъ о томъ, что русскіе въ своихъ училищахъ обучаются читать и писать исключительно на своемъ русскомъ и очень рѣдко на славянскомъ языкѣ и что никто изъ нихъ ни духовныя лица, ни свѣтскія, ни высшаго, ни низшаго сословія люди ни слова не знаютъ ни по-гречески ни по-латыни, къ этому прибавляетъ: „впрочемъ, въ настоящее время къ немалому удивленію надо замѣтить, что по распоряженіямъ патріарха и великаго князя русское юношество начинаютъ обучать греческому и латинскому языкамъ. Для этого близъ патріаршаго дома учреждена уже латинская и греческая школа, которою завѣдываетъ и управляетъ одинъ грекъ по имени Арсеній". Изъ того, что въ первомъ изданіи описанія своего путешествія (Шлезвигскомъ, 1647 г.) Олеарій нигдѣ ничего не говоритъ о греко-латинской школѣ Арсенія грека, и что такое описаніе находится во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1656 г. [1]), г. Бѣлокуровъ выводитъ вѣроятное заключеніе, что школы Арсенія Грека въ то время еще не было, и что она открыта уже послѣ выхода перваго изданія (1647 г.) этого описанія путешествія, вѣроятнѣе всего въ 1653 году. Но г. Н. Каптеревъ [2]) и это предположеніе подвергаетъ сомнѣнію и, между прочимъ, на томъ основаніи, что Арсеній Грекъ нигдѣ и ни разу не названъ учителемъ греко-латинской школы, ни разу не указывается, чтобы онъ получалъ содержаніе или плату какъ учитель школы, вездѣ же называется книжнымъ переводчикомъ и справщикомъ. Рѣшительно настаивая на томъ, что Арсеній грекъ не основывалъ въ Москвѣ греко-латинской школы и не былъ въ ней учителемъ, Каптеревъ допускаетъ, что онъ могъ давать частные уроки и заниматься при случаѣ учительствомъ, что ему, можетъ быть, отъ патріарха Никона или отъ Государя поручалось иногда поучить то или другое лицо по-гречески или по-латыни. Но что

---

[1]) Ст. 280.

[2]) Н. Каптеревъ О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ, ст. 598. Приб. къ Тв. Св. Отц.

учительство Арсенія, если только оно существовало, было, очевидно, учительствомъ частнымъ и случайнымъ, не похожее на учительство въ постоянной, правильно устроенной школѣ [1]).

Есть извѣстіе, что въ 1649 году, по инициативѣ частнаго лица Өедора Ртищева, заведено въ устроенномъ имъ Андреевскомъ монастырѣ училище „ради россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія". Для этой цѣли Ртищевъ призвалъ изъ Кіева „иноковъ изящныхъ во ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати [2]). Однако, замѣчаетъ г. Каптеревъ, житіе Ртищева говоритъ, что иноки Андреевскаго монастыря занимались не учительствомъ въ школѣ, а книжными переводами, что ихъ заслуга передъ русскимъ обществомъ заключается не въ томъ, что они обучали русскихъ людей свободнымъ наукамъ, а въ томъ, что они перевели съ греческаго языка на славянскій „многія душеполезныя книги". И если бы такая школа существовала, составитель житія Ртищева обязательно что-нибудь сказалъ бы о ней [3]). Мы, съ своей стороны думаемъ, что дѣлать такой выводъ нѣсколько рисковано.

Какъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ признать существованіе греко-латинской школы Арсенія Грека въ Москвѣ, такъ нѣтъ данныхъ признать и существованіе греческой чудовской школы, основанной будто бы Епифаніемъ Славинецкимъ. Поводомъ предполагать, что Епифаній основалъ у насъ греческую чудовскую школу, могло послужить развѣ то мѣсто въ современной приказной записи о пріѣздѣ Епифанія, гдѣ говорится, что въ Москву пріѣхалъ Кіевскаго митрополита старецъ Өеодосій, „а съ нимъ для риторскаго ученія старцы кіевляне жъ, Арсеней да Епифаней". Но, по мнѣнію г. Каптерева, кіевляне вызывались въ Москву не для риторскаго ученія, а для перевода на славянскій языкъ греческихъ и латинскихъ книгъ вообще и частнѣе „для справки библѣи греческіе на словенскую рѣчь", вызывались они

[1]) Н. Каптеревъ. О греко латинскихъ школахъ въ Москвѣ. Пр. къ Тв. Св. Ог., ст. 603. 1889.

[2]) Древн. росс. вивліоө., ч. VI ст., 404.

[3]) Н. Каптеревъ, ст. 615.

потому, что „еллинскому языку новычны и съ еллинскаго языку на словенскую рѣчь перевести умѣютъ, а латинскую рѣчь достаточно знаютъ". Итакъ, Епифаній Славинецкій вызванъ былъ въ Москву какъ знающій греческій и латинскій языки для перевода книгъ съ греческаго и латинскаго на русскій. Современные же документы не говорятъ ни одного слова о греческой чудовской школѣ Епифанія, не говорятъ, какъ прибавляетъ г. Н. Каптеревъ, потому, что чудовской греческой школы вовсе не существовало.

Другіе изслѣдователи, какъ Мирковичъ, Татарскій и Л. Н. Майковъ не только допускаютъ, но и утвердительно признаютъ существованіе школы Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго. Объ этомъ читаемъ у Л. Н. Майкова [1]): „По прибытію въ Москву Симеонъ началъ, по царскому указу, обучать нѣкоторыхъ лицъ Альвару, то-есть латинской грамматикѣ. Обученіе это было заведено въ Спасскомъ Монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, гдѣ жилъ Симеонъ, а первыми учениками были молодые люди приказа тайныхъ дѣлъ, т.-е. собственной кабинетной канцеляріи Государя. По приходо-расходнымъ книгамъ приказа видно, что школа эта была учреждена для того, чтобы учиться въ ней по латынямъ и для „грамматичнаго ученія" [2]) и можно было думать, что курсъ ученія въ ней соотвѣтствовалъ не только условіямъ элементарнаго, а скорѣе средняго и даже отчасти высшаго образованія. Тотъ же элементъ филологическихъ знаній преобладалъ и въ другихъ московскихъ школахъ; но въ характерѣ преподаванія онѣ представляли, повидимому, нѣкоторыя отличія одна отъ другой. Можно быть увѣреннымъ, что при самомъ учрежденіи Заиконоспасской школы Симеонъ внесъ въ нее порядки и направленіе Кіевской коллегіи. Главнымъ предметомъ изученія была латынь

[1]) Майковъ, Л. Н. Симеонъ Полоцкій. Очерки изъ исторіи русской литературы. XVII и XVIII столѣтій. 1889, ст. 19.

[2]) Эта выдержка изъ расходныхъ записей Приказа Тайныхъ Дѣлъ 1665 найдена г. Забѣлинымъ: „5-го іюля подъячему Приказа Тайныхъ Дѣлъ Өедору Казанцу по указу государеву выдано изъ суммъ Приказа сто рублей" „къ хоромному строенію, что въ Спасскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) учитца по латынямъ подъячимъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ Семену Медвѣдеву, да дворцовымъ Семена да Ильѣ Казанцамъ".

при пособіи темнаго и многословнаго руководства Альвареца, напротивъ того, греческій языкъ едва ли былъ преподаваемъ, такъ какъ самъ Симеонъ, по свидѣтельству современниковъ „греческаго писанія ничто же знаяше“. Это составляло главное отличіе Спасской школы отъ Чудовской (и поглощенной ею Андреевской), гдѣ преимущественно учили по-гречески, и притомъ не столько по учебнику, сколько практически, чрезъ вниканіе въ смыслъ текстовъ и переводовъ. Зато, несомнѣнно, ученики Спасской школы обучались пiитикѣ и реторикѣ и упражнялись въ сочиненіи виршъ и орацій: извѣстно, что Симеонъ еще своимъ полоцкимъ ученикамъ давалъ такого рода занятія. Напротивъ того, питомцы Чудовской школы не усвоивали себѣ этого обычая школы Кіевской и не выходили искусными стилистами. Можно сказать, что общій характеръ ученія въ Спасской школѣ былъ преимущественно гражданскій, свѣтскій, хотя въ ней преподавалось и богословіе, какъ необходимая основа всѣхъ наукъ“. Къ числу учениковъ Полоцкаго принадлежитъ и даровитый, способный Сильвестръ Медвѣдевъ. Изъ позднѣйшей дѣятельности его видно, какое сильное вліяніе имѣлъ на него учитель, и какъ рѣзко проявились въ этомъ вліяніи характерныя черты его латинскаго образованія.

По нашему мнѣнію, соображенія Татарскаго и Л. Н. Майкова относительно существованія какъ Спасской, такъ и Чудовской школы заслуживаютъ вѣроятія, но г. Каптеревъ и къ существованію Спасской школы относится скептически. „Просто невозможно думать, говоритъ онъ, чтобы благочестивѣйшій Алексѣй Михайловичъ, особенный любитель и почитатель всего православно-греческаго, задумавъ основать первую среднюю или высшую школу въ Москвѣ основалъ бы школу не греческую, а строго латинскую съ исключительно латинскимъ направленіемъ, явно и съ перваго раза враждебнымъ направленію православно-греческому (l. c. стр. 612). Скептицизмъ г. Каптерева вытекаетъ изъ его основной, приведенной уже нами раньше мысли, что въ XVI и въ XVII ст. не была еще ясно сознаваема мысль о необходимости среднихъ или высшихъ школъ для просвѣщенія и что московское правительство, вызывая ученыхъ иностранцевъ, требовало отъ нихъ не устройства школы, а переводовъ книгъ съ греческаго и латинскаго

языковъ и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему знанія и свѣдѣнія, обновили бы и расширили запасъ знаній, оказавшихся или недостаточными, или устарѣвшими. Для достиженія этой цѣли нужна была, по мнѣнію русскихъ, не средняя или высшая школа, значеніе которой они еще ясно не представляли себѣ, а нужны были новыя книги, изъ которыхъ каждый съ помощью простого чтенія самъ бы могъ извлечь нужныя и потребныя ему свѣдѣнія". Но если это и такъ, то нужны были и люди, которые могли бы свободно переводить съ греческаго и латинскаго, и мы не видимъ большихъ основаній contra, почему бы такая мысль не была ясно сознана въ XVII в. и почему бы не были заведены греко-латинскія школы хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ. Вообще, мы должны сознаться, что для правильнаго рѣшеніе вопроса о греко-латинскихъ школахъ до открытія славяно-греко-латинской Академіи у насъ, не смотря на изслѣдованія Мирковича, Л. Н. Майкова, Татарскаго и Н. Каптерева, не хватаетъ еще многихъ данныхъ, и вопросъ этотъ такой важности, что заслуживалъ бы болѣе обстоятельнаго и полнаго изслѣдованія [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что въ XVII в. сѣверо-восточная Русь обращалась за наукою то къ малороссіянамъ, то къ грекамъ. „Новые учители, говоритъ С. Соловьевъ [2]), откуда бы они ни пришли, хотя бы изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями,—и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой великороссіянинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха по-латыни и по-гречески, сталъ ученѣе своего стараго учителя, своего отца духовнаго; говоритъ, что и то не такъ, и другое не такъ, и что отецъ духовный многое неправильно толкуетъ. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные. Свѣтопреставленіе! Яйца курицу учатъ! чего ждать добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латынью учатъ разнымъ ересямъ. Но мало того, что русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у малороссійскихъ монаховъ,—хотятъ еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни: хороши оттуда

[1]) Что мы намѣрены со временемъ сдѣлать. Примѣчаніе М. Д.
[2]) Истор. Россія, т. 13, гл. 1-я.

воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, народился, изъ неминуемаго столкновенія старыхъ учителей съ новыми. Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ, знающимъ изъ старыхъ учителей, самымъ виднымъ протопопамъ; книги исправили, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что, вмѣсто исправленія, книги испорчены, и патріархъ поручаетъ снова исправлять ихъ новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперъ объявлены невѣждами, опозорены на весь міръ, и кѣмъ же? — пришлыми кіевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи чтó знаютъ, чему учатъ! Сами-то православны-ли? Народившійся уже прежде расколъ выросъ". Въ началѣ 1662 года прибылъ въ Москву Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени. Извѣстный справщикъ книгъ, монахъ Арсеній указалъ Никону на Паисія, какъ на человѣка обширной учености и могущаго быть очень полезнымъ въ Москвѣ, и патріархъ Никонъ въ 1657 г. писалъ самому Паисію: „слышали мы о любомудріи твоемъ отъ монаха Арсенія и что желаешь видѣть насъ, великаго государя, и мы тебя, какъ чадо наше по духу возлюбленное, съ любовью принять хотимъ". Прибывъ въ Москву, Паисій Лигаридъ твердо высказалъ ту мысль, что смятенія церковныя произошли отъ невѣжества, и что для уврачеванія сего недуга единственное средство — училища. „Искалъ я, говоритъ онъ, корня сего духовнаго недуга (появленія раскола), поразившаго нынѣ христоименитое царство русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу, — и, наконецъ, придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили: какіе столпы церкви и государства? Я бы отвѣчалъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и во-третьихъ училища" [1]). Въ этихъ училищахъ Паисій совѣтуетъ преподавать

[1]) Въ подлинникѣ сказано: Искахъ и азъ корене духовного сего недуга, преходящаго нынѣ въ семъ Христоименитомъ царствѣ, и тщахся обрѣсти, откуду

три основныхъ языка: греческій, латинскій и славянскій. Важная и плодотворная мысль Паисія Лигарида нашла поддержку въ патріархахъ: Паисіи Александійскомъ и Макаріи Антіохійскомъ, прибывшими въ Москву въ 1666 г. Въ проповѣди своей въ день Рождества Христова, сказанной отъ ихъ имени Симеономъ Полоцкимъ, они убѣждали царя завести греческія и славянскія училища, выдвигали важность изученія греческаго языка и обѣщали большую пользу государству и церкви отъ развитія училищъ. Совѣты ихъ были приняты, и нѣкоторые изъ жителей Москвы подали царю челобитную о дозволеніи построить училище въ приходѣ Іоанна Богослова. Царь далъ свое согласіе а патріархи въ 1668 г. выдали просителямъ грамоты на заведеніе училища словено-греко-латинскаго, здѣсь же изъявлялась радость, что нашлись, наконецъ, любители просвѣщенія, врагамъ же науки патріархи угрожали проклятіемъ [1]). Но была ли, въ дѣйствительноссти, открыта школа при церкви св. Іоанна Богослова и если была открыта, то долго ли существовала, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Не подвергается только сомнѣнію извѣстіе объ открытіи въ 1879 году греческой типографской школы. Въ этомъ году возвратился въ Москву изъ путешествія по Востоку грекъ іеромонахъ Тимоѳей и принесъ извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпѣло тогда православіе въ Святой Землѣ отъ католиковъ; узнавъ о томъ, царь пожелалъ оказать какую-либо помощь угнетенному православію и съ этою цѣлью по совѣту и съ благословенія патріарха Іоакима, учреждено было въ 1679 году греческое училище при большой Московской типографіи. Тимоѳей былъ опредѣленъ быть ректоромъ

бы сіе ересей наводненіе истекало и возрастало, на толику нашу общую пагубу. Напослѣдокъ, умомъ обращая, обрѣтохъ изъ двою истекшее, сиже есть: отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыя книгохранительницы... Азъ же, вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кіи бы были столпы и завѣсы обою, реклъ быхъ: первое училища, второе училища, третье училища принуждены быти. Училища суть, отнюду же духъ животный чрезъ жилы во всѣ тѣло разливается, суть крилѣ орляя, имаже слава пролетаваетъ всю вселенную... Ты убо, о пресвѣтлый царю, обращается Паисій къ Алексѣю Михайловичу, подражай Ѳеодосіемъ, Юстиніаномъ и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ ко ученію трехъ языкъ коренныхъ паипаче: греческаго, латинскаго и славянскаго (Опроверженіе челобитной соловецкой № 68. Рукоп. Москов. Дух. Акад. См. Приб. къ Твор. Св, Отцовъ. 1845, кн. 2).

[1]) См. Собраніе сочин. Симеона Полоцкаго въ рукоп. Синод. библіот. № 130.

училища, а учить греческому языку поручено жившему въ Москвѣ греку Мануилу Левендатову: „мужу свободныхъ наукъ искусну“, а послѣ—греку же іеромонаху Іоакиму. „Нельзя описать, говоритъ Ѳ. Поликарповъ, усердія царя и патріарха къ училищу, оба они „своими высокими особы и купно и по единому особь, явнымъ и тайнымъ образомъ, едва не на всякую седмицу въ типографію прихождаху утѣшатися духомъ о новомъ и неслыханномъ дѣлѣ; учащихся же ущедряху богатно одеждами, червонцы и прочими привилегіями“ [1]). „Но если въ Москвѣ, довольно вѣрно замѣчаетъ г. Н. Каптеревъ, дѣйствительно, существовали съ половины XVII в. греко-латинскія школы, то какимъ образомъ открытіе новой типографской греческой школы могло быть для царя и патріарха „дѣломъ новымъ, неслыханнымъ?“.

Нашлись, однако, лица въ Москвѣ, которыя считали одностороннимъ ученіе, даваемое типографическимъ училищемъ и не стѣсняясь говорили объ этомъ. Они утверждали, что нужно было бы училище, въ которомъ преподавались бы оба языка—латинскій и греческій, и что если ужъ довольствоваться однимъ языкомъ, то лучше и полезнѣе было бы изучать латинскій вмѣсто греческаго. Къ этимъ лицамъ, можно думать, принадлежали всѣ тѣ выходцы-кіевляне, которые сами, если не исключительно, то преимущественно воспитывались на латинскомъ языкѣ. Къ сторонникамъ латинскаго ученія принадлежали у насъ и тѣ молодые люди, которые, по словамъ патріарха Іоакима, ѣздили учиться въ Польшу въ тамошнія латинскія школы, или побывали въ Кіево-могилянской коллегіи. Лица принадлежавшія къ Посольскому приказу, гдѣ знаніе латинскаго языка, какъ международнаго, было естественно нужно, были сторонниками латинскаго ученія. Наконецъ, къ нимъ же примыкали и всѣ тѣ лица изъ высшаго класса, которыя, побывавъ заграницею при посольствахъ, или сблизившись съ образованными иностранцами у себя дома, подчинились вліянію Запада, стали усвоять въ своей жизни западные обычаи и желали для своихъ дѣтей такого же школьнаго образованія, какое давалось въ западно-европейскихъ коллегіяхъ и университетахъ. Намъ не-

---

[1]) Древн. росс. вивліоѳ., ч. XVI, ст. 295—.97.

извѣстны подлинные ихъ доводы въ пользу превосходства латинскаго языка предъ греческимъ, но до насъ дошло два опроверженія этихъ доводовъ. Первая записка носитъ заглавіе: „Доводъ вкратцѣ: яко ученія и языкъ эллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и чѣмъ пользуетъ словенскому народу". Доказывая превосходство греческаго языка передъ латинскимъ, необходимость и пользу для русскихъ изучать именно греческій языкъ, авторъ ссылается на то, что русскіе приняли христіанство отъ грековъ и вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ нихъ же заимствовали свои письмена, церковныя книги, гражданскіе и другіе обычаи, ссылается на свидѣтельство Епифанія Славинецкаго о достоинствѣ греческаго ученія и на уваженіе, какое питаютъ къ греческому языку во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ З.-Европы, въ академіяхъ которыхъ „греческій языкъ и до днесь поучается"; обращается вниманіе на то, что въ западно-русскихъ областяхъ, гдѣ учатся исключительно латинскому языку, многіе впадаютъ въ унію. Заключая свое разсужденіе, авторъ довода убѣждаетъ: „Того ради подобаетъ наипаче учитися гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется, и учити купно съ словенскимъ, яко да временемъ и словенскій языкъ (который пребогатъ есть) очистится, и межъ иныхъ ученыхъ языковъ сочетается. А по-греческомъ ученіи легче хотящему невредительно учитися и латинскому".

Другое сочиненіе о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ носитъ заглавіе: учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и ѳеологіи и стихотворному художеству и оттуду познавати божественная писанія, или, не учася симъ хитростямъ въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати.—и что лучше россійскимъ людямъ учитися греческаго языка, а не латинскаго [1]). Отвѣчая на вопросъ „котораго языка ученію учитися намъ славянамъ потребнѣе и полезнѣе латинскаго или греческаго", авторъ говоритъ, что намъ полезнѣе учиться „греческаго и словенскаго". Здѣсь авторъ также ссылается на примѣръ Епифанія Славинецкаго, высоко ставившаго

[1]) Рукоп. Библіот. Спб. Духовн. Акад. № 423, прив. у Н. Каптерева,

греческій языкъ, и что св. отцы церкви „яко учахуся богословію на гречестѣмъ языцѣ, такъ и вѣроваху и писаху и ввѣренныя имъ учаху".

Рѣшеніе вопроса о превосходствѣ той или другой цивилизаціи, греческаго или латинскаго образованія, особенно важно было ко времени открытія Заиконоспасской Академіи; отъ него могло зависѣть направленіе учебнаго дѣла въ самой Академіи. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ учителей надо было призвать для Академіи? Призвать иностранныхъ учителей изъ Западной Европы боялись, чтобы не „наступило разноязычіе и разновѣріе", страшились также послать молодыхъ людей заграницу, чтобы они „узнавъ тамошнихъ вѣру и обычаи не начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ". Оставалось обратиться или къ кіевскимъ ученымъ или къ грекамъ. Но кіевскіе ученые были поклонники латинскаго образованія и потому къ нимъ слѣдовало относиться осторожно. Вотъ почему при окончательномъ рѣшеніи вопроса объ открытіи Академіи остановились на вызовѣ греческихъ ученыхъ, о чемъ скажемъ ниже.

Изъ сказаннаго видно, что въ началѣ XVII в. въ Великороссіи замѣчается усиленное стремленіе къ просвѣщенію, вызываются ученые греки и кіевляне главнымъ образомъ въ качествѣ справщиковъ книгъ и переводчиковъ, которые такимъ образомъ дали бы новыя книги и внесли бы новыя идеи. Необходимость среднихъ и высшихъ школъ даже въ половинѣ XVII в. еще не была сознана, вотъ почему вопросъ о существованіи греко-латинскихъ школъ подвергается справедливому сомнѣнію проф. Н. Каптеревымъ и требуетъ, по нашему мнѣнію, новыхъ разысканій и изслѣдованій. Возможно, что существовала Спасская и Чудовскія школы съ ограниченнымъ числомъ учащихся, и несомнѣнно только существованіе Греческаго Типографскаго училища, основаннаго въ 1679 г. Ко времени открытія Заиконоспасской Академіи у насъ являются какъ бы двѣ партіи—сторонники латинскаго и греческаго образованія, изъ которыхъ каждая стремится выставить заслуги того, а не другого способа ученія.

Пособія: Главнымъ пособіемъ была статья Н. Каптерева „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія славяно-греколатинской Академіи“. Приб. къ Твор. Св. отцовъ. 1889. Книж. VI.—С. Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій. О греко-латинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ XVII ст. Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1888, апрѣль.—Мирковичъ. О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ. Журн. Мин. Нар. Пр. Часть CXCVIII. 1876 г.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 13.

Глава XX.

Кругъ школьнаго ученія. — Школьные учебники. Букварн, прописи.

Если существованіе греко-латинскихъ школъ въ Москвѣ XVII в., за исключеніемъ Типографскаго Греческаго училища, является недоказаннымъ, хотя и вѣроятнымъ, то существованіе низшихъ школъ, въ которыхъ обученіе шло по старымъ традиціямъ, несомнѣнно. Предметами обученія въ нихъ были: азбука, часословъ, псалтырь, письмо и пѣніе. Такія низшія школы по преимуществу были въ домахъ духовныхъ: священниковъ и дьячковъ и были попрежнему школами частными, а не правительственными.

Что число низшихъ школъ въ значительной степени возрасло въ XVII в., свидѣтельствуетъ значительное число грамотныхъ людей.

Изъ двухъ документовъ новгородскихъ конца XVI и самаго начала XVII в. на одномъ (1567 г.) мы находимъ, говоритъ проф. А. Соболевскій [1]) подписи изъ 5 поручителей дѣтей боярскихъ—троихъ, а на другомъ (1613 г.) изъ 26 поручителей помѣщиковъ (въ томъ числѣ 4 князей)—четырнадцати (въ томъ числѣ 3 князей); эти документы показываютъ процентъ грамотныхъ между новгородскими помѣщиками конца XVI — начала XVII в. около 55. Показаніе псковскихъ помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ числомъ

[1]) См. Образованность Московской Руси XV--XVII вв. ст. 8.

около 90 человѣкъ (1631 года) подписано 59 изъ нихъ; изъ него виденъ процентъ грамотныхъ большій 65. Изъ ряда документовъ, составленныхъ въ Тихвинѣ въ разные годы XVII в. (съ 1624 по 1694 г.) видно, что процентъ грамотныхъ среди посадскихъ людей достигалъ 38%. Изъ двухъ документовъ углицкихъ XVII в. (1641—1674) видимъ, что процентъ этотъ былъ выше 43. Относительно крестьянъ мы владѣемъ, между прочимъ, такими данными XVII вѣка. Документъ 1601 года подписанъ изъ 20 крестьянъ Прилуцкаго монастыря шестью; два документа 1614 года подписаны, одинъ — изъ 32 крестьянъ Ипатскаго монастыря однимъ, другой—изъ трехъ солигалицкихъ крестьянъ также однимъ.

Г. Борисовъ въ своей статьѣ „Взглядъ на грамотность шуянъ въ XVII и XVIII ст. и пр.“ дѣлаетъ также нѣсколько заключеній о грамотности шуянъ въ XVII в. на основаніи подписей посадскихъ людей на различныхъ актахъ и предполагаетъ, что въ Шуѣ въ XVII стол. существовали школы.

Необходимо отмѣтить то важное обстоятельство, что въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. рядомъ съ учеными изъ духовныхъ является не мало образованныхъ изъ свѣтскихъ, пользующихся большимъ уваженіемъ и славою у современниковъ. Это — царь Иванъ Грозный, его старшій сынъ Иванъ, князь Курбскій, бояринъ Тучковъ, князь Токмаковъ (XVI в.), князь Шаховской, князь Катыревъ-Ростовскій, муромскій губной староста Дружина Осорьинъ [1]) (начало XVII в.). Въ писцовой книгѣ при описаніи г. Боровска 1685 г. мы находимъ прямое указаніе о существованіи школы: „подлѣ торговой площади калужской дороги построена богадѣльня, а въ ней живутъ нищіе, да подлѣ той же богадѣльни построена школа для ученія дѣтямъ: строеніе та школа Рождественскаго попа Ефима и земли подъ тою школою по мѣрѣ въ длину 6 саженъ, а поперегъ 4 сажени“. Въ „описи московской мѣщанской слободы обывательскимъ дворомъ и поименномъ спискѣ, кто чѣмъ промышляетъ, 1676 г. о торговлѣ книгами, объ обученіи грамотѣ „въ школѣ“ упоминается какъ о промыслѣ“ [2]).

---

[1]) Авторъ житія Юліаніи Лазаревской.

[2]) См. Е. Замысловскій. Царствованіе Өедора Алексѣевича. Спб. 1871 ст. 64.

О значительномъ развитіи потребности въ грамотности свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ школьные букварй, азбуковники и прописи. „Дѣти государя, говоритъ И. Забѣлинъ [1]), начинали учиться грамотѣ съ пяти лѣтъ. Въ это время царевичи съ рукъ мамы поступали на попеченіе дядьки, или, по древнему выраженію, кормильца—боярина „честью великаго, тиха и разумна“. Ему поручалось береженіе и наученіе царевича, то есть главный надзоръ вообще за воспитаніемъ. Въ учители государю выбирали, по выраженію Котошихина, людей учительныхъ, тихихъ и не бражниковъ. Выборъ падалъ почти всегда на подьячихъ или дьяковъ; въ то время они, конечно, были лучшими учителями чтенія и лучшими калиграфами. Такъ, учителемъ царя Алексѣя Михайловича былъ дьякъ Василій Прокофьевъ: а учителемъ Петра Великаго—Никита Зотовъ; и тотъ и другой сначала были подьячими. Чистописанію учили обыкновенно подьячіе посольскаго приказа, въ которомъ процвѣтала тогда наша старинная, весьма искусная и весьма вычурная каллиграфія. Царя Алексѣя Михайловича училъ писать подьячій посольскаго приказа Григорій Львовъ, а царя Өедора Алексѣевича—подьячій же Памфилъ Тимоѳеевъ.

Ученье начиналось, разумѣется, съ азбуки, которыя до XVII стол. были рукописныя, но онѣ не сохранились и до насъ не дошли. Сохранившіяся во множествѣ азбуки калиграфическія, или собственно прописи, безъ сомнѣнія, во многомъ отличались отъ букварей; не знаемъ также положительно, въ какое именно время въ XVII ст. появились у насъ азбуки или буквари печатные. До сихъ поръ самою первою по времени изданія можетъ считаться азбука, изданная въ 1634 г. Василіемъ Буцовымъ и передѣланная имъ можетъ быть изъ граматики или собственно азбуки, изданной въ Вильнѣ въ 1621 г. Извѣстно, что патріархъ Филаретъ Никитичъ въ 1633 году благословилъ внука своего Алексѣя Михайловича, вѣроятно при самомъ началѣ ученія, „азбукою, большая печать на столбцѣ—указъ, сверху рѣчь золочена“. Судя по выраженію „на столбцѣ“ можно думать, что эта азбука была напечатана на

[1]) См. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Ст. 7. (От. Зап. 1864 т. XCVII).

одномъ листкѣ, столбцомъ, и содержала въ себѣ только буквы и склады. Другое извѣстіе 1642 года указываетъ на подобную же азбуку большой печати, которая была не на столбцѣ, а книгою, потому что ее въ это время переплетали.

Какъ бы то ни было, все это еще библіографическій вопросъ, и мы должны пока остановиться на азбукѣ Бурцова, какъ болѣе извѣстной. Здѣсь мы (со словъ г. Забѣлина) разсмотримъ второе ея изданіе, вышедшее въ 1637 г. Въ предисловіи эта азбука названа лѣстницею къ изученію часовника, псалтыря и прочихъ божественныхъ книгъ. Въ немъ, между прочимъ, сказано: "Русстіи сынове младые дѣти, первіе починаютъ учитися по сей составнѣй словѣньстей азбуцѣ, по ряду, слогамъ и потомъ, узнавъ письмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу азбуку, начинаютъ учити часовникъ и псалтырю и прочая книги". Самый составъ этой азбуки вполнѣ соотвѣтствуетъ религіозному направленію древней нашей грамотности. Предисловіе азбуки заканчивается стихотворнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ: „Вы же, младыя отрочата, слышите и разумѣйте и зрите сего:

Сія зримая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому веленію
Вамъ младымъ дѣтемъ къ наученію...
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И отъ нижнія степени на вышнюю поступай,
И не лѣностнѣ и нерадивѣ учися
И дидаскала своего всегда блюдися.

Затѣмъ слѣдуютъ буквы, склады, названія буквъ, числа до 10,000, знаки надстрочные и знаки препинанія также съ ихъ названіями; далѣе расположены по алфавиту образцы измѣненія глаголовъ, глаголы и имена, сходные по начертанію, но различные по смыслу, который получаютъ они отъ ударенія; склоненія именъ, преимущественно тѣхъ, которыя въ церковномъ языкѣ пишутся подъ титлами. Все это составляетъ значительную часть букваря и вполнѣ соотвѣтствуютъ тому требованію, какое предъявлялъ въ началѣ XVI в. арх. Геннадій, говоря, чтобы азбука была истолко-

вана совсѣмъ, да и подтительныя слова. Потомъ слѣдуетъ азбука толковая, т.-е. изреченія, относящіяся къ ученію и жизни Христа Спасителя, расположенныя въ алфавитѣ по своимъ начальнымъ буквамъ. Такъ, напр., буква а начинается текстомъ: „азъ есмь всему міру свѣтъ" и проч. Послѣ толковой азбуки помѣщены заповѣди и другія статьи, составляющія краткое катехизическое ученіе о вѣрѣ, за которыми слѣдуютъ выписки изъ св. писанія, притчи и наставленія Товія своему сыну и послѣсловіе. Неизвѣстный авторъ букваря XVII в. [1]) въ „преднаказаніи" дѣтей, говоритъ: „Внятно требствуетъ учити сице, первое сложи два письмена, гласное съ согласнымъ и рцы буки азъ, тако сотвори препятіе гласомъ или отдохновеніе, и рцы слогъ ба...

„Паки учитель да вѣсть, како ученика учити слогомъ не нераздѣльно подобаетъ (яко обыкоша неискусніи, буки-аз-ба; вѣди аз-ва, глаголь-аз-га и прочая; не тако убо подобаетъ слоги учити); но раздѣльно и учащемуся". Авторъ этого букваря доходитъ даже до того, что совѣтуетъ освободить гласныя буквы отъ ихъ названія и сообщать ученикамъ ихъ чистый звукъ (прив. у Извѣкова).

Въ предисловіи къ одному изданію Псалтыри 1645 г. [2]) помѣщено „наказаніе учителямъ, какъ обучать дѣтей грамотѣ", которое предписываетъ больше всего заняться азбукой, проходя ее „неспѣшно", чисто и прямо по существу, какъ которое слово рѣчію зовется. Вотъ это предисловіе: Подобаетъ убо вамъ о учителіе вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественнымъ писменемъ. Первое убо в началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же часовники и псалтыри и прочія божественныя книги; и наче же убо всего, еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука чисто и прямо по существу, како которое слово рѣчію зовется и неспѣшно. А и самимъ то вамъ знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти и гдѣ говорити дебело и тоностно и гдѣ съ пригибеніемъ устъ и гдѣ съ раздвиженіемъ и гдѣ просто. Паче же ять съ есте разнити, еже бы нерещи вмѣсто пѣнія

[1]) Этотъ рукоп. букварь XVII в. Софійской библіотеки описанъ г. Извѣковымъ въ журн. „Семья и Школа" 1872 г. № 4.

[2]) Буслаевъ. Истор. Хрестом. 1861. Ст. 1084—1088. Наставленіе это издано и отдѣльною брошюрою прот. К. Т. Никольскимъ въ 1895 г. Спб. съ предисловіемъ.

пеніе и вмѣсто пѣти, пети и вмѣсто сѣсти, сести и вмѣсто нѣсть, несть и вмѣсто лѣто, лето и вмѣсто рѣчи, речь, и прочая таковая. сіе бо вельми зазорно и укорно еже ять в мѣсто ести глаголати. тако же и есть вмѣсто яти. от сего бываетъ веліе песмысльство ученію. Тако же бо и верхняя сила (ударенія) знати и ученикомъ своимъ сказывати имена и силу ихъ, яко убо каяждо ихъ свою силу имать".

Азбука, напечатанная въ 1679 году въ Верхней (дворцовой) типографіи, бывшая въ нашемъ распоряженіи, во многомъ отличается отъ букваря Бурцова. Она начинается „предисловіемъ къ юношамъ учитися хотящымъ".

Отроча юный отъ дѣства учися,
Писмена знати и разумъ, потщися:
Не возлѣнися трудовъ положити.
Имать бо тебѣ полза многа быти
Аще ся видитъ досадно труждати,
Но сладко плоды трудовъ собирати.
Иже въ юности труды полагаетъ
Во дни въ старости въ покои бываетъ.
Наипаче, иже книгамъ научится
О трудѣхъ честныхъ превозвеселится
Даръ писанія великій от Бога
Тайна писмены является многа
Что сердце мыслитъ, и умъ разсуждаетъ,
То писаніе удобь извѣщаетъ,
Безгласно убо, но зѣло явствепно
Далѣе гласа бываетъ несенно.
Гласъ близъ сущему слово возвѣщаетъ,
Писаніе уже далекимъ являетъ,
Что кто далече сый напишетъ тебѣ
То познаеши о всяцѣи потребѣ.
Письмены воля всѣхъ царя явися
Во писаніи мудрость заключися
Юже аще кто имѣти желаетъ,
Писаній мудрыхъ да употребляетъ

Божіе слово есть во писаніи
Священномъ яко въ его посланіи.
Умиленная суть внемъ моленія,
Добродѣтелей всякихъ ученія
То вѣрѣ учитъ, любовь завѣщаетъ,
Злая вся хулитъ, грѣшных обличаетъ
Хранитъ от ада, водворяетъ и в небѣ
Тѣм же читати писанія требѣ . . .
. . . .
Толики ползы да бы вѣрнымъ взяти
Повелѣ типомъ сей букварь издати
Царь нашъ Өеодоръ . . .

Затѣмъ въ ней находится „благословенія отроковъ во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ", гдѣ сказано: „Вѣстно буди яко аще начатки всѣхъ дѣяній нашихъ отъ божественныхъ молитвъ. и от источника всѣхъ благихъ. и помощника Бога быти имутъ. колми паче начатокъ творити хотящіи иже ученіемъ премудрости получити, ей же начало есть страхъ Божій и ни отъ кого же податися можетъ развѣ от премудрости совершенныя источника Бога. Тѣмже вси родителіе, чада своя ученію божественныхъ писаній хотящіи вдати. должны суть отъ церковныхъ молитвъ начинати"... Затѣмъ идутъ указанія на молитвы: Пресвятая Троица, Отче нашъ, Господи, помилуй и т. д., которые предъ началомъ ученія прочтетъ священникъ въ церкви или на дому и прибавитъ: „о еже низпослати на отроча сіе, духа премудрости и разума, и отверсти умъ и уста, и просвѣтити сердце его, к пріятію наказанія добрыхъ ученій, Господу помолимся..." „о еже отверсти умъ его, еже пріяти и разумѣти, и памятовати вся добрая и душеполезная ученія". Затѣмъ читается св. Евангеліе отъ Марка (глава 10-я). „Во время оно, приношаху ко Іисусови дѣти, да коснется ихъ. Ученицы же прещаху приносящимъ. Видѣв же Іисусъ негодова, и рече имъ: оставите дѣтей приходити ко мнѣ, и не браните имъ, тацѣх бо есть царствіе Божіе. „Затѣмъ идетъ нѣсколько молитвословій послѣ чтенія Евангелія, псаломъ Помилуй мя Боже, Слава въ вышнихъ Богу, Символъ вѣры,

Символъ преосв. Аѳанасія, патр. Александрійскаго и пр. „бесѣда о православнѣй вѣрѣ, краткими вопросы и отвѣты, удобнѣйшаго ради познанія, дѣтемъ христіанскимъ. Странный вопрошаетъ, православный же отвѣщаетъ“, представляющая краткую катехизическую статью, десятословіе или дѣсять заповѣдей ветхаго завѣта, шесть совершенствъ новаго завѣта; девять блаженствъ, три добродѣтели богословія: вѣра, надежда любовь, четыре добродѣтели евангельскія: мудрость, цѣломудріе и мужество, седмь тайнъ новаго завѣта, девять плодовъ духа человѣча: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе; седмь грѣховъ тяжчайшихъ: сребролюбіе, гнѣвъ, уныніе, тщеславіе, гордость и т. д. Молитвы: отъ сна возставъ, утренняя, предъ обѣдомъ, по обѣдѣ, предо вечерею, по вечери и на нощь. Далѣе знаки ударенія и препинанія, числа. Привѣтства къ родителю и къ благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе Христово, сошествіе Св. Духа и на новое лѣто. Въ привѣтствіяхъ, къ сожалѣнію, мы не находимъ педагогическихъ мыслей. Затѣмъ слѣдуетъ увѣщаніе: (приведемъ выдержки изъ него).

„Хощеши чадо благъ разумъ стяжати;
тщися во трудѣхъ выну пребывати.
Временем раны нужда есть терпѣти,
ибо тѣхъ кромѣ, безчинуютъ дѣти. . . .
Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
и волю злую ко благу прелагаетъ
Учитъ Господу Богу ся молити
и рано въ церковь на службы ходити.
Бичь возбраняетъ скверно глаголати,
и дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
. . . .
Вы же о чада, трудъ честный любите,
еже полѣзно того ся держите
Знающе, яко аще ся трудити
тяжко, но легко труды плодовъ жати
И раны—яже добро содѣваютъ
вамъ не мерзостны въ дѣтствѣ да бываютъ

Цѣлуйте розгу, бичь и жезлъ лобзайте
та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте.

. . . .

Затѣмъ слѣдуетъ слово святого Геннадія, патріарха константинопольскаго, о вѣрѣ: еже убо православную вѣру имѣти, основаніе добрыхъ дѣлъ есть", имѣющее отдѣльную пагинацію и составляющее какъ бы приложеніе къ букварю; въ немъ говорится „простѣйшаго во всем нищи в брашнѣ, и во одежди: не стыдися нищстою, ибо большая часть міра сего въ нищетѣ ходитъ". „Правдою украшайся, ко всякому тщися истинное отвѣщати, и не мози усты дѣтися лица, и лжи послух быти" „кроток буди ко всякому человѣку, и къ старѣйшим тебе, и къ меншым: лицемѣрная бо кротость, еже болшихъ устыжатися, менших же озлобляти. (30.) Кротко ступаніе, кротко сѣданіе, кроток взоръ, кротко слово вся сія тебѣ да будут: от сихъ бо истинный христіанинъ явишися. (31.) Кротость же еже не досадити никомуже, ни въ словеси, ни в дѣлѣ, ни в появленіи, по всякому человѣку нравы своими сладитъ сердце. (32.) Затѣмъ слѣдуетъ тестаментъ или завѣтъ Василія, царя греческаго, къ сыну его Льву, съ стихотворнымъ увѣщаніемъ къ читателю и съ послѣсловіемъ. Кромѣ этого въ XVII в. изданы были и другія азбуки [1]).

Букварь „славено-россійскихъ письменъ" Каріона Истомина появился въ Москвѣ въ 1694 году и назначался для царевича Алексѣя. Полное его заглавіе слѣдующее: „Букварь славенороссійскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ, Греческихъ, Латінскихъ и полскихъ, со образованми Вещей, и со нравоучи-

---

[1]) О нихъ можно найти указанія у Еп. Дамаскина. „Библіотека россійская. Пам. др. пис, XI. 1881 г." и у Каратьева „Хронологическая роспись славянскихъ книгъ (1491—1730). Спб. 1861 г." 1) Букварь, изд. въ Москвѣ въ 1657 г. 2) Букварь, изд. въ Москвѣ, 1665 г. 3) Букварь, напеч. въ Кіевѣ 1670 г. 4) Букварь, напеч. въ Московской верхней типографіи въ 1677 г. 5) Букварь, изд. въ Черниговѣ въ 1680 г. 6) Букварь, изд. въ Москвѣ въ 1690 г. 7) Букварь, изд. въ Львовѣ въ 1692 г. 8) Букварь, изд. въ Москвѣ 1698 г. 9) Букварь Кіевскс. монастыря 1698 г. 10) Букварь славено-россійскій, іеромонаха Иларіона, напеч. въ Москвѣ (годъ изд. неизвѣстенъ). Подробности о букваряхъ можно найти у Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ I", а также у С. Миропольскаго. „Очеркъ исторіи церковно приходской школы". Спб. 1895 г., вып. III. Ст. 112—115 и у I. Паульсона „Методика грамоты". Спб. 1887.

тельными стихами: Во славу Всетворца Господа Бога, и в честь пресвятыя дѣвы Богородицы Маріи, и всѣхъ святыхъ. Изобразися надщицахъ Ваяніемъ, имущимъ учитися отрокомъ, и отровицамъ мужемъ и женамъ писати. Виднѣ во словенская Греческаго же и Латинскаго и полскаго языка письмена или слова в немъ напечаташася. Подъ всякимъ писменемъ ради любезнаго созерцанія отрочатомъ учащымся предложены виды во удобное званіе въ складѣ: да что видитъ сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣпнаго начертанія тѣхъ яко А—Адамъ, Алекторъ, Аспидъ и проч. Б—Брань, Брада, Бичь. В—вѣнецъ, виноградъ, Волнъ. Г—Градъ, Гробъ. И весь Букварь тако изявленъ. Зане сими писмены Вещей въ складъ, или слогъ имутъ начало. Иніи же, яко ъ и ь иніи, не начинаютъ вещи названія, но припрягаются къ другимъ писменемъ, и тѣхъ словъ всякъ смотри в срединѣ, или в концѣ речений в своемъ ихъ порядкѣ, по Азбуки словенской, яко сіе Бобръ, Багоръ, Верба, Селдь, Лебедь и проч. И на тѣ Видообразныя Вещы, приличны юнымъ людемъ метафорично сіесть преносно, еже от Вещей слово потребну вземлется, стихи нравоучителны суть. Да в ползу свою всякая Душа во имени Господни пишущіи оная и чтущи спасенія огорститъ и получитъ Благословеніе Божіе въ заповѣданномъ дѣланіи своемъ на земли и на небеси. Сего бо ради и дѣласмо есть сіе. А идѣ же в вещехъ и словахъ Букваря сего недосталость узрится, яко в перводѣланіи, благоразумнѣ, неосуднѣже, изволь каждый в приличество исправити. И бо в новости с трудомъ, и иждивеніемъ собирася и издася. Всякъ же пиши и чти сіе в ползѣ, буди здравъ и спасенъ в лѣтѣ долзѣ, желаю, и всемъ славу посылая человѣколюбивому Богу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Писавый исправленія и прошенія проситъ кланяясь худъ Каріонъ іеромонахъ Истоминъ".

За этимъ предисловіемъ, занимающимъ двѣ страницы въ 4-ю долю листа, слѣдуютъ вступительные стихи автора, кончающіеся такъ:

Іеромонахъ Счини се Каріонъ,
Желающь в вышнь всѣмъ, успѣти градъ Сіонъ,
Пріяти Разумъ в букварь успѣшный,
Посемъ в небѣ вѣкъ, въ сладости утѣшный

Мiрозданiя лѣта 7199 отъ воплощенiя же Бога слова 1692 мѣсяца марта, въ царствующемъ градѣ Москвѣ (означен. 1692 показываетъ время окончанiя рукописи, изданъ букварь въ 1694 году).

Въ самомъ букварѣ къ каждой буквѣ относятся нравоучительные стихи, такъ, напр., буквѣ О соотвѣтствуютъ:

„Орлово зрѣиство емли, овцы смиренiе
умъ твой на ослу стирай въ книжное ученiе
Яко оселъ здѣ всякая душа не лѣнися
вземши орало въ дѣлѣ измлада трудися [1]).

Тутъ же представлена картина, изображающая орла, осла, орало и пр.

Букварь Карiона Истомина есть первообразъ всѣхъ дальнѣйшихъ букварей съ картинками по буквамъ, которые издавались и издаются для народа и до сихъ поръ.

Характеръ древней педагогiи былъ таковъ, говоритъ Забѣлинъ, что нельзя было выучиться читать, не выучивъ вмѣстѣ съ тѣмъ наизусть и всего содержанiя азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повторенiе, безъ котораго нельзя было и заглянуть въ новую страницу. Ученье происходило обыкновенно вслухъ и на распѣвъ, какъ слѣдовало читать во время церковной службы... И въ самомъ гражданскомъ быту церковныя книги иначе и не читались, какъ на распѣвъ, съ соблюденiемъ всѣхъ особенныхъ тоническихъ ударенiй.

Въ древнихъ рукописныхъ псалтыряхъ встрѣчается даже особенный указъ, или правило, какъ читать псалтырь „Зри, внимай“, говорится въ этомъ указѣ, „разумѣй, разсмотряй, памятуй какъ псалтырь говорити. Первое, что говориши; второе всяко слово договаривати; третiе, на строкахъ ставитися; четвертое, умомъ разумѣти словеса, что говориши; пятое, пословицы знати да и памятовати, какъ которое слово говорити: сверху слово ударити голосомъ, или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духомъ: ясно, чисто, звонко; кончати духомъ, потому жъ, слово чисто, звонко, равнымъ голосомъ, ни высоко, ни ниско, ни слабѣти словомъ, ни на силу кричати, ни

---

[1]) I. Паульсонъ. Методика грамоты. СПБ. 1887.

тихо, ни борзо, а часто отдыхати, а крѣпко по три или по четыре строки духомъ; а равно строкою говорити. А весь сей указъ умомъ, да языкомъ, да гласомъ сдержится и красится во всякомъ человѣцѣ и во всякихъ пословицахъ книжныхъ. А умъ, и гласъ, и языкъ требуютъ помощи сея молитвы, воздержанія и чистоты".

Тотъ же характеръ преподаванія съ твердымъ заучиваньемъ наизусть переходилъ съ азбуки на часовникъ и на псалтирь. Дѣти обыкновенно такъ выучивали эти книги, что могли свободно читать ихъ наизусть. По свидѣтельству Крекшина, Петръ Великій „книжное ученіе толико имѣя въ твердости, что все евангеліе и апостолъ наизусть могъ прочитати".

Въ народномъ быту первоначальное ученіе оканчивалось псалтиремъ; въ быту же государей дѣти послѣ псалтиря учили „апостольское дѣяніе" и, наконецъ, Евангеліе. Такъ царевичъ Алексѣй Михайловичъ въ началѣ сентября 1635 года, послѣ азбуки, на седьмомъ уже году, началъ учить часовникъ, за этимъ почти чрезъ шесть мѣсяцевъ слѣдовалъ псалтирь, потомъ чрезъ три мѣсяца апостольское дѣяніе.

Въ то время, когда проходили этотъ курсъ словеснаго ученія, дѣти, обыкновенно лѣтъ семи, садились учиться писать. Скорописныя азбуки, которыя служили въ этомъ случаѣ руководствомъ, были писаны всегда столбцомъ, свиткомъ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ листковъ. Въ составъ ихъ входили сначала прописныя и строчныя буквы, выписанныя съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ, съ разными вычурными украшеніями; каждая буква, для обозначенія различныхъ почерковъ, писалась во множествѣ образцовъ, начиная съ самыхъ большихъ и оканчивая самыми малыми. Каждый рядъ буквъ начинался вычурною и нерѣдко весьма красивою заставкою, то-есть большою прописною буквою, въ которой травы и узоры переплетались съ изображеніемъ птицъ и звѣрей. Въ нѣкоторыхъ азбукахъ помѣщалась также азбука толковая, т.-е. разныя изреченія и апоѳегмы, расположенныя въ алфавитѣ по начальнымъ буквамъ; но содержаніемъ своимъ эта азбука совершенно отличается отъ толковой азбуки, находящейся въ букварѣ Василія Бурцова, въ которой, какъ мы сказали уже, всѣ изреченія относятся только къ ученію и жизни

Спасителя. Здѣсь же эти апоѳегмы касаются вообще нравоученія. Такъ, напр., подъ буквою ж читаемъ: „желаемъ христіане спастися, желаемъ и неправду дѣлать“; подъ буквою Ф—Фараоновыхъ твореній не чини, и другихъ на то не учи“; подъ буквою Х „Храни свѣщу твою отъ вѣтру, сирѣчь душу отъ лѣности“ и т. д. [1]).

Г. Ю. Толстой [2]) отыскалъ въ Оксфордѣ, въ Ашмолевомъ Музеѣ (Ashmoleon Museum) русскія прописи, относящіяся къ 1620 г. Прописи эти писаны чрезвычайно красивою скорописью XVII вѣка на девяти полулистахъ столбца, который склеенъ изъ двадцати двухъ полулистовъ; изъ нихъ на первыхъ двѣнадцати писаны по порядку всѣ буквы церковно-русскаго алфавита, каждая отдѣльною статьею, во всѣхъ различныхъ видоизмѣненіяхъ прописного и строчного письма уставомъ, полууставомъ, скорописью; тринадцатый листъ весь занятъ титуломъ царя Михаила Ѳеодоровича; съ четырнадцатаго начинаются прописи, въ которыхъ каждая заглавная буква разукрашена всѣми затѣями и вычурами тогдашней краснописи. Приведемъ важнѣйшія изреченія, въ нихъ встрѣчающіяся: „Добро и благовременно молчание; ничто же іно есть въ грубости смысла полезное, но мати премудрым мыслям мочание“. „Аще, человѣче, хощеши мудръ быти, ты же первие научися молчати, молчание бо всѣмъ добродѣтелем мати, еже молчати много добродѣтели совокупляет; а еже глаголи много расточает“. „Не ищи писавшаго, или глаголавшаго, но слово пишемое“. „Не ищи, человѣче, мудрости, ищи кротости. Аще обрящеши кротость, одолѣеши и мудрость [3]). „Не тотъ мудръ, кто много разумѣет, а не тот милостивъ, хто много милостны (такъ!) творитъ: тотъ милостивъ, кто никого не обидитъ“. „Исчезет (такъ!) доброта, обнажися злоба (ст. 8). „Ѳилософское учение: не вся глаголемъ, елико слышимъ“. „Книжная бо есть премудрость подобна солнечнеі свѣтлости; но и солнечную свѣтлость мрачныі облакъ закрывает, книжные же премудрости не можетъ ни вся твар скрыти“. „Не вся глаголемъ, елико вѣдаемъ, ни все творимъ, елико хощем, ни всему вѣруем, елико слышимъ; понеже бо в

[1]) Взято у И. Забѣлина „Дом. бытъ рус. царей“.
[2]) См. Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Унив. Апрѣль-іюнь. Книга 2-я. 1864 г.
[3]) Срав. слово К. Туровскаго и соотв мѣсто въ Измарагдѣ.

житіи сем ничтоже стоятелно і ничтоже утверженно, не предлагателно есть: горняя носится долу, а долняя горѣ, яко бо же колесница всюду обращается". „Аще, человѣче, небеса и облацы превзыдеши, аще всю философію ізучиши, і еленскіе борзости претечеши, і вся вѣтія препреши, и всея земли преідеши концы: смертного же і (такъ!) часа никако же не ізбежеши (ст. 10). „Тихиі бо и кроткіи, і смиренныі себѣ есть сладокъ и инѣмъ на ползу; сердитыи же і гневливыи себѣ есть на вредъ, інѣмъ на пакость". „Преже бо всѣхъ добродѣтелей потщися, человѣче, стяжати смирение, яко бо же есть всякиі человѣкъ смиряйся вознесется, а возносяйся смирится, смиренно мудрьствующихъ Господь возвышаетъ". „Яко же бо пчела летит на прекрасный цвѣт и собирает себѣ медвеную сладость, тако и мудрый человѣкъ течет на полезное слово і собирает себѣ сокровище духовное премудрости". А подписалъ и писалъ Мироносицъкои поп Тихон. Лѣта 7129 ноября в 23 день. Въ концѣ прибавлено: Аще хто хощет учитис, ино мастера чтити, могорца не жалѣти, и слушати его во всем и повиноватися ему".

Кромѣ чтенія и письма, въ составъ первоначальнаго обученія входило также и церковное пѣніе. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году „началъ учити Охтои, Охтоихъ, или Осмогласникъ, заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году „страшное" пѣніе, то-есть стихи и пѣсни страстной седмицы. Его учили пѣвчіе дьяки: Лука Ивановъ, Иванъ Семіоновъ, Михайла Осиповъ. Въ казнѣ царевича хранились кромѣ того „стихирали и тріоди знаменныя", то-есть церковной службы пѣсни и стихиры, писанныя подъ знамя, подъ крюками или крюковыми нотами. Эти стихирали и тріоди царевичъ, безъ сомнѣнія, также разучивалъ или, по старому, распѣвалъ при помощи пѣвчихъ дьяковъ. Извѣстно также, что Петръ Великій особенно любилъ церковное пѣніе, которому, учился, безъ сомнѣнія, въ отроческихъ лѣтахъ. Въ оружейной палатѣ и теперь еще сохраняется нѣсколько нотныхъ книгъ, по которымъ государь пѣвалъ въ дворцовыхъ церквахъ на клиросѣ.

Начальное обученіе царевенъ велось въ томъ же порядкѣ и въ такомъ же объемѣ, но только съ тою разницею, что ихъ обу-

чали женщины-учительницы-мастерицы. Учительница состояла въ дворомъ штатѣ царицы и получала въ годъ по окладу жалованья восемь рублей и кормовыхъ по шести денегъ въ день. Въ 1632 году, царевну Татьяну Михайловну обучала грамотѣ мастерица Марья. Въ концѣ XVII-го в. въ 1675 — 1691 гг. учительницами были Варвара Львова и Оедора Петрова. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ въ 1634 году шестилѣтней царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ турскій кафтанъ, какъ государыня начала учить часы, т.-е. часовникъ.

Точно такъ же царевнамъ, какъ и царевичамъ, доставлялись въ хоромы „потѣшные листы", т.-е. гравированные въ Германіи, по которымъ, напр., Морозовъ училъ царя Алексѣя Михайловича.

Въ расходныхъ запискахъ 1644 года упомянуто, что семилѣтняя царевна Татьяна Михайловна 19 іюня слушала молебенъ— въ ту пору, какъ ей государынѣ начали учить заутреню. (Забѣлинъ).

Изъ сказаннаго видно, что число низшихъ школъ возрасло въ XVII в., что въ это время уже появляются печатныя азбуки; изъ нихъ болѣе извѣстны азбука Василія Бурцова (1634 г. и 2-е изд. 1637 г.), азбука, изданная въ 1679 г. и отпечатанная въ Верхней типографіи, и азбука Каріона Истомина (1694 г.). Азбука считалась преддверіемъ (лѣстницею) къ изученію часослова, псалтиря и другихъ божественныхъ книгъ, а потому и сама проникнута религіознымъ характеромъ; статей и изреченій свѣтскаго характера въ ней очень мало. Характеръ обученія былъ таковъ, что нельзя было выучиться читать, не выучивъ вмѣстѣ съ тѣмъ наизусть и всего содержанія азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повтореніе, безъ котораго нельзя было и заглянуть въ новую страницу. Ученье обыкновенно происходило вслухъ и на распѣвъ. Въ наставленіи учителямъ, какъ обучать дѣтей грамотѣ, предписывается больше всего заниматься съ дѣтьми азбукой, проходить ее „неспѣшно", чисто и прямо по существу, паче же умѣть ять съ естемъ разнити. Подобно тому какъ въ Домостроѣ и Златоустѣ, и въ азбукахъ проводится мысль о необходимости и неизбѣжности наказанія при всякомъ ученіи. Азбука Бурцова начинается даже изображеніемъ училища, гдѣ одинъ изъ

учениковъ стоитъ на колѣняхъ предъ строгимъ дидаскаломъ, который готовится наказать его розгою. Для обученія письму служили скорописныя азбуки, писанныя всегда столбцомъ, причемъ прописныя и строчныя буквы писались съ особымъ тщаніемъ и искусствомъ, съ разными вычурными украшеніями. Изреченія и афоризмы, находимыя въ азбукахъ XVII в. почти всегда отличаются религіознымъ и нравственнымъ содержаніемъ. Кругъ начальнаго обученія въ XVII в., такъ же какъ и XVI состоялъ изъ чтенія (азбука, псалтирь, часословъ), письма и пѣнія; но были уже и такія школы, которыя не довольствовались этимъ элементарнымъ курсомъ и вводили въ свое обученіе другіе предметы; это мы увидимъ подробнѣе изъ разсмотрѣнія школьныхъ азбуковниковъ.

Источники и пособія: Азбука, напечатання въ 1679 г. въ Москвѣ, въ Верхней типографіи. Главнымъ пособіемъ служилъ Забѣлинъ, И. Домашній бытъ русскихъ царей. Ст. 7-я. Отеч. Запис. 1854 г., т. XCVII. — Е. Замысловскій. Царствованіе Θеодора Алексѣевича. Спб. 1871.—Θ. Буслаевъ. Историческая христоматія церковно - славянскаго и древне - русскаго языковъ. Москва. 1861 г. — Соболевскій. Образованность Московской Руси XV — XVII в.в.—I. Паульсонъ. Методики грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ. Спб. 1887. — Извѣковъ, Д. Букварная система обученія въ исходѣ XVII в. и въ началѣ XVIII, см. журн. Семья и Школа, № 4. 1872 г.

Глава XXI.

Азбуковники. Школьные азбуковники XVII в. Школьные порядки (по азбуковникамъ). Руководства по ариѳметикѣ.

Постараемся показать, пользуясь азбуковниками, что въ XVII в. были школы, гдѣ обученіе не ограничивалось часословомъ и псалтирью, а преподавались въ нихъ и нѣкоторые свѣтскіе предметы. Такъ ученики должны были знать составъ и строй

своего языка, имъ давали понятіе о семи мудростяхъ. Но прежде остановимся на такъ назыв.. азбуковникахъ.

Появленію грамматикъ у насъ предшествовали азбуковники или „алфавитники", назначеніе которыхъ было объясненіе неудобопонятныхъ словъ въ церковно-славянскихъ книгахъ. Не зная точнаго значенія словъ, многіе читатели толковали ихъ по своему, а невѣжественные писцы дѣлали грубыя ошибки, искажавшія смыслъ, напр. вмѣсто илектронъ (янтарь) писали алектронъ (пѣтухъ), вмѣсто ереси—ересива (трава сорная). Въ азбуковникахъ объяснялось истинное значеніе слова, и къ грамматическимъ толкованіямъ, расположеннымъ въ алфавитномъ порядкѣ, присоединилось еще объясненіе самыхъ предметовъ и понятій. Къ такимъ азбуковникамъ относится древнѣйшій новгородскій азбуковникъ 1289 г., другой новгородскій словарь. „Толкованіе неудобопознаваемыхъ рѣчей (1431 г.), печатный словарь Лаврентія Зизанія (1596). Лексисъ и словено-русскій лексиконъ (1627 г.). Памвы Берынды. Азбуковники, вмѣстѣ съ объясненіемъ словъ, имѣли въ виду научить читателей, дать имъ свѣдѣнія объ извѣстномъ кругѣ предметовъ, выборъ которыхъ опредѣлялся возбуждаемымъ ими интересомъ. Все, что только можно было найти въ рукописныхъ памятникахъ по всѣмъ отраслямъ знаній: языковѣдѣнію, исторіи, географіи, миѳологіи, естествознанію, нашло себѣ мѣсто въ азбуковникахъ; но, безъ сомнѣнія, самая главная и существенная часть азбуковниковъ языковѣдѣніе. При чтеніи азбуковниковъ становится понятнымъ, почему наши предки такъ любили эти сборники. Азбуковники доставляли имъ самое разнообразное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знанія; въ одной книгѣ здѣсь собрано было много важнаго и интереснаго, что разсѣяно было по разнымъ книгамъ, переходившимъ въ Россію въ разные времена съ Востока и Запада. Но въ то же время дѣлается понятнымъ, почему въ древнія времена между книжными людьми распространено было такъ много разныхъ странныхъ заблужденій, суевѣрныхъ сказаній и самыхъ нелѣпыхъ вымысловъ. Книжные люди, между прочимъ, находили ихъ въ азбуковникахъ и другихъ подобныхъ имъ сборникахъ, которые они читали и перечитывали. Не имѣя научнаго образованія, они не могли отнестись критически къ свѣдѣніямъ, ими сооб-

щаемымъ, и безъ разбора, съ полною вѣрою, усвоивали все, что въ нихъ находили. Но не столько эти азбуковники насъ занимаютъ, сколько тѣ изъ нихъ, которые въ XVII вѣкѣ были назначены для школьнаго употребленія, и надъ разборомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ поработалъ г. Мордовцевъ [1]). Азбуковникъ, находившійся въ распоряженіи г. Мордовцева, представляетъ, по его словамъ, довольно объемистую рукопись, написанную въ Соловецкой обители келаремъ Θеодосіемъ въ 1660 году и дополненную какимъ-то „убогимъ первостранникомъ" въ 1683 году. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, которыя имѣютъ одинаковое съ нимъ заглавное имя „азбуковника", хотя различаются между собою по содержанію и имѣютъ особый счетъ листовъ. Азбуковниками они названы, повидимому, вслѣдствіе того, что предметы, ихъ занимающіе, расположены въ азбучномъ порядкѣ съ поставленными въ началѣ каждаго изъ образуемыхъ ими отдѣловъ соотвѣтствующими буквами. Болѣе близкое знакомство съ содержаніемъ азбуковника показываетъ, что онъ былъ сборникомъ статей, назначенныхъ частію для чтенія ученикамъ, уже отчасти грамотнымъ, частію же для руководства самимъ учителямъ. Такъ въ немъ находятся, между прочимъ, правила для учащихъ и учащихся, образцы сочиненія писемъ и посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ и т. д. Содержаніе азбуковника можно представить въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Первый азбуковникъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ собранія школьныхъ правилъ и учительскихъ наставленій. Азбуковникъ второй посвященъ „привѣтствіямъ" посѣтителямъ школы и „отвѣтамъ на нихъ" со стороны послѣднихъ. Третій азбуковникъ содержитъ прописи, названныя въ немъ „надписями". Азбуковникъ полный, „имущій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, множае же отъ грамматики". Послѣднюю часть азбуковника занимаетъ изложеніе свѣдѣній, служащихъ для ознакомленія съ семью свободными мудростями и расположенныхъ въ семи отдѣльныхъ главахъ. Вотъ ея оглавленіе: 1. Грамматика, 2. Діалектика, 3. Риторика, 4. Музыка, 5. Ариѳметика, 6. Гео-

---

[1]) Мы весьма сожалѣемъ, что не имѣли возможность ознакомиться лично съ такими азбуковниками, весьма важными для исторіи педагогіи.

метрія, 7. Астрономія. Здѣсь мы будемъ слѣдовать указаніямъ г. Мордовцева. Содержаніе школьныхъ азбуковниковъ XVII в. соотвѣтствуетъ характеру тогдашняго образованія, проникнутаго религіозно-нравственнымъ направленіемъ. Это содержаніе само по себѣ весьма важно для насъ многими указаніями на способъ обученія юношества, школьную дисциплину, на порядки, какіе заведены были въ тоговременныхъ русскихъ школахъ; въ нихъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ и, наконецъ, указанія на современные школьные обычаи и порядки. Прежде всего, при чтеніи азбуковниковъ, мы видимъ ясное указаніе на существованіе отдѣльныхъ училищъ, гдѣ собирались учащіеся для наученія „книжному дѣлу". Нельзя утверждать, чтобы училища были закрытыми, нѣчто въ родѣ пансіоновъ; изъ азбуковниковъ, напротивъ, видно, что уже въ XVII в. были такія училища, куда дѣти приходили утромъ и послѣ обѣда, находясь остальное время при родителяхъ. Приходя въ школу, учащіеся отвѣчали свой урокъ учителю и, сказавъ старый урокъ, ученикъ принимался за изученіе „новаго стиха" до самаго вечерняго пѣснопѣнія, съ тѣмъ, чтобы на другой день знать выученное и отвѣтить его учителю. Послѣ общей молитвы, ученики занимали назначенныя имъ мѣста, при чемъ, какъ видно изъ азбуковниковъ, садились по успѣхамъ и своему поведенію, т.-е. каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидаскаломъ.

„Маліи въ васъ и велицыи вси равни,
Ученій же ради вящшихъ мѣстомъ да будутъ знатни".

Относительно поведенія въ азбуковникѣ говорится:

„Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не пазывай прозвищемъ товарища своего"
Или: „Тѣснотою другъ ко другу не согнѣтайтеся
Колѣнями и лядвіями не прислоняйтеся".

Тѣ же самые совѣты даетъ „мудрость" въ другомъ мѣстѣ: „Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во

всемъ, не празднослови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уничижи и не утѣсни; полуименемъ паче же прозваніемъ никого не называй".

Азбуковники велятъ тщательно и аккуратно обращаться съ книгами, смотрѣть за чистотой и порядкомъ въ классѣ:

Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошена и исчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдь не износите".

Затѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ „дружиной", т.-е. товарищами, запрещается имъ класть руки на книгу.

Что касается вопроса о наказаніяхъ лѣнивыхъ, нерадивыхъ и дурно себя ведущихъ, то объ этомъ находимъ много указаній въ древнихъ азбуковникахъ, потому что лоза, розга и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми изощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; „ни одна статья школьныхъ уставовъ до Петровской Руси, говоритъ г. Мордовцевъ, не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что въ древне-русскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно-суровое обращеніе съ учениками: суровость, съ необходимыми спутниками—жезломъ, ремнемъ, плетью, лозой и розгой, и вдобавокъ, съ ужасающимъ школьнымъ козломъ, выражалась искусно сплетенными виршами, и каждый составитель учебника фантазировалъ на эту тему, сколько его душѣ было угодно"; однако, едва-ли это было и простое словесное устрашеніе, особенно въ то время и при тѣхъ правахъ, когда правежи и батоги имѣли широкое распространеніе [1]).

[1]) Г. А. Петровъ въ статьѣ „Азбуковникъ о нерадивоучащихся ученицѣхъ", см. жур., „Народное образованіе", № 11, 1896 г., говоритъ: ближайшее изученіе азбуковниковъ показываетъ, что въ нихъ вовсе нѣтъ обильныхъ разглагольствованій о наказаніяхъ, и что о наказаніяхъ много говоритъ только азбуковникъ „Школьное благочиніе", который по своимъ взглядамъ примыкаетъ къ старой школѣ (школѣ учителей-мастеровъ). „Азбуковникъ" же „о нерадиво-учащихся ученицѣхъ" ясно доказываетъ, что въ XVII вѣкѣ на Руси была школа и болѣе

Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи, азбуковники упоминаютъ и о сохранившемся до нашего времени обычаѣ оставлять лѣниваго безъ обѣда.

„Если кто урока даннаго не изъучитъ;
Таковый изъ школы свободнаго отпуста не получитъ".

Въ помощь себѣ, для наблюденія за нравственностью и поведеніемъ учениковъ изъ числа ихъ же учитель выбиралъ старостъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ гораздо болѣе позднему способу избирать старшихъ въ классѣ, что сохранилось и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Старосты избирались изъ прилежныхъ и лучшихъ по поведенію учащихся, причемъ наблюдалось, чтобы старосты „не были къ яденію любосластны: таковы бываютъ и возрѣнію любострастни". Мудрость школьная совѣтовала учителю блюсти учениковъ и хранити ихъ, яко зеницу ока, много бо несмысльства и всякаго неразумія привязано суть къ души отрочати, и для этого совѣтовала „имѣть у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ . . . Аще суть добри пристави, да не по твоемъ отшествіи, или онѣ, ученицы твои уклонятся въ развращеніи и бесѣды пустошныя, и не точію ученіе оставятъ, но и на иная нѣкая злая діаволъ научитъ". Изъ азбуковниковъ видно, что въ различныхъ школахъ число старостъ было различно: въ однѣхъ—одинъ, въ другихъ три. „Единаго изъ васъ въ старосты изберу", чаще же всего азбуковники говорятъ: „тріехъ старостъ вамъ устрою, коемуждо особое приказаніе уставляю". Относительно обязанности старостъ есть много указаній въ азбуковникахъ. Главная ихъ обязанность была наблюдать за поведеніемъ товарищей, въ отсутствіи учителя, и въ случаѣ безпорядковъ они имѣли даже право наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнію; они исполняли должность позд-

---

благоустроенная, чѣмъ первая, съ болѣе педагогическими пріемами воспитанія, чѣмъ побои. Здѣсь ни лозъ, ни ремней не видимъ. Весь азубоковникъ носитъ нравоучительный характеръ, такъ, между прочимъ, въ немъ говорится:

Шатаются безумніи во тьмѣ невѣдѣнія, понеже бо отвращаются дидаскалова наказанія и не испытуютъ словесъ божественнаго писанія.

нѣйшихъ авдиторовъ, такъ какъ должны были спрашивать уроки у товарищей, обязанность ихъ была смотрѣть за книгами учащихся, отпускать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался отъ старосты одинъ изъ учениковъ поочередно.

Правила школъ XVII вѣка строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся, и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ православной вѣры; хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность учащемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. О хожденіи въ церковь сказано: се бо есть ваше дѣтское въ школѣ учащихся дѣло, паче же совершенныхъ въ возрастѣ". Звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія ученія; ученики должны были идти къ вечернѣ, и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобы они стояли въ церкви благопристойно: „потому что, прибавляетъ онъ, всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!" Не только въ церкви ученики должны были вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобы и по улицамъ они ходили тихо и прилично, какъ говоритъ премудрость". Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, „со всякимъ смиреніемъ до дому своему идите; шутокъ и кощунствъ, пханіа же другъ друга и біеніа, и рѣзваго бѣганіа, и каменоверженіа, и всякихъ неподобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяй бо таковая нѣсть отъ овецъ моихъ, но отъ непотребныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ стропотное хожденіе, отъ нихъ имъ бываетъ паденіе и сокрушеніе". Запрещено было также учащимся ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому-либо случаю собирается народъ. Въ воскресенье и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, но уже не учились, а должны были „точію выученное изговорити" и до начала литургіи слушать разныя поученія и объясненія праздниковъ. Мудрость, совѣтуя учителю не возноситься борзоучащимися учениками и не оскорбляться грубоучащимися, велитъ ему заставлять ихъ призы-

вать ежедневно на помощь Бога. „Если же кто-нибудь изъ учениковъ лѣнится, или какъ говоритъ одинъ изъ азбуковниковъ: болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго“, то учитель долженъ призвать священника и прочитать молитвы, какія обыкновенно читаются надъ неудобоучащимися грамотѣ; но кромѣ молитвы онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія „отъ писаній“ или разсказывать „просторѣчнымъ сказаніемъ“ о тѣхъ лѣнивыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ святыхъ, какъ, напр., Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и др., преимущественно же онъ долженъ разсказывать ему о томъ отрокѣ, который каждый день читалъ молитвы Пресвятыя Богородицы, прося ее о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей къ ученію, и которому она явилась и сказала: „не точію грамотѣ отсюду будеши умѣти, но и главу твою скорбную улѣчу“. Нельзя не признать, замѣчаетъ г. Мордовцевъ, въ этихъ пріемахъ (разсказахъ, молитвахъ) педагогическаго такта и пониманія души человѣческой; они дѣйствовали на благородныя стороны ея, нагляднымъ, живымъ примѣромъ возбуждали вѣру въ Бога, въ его всемогущество, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали ревность къ ученію и не допускали до столь пагубнаго въ педагогическомъ дѣлѣ состоянія отчаянія“.

Святые, покровительствующіе книжному ученію, считались у насъ Косьма и Даміанъ, пророкъ Наумъ и тотъ святой, въ честь котораго дано было имя учащемуся при крещеніи. Въ азбуковникахъ объ этомъ прямо сказано: „есть обычай многимъ совершати любезная святымъ безсребренникомъ Космѣ и Даміану, и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святого тезоименитства имать“. Относительно прор. Наума азбуковникъ, бывшій въ рукахъ г. Мордовцева, открываетъ новый фактъ, именно тотъ, что и въ древней Россіи учащіеся призывали на помощь этого святого, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующій даже до сихъ поръ обычай у простого народа предъ началомъ ученія молиться пророку Науму, а у нѣкоторыхъ даже начало ученія полагается въ этотъ день. Изъ азбуковниковъ же видно, что школьные учителя находились въ матеріальной зависимости отъ родителей учащихся. Учители нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни, и ученики должны были „кормить дида-

скала“, принося ему по праздникамъ, сколько могли, съѣстныхъ припасовъ:

„Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питіа ему приносите“.

Или:

„Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питіа ему приношайте“.

Относительно объема обученія трудно сдѣлать точный выводъ изъ азбуковниковъ, тѣмъ болѣе, что и самые азбуковники разнообразны и содержатъ неодинаковыя свѣдѣнія. Школьная мудрость говоритъ въ одномъ азбуковникѣ ученику, что, когда онъ выучитъ азбуку и будетъ уже знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучить потомъ часословъ и псалтирь, и относительно ихъ выражается даже такъ, что безъ нихъ и ученія никакого не бываетъ, что это самыя необходимыя первоначальныя книги, что о нихъ даже и упоминать бы не стоило, такъ какъ необходимость ихъ видна всякому, потому что всякій это знаетъ: ктому не глаголю ти о часословѣ и псалтыри, безъ нихъ же сіе (т.-е. ученіе) не бываетъ. „Но се тебѣ едино реку“, продолжаетъ она (т.-е. вотъ на что̀ обрати вниманіе, вотъ что́ еще нужно тебѣ, кромѣ часослова и псалтири): „вниди умомъ внутрь себе и всею сердечною мыслью обноси вся книги тисненыя и писменыя, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ палатахъ, тако же и во всемъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуду вразумляются и вчиневаются, и чѣмъ устраяются“. Все это, конечно, было слишкомъ широкой задачей и едва-ли могло преподаваться въ какихъ бы то ни было школахъ XVII вѣка; но для насъ достаточно и того указанія, что знаніе часослова и псалтири считалось недостаточнымъ, что учащемуся считалось необходимымъ пріобрѣсть и другія свѣдѣнія. Правда, часословъ и псалтирь были необходимыми книгами при всякомъ обученіи, но это были только первоначальныя руководства, а не единственныя. Вслѣдствіе общаго религіозно-нравственнаго направленія нашихъ предковъ часословъ и псалтирь

явились нашими первыми учебниками, какъ собраніе догматовъ вѣры и правилъ объ обязанностяхъ человѣка и христіанина. Но кромѣ часослова и псалтиря въ объемъ обученія входили и другія „Божественныя книги“ малыя и великія, рукописныя и тѣ немногія печатныя, какія существовали въ XVII в., но обученіе XVII в,, уже не то что XV и XVI вѣка, оно не ограничивалось только кругомъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ; въ немъ былъ уже явный „свѣтскій“ элементъ, о чемъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ школьные азбуковники. Эти азбуковники важны для насъ именно потому, что они знакомятъ насъ не только со школьной дисциплиной и порядками того времени, но до нѣкоторой степени съ объемомъ и методомъ преподаванія въ школахъ XVII вѣка.

Выучивъ школьныя правила, дѣти переходили къ пріобрѣтенію другихъ свѣдѣній. Ихъ начинали знакомить, хоть энциклопедически, съ тѣмъ, что̀ вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ неуча. Такъ какъ ученіе, конечно, распредѣлялось по днямъ недѣли, то учащимся объясняли происхожденіе и значеніе недѣли, причемъ естественно связывались первыя начала изъ священной исторіи: дѣтямъ разсказывалось изъ книги Бытія сотвореніе міра и человѣка. Изъ всего духа школьнаго обученія можно думать, что на знаніе священной исторіи обращалось особенное вниманіе, потому что въ то время знаніе это считалось наиболѣе цѣннымъ и важнымъ. Объясненіе дней недѣльныхъ вело за собой знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія.

Что и раньше существовали у насъ грамматики на Руси, объ этомъ мы говорили, но только съ XVII в. знаніе ихъ дѣлается обязательнымъ для всякаго учащагося, и потому толкованіе грамматики въ азбуковникахъ получаетъ широкое распространеніе— знакъ, что грамматика сдѣлалась необходимостью въ школахъ XVII вѣка. Изъ азбуковниковъ видно, что ее учили дѣти, объ этомъ прямо положительно говорится. „Прежде всего, замѣчаетъ г. Мордовцевъ, системы въ преподаваніи грамматики не было, или очень мало, правила излагались такъ, какъ казалось удобнѣе для учителя, и потому объясненіе значенія и важности грамматики помѣщалось послѣ правилъ правописанія; склоненіе и падежи очень сбивчивы; прочія части рѣчи почти вовсе не принимались въ со-

ображеніе. Зато въ нѣкоторыхъ азбуковникахъ есть довольно большіе трактаты о силлогизмахъ, потомъ о правописаніи, гдѣ разобраны подробно всѣ буквы алфавита и употребленіе каждой изъ нихъ; затѣмъ большой отрывокъ о стихосложеніи съ объясненіемъ метровъ, родовъ стихотворныхъ, начиная съ ироическаго и ироэлегійскаго, до ямвійскаго и софійскаго съ приведеніемъ примѣровъ.

На вопросъ (ученика) „сколько сложеній въ слогинѣ?“ азбуковникъ отвѣчаетъ: „звательство, полузвательство, возразительство и накончаніе“ и объясняетъ смыслъ этихъ четырехъ названій. Но это не что иное, какъ раздѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и полугласныя, и это были уже зачатки знанія грамматики. Особенно требовалось знаніе, какъ „ять съ естемъ различати, чтобы никакъ не писать вмѣсто пѣніе—неніе, сѣсти—сести и пр. Сіе бо, говоритъ азбуковникъ, вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, также и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію [1]). Затѣмъ отъ учителя требовалось, чтобы онъ училъ своихъ учениковъ правильной постановкѣ ударенія: гдѣ оксія или острая, гдѣ варія или тяжкая, а гдѣ комора облеченная; затѣмъ еще два знака краткая и исо. Въ азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны самыя отдѣльныя грамматики, какъ руководства. Замѣчено, что въ азбуковникахъ было обращаемо большое вниманіе на знаки надстрочные и строчные. Что касается другихъ частей грамматики, то какъ видно изъ азбуковника, ихъ преподавали довольно кратко, больше практически, объясняя грамматическія особенности, нежели уча грамматикѣ теоретически. Такъ въ азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и поэтому разбору учащіеся навыкали въ грамматическихъ правилахъ. Падежи назывались паденіями, которые были именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное, употреблявшееся съ предлогомъ отъ и о. Средній родъ назывался

---

[1]) См. раньше привед. въ главѣ XX, ст. 205 Исторіи русск. пед. Показаніе ко учителемъ, како имъ учити дѣтей грамотѣ, изъ предисловія къ Псалтыри изд. въ Москвѣ въ 1645 г.

посредникъ, мѣстоименія назывались проименіями, къ которымъ, кажется, относились и прилагательныя; спряженія названы были супружествами. Склоненія въ азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры. Такимъ образомъ изъ азбуковниковъ видно, что въ нѣкоторыхъ школахъ XVII вѣка знакомились съ начатками грамматики, какъ ее понимали въ тогдашнее время, старались узнать составъ и строй своего языка. Даже первою изъ семи свободныхъ мудростей [1]) считалась грамматика. Всякій желавшій быть мудрымъ и ученымъ долженъ знать грамматику: „кто книжная писмена устраяетъ, или стихи соплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланіа посылаетъ или что таковыхъ составляетъ, то все мною, грамматикою, снискаетъ. Понеже на времена развожду и на числа разочту и на падениа уклоню (т.-е. просклоняю) и на супружества сведу (т.-е. проспрягаю), степени разсужду и роды разберу“ и пр. Въ XVII в. подъ словомъ грамматика разумѣли даже нѣчто большее, чѣмъ разумѣемъ въ настоящее время, въ нее входило многое, относящееся теперь къ теоріи словесности; съ изученіемъ грамматики соединяли изученіе риторики, стилистики и даже пiитики, оттого-то въ азбуковникахъ много попадается грамматическихъ отдѣловъ различнаго содержанія, и мы находимъ большія выписки изъ грамматики М. Смотрицкаго, съ означеніемъ на поляхъ листовъ ея изданія.

Затѣмъ въ азбуковникѣ мы находимъ свѣдѣнія о предметѣ діалектики, риторики, музыки, ариѳметики, геометріи и астрономіи. Послѣ объясненія значенія семи свободныхъ художествъ, находится обращеніе къ дѣтямъ, гдѣ высказывается желаніе пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, этимъ и оканчивается самый азбуковникъ.

Достойно замѣчанія, что въ азбуковникахъ есть образцовыя посланія въ стихахъ и прозѣ, и разныя привѣтственныя двустишія, которыя можно было и говорить наизусть и писать комулибо. Образцовыя привѣтствія разсѣяны по разнымъ отдѣламъ

[1]) О семи мудростяхъ начинали бесѣдовать въ школѣ тогда, когда умы юношей были къ тому, по мнѣнію учителя, достаточно подготовлены.

азбуковниковъ; многія изъ нихъ очень наивны, но всѣ вообще довольно характерны для своего времени; большая часть „привѣтствъ“ есть не что иное, какъ комплименты и bonts-mots тогдашняго русскаго общества. По этимъ примѣрамъ очень вѣроятно учащіеся учились сами сочинять, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и важному.

Что касается преподаванія, объема и размѣра ариѳметики, то объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно, однако, что въ XVII вѣкѣ существовали уже математическія свѣдѣнія.

Древнѣйшая изъ извѣстныхъ ариѳметическихъ рукописей находилась въ знаменитомъ собраніи славяно-россійскихъ рукописей профессора Баузе, къ великой утратѣ для науки погибшемъ во время пожара Москвы въ 1812 г. Въ каталогѣ этого собранія, составленномъ В. Н. Каразинымъ, объ этой рукописи говорится слѣдующее: „№ 189 Ариѳметика. Сія книга рекома по гречески Ариѳметика, а по нѣмецки Алгоризма, а по Русски Цыфирная счетная мудрость „писана, сколько по всему догадываться можно, въ XVI вѣкѣ и есть, безъ сомнѣнія, старѣйшая изъ всѣхъ математическихъ рукописей, которыя находятся или найтись могутъ на россійскомъ языкѣ“ [1]).

Въ различныхъ книгохранилищахъ, общественныхъ и частныхъ въ настоящее время имѣется нѣсколько математическихъ рукописей XVII вѣка. Изъ извѣстныхъ въ большей или меньшей степени укажемъ слѣдующія. Шесть рукописей, находящихся въ Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ, также шесть въ Румянцевскомъ музеѣ и по одной: у профессора Буслаева, въ книгохранилищѣ Чудова монастыря и въ библіотекѣ общества любителей древней письменности.

Рукопись № 681 Румянцевскаго музея исключительно посвящена Ариѳметикѣ, написана она въ первой половинѣ XVII вѣка и носитъ заглавіе „Пятая мудрость въ семи великихъ мудростѣхъ нарицается Ариѳметика“. Способъ изложенія ариѳметическихъ истинъ въ этой рукописи строго догматическій. Правила предла-

---

[1]) Чтен. при Императ. Общ. Исторіи и Древностей Россійск. при Москов. Унив. 1862. Кн. 2-я. Смѣсь.

гаются въ формѣ предписанія или рецепта, не содержащаго даже намека на указаніе мотивовъ и основаній, и всегда сопровождается бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ примѣровъ въ различныхъ статьяхъ различно. Въ однихъ примѣры слѣдуютъ тотчасъ же за изложеніемъ правила, въ другихъ-же наоборотъ—примѣры предшествуютъ правилу.

Рукопись № 932 Румянцевскаго музея написана скорописью XVII вѣка, содержитъ около 250 листовъ въ четвертку, большая часть ея (именно 196 л.) занята ариѳметикой; при чемъ какъ содержаніе, такъ и изложеніе этой ариѳметической части вполнѣ совпадаетъ съ вышеприведенной рукописью (№ 681). О рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки сообщаетъ г. Пекарскій [1]). Въ Публичной Библіотекѣ есть три экземпляра ариѳметики. Два изъ нихъ полнѣйшіе, подъ №№ 10 и 14, IX; здѣсь вездѣ арабскія цифры; на особомъ листѣ изображеніе ихъ съ славянскими числами. Начало текста обѣихъ рукописей: „Та мудрость (ариѳметика) едина изъ большихъ седми мудростей: отъ сея книги философи гречестіи изыскали; безъ сея мудрости не единъ философъ не можетъ быти, ни дохтуръ; а кто сію мудрость вѣдаетъ, можетъ быть у государя въ великой чести и жалованіи; по сей мудрости гости по государствамъ торгуютъ и во всякихъ товарѣхъ и въ торгѣхъ силу знаютъ и во всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи". Затѣмъ слѣдуютъ ариѳметическія правила. Содержаніе этого руководства весьма разнообразно: здѣсь находимъ не только ариѳметику, но и астрологію, астрономію, товаровѣдѣніе. Въ Публичной Библіотекѣ (изъ Погодинс. Сбор. № 1664) есть прекрасно написанный экземпляръ этого же руководства (только неполный: оканчивается статьею „Изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ").

Рукопись общества любителей Древней Письменности написана крупной скорописью второй половины XVII вѣка и содержитъ въ себѣ 147 листовъ въ четвертку, изъ которыхъ 14 утрачены. Большинства рукописей, по крайней мѣрѣ въ отношеніи главной ариѳметической части, какъ думаетъ г. Бобынинъ, имѣли

[1]) См. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

одинъ общій оригиналъ (именно ариѳметику XVI вѣка). Ариѳметическія рукописи, почерпнувшія свое содержаніе изъ совершенно новыхъ источниковъ, появляются только въ самомъ концѣ XVII в. и началѣ XVIII в.

Слѣдующее за ариѳметикой мѣсто по значенію, придаваемому въ разсматриваемыхъ рукописяхъ, принадлежитъ Землемѣрію, которое содержится въ большинствѣ приведенныхъ рукописей и притомъ въ весьма подробномъ изложеніи [1]). Г. Мордовцевъ указываетъ, что въ 1645 году издана была ариѳметика Василіемъ Бурцовымъ; а въ 1664 г. къ одному альманаху, переведенному, вѣроятно, съ польскаго была приложена: „Книга, глаголемая математика, новопреложенная съ эллинскаго, латинскаго и польскаго языка на словенскій“. „Книга, глаголемая ариѳметика, еже есть счетъ“, которая содержитъ въ себѣ и простолюдинскія рѣчи, т.-е. задачи изъ простонароднаго быта. Это руководство имѣло практическое назначеніе, именно обученіе счету и четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ для быстраго производства различныхъ вычисленій, необходимыхъ въ ежедневной жизни. Можно думать, что только въ этомъ объемѣ ариѳметика входила въ первоначальное обученіе, но что она была уже въ употребленіи въ школахъ— видно изъ витіеватаго опредѣленія ариѳметики, находимаго въ нѣкоторыхъ азбуковникахъ.

Индѣйская, или т. н. арабская система письменнаго счисленія съ своимъ замѣчательнымъ принципомъ мѣста и нулемъ оказывается получившею полное право гражданства во всѣхъ дошедшихъ до насъ математическихъ рукописяхъ XVII вѣка. Слѣды прежняго употребленія древней греко-славянской системы встрѣчаются только въ древнѣйшихъ изъ нихъ, да и то въ такихъ слабо выраженныхъ формахъ, какъ поясненіе значенія арабскихъ цыфръ соотвѣтствующими славянскими. Рукописи второй половины XVII в. не содержатъ въ себѣ даже и этихъ незначительныхъ слѣдовъ. Арабскія цыфры начинаютъ появляться въ славяно-русскихъ печатныхъ книгахъ съ 1611 года и прежде всего, какъ и слѣдо-

[1]) Существовали и отдѣльныя рукописи по геометріи, Карамзинъ приводитъ заглавіе имѣвшагося у него экземпляра рукописи половины XVII вѣка: „Книга именуемая Геометріи, или Землемѣріе радиксомъ и цыркулемъ“.

вало ожидать, въ тѣхъ изъ нихъ, которыя вышли изъ западныхъ типографій. Но арабская система распространялась весьма медленно и была извѣстна первоначально только въ кругу людей, занимавшихся ариѳметикой. Медленность этого ознакомленія была на столько велика, что у многихъ изъ нашихъ ученыхъ [1]) появилась ошибочная мысль о введеніи въ Россію арабскихъ цыфръ только въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія и притомъ чрезъ посредство печатныхъ книгъ „Ариѳметики“ Магницкаго 1703 года или „книги морского плаванія 1701 года [2]). Такъ какъ типографія въ м. Евю, содержимая вилепскимъ братствомъ, была одною изъ первыхъ, основанныхъ, въ Россіи, то г. Бобынинъ считаетъ 1638-й годъ годомъ введенія арабскихъ цыфръ въ русскія типографіи. О существованіи руководствъ по ариѳметикѣ въ XVII вѣкѣ видно и изъ предисловія къ ариѳметикѣ Магницкаго, изданной въ 1703 г., въ которомъ говорится о староперѳводныхъ ариѳметикахъ съ языковъ греческаго, латинскаго и польскаго, которыми пользовался авторъ при составленіи своего руководства.

Обратимся теперь къ азбуковникамъ. Ариѳметика въ нихъ имѣетъ пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе ариѳметики необходимо и чему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она говоритъ, „что Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекши Русскимъ языкомъ, числительница“. Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и боярскими, уставляетъ всему правильную мѣру и всѣ чиновныя числа, и мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, на доли раздѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дроби раздробляетъ; она имѣетъ неразрывную связь съ геометріей и астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степени, стоянія, стопы и движенія; она необходима для грамматики, риторики и діалектики. Изобрѣлъ ее отъ еллинъ мудрый Пиѳагоръ. Цѣль ея—счисленіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространство

---

[1]) Какъ думали Тредьяковскій, митрополитъ Евгеній, Сопиковъ, Берхъ.
[2]) Какъ полагалъ Соколовъ.

она считаетъ локтями, пшеницу мѣрами, вино чашами, палки тысячами и сотнями". Изъ предисловія этого видно, что въ XVII вѣкѣ ясно сознавали значеніе ариѳметики и вѣроятно преподавали ее въ нѣкоторыхъ школахъ, но въ какомъ объемѣ—трудно сказать, изъ азбуковниковъ этого не видно. Можно допустить, что въ большинствѣ школъ знакомили съ четырьмя ариѳметическими дѣйствіями. Геометрія, шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ школьныхъ азбуковникахъ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на космографію, то на математическую географію, то на географію политическую, однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ предварительнаго вступленія раскрывается самое значеніе геометріи, ея важность и предметъ, т.-е. польза и цѣль ея знанія. Дѣтямъ, конечно, преподавались только начальныя понятія объ этой мудрости. Азбуковникъ, наконецъ, говоритъ и объ астрономіи. Астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ какой-то „въ книзѣ своей шествіемъ и дѣйствіемъ являюся всяко". Что эта за книга рѣшить трудно; можетъ быть здѣсь просто намекается на какое-нибудь руководство по астрономіи.

Азбуковникъ же имѣетъ цѣлью не преподавать астрономію, а только возбудить желаніе заняться этой высокой мудростью.

„Какъ видимъ, говоритъ г. Мордовцевъ [1]), содержаніе полнаго азбуковника довольно разнообразно и имѣетъ свои достоинства, которыя выигрываютъ въ нашихъ глазахъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что азбуковникъ этотъ служилъ только вспомогательной книгой при другихъ руководствахъ, употребляемыхъ въ школахъ; что свѣдѣнія, сообщаемыя въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно пріобрѣтало познанія болѣе обширныя; училось еще многому, чего нѣтъ въ азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется между дѣломъ, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія и чи-

---

[1]) О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. ст. 65.

тались во всякое свободное отъ ученія время (во время, напр., хлѣбоядѣнія и отъ ученія престатія), читались и учителемъ, и старостами, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось грамотѣ, письму, славянской грамматикѣ, реторикѣ и ариѳметикѣ; занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; изучало целябы, знаніе которыхъ считалось необходимымъ для виршеслагательства; знакомилось съ нововведеннымъ тогда риѳмомъ, находя его у досконального казнодѣя Симеона полоцкаго [1]) узнавало „степени стихотворныя мѣры“ и единъ на десять родовъ стиха и иройскій, и ямвійскій, и сафійскій и гликонскій и пр. наконецъ, какъ надо полагать, училось сочинять сначала сентенціи и двустишія, потомъ „привѣтства“, преимущественно же посланія въ стихахъ и въ прозѣ, что̀ все подтверждается разнообразными статьями школьныхъ азбуковниковъ.

Азбуковникъ полный называется еще иначе, на первомъ листѣ его значится: „Азбуковникъ, его же должно есть добрымъ учителемъ повседневно прочитовати въ наказаніе ученикомъ“. Значитъ учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ азбуковникъ для своихъ учениковъ. Положимъ, этому дословно вѣрить нельзя, азбуковникъ слишкомъ великъ, чтобы его можно было прочитывать отъ начала до конца, тѣмъ болѣе, что дѣти въ школѣ учились и другимъ предметамъ, кромѣ азбуковника; но вѣрно то, что хотя по частямъ, онъ читался въ школѣ, и содержаніе его было извѣстнымъ учащимся и, какъ кажется, они знали его наизусть. Въ азбуковникѣ сказано, что если въ школѣ найдутся и невнимательные мальчики, которые нерадиво будутъ слушать читаемое, или даже ничего не услышатъ, то все-таки учителю вмѣнено въ обязанность не обращать на это вниманія, а читать, потому что дѣти несмысленны, не понимаютъ своихъ пользъ, и учителя это не должно печалить; если иные учащіеся, сказано, отъ „грубости разума, и несладостно слушаютъ, ниже внемлютъ“ то учитель не долженъ отчаяваться въ нихъ исправленіи и въ пользѣ для нихъ своего ученія: „прочитовай, сказано, твое бо есть точію сѣяти“ и что, какъ бы

[1]) Изъ азбуковника, изданнаго въ Соловецкой обители.

ни были невнимательны къ нему слушатели, все же когда-нибудь, хотя навыкомъ, они узнаютъ то, что́ имъ читаютъ, даже безъ желанія учиться, выучатся тому, что имъ будутъ повторять изъ азбуковника ежедневно. Здѣсь, очевидно, указывается на большое педагогическое значеніе и силу частого повторенія.

Для того, чтобы дать понятіе о полномъ Азбуковникѣ сдѣлаемъ выписку изъ его 12-й главы. „Ключь взялъ еси разумѣнія, учителю; что же имъ творити долженъ еси, повѣждьми. Не человѣковъ ли грубыхъ и нерадивыхъ сердца и души отмыкати божественнымъ ключемъ, сі есть словомъ Его святымъ, и отъ тьмы невѣденіа, на свѣтъ познаша изводити. Паки реку ти: ключь взялъ еси царствіа небеснаго. Самъ убо усердно ходи, и учащихся у тебе съ собою води, но се бо самъ восхотѣлъ еси, или званъ еси. *Должно ти прежде во всемъ самому благоискусну быти, да доволенъ будеши і инѣхъ учити*... [1]). Ты же паче сихъ (говорится о сребродѣлателяхъ), о учителю, и премудрѣе велми, вземлеши нѣкогда глиненъ и брененъ и древенъ и отнюдь непотребенъ сосудъ. Можеши честенъ и сребренъ и златъ, паче же рещи Богу пріятный содѣлати. Како же будетъ сіе, недоумѣнно бо есть и паче человѣческаго разума и смысла. Слыши, азъ ти повѣмъ: егда къ тебѣ, учителю благому, отцемъ или матерію грубый и лѣнивый и отнюдь всяко непотребный приведено будетъ отроча, ты же его яко благопотребнаго удобь приемлеши и, яко добрый ковачь, прекуеши его на ново, сіе есть научиши отъ грубости на благое. отъ рѣзвости на кротость. отъ сквернословія, на доброcловіе. отъ буести на тихость. и отнюдь непотребнаго благонравно и благопотребна сотвориши. Се бренный сосудъ златъ сотворилъ есть и честенъ Господеви. Се извелъ еси честное отъ недостойнаго... Внимай добрѣ, о учителю, и смотряй я прилѣжнѣ, и ему же поручился еси дѣлу. прилѣжи ученіемъ: и не точию словомъ единѣмъ и ранами и биеніи наказуй, но самѣми дѣлы во всемъ образъ наказуй“ [2]).

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) А. Н. Петровъ. Объ Аѳанасьевскомъ сборникѣ конца XVII и заключающихся въ немъ азбуковникахъ. Изъ отчета о засѣданіяхъ Импер. Общ. Люб. Древней Письменности 1895—1896 годъ, ст. 19.

Въ одномъ изъ азбуковниковъ (третьемъ) есть статьи, относящіяся до обученія юношества каллиграфіи, что у насъ принято теперь называть прописями, и что въ азбуковникѣ названо надписями. Въ XVII вѣкѣ прописи существовали только рукописныя, за неимѣніемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двустишій нравственно-религіознаго содержанія. Изъ азбуковника видно, что учитель долженъ былъ прежде самъ писать эти прописи, а ученики уже списывали съ нихъ, примѣняясь къ его почерку. Это руководство каллиграфіи носитъ особое названіе „Азбуковника наказательнаго" и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ или „наказаній", въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двустишій, по два двустишія на каждую букву алфавита. Такъ, напр., наказаніе первое о непочитающихъ своя родители и о воспоминаніи добра своихъ благодѣтелей вмѣщаетъ въ себѣ двустишія на первыя семь буквъ азбуки, т.-е. до ж. включительно.

Изъ сказаннаго видно, что школьные азбуковники XVII в. весьма важны для исторіи педагогіи, такъ какъ въ нихъ мы находимъ не только указанія на способъ обученія учащихся, школьную дисциплину и порядки, но до нѣкоторой степени на объемъ и методъ преподаванія предметовъ. Можно пожалѣть только, что послѣ изслѣдованій г. Мордовцева (1856 г.) не появилось болѣе обстоятельныхъ, новыхъ изслѣдованій азбуковниковъ, а самое изслѣдованіе г. Мордовцева, какъ видно изъ примѣчанія въ концѣ его статьи, не закончено. Изъ азбуковниковъ видно, что въ школахъ съ половины XVII в. не ограничивались уже обученіемъ грамотѣ, письму, часослову и псалтирю, но стремились давать первоначальныя свѣдѣнія по славянской грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Объемъ свѣдѣній по ариѳметикѣ и геометріи остается невыясненнымъ, но на основаніи существующихъ рукописныхъ сочиненій XVII в. по ариѳметикѣ можно думать, что въ XVII в. уже основательно были знакомы съ главнѣйшими ариѳметическими дѣйствіями и что въ школахъ знакомили, по крайней мѣрѣ, съ первыми четырьмя ариѳметическими дѣйствіями. Къ сожалѣнію, въ азбуковникахъ мы не находимъ точныхъ указаній, гдѣ названные азбуковники употреблялись, и поэтому мы и не знаемъ точ-

наго мѣстопребыванія школъ. Весьма вѣроятно, что азбуковники употреблялись въ Чудовской и Спасской школахъ, а съ открытіемъ славяно-греко-латинской Академіи и умноженіемъ образованныхъ людей число такихъ школъ, гдѣ обученіе было выше элементарнаго, возрасло къ концу XVII вѣка.

Источники и пособія. Главнымъ пособіемъ, на основаніи котораго и написана эта глава, служило изслѣдованіе Д. Мордовцева. О русскихъ школьныхъ книгахъ. Москва. 1862. — Затѣмъ: А. Карповъ. Азбуковники, или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки. Казань. 1877. — А. Бобынинъ. Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. Вып. I. Москва. 1886.

Глава XXII.

Епифаній Славинецкій.

Если существованіе чудовской школы, гдѣ былъ ректоромъ Епифаній Славинецкій, подвергается сомнѣнію и требуетъ новыхъ доказательствъ, то несомнѣнно, что самъ Епифаній Славинецкій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Въ 1649 году бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ устроилъ близъ Москвы преображенскую пустынь, вызвалъ туда братію изъ разныхъ кіевскихъ и другихъ южно-русскихъ монастырей и въ то же время рѣшился завести тамъ ученое братство для перевода разныхъ полезныхъ церковныхъ книгъ. Съ этою цѣлью онъ обратился съ просьбою къ митрополиту Сильвестру Коссову, который, снисходя къ благочестивому желанію просвѣщеннаго боярина, избралъ между прочими и Славинецкаго и отправилъ его въ Москву. Въ 1649 году въ приказной записи о пріѣздѣ Епифанія говорится, что въ Москву пріѣхалъ отъ кіевскаго митрополита старецъ Ѳеодосій, а съ нимъ для риторскаго ученія старцы кіевлянежъ,

Арсеней да Епифаней. Призваніе въ Москву кіевскихъ ученыхъ монаховъ въ 1649 году, говоритъ г. Пѣвницкій, намъ кажется началомъ новой эпохи въ исторіи сѣверно-русскаго просвѣщенія: съ этого времени явился въ Москвѣ свѣжій упорядочивающій и просвѣщающій элементъ, который съ теченіемъ времени началъ расти болѣе и болѣе, расширяться далѣе и далѣе. Хотя и до этого времени были въ сѣверо-восточной Руси, болѣе или менѣе образованные и отмѣтившіе себя въ исторіи литературной и просвѣтительной дѣятельностью, но до пріѣзда въ Москву кіевскихъ ученыхъ не было здѣсь людей, которые бы образовали изъ себя нѣчто вродѣ вліятельнаго учено-литературнаго центра, собирающаго къ себѣ любознательные и способные умы. Уединенно стоятъ и тускло свѣтятъ немногіе писатели первой половины XVII в.; читающій людъ довольствуется старою письменностью, засоренною и запущенною отъ небреженія и недостатка образованія. Съ приходомъ кіевскихъ ученыхъ являются новые запросы и новые интересы. Новые люди хотятъ очистить ходячую письменность отъ ошибокъ и заблужденій, они стремятся водворить въ Россіи науку, расчистить для нея необходимую почву. И среди этихъ людей, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ Епифанію Славинецкому. Намъ очень мало извѣстно свѣдѣній о его жизни. По окончаніи курса наукъ въ Кіево-могилянской коллегіи, онъ, для дополненія свѣдѣній, отправился за границу, какъ это было въ обычаѣ въ юго-западной Руси и затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, принялъ монашество и сдѣлался учителемъ въ кіево-братскомъ училищѣ. Отсюда, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ другими учеными монахами былъ вызванъ въ Москву, въ 1649 году. Здѣсь онъ, по распоряженію патр. Никона, сдѣланъ главнымъ справщикомъ книгъ и, можетъ быть, былъ начальникомъ патріаршей чудовской школы. Въ Москвѣ онъ трудился для духовнаго просвѣщенія 26 лѣтъ.

Ученое братство преображенской пустыни, куда оно первоначально было помѣщено,—первый образчикъ у насъ ученаго общества. Ртищевъ и Никонъ были его покровителями, Епифаній Славинецкій—его главою и самымъ способнымъ дѣятелемъ. Вліяніе этого общества скоро распространилось въ Москвѣ; при немъ

образовались и къ нему пристали многіе члены и изъ великороссовъ. Исторія, говоря о трудахъ Епифанія, между сотрудниками его упоминаетъ Евѳимія, одного изъ самыхъ преданныхъ и самыхъ усердныхъ учениковъ Славинецкаго, и Моисея, чудовскихъ монаховъ: священника Никифора, Михаила Радостамова и Флора Герасимова.

У современниковъ Епифаній Славинецкій пользовался славою ученѣйшаго человѣка, авторитетъ его они цѣнили очень высоко. Это видно изъ разныхъ, современныхъ ему, отзывовъ о немъ. Всюду, гдѣ только заходила о немъ рѣчь, ему сыпали самыя роскошныя похвалы. По словамъ одной старинной записки, онъ такой многоученый мужъ, что въ его время не было другого, подобнаго ему „аще кто инъ таковъ во времени семъ, не токмо грамматики и реторики, но и философіи и самыя ѳіологіи извѣстный былъ испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный претолковникъ еллинскаго, славянскаго и польскаго діалектовъ [1])“. По словамъ другого современника „онъ былъ мужъ въ благочестіи знатный и ученый“. И вообще всегда, когда современникамъ приходилось говорить объ Епифаніи, они говорили о немъ съ великимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ не только великой учености и мудрости, но и ревнителѣ православія. Въ немъ вмѣщалась вся, современная ему, мудрость; кромѣ славянскаго, онъ зналъ основательно еще три языка: польскій, латинскій и греческій, которые дѣлали ему доступными всѣ сокровища тогдашней мудрости. Современники приписываютъ ему знаніе грамматики и реторики и называютъ его изящнымъ дидаскаломъ въ философіи и богословіи. Никонъ весьма цѣнилъ Епифанія и давалъ ему различныя ученыя порученія. Особенно Епифанія любили и цѣнили за то, что онъ былъ знатокомъ греческаго языка, благодаря чему въ подлинникѣ читалъ и изучалъ православныхъ восточныхъ св. отцовъ церкви. Епифаній читалъ и книги латинскія, но онѣ не были для него вредны и опасны, потому что все идущее съ запада провѣрялось у него православнымъ, греческимъ. Во время Славинецкаго въ Москвѣ выдавался уже Симеонъ Полоцкій; но

[1]) Словарь историч. Часть I, ст. 178.

онъ уступалъ Епифанію и въ познаніяхъ и въ дарованіяхъ. Современникъ, восхвалявшій Епифанія какъ мужа многоученаго и философа, тутъ же говоритъ и о Симеонѣ: „бѣ же и инъ нѣкто іеромонахъ, Симеонъ Полоцкій, зовемый, пришедый изъ града Полотска, державы краля Полскаго. И той учивыйся, но не толико; не бо бысть философъ, и то токмо учися, яко обычай есть полякомъ и литвякомъ полатински и по полски, греческаго же писанія ничто же знаяше [1]“. Въ Епифаніи Славинецкомъ мы видимъ ученаго XVII вѣка, всецѣло преданнаго книжному дѣлу и погруженнаго въ свои занятія. Его, очень богатая по своему времени, библіотека доставляла ему самое благородное развлеченіе и самое любимое наслажденіе [2]). Среди уединенныхъ работъ, далекій отъ сусты житейской, Епифаній Славинецкій далъ своей умственной жизни характеръ отвлеченный и созерцательный. Его образованіе было широко и многосторонне, если измѣрять его тѣмъ объемомъ, въ какомъ существовала тогда наука. Главныя свѣдѣнія его были богословскія; онъ былъ большимъ знатокомъ св. писанія и св. отцовъ церкви. И потому на всякій случай у него готово свидѣтельство изъ какого-нибудь отца церкви; при чтеніи его проповѣдей можно изумляться отчетливому его знанію отцовъ церкви. Но, кромѣ нихъ, онъ ссылался въ своихъ сочиненіяхъ на свѣтскихъ писателей: Плутарха, Плинія, Демокрита, Гомера и пр. Главное и весьма важное значеніе Славинецкаго въ исторіи нашего просвѣщенія состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ развить, поддержать и усилить умственное движеніе, начавшееся въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, и доставилъ полное удовлетвореніе появившимся умственнымъ запросамъ. Славинецкій привезъ съ собою въ Москву знанія, какихъ тамъ не было, и способствовалъ (учительствомъ), чтобы эти знанія сообщались другимъ, развивались и

---

[1]) См. у Каптерева, стр. 632. О греко-латин. школахъ.

[2]) Во „Временникѣ Императ. Москв. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. Книга 5. Москва 1850“ мы находимъ интересный „расходъ иконамъ денгамъ золотымъ, и всякой рухледи старца Епифанія“. Здѣсь, напр., между прочимъ, упоминаются слѣдующія книги: книги седмь томовъ Великое Зрѣлище Житія человѣческаго (латинская), книги Плутарха (греко-латинская книга), Діалектика, рукописная латинская, Книга Философія ратіоналисъ, рукописная, латинская, Книга Аристотелева, греко-латинская и т. д.

крѣпли. Вліяніе его собрало къ нему лучшихъ людей XVII в., онъ образовалъ какъ бы ученую школу, изъ которой вышло потомъ нѣсколько просвѣщенныхъ людей и литературныхъ дѣятелей. Славинецкій, будучи исключительно кабинетнымъ ученымъ, не стремился играть роли общественнаго дѣятеля, не прибѣгалъ ни къ какимъ проискамъ и интригамъ, и это помогло ему сохранить чистоту своихъ убѣжденій и намѣреній, а вмѣстѣ съ тѣмъ со всѣми жить въ мирѣ и пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Отъ начала и до конца двадцатишестилѣтней дѣятельности Епифанія въ Москвѣ, имя его оставалось почетнымъ и безупречнымъ. Онъ одинъ изъ двухъ на соборѣ противъ Никона не присталъ къ обвинителямъ патріарха, дѣйствовавшимъ по страсти.

Литературная дѣятельность Епифанія была обширна, разнообразна и плодотворна. Прежде всего мы видимъ его за переводомъ отеческихъ греческихъ книгъ и исправленіемъ текста богослужебныхъ. Это собственно оффиціальная работа Славинецкаго,—это трудъ, для котораго вызваны были ученые изъ Кіева, и для котораго организовалось въ Москвѣ цѣлое общество. Здѣсь Славинецкій имѣлъ своими сотрудниками Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго, пріѣхавшаго съ нимъ изъ Кіева, архимандрита Діонисія, пріѣхавшаго съ Аѳона, грека Арсенія, послѣ Евѳимія, Моисея и другихъ. Но Славинецкій не ограничилъ своей дѣятельности предѣломъ, ему указаннымъ. Онъ вынудилъ еще для себя позволеніе исправить славянскій текстъ Библіи и хотѣлъ знакомить русское общество своими переводами съ разными сочиненіями по части свѣтской науки. Самостоятельное авторство Епифанія было дополненіемъ къ этой кропотливой работѣ, но по своему времени оно было очень замѣчательно и обнаруживалось въ составленіи церковныхъ словъ, теоретикѣ богословскихъ трактатовъ, историческихъ сочиненій и даже церковныхъ службъ и каноновъ.

Епифаній съ своими сотрудниками переводитъ болѣе важныя и болѣе цѣнныя произведенія св. отцовъ, правила св. апостоловъ, правила всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, правила св. отцовъ, принятыя восточною церковью; проповѣди: Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и пр. Этими переводами книгъ разомъ дано было много многосодержательныхъ книгъ по разнымъ

частямъ духовнаго образованія; разомъ создана была богословская литература, долженствовавшая положить начало самостоятельному развитію ея на русской почвѣ и удовлетворять до времени потребности наставленія въ дѣлѣ вѣры.

Исправленіе текста богослужебныхъ книгъ есть, несомнѣнно, большая заслуга Славинецкаго для русской церкви. Епифаній былъ именно тѣмъ необходимымъ лицомъ, котораго ждала и искала Церковь въ то время. Максимъ Грекъ въ XVI вѣкъ поднялъ вопросъ о текстѣ богослужебныхъ книгъ, Епифаній Славинецкій въ половинѣ XVII в. его рѣшилъ. Съ нимъ явилось въ Москвѣ основательное знаніе греческаго языка, безъ котораго шагу нельзя было сдѣлать въ дѣлѣ исправленія; съ явленіемъ его почувствовалась потребность имѣть подъ рукой древнія греческія рукописи, безъ которыхъ не съ чѣмъ было свѣрить ходячій текстъ славянскихъ книгъ, съ теченіемъ времени искаженный, и, конечно, не безъ участія Славинецкаго состоялось второе отправленіе Суханова на Востокъ. Далѣе, только теперь, когда были въ Москвѣ люди, разбирающіе греческую грамоту, греческія книги могли быть полезны и могли оказать то дѣйствіе, какого отъ нихъ естественно было ожидать. Ученый грекъ не могъ замѣнить здѣсь Славинецкаго, потому что между греками трудно было сыскать такого, который бы съ знаніемъ своего языка соединилъ основательное знакомство съ чужимъ славянскимъ языкомъ, не употреблявшимся внѣ славянскихъ земель. Когда возвратился Арсеній Сухановъ съ Востока въ Москву и привезъ съ собою множество древнихъ греческихъ книгъ и рукописей, дѣло исправленія книгъ быстро пошло въ ходъ. Славинецкій повѣрялъ въ текстѣ ихъ слово за словомъ и пунктъ за пунктомъ, обращаясь для повѣрки его къ греческимъ книгамъ и замѣчательнѣйшимъ изъ славянскихъ рукописей. Каждый годъ Славинецкій представлялъ для изданія по двѣ или по три правленныя книги. Сравнивая Библіи: московской печати, изданную въ 1663 году при Никонѣ, и острожскую съ греческимъ текстомъ, онъ нашелъ въ обоихъ русскихъ изданіяхъ много ошибокъ и сильно настаивалъ на томъ, чтобы ему дозволено было сдѣлать новый переводъ Библіи.

„Величайшій грѣхъ, говорилъ онъ, намъ православнымъ сла-

вянамъ и укоризна и крайнѣйшее безчестіе отъ иностранныхъ народовъ, что мы не имѣемъ хорошо переведенной Библіи, и что даже въ священномъ Евангеліи у насъ весьма много погрѣшностей". Слова мудраго и православнаго Епифанія мало-по-малу дошли до слуха самого Алексѣя Михайловича, и въ 1674 году онъ съ священнымъ соборомъ архіереевъ приказалъ Епифанію Славинецкому переводить всю Библію съ греческаго текста, поручивъ надзоръ за этимъ дѣломъ Павлу, митрополиту сарскому и подонскому, исправлявшему тогда должность патріарха. Епифаній ревностно принялся за переводъ Библіи. Къ сожалѣнію, хорошо задуманное дѣло осталось только въ зародышѣ. Епифаній успѣлъ перевести Новый Завѣтъ, и того не исправилъ окончательно, а изъ Ветхаго Завѣта только Пятикнижіе Моисеево. Смерть его остановила дѣло, и всѣ предварительные труды его пропали даромъ. Послѣ него почти цѣлое столѣтіе должна была ждать наша Библія исправленнаго новаго изданія.

Переводческая дѣятельность Епифанія не ограничилась одною церковною и богословскою отраслью письменности. Между переводами его называютъ много свѣтскихъ сочиненій, и притомъ по разнымъ частямъ знанія. Видно, что онъ стремился сообщить своимъ соотечественникамъ и современникамъ совокупность всѣхъ наиболѣе полезныхъ свѣдѣній. Выборъ серьезныхъ сочиненій свидѣтельствуетъ о серьезномъ направленіи его духа. Славинецкій перевелъ: „Уставы граждано-правительныя отъ Ѳукиднодовой исторіи, книги первыя; конецъ же отъ Плинія второго панегирика къ Трояну — тетрадей 75 и „Географія двѣ части, — Европу и Азію,—съ латинской" и „Книгу врачевскую анатомію съ латинска, отъ книги Андрея Вессалія Брукселиска" и „о убіеніи краля Аггельскаго (короля англійскаго) съ латинскаго" и наконецъ весьма интересную педагогическую книгу „Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ [1]). По этимъ переводамъ видно, какъ широка

[1]) Весьма сожалѣемъ, что послѣднимъ сочиненіемъ мы не могли воспользоваться въ подлинникѣ. Въ Тверскомъ музеѣ есть рукопись „Гражданство обычаевъ дѣтскихъ". См. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. 2-я. Кіевъ, 1892 г. ст. 1037. Очень желательно было бы подробное ея описаніе.

Прим. М. Д.

и разнообразна была дѣятельность Славинецкаго, здѣсь все есть—и исторія, и географія [1]), политика, медицина и педагогика.

Его дѣятельность филологическая выразилась составленіемъ двухъ словарей: лексикона греко-славено-латинскаго и лексикона филологическаго, въ которомъ объяснены церковныя слова и опредѣленъ ихъ смыслъ, на основаніи греческихъ отцовъ церкви. Для переводчиковъ такіе словари должны были служить настольною книгою; въ нихъ они находили необходимое пособіе и руководство для знакомства съ произведеніями иностранной литературы и для вѣрной передачи ихъ на отечественный языкъ. Россія не изобиловала словарями въ XVII в., и для предковъ нашихъ греко-славено-латинскій лексиконъ, содержащій въ себѣ до 7000 словъ, казался громадною работою. Потому, говоря о трудахъ и учености Епифанія, для увеличенія его ученыхъ услугъ, они указывали на то, что онъ „великій лексиконъ триглоссонъ“ написалъ. Въ заглавіи собранія сочиненій Славинецкаго, принадлежащихъ Кіевской лаврѣ, стоитъ также выраженіе: „иже и великій лексиконъ триглоссонъ написа“ и въ этомъ случаѣ оно имѣетъ цѣлью зарекомендовать сочиненія.

Занятія Епифанія по переводу и исправленію книгъ и его лексическіе труды не были единственными, онъ отличался также даромъ слова. Патріархъ Никонъ воспользовался талантомъ Епифанія и сдѣлалъ его обязательнымъ проповѣдникомъ, оффиціально поручивъ ему проповѣдываніе слова Божія съ церковной каѳедры. Появленіе Епифанія на церковной каѳедрѣ въ Москвѣ съ живымъ проповѣдническимъ словомъ было дѣломъ важнымъ, потому что до него здѣсь читались съ каѳедры одни отеческія поученія. Для самостоятельнаго проповѣдничества не доставало способныхъ людей, потому что власть даже запрещала простымъ пастырямъ церкви свободное разсужденіе въ храмѣ о предметахъ вѣры и благочестія. Епифаній такимъ образомъ былъ первымъ проповѣдникомъ въ Москвѣ.

[1]) Въ синодальной библіотекѣ хранится рукопись подъ № 779 Космографіи, которая почитается собственноручной, черновой Епифанія Славинецкаго; здѣсь въ статьѣ о достоинствѣ Европы говорится: „Сіе к тому, въ ея хвали не мало творит, яко ученій художествъ свободныхъ же и не свободныхъ и вѣжествъ всѣхъ мати, и питательница опаснѣйшая“.

Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные случаи, церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которыя были написаны, вѣроятно, не для произнесенія съ каѳедры, а какъ образцы для общаго употребленія, таковы, напр., три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. Проповѣди Епифанія носятъ отвлеченный характеръ. Для него на первомъ планѣ стояла истина съ ея глубокими тайнами, а потомъ уже народъ, которому онъ говорилъ. Проповѣди его имѣютъ главной задачей раскрытіе правилъ христіанской нравственности, вотъ почему онъ говоритъ то о соблюденіи заповѣдей Божіихъ, то о любви къ ближнимъ, то о любви къ врагамъ, то о самоотверженіи, то о постѣ и т. п. Въ руководители свои онъ всегда беретъ отцовъ церкви и ихъ авторитетомъ повторяетъ и доказываетъ свои мысли. Но его проповѣди, по замѣчанію г. Нѣвницкаго, удовлетворяютъ больше христіанской пытливости, чѣмъ нравственной назидательности. Метафорическіе обороты—любимые обороты Епифанія. У него льется иногда цѣлый потокъ образныхъ выраженій, и къ одной метафорѣ подбираетъ много другихъ, чтобы украсить свое слово разными узорами. Онъ, напр., приглашаетъ слушателей „изсѣчь душевредное стволіе неправды богоизощреннымъ сѣчивомъ покаянія, искоренить изъ сердецъ пагубоносный волчецъ лукавства, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возрастить на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, милосердія, братолюбія, украсить благовонными цвѣтами всякихъ добродѣтелей и воздать благой плодъ правды“. Болѣе просто написаны тѣ слова, которыя не назначались для произнесенія съ церковной каѳедры. Въ одномъ поученіи отъ іерея дѣтямъ духовнымъ онъ помѣщаетъ такое наставленіе, которое священникъ долженъ былъ давать послѣ исповѣди: „нецыся и промышляй всѣмъ сердцемъ и душею, елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія, еже устроити училища вездѣ ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получишь оставленіе“. Здѣсь говоритъ учитель и ученый, для

котораго образованіе и просвѣщеніе выше всего и который хорошо созналъ значеніе школы для просвѣщенія.

Языкъ въ проповѣдяхъ Епифанія чисто-славянскій, въ немъ нѣтъ польскихъ словъ, нѣтъ и темныхъ простонародныхъ фразъ, не получившихъ, правда, гражданства въ литературѣ. Замѣтна по мѣстамъ чужая конструкція и несвойственная духу русскаго языка разстановка словъ.

Въ 1676 году Славинецкій скончался и погребенъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ. Надъ могилою его положена слѣдующая надпись: „Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній, претолковникъ изящный священныхъ писаній, философъ и іерей въ монасѣхъ честный“.

Пособія: Главнымъ пособіемъ, на основаніи котораго написана эта глава, служила статья г. Пѣвницкаго: „Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей духовной литературы въ XVII в.“ Труды Кіев. Дух. Акад. 1861. Ч. 2 и 3.—Каптеревъ, Н. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія слав.-греко-латин. Академіи. 1889.—Аскоченскій, В. Кіевъ съ древнѣйшимъ училищемъ Академіею 1856. Другія пособія указаны въ текстѣ.

Глава XXIII.

Симеонъ Полоцкій и его педагогическіе взгляды.

Симеонъ Петровскій Ситіановичъ, прозванный во время жизни своей въ Москвѣ Полоцкимъ, родился въ декабрѣ 1629 года. По всей вѣроятности, родиной его долженъ быть признанъ городъ Полоцкъ. О своемъ образованіи самъ Полоцкій сообщаетъ, что онъ „негли же двѣ (седмицы лѣтъ) языкомъ учихся, даже дидаскалъ быти сподобихся“. Первою школою, гдѣ Симеонъ получилъ начало высшаго своего образованія, была, безъ сомнѣнія, знаменитая уже въ его время кіево-могилянская коллегія. На образованіе Полоцкаго въ коллегіи указываютъ тѣ связи, какія

онъ имѣлъ между малороссійскими учеными своего времени: Лазаремъ Барановичемъ, Иннокентіемъ Гизелемъ и Іоанникіемъ Галятовскимъ. Отношенія Симеона къ этимъ лицамъ были самыя дружественныя, и онъ дѣятельно поддерживалъ ихъ даже во время жизни своей въ Москвѣ. По сопоставленію нѣкоторыхъ данныхъ, говоритъ I. Татарскій, можно полагать, что ученіе Симеона въ Кіевской коллегіи продолжалось до двадцатилѣтняго возраста, то есть до 1650 года; затѣмъ въ 1656 году мы встрѣчаемъ Симеона въ Полоцкѣ. Можно думать, что нѣкоторую часть времени между этими годами Симеонъ употребилъ на посѣщеніе польскихъ католическихъ коллегій. Въ предисловіи къ своему сочиненію „Вертограду многоцвѣтному" Полоцкій съ торжественностью говоритъ о себѣ, что „онъ есть рабъ Божій. Его божественною благодатію сподобившійся странихъ ідіоматъ пребогатоцвѣтныя вертограды видѣти посѣтити и тѣхъ пресладостными и душеполезными цвѣтами услажденія душеживительнаго вкусити". Вотъ почему, впослѣдствіи, противники Симеона въ Москвѣ и говорили о немъ, что онъ учился такъ „якоже обычай есть полякомъ и литвякомъ, полатински и по-польски".

Въ 1656 году Симеонъ принялъ монашество въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ на 27 году отъ рожденія: „Быхъ же азъ инокъ", говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ „въ четвертой седмицы лѣтъ моихъ токмо кромѣ единицы". Судить о мотивахъ, руководившихъ Полоцкимъ при избраніи такого рѣшительнаго шага въ жизни, трудно съ несомнѣнною достовѣрностью, но кромѣ общаго почетнаго положенія, какое доставляло въ то время монашеское званіе образованнымъ людямъ, его побуждала къ тому, между прочимъ, и личная горячая преданность къ наукѣ и литературной дѣятельности. Жизнь въ мірѣ и, въ особенности, жизнь семейная, казалась совершенно несовмѣстимою съ такимъ расположеніемъ. По его мнѣнію, она налагаетъ на человѣка многіе труды и обязанности рѣшительно противодѣйствующія интересамъ научной дѣятельности: „ибо не будетъ мощно съ книгами сидѣти, удалитъ отъ нихъ жена, удалятъ и дѣти!".

По принятіи монашества съ именемъ Симеона, Полоцкій сдѣлался дидаскаломъ въ братскомъ училищѣ Полоцкаго Бого-

явленскаго монастыря, какъ пишетъ объ этомъ г. Татарскій. По всей вѣроятности, кругъ его ученія не выходилъ изъ рамокъ обычнаго тогда элементарнаго преподаванія. Извѣстно несомнѣнно, что по случаю разныхъ церковныхъ и общественныхъ торжествъ, Симеонъ имѣлъ обыкновеніе писать стихи, заставляя отроковъ своей школы произносить ихъ публично подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ. До нашего времени сохранилось большое количество стихотвореній, писанныхъ Симеономъ, именно, въ періодъ учительской дѣятельности его въ Полоцкѣ и назначенныхъ, большею частью, для произведенія питомцами братской школы. Стихотворенія эти Симеонъ писалъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи, будучи самъ бѣлоруссомъ и имѣя передъ собою бѣлорусское общество. Судя по языку, это были первыя произведенія Симеона, такъ какъ очевидно, что при ихъ написаніи онъ совсѣмъ еще не имѣлъ знакомства съ тѣмъ чистымъ литературнымъ языкомъ, которымъ тогда писали въ Москвѣ.

Скоро, однакожъ, случилось обстоятелство, выдвинувшее литературную дѣятельность Симеона, связанную съ его учительскимъ званіемъ, далеко за предѣлы полоцкой братіи и общества. Въ 1656 г. прибылъ въ Полоцкъ, по случаю объявленія войны шведамъ, царь Алексѣй Михайловичъ и пробылъ здѣсь десять дней. Симеонъ, при первой встрѣчѣ, предсталъ предъ лицомъ царя въ качествѣ дидаскала съ двѣнадцатью „отроками" своего училища и въ лицѣ ихъ привѣтствовалъ его торжественными стихами. Стихи эти, вѣроятно, обратили на себя вниманіе царя, и Симеонъ Полоцкій сдѣлался лично ему извѣстнымъ. Съ этого же времени Симеонъ ревностно принялся за изученіе церковно-славянскаго языка, употреблявшагося въ литературѣ московской Руси. Съ изученіемъ церковно-славянскаго языка литературная дѣятельность Симеона пріобрѣла болѣе значительный и важный характеръ. Скоро ему представился счастливый случай побывать въ Москвѣ, и онъ воспользовался имъ, чтобы блеснуть своимъ стихотворнымъ искусствомъ при дворѣ, притомъ уже не на варварскомъ и исполненномъ провинціализмовъ языкѣ, а на чисто-церковно-славянскомъ. Въ февралѣ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ многочисленный соборъ для сужденія о дѣлѣ

патріарха Никопа, оставившій престолъ патріаршій „своею волею". Вмѣстѣ съ арх. Игнатіемъ Іевлевичемъ, пріѣхавшимъ на этотъ соборъ, пріѣхалъ въ Москву и Полоцкій. Однако же, Симеонъ не остался на этотъ разъ въ Москвѣ; 20-го сентября того же года полоцкая братія государевымъ указомъ отпущена была домой; вмѣстѣ съ ней возвратился и Симеонъ. И только послѣ того какъ Полоцкъ снова былъ занятъ поляками, Симеонъ рѣшился совершенно переселиться въ Москву и сдѣлалъ это въ 1664 году.

Неудивительно, что многіе изъ ученыхъ приписываютъ Симеону Полоцкому открытіе Спасской школы. Ему, любителю просвѣщенія и бывшему дидаскалу, это было самое подходящее дѣло. Объ этой школѣ академикъ Л. Н. Майковъ [1]) пишетъ: „По прибытіи въ Москву, Симеонъ началъ, по царскому указу, обучать нѣкоторыхъ лицъ Альвару, то есть латинской грамматикѣ по учебнику, написанному португальскимъ іезуитомъ Альварецомъ (1526—1533). Обученіе это было заведено въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, гдѣ жилъ Симеонъ, и первыми его учениками были молодые люди приказа тайныхъ дѣлъ, т. е. собственной кабинетной канцеляріи государя. По приходо-расходнымъ книгамъ приказа видно, что школа эта была учреждена для того, чтобы учиться въ ней „по латынямъ и грамматичнаго ученія", и можно было думать, что курсъ ученія въ ней соотвѣтствовалъ не только условіямъ элементарнаго, а скорѣе средняго, и даже отчасти высшаго образованія. Можно быть увѣреннымъ, что при самомъ учрежденіи Заиконоспасской школы Симеонъ внесъ въ нее порядки и направленіе Кіевской коллегіи. Главнымъ предметомъ изученія была латынь при пособіи темнаго и многословнаго руководства Альвареца; напротивъ того, греческій языкъ сдва-ли былъ преподаваемъ, такъ какъ самъ Симеонъ, по свидѣтельству современниковъ, „греческаго писанія ничтоже знаяше" Зато, несомнѣнно, ученики Спасской школы обучались пiитикѣ и реторикѣ и упражнялись въ сочиненіи виршъ и ораціи; извѣстно, что Симеонъ еще своимъ полоцкимъ ученикамъ давалъ такого рода занятія".

---

[1]) Майковъ Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Симеонъ Полоцкій, стр. 19. 1889 г.

Почти то же самое, что и г. Л. Н. Майковъ, говоритъ въ своемъ сочиненіи: Симеонъ Полоцкій и І. А. Татарскій. Онъ говоритъ: „Школа (Спасская) какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала духовнымъ потребностямъ своего времени и могла возникнуть изъ желанія Государя расширить нѣсколько то элементарное образованіе, пріобрѣтаемое преимущественно путемъ чтенія, которое господствовало тогда въ московскомъ обществѣ и о неудовлетворительности котораго онъ получалъ неоднократныя представленія. Очевидно, что курсъ преподаванія въ этой школѣ, несмотря на учрежденіе ея въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, соотвѣтствовалъ именно требованіямъ высшаго, или, по крайней мѣрѣ, средняго образованія. Несомнѣнно, что и въ свою школу Полоцкій внесъ духъ и порядки Кіевской коллегіи и польскихъ школъ. У него было ученіе „по латынямъ“ по руководству Альвара. Кромѣ изученія латыни, ученики Спасской школы обучались въ ней риторикѣ и піитикѣ, упражнялись подъ руководствомъ своего наставника въ составленіи разнаго рода виршъ и орацій“.

Г. Соколовъ въ своей статьѣ о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ [1]) говоритъ, что въ Спасской школѣ учили не только „піитикѣ и риторикѣ, но и богословію, исторіи, философіи и діалектикѣ“, утверждаетъ, что „ради упражненія учениковъ своихъ въ діалектическихъ тонкостяхъ, Полоцкій нерѣдко устраивалъ между ними примѣрные диспуты, къ которымъ такъ привыкъ онъ во время пребыванія въ Кіевской академіи“.

„Вѣроятно Симеону Полоцкому, говоритъ г. И. Козловскій [2]), принадлежитъ мысль учредить школу для дворцовыхъ подьячихъ при заиконоспасскомъ монастырѣ. Уже одно то, что это была школа для взрослыхъ показываетъ, что она не была низшею школою“.

Мы видѣли выше [3]), что г. Н. Каптеревъ всѣ эти соображенія считаетъ недостаточными и самое существованіе Спасской школы подвергаетъ сомнѣнію. Признавая съ своей стороны воз-

---

[1]) См. Чтен. Общ. Любит. духов. просв. 1886 г. іюнь ст. 592—593.

[2]) И. Козловскій. Сильвестръ Медвѣдевъ. Очерки изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Кіевъ 1895 г. ст. 5.

[3]) См. главу XIX этого сочиненія.

можность существованія такой школы, мы указали, что для того, чтобы такое существованіе сдѣлать достовѣрнымъ, нужны новыя и болѣе тщательныя изслѣдованія и разысканія.

Въ 1666 году въ Москву прибыли патріархи: Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій. Симеонъ Полоцкій, по ихъ порученію, произнесъ отъ лица ихъ слово въ день Рождества Христова, въ которомъ убѣждалъ царя и народъ русскій „взыскати премудрости" и, подобно Паисію Лигариду, призывалъ царя „училища такъ греческая, яко славянская и иныя назидати, спудеовъ милостію си и благодатію умножати, учители благоискусныя взыскати, всѣхъ же честными на трудолюбіе поощряти".

Въ 1667 г. Симеонъ былъ призванъ къ новой дѣятельности — воспитанію старшаго царскаго сына, царевича Алексѣя Алексѣевича. Когда же въ 1669 г. скончался царевичъ Алексѣй, Симеонъ перешелъ въ качествѣ наставника къ брату его Θеодору. Подъ Симеоновымъ же вліяніемъ воспиталась и умная Софія. При этомъ, однако, на Полоцкаго не былъ возлагаемъ трудъ первоначальнаго обученія; грамоту и письмо преподавали царевичамъ другіе учителя, менѣе высокаго образованія, чѣмъ Симеонъ; и напротивъ того, когда впослѣдствіи, въ 1679 году, пришло время обучать царевича Петра, то взятый къ нему учитель, Никита Зотовъ, самъ былъ порученъ надзору Полоцкаго, и подъ наблюденіемъ Симеона изданъ былъ тогда же новый букварь [1]). Предметы, которымъ Симеонъ Полоцкій обучалъ царскихъ дѣтей, были: латинскій языкъ, піитика съ customрторикой и богословіе; царевичъ Алексѣй въ особенности успѣвалъ полатыни, а царевичъ Θеодоръ обнаружилъ успѣхи преимущественно въ русскомъ стихотворствѣ; онъ даже перевелъ стихами, подъ руководствомъ Симеона, два псалма: 132 и 145-й. Такимъ образомъ Полоцкій сталъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ образованія въ царской семьѣ. Этою постоянною учебною дѣятельностью Симеона въ царской семьѣ объясняется происхожденіе нѣкоторыхъ сочиненій его, имѣющихъ педагогическій характеръ. Таковы напр.: Житіе и ученіе Христа и Бога нашего", „Вѣнецъ вѣры каѳолическія" и „Книга

---

[1]) Разобранный нами подробно въ главѣ XX этого сочиненія.

краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическихъ", которыя, какъ кажется, имѣли цѣлью служить пособіями при его учебныхъ занятіяхъ въ царскихъ палатахъ.

Для насъ наиболѣе интересна „книжица вопросомъ и отвѣтомъ, иже въ юности сущимъ, зѣло потребни суть" [1]), составленная, какъ думаетъ г. Н. Смирновъ, С. Полоцкимъ для царевича Алексѣя. Предисловіе этой книжки посвящено весьма важному въ то время вопросу о значеніи семи свободныхъ искусствъ, новшеству, неслыханному въ тогдашней Москвѣ. Въ этой же книжкѣ Полоцкій старается выяснить истинный взглядъ на науку, которая не только не колеблетъ вѣры въ Бога, какъ думали московскіе люди XVII в., но еще болѣе утверждаетъ ее, разъясняя многія сомнѣнія человѣку и вмѣстѣ съ этимъ обогащая его новыми свѣдѣніями.

Ближайшія связи свои съ дворомъ, естественно возникавшія изъ учительства царскихъ дѣтей, Симеонъ старался расширять и закрѣплять различными литературными произведеніями, имѣвшими прямое отношеніе къ лицамъ и событіямъ въ царской семьѣ. Первенствующее значеніе здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, имѣли разнообразныя стихотворныя произведенія, которыми Симеонъ, по примѣру прежняго времени, продолжалъ украшать различныя придворныя торжества. Какъ въ первые годы жизни своей въ Москвѣ, такъ и во все послѣдующее время, онъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ неизмѣнно являлся во дворецъ и произносилъ здѣсь исполненныя преувеличенной лести краткія стихотворныя привѣтствія. Привѣтствія эти, разсѣянныя во множествѣ въ рукописяхъ Симеона, были обращаемы имъ не только къ царю и царевичамъ, но простирались и на женскую половину царской семьи. Вообще видно, что Симеонъ Полоцкій, принявъ на себя однажды роль придворнаго стихотворца, относился къ этой обязанности чрезвычайно старательно.

Дѣло собранія своихъ стихотворныхъ произведеній Симеонъ началъ въ 1678 году и издалъ сборникъ подъ заглавіемъ „Вер-

[1]) См. о ней подробности въ статьѣ Н. Смирнова „Къ вопросу о педагогикѣ въ Московской Руси XVII в." Журн. Русскій Филологическій Вѣстникъ №№ 1 и 2. Варшава 1898 г.

тоградъ многоцвѣтный". Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ, что трудъ этотъ предпринятъ имъ „того ради, да риѳмотворное писаніе распространяется въ нашемъ славенскомъ книжномъ языкѣ, еже въ инѣхъ велію честь имать и ублаженіе и творцемъ си достойнаго не лишаетъ Бога и отъ человѣкъ возмездія и славы". При этомъ Симеономъ имѣлось въ виду и удобство болѣе пріятнаго и легкаго усвоенія читателемъ различныхъ назидательныхъ мыслей, когда онѣ выражены въ сосредоточенной стихотворной формѣ.

Какъ „Вѣнецъ вѣры" сплетенъ былъ Симеономъ изъ разныхъ цвѣтовъ богословскихъ, такъ въ Вертоградѣ „собраны цвѣты изъ разныхъ вертоградовъ чужеземныхъ", то есть изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій и сборниковъ поучительнаго и занимательнаго содержанія. Главный предметъ виршъ „Вертограда" составляетъ разъясненіе религіозныхъ истинъ и духовно-нравственное наставленіе; но то и другое авторъ постоянно сопровождаетъ обильными примѣрами изъ исторіи древней и новой, а также разсказами о разныхъ житейскихъ случаяхъ, заимствованными изъ „Римскихъ Дѣяній", „Зерцала Великаго" и другихъ подобныхъ произведеній, составлявшихъ любимое чтеніе въ средніе вѣка во всей Европѣ. Между тѣмъ какъ въ проповѣдяхъ своихъ Симеонъ много говоритъ о воспитаніи дѣтей, въ „Вертоградѣ" онъ касается этого предмета сравнительно мало; но и здѣсь, какъ въ проповѣдяхъ, онъ высказываетъ свой взглядъ на необходимость наказанія

„Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,—
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ".

Вообще „Вертоградъ многоцвѣтный" имѣетъ характеръ энциклопедическаго сборника, какіе были въ ходу въ XVII вѣкѣ, въ которомъ религіозное нравоученіе соединяется съ разрѣшеніемъ запросовъ научной любознательности и съ удовлетвореніемъ интересовъ собственно литературныхъ. Въ этомъ развитіи свѣтскаго элемента въ литературѣ и заключается главнымъ образомъ значеніе „Вертограда".

Въ статьѣ Вертограда подъ заглавіемъ „Вѣдѣніе" Симеонъ, разсматривая побужденіе къ нему, отдаетъ рѣшительное предпочтеніе учительству:

...Напослѣдокъ нѣціи тщатся много знати,
Дабы иныя люди благо назидати,
Сіе дара любве есть, и угодно Богу
Заслужающее мзду и вѣчну многу.

Въ другомъ мѣстѣ того же Вертограда Симеонъ ставитъ вопросъ „Кто мудръ?“ и отвѣчаетъ.

„Нѣсть мудръ, читавый много, видѣвый и знаяй,
По яже знаетъ, добрѣ тѣхъ употребляй“.

Другой сборникъ стихотворныхъ произведеній Полоцкаго называется „Рифмологіонъ и стихословъ“; онъ составленъ изъ разнообразныхъ привѣтственныхъ стихотвореній, произнесенныхъ главнымъ образомъ при дворѣ

Симеону же Полоцкому принадлежитъ и такъ называемая „Псалтырь Рифмотворная“, изданная, какъ кажется, въ 1678 г. Подобно польскому поэту Яну Кохановскому, переложившему псалтырь въ польскіе стихи, и шотландскому гуманисту Георгу Бухапапу, сдѣлавшему латинскій переводъ псалмовъ, Полоцкій сдѣлалъ стихотворное переложеніе псалтыри на славянскій языкъ; въ предисловіи къ этому труду онъ объяснялъ, что былъ побужденъ къ тому какъ примѣромъ иностранныхъ литературъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ Бѣлой и Малой Россіи, и въ самой Москвѣ многіе полюбили „сладкое и согласное пѣніе польскіе Псалтыри, стиховно переложенныя“ и поютъ польскіе псалмы „мало или ничтоже знающе и точію отъ сладости пѣнія увеселеющеся духовнѣ“. Стихотворный переводъ псалтыри Полоцкаго не избѣгъ упрековъ со стороны его противниковъ, которые опасались, что этотъ переводъ заключаетъ въ себѣ „многы прилоги и отъятія“ противъ древняго славянскаго текста; но это, впрочемъ, не помѣшало Симеоновой псалтыри сдѣлаться впослѣдствіи весьма популярною книгою въ средѣ русскихъ людей; извѣстно, что она была одною изъ первыхъ книгъ, прочитанныхъ Ломоносовымъ.

Въ Тестаментѣ или завѣтѣ Василія царя греческаго къ сыну его Льву Философу“ Полоцкій присоединяетъ стихотворное предисловіе, подъ заглавіемъ „Увѣщаніе къ читателямъ“. Въ этомъ

увѣщаніи онъ убѣждаетъ родителей наставлять дѣтей собственнымъ примѣромъ въ правилахъ нравственной жизни и давать имъ предлагаемую книгу для назидательнаго чтенія.

„Аще не родомъ“ говоритъ онъ здѣсь между прочимъ.
—Но весьма съ науки
Добронравіе идетъ изъ руки въ руки,
Каждо учися чадо наставляти,
Образъ и слово по себѣ имъ дати:
Да образъ напомнятъ, слово же читаютъ,
Добродѣтели твоя подражаютъ.

Но, безъ сомнѣнія, самыми важными для насъ являются два объемистыхъ сборника проповѣдей Симеона Полоцкаго: „Обѣдъ душевный (1681 г.) и „Вечеря душевная“ (1683), такъ какъ въ нихъ во многихъ мѣстахъ проводятся его взгляды на воспитаніе.

Остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Воспитаніе, ученіе и обличеніе народныхъ суевѣрій были обычными темами его проповѣдей. Значитъ, были не только новыя потребности и запросы, но и были лица, способныя слушать и понимать. Симеонъ, пользуясь своей близостью къ царю и высокимъ положеніемъ воспитателя царевича, въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, многочисленныхъ виршахъ и особенно въ вышеупомянутыхъ проповѣдяхъ постоянно защищалъ и прославлялъ науку и вообще книжное просвѣщеніе. Онъ особенно выставлялъ и прославлялъ тѣхъ святыхъ, которые заботились о воспитаніи своихъ дѣтей или подавали примѣръ неустаннаго исканія книжной мудрости. Главная его мысль, что „и зло и благо нисходятъ на чадъ отъ родителей не по „естеству“, а отъ ученія“. „Учитися, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „коемуждо достоитъ и монаху, и мірскому, ибо чтеніе божественныхъ писаній всякому полезно—и мужу, и женѣ. Но учити тому прилично, ему же дадеся ключъ разумѣнія и власть ученія“.

„Лучи тму прогонятъ, и путь правый хожденію являютъ: а ученіе добродѣтельное, мракъ невѣжества относитъ отъ ума, и на стезю спасенія наставляетъ“ [1]).

---

[1]) См. Вечеря душевная ст. 176.

Въ проповѣдяхъ своихъ Симеонъ часто говоритъ о значеніи поста, послушанія, милосердія и любви.

„Яко же дѣти не гордятся, не гнѣваются на долзѣ, не піянствуютъ, не блудодѣйствуютъ, не убиваютъ: тако намъ по разуму творити достоитъ, смирятися, прощати, трезвитися, чистымъ быти, и руцѣ держати отъ біенія [1]).

О значеніи поста Симеонъ замѣчаетъ „постящуся паче всѣхъ приличествуетъ гнѣвъ отражати, кротости учитися и человѣчеству, и сердце сокрушенно имѣти, и скверныхъ похотей истребляти помышленіе [2]).

Симеонъ Полоцкій особенно много говоритъ о смиреніи, считая его началомъ добродѣтелей. „Лѣпота душъ христіанскихъ из смиренія яко из нечесого происходит.. На основаніи того (т.-е. смиренія) любы, чистота, милостыня, и вся иныя добродѣтели полезно зиждутся: без него паки вся оны то суть, что планиты, и вся звѣзды без солнца.. Кто бо цѣломудръ? смиренный. Кто истинны любитель? смиренный. Кто богобоязливъ? смиренный. Кто милосердъ, благоутробенъ, кротокъ, незлобивъ? смиренный... Ибо начало добродѣтелей в насъ есть смиреніе“ [3]); въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Ибо якоже гордость всѣхъ злыхъ есть источникъ: тако смиреніе всяческихъ начало добродѣтелей [4]). „Добродѣтелей постоянное основаніе есть смиреніе, еже аще оставляется, то добродѣтелей собраніе нѣсть, развѣ паденіе“ [5]). „Есть же смиреніе сугубо, духовное и плотское. Смиреніе плотское есть востати пред человѣком, слово глаголати пріятное. Смиреніе духовное, аще кто въ сердцѣ своемъ иного мнитъ лучша себе быти, сіе же есть совершенное [6]).

На ст. 630—634 Обѣда душевнаго Симеонъ подробно разбираетъ 12 степеней смиренія, при чемъ въ началѣ (ст. 630) говоритъ: „Сей камень смиренія аще и небрегомъ есть зижду-

[1]) Обѣдъ душевный ст. 197 об.
[2]) Об. душ. ст. 570.
[3]) Обѣдъ душевный, ст. 155—156.
[4]) Об. душ. ст. 624.
[5]) Об. душ. ст. 629 об.
[6]) Об. душ. ст. 629 об.

щими, но во главу угла бываетъ, егда Бога соединяетъ человѣком и ближнія во единство любве приводит".

Что касается милосердія, то о немъ онъ говоритъ: „Дѣло же милосердія суть сугуба: тѣлесная и духовная. Тѣлесная суть седмь: алчнаго напитати, жаждпаго напоити, нагаго одѣти, к заключенному приходити, болного посѣтити, страннаго въ домъ пріяти, мертвыя погребати. Духовная такожде седмь: грѣшника исправити, невѣжду научити, совѣта требующему здравый совѣтъ дати, о ближнихъ Господа молити, печалнаго утѣшати, обиды терпѣти и вины оставляти [1]).

Особенно часты слова о неслуженіи мамонѣ (богатству) о необходимости милостыни [2]).

Что касается значенія любви, то по Симеону: „любы есть величайшая добродѣтель. Любы долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ. Любы не превозносится, не гордится, ни безчинствуетъ... Вкратцѣ рещи, любы вся дѣетъ Божественная, и есть всѣхъ добродѣтелей совершеніе [3]). „Любити же всячески должны есмы не точію братію согрѣшающую къ намъ, но и враги наша" [4]). Ничто же бо тако Богу человѣка уподобляетъ и сынотворитъ, якоже любы враговъ, яко прощеніе винъ и за злая воздаяніе благихъ [5]).

„Моляй бо ся о себѣ не благодати дѣло совершаетъ, но естества, кто бо о себѣ не молится? Моляй же ся о вразѣ своемъ, достойнѣ услышанъ бываетъ, яко благодати дѣло совершаетъ [6]).

„Обаче любите враги ваша, и благотворите [7]).

На ст. 374 проводится та мысль, что мамона (богатство) вся злая творитъ. „Не радуйтеся о множествѣ богатствъ, да не погрузятъ васъ тяготою своею, яко же корабль на мори купль множествомъ погружаемь бывает" [8]). „Корень бо всѣм злым, сребролюбіе есть [9]). „Се не серебро (ап. Павелъ) обхуждаетъ, но сребро-

[1]) Об. душ. ст. 335.
[2]) Об. душ. ст. 277, 335, 336, 337.
[3]) Об. душ. ст. 214.
[4]) Об. душ. ст. 236 об.
[5]) Об. душ. ст. 340 об.
[6]) Об. душ. ст. 344 об.
[7]) Об. душ. ст. 338.
[8]) Об. душ. ст. 377.
[9]) Об. душ. ст. 383 и 480.

любіе: ибо от сребролюбія растутъ похотѣнія вредная . . . ибо сребролюбіе на всякую злобу разрѣшает, красти, разбивати, грабити, лихоимствовати, блудити, клеветати убѣждаетъ, и прочыя злобы совершати подущаетъ" [1]).

Перейдемъ теперь къ собственно педагогическимъ мыслямъ и взглядамъ Симеона Полоцкаго. Пользуясь словами I. сына Сирахова, Симеонъ говоритъ: „Конь неученъ сверѣпъ идетъ и сынъ самовольный блудникъ будетъ. Накажи чадо, и удивитъ тя: не играй с нимъ, да не сотворит ти печали. Не смѣйся с нимъ, да не поболиши о немъ, и напослѣдокъ сотнеши си зубы. Не даждь ему власти во юности: сокруши ребра его, дондеже младъ есть, еда како ожестѣвъ, не покорится" [2]). „Велія добродѣтель есть любы", но это только въ отношеніи любви духовной, не такова любовь плотская. „Точнѣ вредоносна есть любы и родителей ко чадомъ, аще излишествуетъ. И якоже вино мѣрно употребляемое веселитъ и здравитъ: безмѣрнѣ паки піемое разума лишаетъ, и болѣзни бываетъ виновно: тако любы родителей ко чадомъ, аще есть по достоинству полезна есть и рождшыма и рожденнымъ. Аще же выше мѣры, и тѣма вредъ творитъ, и овымъ: овы в развращеніе попущаетъ, тѣма же печаль, и болѣзнь о развращеніи овѣхъ содѣвает". Въ подтвержденіе своихъ мыслей Симеонъ приводитъ миѳъ о Фаэтонѣ и говоритъ: баснь се есть піитическая, но родителемъ в наставленіе полезна, да не по всякому чадъ прошенію соизволеніе творят, и да не попущаютъ имъ на конѣхъ самоволства, на колесницѣ богатствъ си без управителя ляденія дѣяти [3]). Но отвуду честныхъ родителей чада зло-нравіе стяжутъ? повѣмъ вамъ истинну, ради исправленія: от матерня ласкательства, от отча ненаказанія, от обою же пространно-воспитанія. Блажитъ мати малаго сына малую злобу, а злоба въ сердцѣ аки терніе кореніе его утверждаетъ, и сыну растущу, срастетъ злоба паче. Егда же возрастетъ сынъ въ количество непреклонное, совозрастетъ злоба во нравъ неискоренимый [4]) . . . человѣкъ, сосудъ сый скуделенъ, во юности нравъ воспріятый, хранитъ

[1]) Об. душ. ст. 480.
[2]) Об. душ. 540. Сравни соотв. мѣсто въ Златоустѣ, Измарагдѣ и Домостроѣ.
[3]) См. Об. душ. 542 об.
[4]) Ib.

до смерти [1]). „Не возможно чистымъ соблюстися: ибо въ младенчествѣ си и видятъ, и слышатъ, и творятъ нечистоту невозбранно... И яко художникомъ нелѣпіе причитается вещей, неискусно ими содѣянныхъ, тако родителем приписуется вина злонравія чадъ ихъ: и судъ пріимут яко в дѣтствѣ научиша, или попустиша имъ злобѣ навыкати [2]).

Вы православніи людіе да не пріимете суда о злонравіи чад вашихъ, тщитеся воспитовати я добрѣ, хранящe сія вещи, нуждныя благовоспитанію. Первая вещь есть жезлъ, его же потребу самъ Богъ всемогущій образно показалъ есть (въ жезлѣ Аарона); о немъ же и приточникъ говоритъ: „не отрѣй младенца наказовати, аще бо жезломъ біеши его, не умеретъ отнего, ты же убо бія его жезломъ, душу его избавиши отъ злы смерти" и паки: „иже щадит жезлъ свой ненавидитъ сына своего. А любяй, прилѣжно наказуетъ" [3]).

Въ другомъ мѣстѣ [4]), говоря о различныхъ людяхъ разслабленныхъ, Симеонъ добавляетъ: „еще суху имутъ десницу нѣцыи родителіе, или разслабленну, иже злонравнымъ чадомъ си не возлагаютъ ранъ на плещи, за преступленія достойныхъ: иже щадятъ жезлы своя отъ сломленія, не щадятъ душъ сыновнихъ отъ погибели вѣчныя". И затѣмъ на ст. 593 повторяетъ вышеприведенныя слова. „Что вы родителіе слышаще, не щадите жезловъ вашихъ, щадите паче чада ваша: не лобзаніемъ душевреднымъ, но біеніемъ нравоисправительнымъ [5]).

„Вторая вещь есть, еже дѣтемъ злаго возбраняти общества: съ лукавыми дружитися не попущати (слѣдуетъ рядъ примѣровъ). Источникъ аще и велми чистъ сущъ, егда съ тиннымъ случается блатомъ, обыче блатенъ быти, и тины смрадъ издаяти... Обаче съ добрыми общеніе да будет чадъ вашихъ. Тако общающіися благимъ; благостыни обучаются, или поне зла творити не навыкаютъ. И собесѣдующіи мудрыми умудряются, по глаголу приточника:

---

[1]) Ib. ст. 543.
[2]) Об. душ. ст. 543.
[3]) Об. душ. ст. 543 об.
[4]) Ib. 592 об. та же мысль на стр. 178.
[5]) Ib. ст. 543 об.

ходяй съ премудрымъ премудръ будетъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Симеонъ говоритъ: „удобнѣй путь есть познанія чрезъ образы, нежели ученіемъ языка [2]).

Примѣру Симеонъ придаетъ большее значеніе: „Блюсти же ся господемъ и госпожамъ прилѣжно, да не употребляютъ власти си на лукавая дѣянія, да не будутъ образъ рабомъ своимъ злобы, клятвы, татбы, отмщенія, брани, осужденія, убійства, или озлобленія коим либо обычаемъ.

Обычай есть домочадцемъ тацѣмъ быти, якови суть господіе аще господинъ есть благъ, праведенъ и милосердъ, блази, прави, милосерди, и раби бываютъ. Аще господинъ золъ, неправеденъ и хищникъ; зли, неправедни, хищницы и раби бываютъ... Да блюдется убо всякъ господинъ и госпожа развращати рабы своя: паче же да прилѣжитъ наставляти на всяко дѣло благо: да от благаго Бога, благу мзду воспріиметъ. Да любит же благія рабы яко братіи, яко чада, паче же яко душу свою [3]). Тѣмъ болѣе, конечно, важенъ примѣръ въ воспитаніи. „Третія вещь есть, еже злаго по себѣ образа не являти чадомъ: ибо якоже піикъ, что видитъ человѣки творящыя абіе то тщится дѣяти: подобнѣ чада, дѣла родителей своихъ видяще, подражателіе имъ бываютъ. Блаженни убо суть родителіе, ихже житіе добродѣтелное, есть чадомъ образъ благонравія, зерцало исправленія и правило дѣяній благихъ...

Блюдитеся убо о родителіе, да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазнію житія вашего. Да вѣсте же, яко отецъ долженъ есть быти в дому аки солнце, мати же аки луна, чадо яко звѣзды.

Четвертая вещь и послѣдняя есть, еже родителемъ, от младыхъ ногтей, от сосцу матерню страху Божію обучати младенцы своя, да паче растутъ въ добродѣтели, нежели въ количество плоти. Чинъ же ученія ихъ буди сицевъ: первѣе, да учатъ прежде всѣхъ словесъ, глаголати Господню молитву, и архангельскій гласъ ко Богородицѣ. Второе знати яко Богъ есть единъ существомъ во Троицѣ ипостасей: и да учатся символу вѣры христіанскія.

[1]) Об. душ. 514.
[2]) Ib. ст. 624.
[3]) Об. душ. ст. 153.

Третье, еже заповѣди Божія знати и хранити, наипаче десятословіе..... Затѣмъ (осмое), да обучають дѣти своя или рукодѣлію нѣкоему, или иному честному коему упражненію: да не во празднествѣ живуще, пріобыкнуть злобамъ: праздность бо есть питательница тымъ..." [1]).

„Вечеря душевная" представляетъ рядъ словъ на праздники господскіе, богородичные и нѣкоторыхъ святыхъ. Въ предисловіи къ читателю сказано „обычай есть странствующим въ мірѣ человѣкомъ общій, еже не точію обѣдомъ плоти своя учреждати: но къ тому и вечерями насыщати, дабы имъ чрезъ нощное во ослабленіе не пріити поприще".

Въ словѣ въ день Св. Мароы, матери св. Симеона столпника (избранъ текстъ изъ Іисуса сына Сирахова „суть ли ти чадо, накажи я, и преклони от юности выю ихъ") говорится: „въ самѣхъ человѣцѣхъ различніи нравы, ученіемъ художных родителей или учителей, в совершенство доброты приводитися обыкоша. Вѣмъ же, яко естество правило глаголетъ (по свидѣтельству златословесна учителя) яко не может быти еже от благихъ: родителей злымъ раждатися, или от злыхъ благимъ: но какови бяху родителіе, такови будутъ и рожденніи: Заие, якоже древо отъ плода познается, и плодъ чрез древо показуется: Тако родителіе, познаваеми бываютъ въ сынѣхъ, и сынове чрезъ родители: обаче художество естества скудость исполняетъ, и во древесѣхъ и въ человѣцѣхъ: ибо и на безплодныхъ древесѣхъ, благія плоды изводит, и злыхъ родителей чада, блага творитъ... Истиненъ сей глаголъ есть: обаче ни злоба, ни благость по естеству от родителей низходит на чада, но по ученію, по образу родителей: по воли же, и навыкновенію рожденныхъ, по свидѣтельству его же самаго, внегда глаголати ему сице: не естества, но воли есть злоба и доброта: ибо аще бы было естества, всяко зліи злыя бы раждали, и добріи добрыя. Но занеже избранія и воли есть, еже чтиву или нечтиву быти, того ради часто злымъ родителемъ блазіи сынове, и лѣнивымъ сыномъ тщаливіи суть родителіе, да не естеству, но воли, всегда сія приписуемъ. Воля убо благихъ чадъ

[1]) Об. душ. 546.

благопохвална добрая, и злыхъ злая гажденія достойна. Родителіе паки добріи, за добраго образа и ученія подаяніе чадомъ, дѣло суть хвалителни: зліи же за соблазнь и ненаказаніе, гажденія и казни достойни от человѣкъ и отъ Бога. Добрых убо родителей чада обычно бываютъ блага, аще добрый по себѣ образъ житія являюще имъ, и словомъ к тому наказуют я и дѣлом, и преклоняютъ от юности выя ихъ. Якоже бо древо, камо и како в тонкости юности си преклонится, тако и тамо растетъ до старости и одебелѣнія. Подобным обычаем и отрасли человѣчесвія, якоже наставлены будутъ во юной верстѣ своей; тако возрастутъ и состарѣются, по оной притчи: егоже тука сосудъ новый напіется, той из него никогда весьма измыется. Аще же и блази суть родителіе сами, но чадомъ подобающаго не даютъ наказанія, вся имъ по воли юности попущаютъ, не оскорбляютъ ихъ словомъ цвѣтанія, и язвъ за безчинія не налагаютъ, не благая будутъ благихъ родителей чада; золъ плодъ сотворится, от благаго древа рожденный: и сотворятъ сицеваго воспитанія чада родителем, в сладости мѣсто горесть, за радость печаль, вмѣсто утѣхи сѣтованіе, и в славы мѣсто безчестіе [1]). Приведя библейскій примѣръ Иліи, Симеонъ Полоцкій, подобно Іоанну Златоустому, восклицаетъ: „Родителіе, не щадите жезла, аще хощете о чадѣхъ веселитися ваших; жезлъ бо есть злобы искоренитель, и насадитель добродѣтелей. Мало сына оскорбиши, но много пользуеши его“ [2])... Бій первѣе словомъ, тажє жезломъ и отженеши жистосердіе его, и яко плевелы отбіеши злонравіе. Аще же благопокорива ти чада суть, благодари Господа, и правительствуй житіе ихъ любовью на путь благій. Буди имъ образъ житіемъ ти, ко всякой добродѣтели, да не зритъ око ихъ ничтоже развратно в тебѣ, да не слышатъ ушеса ихъ скверныхъ и неподобныхъ глаголъ от тебе“. Образъ твой есть сынъ, какова тя видитъ и слышитъ: тако самъ образуется [3]).

О необходимости труда въ юности Симеонъ говоритъ (на

---

[1]) См. Вечер. ст. 8—9.

[2]) Ib. ст. 11.

[3]) Ib. ст. 11. Это мѣсто, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ особаго вниманія читателей. М. Д.

текстъ пр. Іереміи „благо есть мужу, егда воздвигнетъ яремъ (господень) во юности своей"): „Въ юности не хотяй труждатися, во старости злѣ постраждет, ибо яко кто не оретъ, и не сѣетъ во юности лѣта, яже есть зима, и хладъ и гладъ страдати долженствуетъ: тако во юности жизни своея, не показывай трудолюбія в дѣлѣхъ, не пріимет во старости плодовъ упокоенія: Трудъ бо юности покой старости приносит. И противным обычаемъ, лѣность юности, трудъ старости и безпокойство плодотворитъ" [1]). Чесо ради родителіе чадолюбивіи, должни суть юность рожденныхъ собою ко трудомъ душеполезнымъ прикланяти, и от младыхъ ногтей, добрым дѣломъ приучати я: ему же приобыкнет младость, то безтрудно носитъ старость [2]). „Единъ от учителей искусных, подаетъ намъ образъ преполезный дѣтскія юности наставленія сицевъ: Въ первом глаголетъ седмилѣтіи, да учатъ родителіе чада си, благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати: праведная, а не ложная вѣщати: ибо имже тукомъ новъ сосудъ исполненъ будетъ, того вони изъ себе, никогда избудетъ. Во второмъ (глаголетъ) седмилѣтіи, да учатъ я космуждо художеству, да возмогутъ тѣмъ нуждная житію, стяжати. Изряднѣе же, да соблюдаютъ я от видѣнія скверныхъ: ибо, яко же нѣсть лѣпо юнымъ скверная глаголати, тако и видѣти. Даетъ вину Арістотель: яко вся первая наипаче суть любима: и того ради, яже во первыхъ зрятся, тѣмъ съ вящшимъ удивленіемъ присмотряются юніи, и твердо содержат я въ памяти. По второмъ же (глаголетъ) седмилѣтіи, егда пріимутъ разумъ, благъ и доволенъ, да учими будутъ страху Божію, и мудрости, еже како Богу жити, разумѣнію же и искусству, какъ честно гражданствовати въ мірѣ. Въ сія триседмичная лѣта, чесому юноша приложится, того и во старости удержится, по оному словеси: юноша по пути своему ходяй, аще и состарѣется, не отступитъ от него". Суть плодове во оградѣхъ, на нихже что желѣзом напишется младых, то во старости и вящше, и свѣтлѣе, на себѣ изявляютъ... И каковыми яко древеса на весну цвѣты процвѣтутъ: таковы во старости плоды сотворятъ" [3]).

---

[1]) Вечеря душев. ст. 189 об. 140.
[2]) Ib. ст. 140.
[3]) Вечер. душев. ст. 141.

Въ другомъ мѣстѣ Симеонъ говоритъ: „И яко лучшее есть неплодное древо, нежели злыя и вредныя приносящее плоды: тако блаженнѣйшіи суть родителіе, чадъ неродившіи нежели родившіи злая. Тѣмже убо тщаніе родителем должно есть присное имѣти, да плодъ ихъ благъ будетъ: ибо не яко во древесѣхъ, по естеству плодъ, или сладокъ, или горекъ рождается, но по наказанію рождшихъ, и по обыкновенію и воли рожденныхъ, или добронравіе или зло обыкновеніе в сердца ихъ вкореняется. Премудрый Платонъ, воску сердца юношеская уподобляетъ, зане якоже воскъ всякія печати на себѣ воображеніе пріемлет, за удобство мягкости своея: тако юныхъ сердца, всякій нравъ удобопріемлютъ мягкосердія ради [1]). На томъ воскѣ, напечатает ли кто цѣлаго и незлобиваго голубя, выну пребудетъ человѣкъ той цѣлъ и незлобивъ яко голубь. Напечатаетъ ли кто орла высокопарна и свѣтолюбива, присно той человѣкъ вышняя имать мудрствовати и свѣтлая. Напечатаетъ ли кто землеточиву кроторію, или блаторачителя вепря, поистиннѣ той человѣкъ до смерти пребудетъ земныхъ любитель, и блата грѣховна искатель. Напечатаетъ ли кто лютаго льва, или волка хищнаго, выну будетъ человѣкъ той жестокъ яко левъ, и хищливъ яко волкъ. Напечатаетъ ли кто трудолюбива вола, выну имать той человѣкъ во трудѣхъ пребыти. Напечатаетъ ли кто лѣниваго осла, всегда въ лѣности той человѣкъ имать жити. Напечатаетъ ли кто гнѣвливаго медведя, хитраго лиса, или лающа пса, до кончины живота си той человѣкъ пребудетъ гнѣвливъ, хитръ, и лаятель честныхъ. Аще же напечатаетъ кто смиреннаго агнца, или чистаго горностая, той человѣкъ до послѣдняго издыханія будетъ смиренія любитель, и чистоты хранитель [2]). Инъ философъ [3]), умы отрокъ юныхъ, уподобляетъ скрижали ненаписаннѣй, на ней же учитель что-либо хощет написати, может: точнѣ во умѣхъ юношеских, что-либо хощеши воображится,

[1]) Изъ этого мѣста нельзя заключать, что Симеонъ Полоцкій былъ знакомъ въ подлинникѣ съ Платономъ; скорѣе всего это мѣсто взято имъ изъ какого-нибудь энциклопедическаго сборника того времени. Въ „Древней русской пчелѣ“ В. Семенова. Спб. 1893 г. ст. 166 читаемъ: „якоже печать прилѣпляеться къ мякъхку воску, такоже и учение мудрыхъ нъ младых дѣтии образуетьс.“

[2]) Вечер. душев. ст. 239.

[3]) Локкъ. Прим. М. Д.

или добро или зло, и выну пребываетъ, и прибываетъ. Подобным обычаем, яко на дыни во оградѣ растущей, аще мало на малѣй вообразится писаніе, велико возрастетъ с возрастѣніем ея... Юныхъ сердца наипаче, суть скрижали, не каменныя, но плотяныя, на них же аще кто Христово напишетъ посланіе, то пребудетъ выну. Аще же кто демонскую начертаетъ букву, неудобь сотретися можетъ. Инъ еще любомудрецъ, уподобляет юныя отроки, новому сосуду скуделному, в онь же аще что вліется в новости, того вони не лишится до старости: тако во истину и юніи, к чесому во юнои верстѣ вѣка си пріучени будутъ, того до кончины си не забудутъ... Зрите убо родителіе, како должни есте воспитавати чада ваша: добрая словеса, и образы дѣлъ благихъ на томъ воску печатайте; божественная словеса, а не скверная и кощунная на тѣхъ скрижалѣх, и законъ Господенъ пишите. Миро благовонное ученія душеполезнаго в тыя новыя сосуды скуделныя вливайте" [1]).

Мы прослѣдили здѣсь довольно внимательно и привели здѣсь важнѣйшіе педагогическіе мысли и взгляды Симеона Полоцкаго. Хотя Симеонъ, отдавая дань времени, говоритъ о наказаніяхъ, но въ общемъ его педагогическое ученіе проникнуто любовью и кротостью и содержитъ не мало здравыхъ мыслей. Главная его мысль та, что и зло и благо нисходятъ на дѣтей отъ родителей не по естеству, но по ученію, по образу родителей. Пороки дѣтей происходятъ отъ материнскаго ласкательства и отчаго ненаказанія. Слѣдуетъ удалять дѣтей отъ дурного общества и не показывать имъ дурныхъ примѣровъ: „блюдитеся, о родителіе, да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазнію житія вашего", напротивъ представляйте имъ образецъ добродѣтельной жизни „добрая словеса и образцы дѣлъ благихъ на томъ воску печатайте". Проповѣди Полоцкаго также витіеваты, какъ и Епифанія Славинецкаго.

Симеонъ Полоцкій скончался 25-го августа 1680 г.

Источники и пособія: главными источниками служили сборникъ его проповѣдей: Обѣдъ душевный, издадеся въ великомъ градѣ Москвѣ, в типогр. верхнѣй: въ лѣто от сотворенія міра

[1]) Вечер. душев. ст. 240.

7190, от Рождества же по плоти Бога Слова 1681“ ст. 688. Вечеря душевная, издад. въ великомъ градѣ Москвѣ, в типографіи верхнѣй въ лѣто от сотворенія міра 7190, от Рождества по плоти Бога Слова 1683“ ст. 522. Пособіями были: — Майковъ Л. Н.: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Татарскій І. Симеонъ Полоцкій (его жизнь и дѣятельность) Москва 1886.

Глава XXIV.

Педагогическія сочиненія XVII вѣка.

Несмотря на то, что въ XVII в. въ Московской Руси уже не мало возросъ интересъ къ просвѣщенію и педагогіи, спеціальныхъ педагогическихъ сочиненій мы находимъ очень мало. По прежнему педагогическіе взгляды проводятся въ новыхъ спискахъ Измарагдовъ, Златоустовъ и Домостроя, но это повтореніе стараго. Изъ сочиненій спеціально педагогическихъ, безъ сомнѣнія, должно остановить наше вниманіе сочиненіе: „О царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ“ и педагогическій сборникъ конца XVII вѣка, означенный въ печатномъ „Описаніи Славяно-Россійскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстого (Москва 1825 г.) въ отд. II подъ № 251 на ст. 409, а въ каталогѣ Публичной Библіотеки въ отд. I № 327. Первое сочиненіе опубликовано Е. В. Пѣтуховымъ [1]), все что сохранилось отъ второго Н. А. Лавровскимъ [2]).

Сочиненіе „О царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ“ въ подлинникѣ (рукописи) находится въ рукописномъ синодикѣ Императ. Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ F. I, 324, Толст. I. 184, писанномъ полууставомъ и скорописью XVII в.

---

[1]) Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе „О царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ“. Сообщеніе Е. В. Пѣтухова; Памят. Древ. Письм. XCIII. 1893.

[2]) Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтеніе въ Импер. Обществѣ Исторія и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Повремизданіе, 1861, іюль—сентябрь (отд. III матеріалы славянскіе).

По мнѣнію Е. В. Пѣтухова, сочиненіе это относится къ началу XVII в.

На лл. 70 — 83 об. рукописи находится сочиненіе безъ заглавія, трактующее о царствіи небесномъ и л. 84 — 86 заключаетъ въ себѣ увѣщанія къ родителямъ о томъ, какъ надо воспитывать дѣтей, чтобы вѣрнѣе приготовить ихъ къ полученію царствія небеснаго; лл. 87—88 представляютъ краткую замѣтку „къ читателю", въ которой авторъ передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своей жизни и характеризуетъ себя со стороны умственной и нравственно-религіозной.

Г. Пѣтуховъ предполагаетъ, что всѣ три части названнаго сочиненія принадлежатъ одному и тому же автору, и такимъ авторомъ считаетъ князя Ивана Андреевича Хворостинина. По даннымъ, добытымъ г. Платоновымъ, кн. И. А. Хворостининъ немало потрудился, по порученію московскаго правительства, въ должности воеводы въ разныхъ городахъ и въ качествѣ полководца въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ. Отношенія его къ верховной власти, при смѣнѣ правительствъ, были различны и для него весьма тревожны: онъ навлекъ на себя неудовольствіе властей и обвиненіе въ измѣнѣ и въ намѣреніи отъѣхать на Литву, а съ другой стороны, подвергшись иноземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, не разъ подавалъ поводъ обвинять себя въ еретичествѣ; былъ двукратно заточенъ въ монастырь и освобожденъ въ послѣдній разъ только въ 1624 году. Умеръ онъ 28-го февраля 1625 года.

Въ сочиненіи о царствіи небесномъ авторъ, воодушевленный мечтой о благахъ небеснаго царствія, которое ожидаетъ всякаго праведника, горячо призываетъ къ помышленію о будущей жизни, какъ единственному пункту, который достоинъ нашихъ заботъ, стремленій и ожиданій,—и затѣмъ далѣе идетъ обширное изображеніе царствія небеснаго, причемъ авторъ пользуется преимущественно пріемомъ сравненія послѣдняго съ земною жизнью: то, что̀ является здѣсь въ формахъ несовершенныхъ и въ зачаткѣ, тамъ явится въ видѣ полномъ и превосходящемъ всякую мѣру того совершенства, о которомъ только мы здѣсь можемъ помышлять. Естественно, что мысль о царствіи небесномъ, пребываніе въ кото-

ромъ исполнено будетъ величайшаго блаженства, заставляетъ автора смотрѣть на настоящую земную жизнь весьма мрачно [1]).

Средствомъ для достиженія небеснаго царствія служитъ главнымъ образомъ просвѣщенье, ученье; авторъ говоритъ, что ученье полезно не только для этой цѣли, но и въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ: въ особенности указываетъ онъ на необходимость царямъ и владыкамъ имѣть при себѣ умныхъ и ученыхъ друзей и совѣтниковъ, которые послужатъ для нихъ опорой въ критическихъ обстоятельствахъ жизни. Авторъ высказываетъ свое глубокое убѣжденіе въ преимуществахъ просвѣщенія надъ богатствомъ, и потому совѣтуетъ родителямъ не столько заботиться о томъ, чтобы доставить своимъ дѣтямъ богатство, сколько о томъ, чтобы просвѣтить и направить къ добру ихъ умъ и сердце (эта мысль еще І. Златоустаго). Говоря о заботахъ родителей касательно дѣтей, авторъ указываетъ что главнѣйшею ихъ заботою должно быть стремленіе доставить дѣтямъ царствіе небесное.

Мы приведемъ важнѣйшія мѣста: Изъ „Предисловія и слововѣщанія ко читателемъ імуща нѣчто к родителем о воспитаніи чадъ [2]).

Всяко писаніе богодухновенно есть и полѣзно и слово Христово да всѣляется в васъ богатно... (ст. 48). Яко аще утвѣржение основание доброписании моемъ обрящетѣ, то есть чада церкви восточныя, яко же убо всяк нерадивый о том муку приемлет и наказуйте себѣ и чада своя в наказании і во учении Господнѣмъ. Свирѣпо есть человѣку научение, яки конь и ликъ не имуще бразды востѣгновѣние. Сѣдина есть человѣку мудрость, а возрастъ старость житие нескверно, якоже рѣче премудрый Соломонъ. Такоже рѣче и великии Василей: не иж вовврастъ младъ, но иже умомъ не соврѣшенъ, сѣ юнѣйший есть. Такождѣ и Григорей тѣзоимянитый богословъ рече: единъ есть благочадия предѣл добродѣтел уподоблѣние, чадная добродѣтел есть отчая слава. Іоанна Златоустаго свидѣтелство: сѣдина есть нѣ власы, но добродѣтель душевная мужества и учения. Отцы, иж о благоче-

---

[1]) Е Пѣтуховъ ст. 6–7.

[2]) Е. В. Пѣтуховъ; ст. 48. При этомъ слова сокращенныя и подъ титломъ будемъ писать полностію, какъ и раньше это дѣлали. М. Д.

стии не обыкають и не радяще о своихъ дѣтяхъ во ученіи, лютому осуждѣнию прѣдаются; таковии дѣтем своим убiицы бывают и своей душѣ, что равно еже устроити душу и пазидати юнного мысль, ибо всякаго живописца и образотворца, иж таковое умѣющему художество, опаснѣйши прилежати подобаетъ, но мы не единож о семъ творимъ слово. Чесо ради, рцы ми, не подражаите дрѣвнихъ, но и паче подобает и женѣ ревнивых мужества зрѣти. Аще родится отроча, подражай Анну; научися, что сотвори оная: приведѣ абие во церков. Кто отъ насъ нѣ бы восхотѣлъ Самойломъ быти, яко же восхостѣ сыну своему быти простцемъ, а нежели царемъ вселенныя? Итако вамъ невозможно, рѣку, быти таковымъ. Чесо ради невозможно? Занѣ не хощемъ ниже прѣдаемъ его во учение, научаете его могущим в богатствѣ жити, а не в Бозѣ житѣйствовати творите ихъ... Аще навыкнет философи быти изначала, богатство стяжалъ есть всякаго богатства болши і славу множественную, ищутъ вси бо его, почитати будутъ (ст. 50)... По истинѣ всякъ крѣпкий всѣученый, всяк единомышленный градъ прославленъ есть благоразумѣющему владыце; бѣзумен же ни внимает его. Того ради да не убо смотрнемъ, яко да богатыя оставимъ дѣти, но яко да добродѣтелны и праведны Богу представимъ. Аще бо на богатство надѣятися будутъ, то ни о чесом же прилѣжати будутъ другимъ... Да не убо оставиши богатество, да оставиши добродѣтель, ибо послѣднего безумия есть богатство... Подобаетъ убо царямъ и владыкамъ призывати мудрыя. мног бо пространѣние (sic) творят... (ст. 51).. По истинѣ убо учение истипна есть и истинини восхищаютъ его. Учение есть благоразумие просвѣщая очи сердечныя, опаляя нѣистовство самохотных стрѣмлѣниі; свѣща бо ото огня просвѣщенна есть входящая озаряет в храминѣ; очи благоученыя просвѣщаютъ всякого к добродѣтели грядуща, и языкъ правѣденъ влѣчет ко спасению.. (ст. 52).

Такимъ образомъ главная мысль автора, что надо заботиться не о томъ, чтобы оставить дѣтей богатыми, но „яко да добродѣтелны и праведны Богу представимъ". Ученіе ведетъ къ истинѣ, отъ него происходитъ всякая правда и благоразуміе, оно просвѣщаетъ очи сердечныя и удерживаетъ отъ неистовства самоволія.

Но гораздо болѣе богатъ мыслями и важенъ въ педагогическомъ отношеніи рукописный педагогическій сборникъ конца XVII в., предисловіе къ которому издано Н. А. Лавровскимъ.

По мнѣнію Н. А. Лавровскаго „это драгоцѣнный педагогическій сборникъ конца XVII в. [1]), служившій, безъ сомнѣнія, руководствомъ не только для старинныхъ русскихъ воспитателей, но для дѣтей [2]). Это работа книжнаго человѣка конца XVII вѣка какимъ былъ почтенный воспитатель князя П. М. Черкасскаго, работа самостоятельная по крайней мѣрѣ, по размѣщенію большею частію уже готоваго педагогическаго матеріала и по примѣненію послѣдняго къ данному частному случаю“ [3]).

Н. А. Лавровскій не указываетъ, кто былъ авторомъ указаннаго педагогическаго сборника и только предполагаетъ, что такимъ авторомъ могъ быть кто-нибудь изъ кіевскихъ ученыхъ, жившихъ въ концѣ XVII в. въ Москвѣ. Самый же сборникъ Лавровскій относитъ къ 80-мъ годамъ XVII столѣтія. „Вообще должно сказать, заключаетъ Н. А. Лавровскій, что весь этотъ педагогическій сборникъ даже въ томъ случаѣ, когда бы наибольшая часть содержанія самого предисловія оказалась впослѣдствіи прямо заимствованною изъ какихъ-нибудь, неизвѣстныхъ намъ теперь источниковъ, будетъ имѣть величайшую важность для характеристики старинняго русскаго воспитанія и занимать весьма почетное мѣсто въ бѣдной до сихъ поръ русской историко-педагогической литературѣ [4]).

Читая „Памятники старинняго русскаго воспитанія“, нельзя не остановиться на педагогическомъ сборникѣ XVII в. (такъ мы будемъ называть для краткости рукопись № 327 И. П. Б), и хотя педагогическіе взгляды, высказанные въ немъ, нельзя назвать вполнѣ самостоятельными, такъ какъ подобнаго рода мысли, хотя

---

[1]) Сочиненіе нравственнаго содержанія, раздѣленное на 4 главы, изъ коихъ остался начальный листъ первой и вся послѣдняя; все же прочее утрачено. Въ началѣ помѣщены стихи о Словѣ Божіи, еже есть хлѣбъ животный и предисловіе къ пречестнѣйшему князю Петру Михайловичу Черкасскому, въ чину ученичества возлежащу, отъ его учителя. Скорописная рукопись конца XVII вѣка на 58 листахъ.

[2]) Памят. ст. рук. вос. ст. 32.

[3]) id. ст. 58.

[4]) Пам. ст. рус. вос. ст. 71.

въ зародышѣ, встрѣчаются въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ; Пчелахъ, Измарагдахъ, Златоустахъ и Домостроѣ [1]), но все-таки они достаточно оригинальны и особенно по развитію и по строенію. Остается доказать, что они, дѣйствительно, оригинальны и нигдѣ раньше не были высказываемы. Изученіе и изслѣдованіе, опубликованное нами отдѣльно [2]) „Обѣда душевнаго“ и „Вечери душевной“ Симена Полоцкаго привело насъ къ несомнѣнному убѣжденію, что предисловіе къ педагогическому сборнику XVII в., приводимое Н. А. Лавровскимъ въ его Памятникахъ, есть не что иное, какъ сводъ педагогическихъ взглядовъ и мыслей Симеона Полоцкаго, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ „Обѣда душевнаго“ и „Вечери душевной“.

Въ виду важности факта мы приведемъ здѣсь подробное содержаніе предисловія къ педагогическому сборнику [3]) и укажемъ соотвѣтственныя мѣста въ сочиненіяхъ Симеона Полоцкаго.

Педагогическій сборникъ XVII вѣка начинается „Стихами о словѣ Божіи, еже есть хлѣбъ животный (см. Обѣдъ душевный ст. 4). Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, княже пречестный и учениче благочестивый, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ такъ говоритъ предисловіе къ педагогическому сборнику „Брашно укрѣпляетъ плоть, слово Божіе душу; брашно есть нужно въ путь житейскій; слово Божіе въ путь духовный“ (П. ст. р. в. ст. 33, Обѣдъ душевный ст. 7). Далѣе слѣдуетъ обширное разсужденіе о значеніи премудрости, которая дороже камня многоцѣннаго. При этомъ мудрость раздѣляется на: плотскую или мирскую и божественную. Мудрованіе плотское смерть есть, когда Божію слову не повинуется оно буйство у Бога.. Кто же весь разумъ свой слову Божію покоряетъ

---

[1]) Такъ напр. уподобленіе сердецъ юношескихъ воску (по Платону) находится еще въ Пчелѣ (см. Древне-русская Пчела. В. Семенова. 1893 г. Спб. ст. 165); о необходимости и важности жезла почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ говорится какъ въ педагогическомъ сборникѣ XVII в., такъ и въ Златоустахъ, Измарагдахъ и Домо троѣ.

[2]) Цѣликомъ педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго по „Обѣду душевному“ и „Вечери душевной“ приведены въ „Русской педагогикѣ въ главнѣйшихъ ея представителяхъ“ М. Демкова 1898 г. См 25—39.

[3]) Съ указаніемъ страницъ по „Памятникамъ“ Н. А. Лавровскаго.

и дѣлается поборникомъ правды, тотъ мудрствуетъ не мірски, а божественно. Эту-то духовную мудрость можно раздѣлить на: сердечную, устную и дѣльную (Памят. ст. 36 и 37. Симеонъ Полоцкій въ тѣхъ же словахъ говоритъ о мудрости въ „Вечери душевной" ст. 224—225 и 228). Затѣмъ предисловіе говоритъ о необходимости привыкать къ труду измлада, воздвигать яремъ въ юности своей, ибо „юноша яко лѣторасль аможе хощеши преклонитися можетъ". Поэтому дѣтей нужно рано отдавать учителямъ „да трудолюбія налогъ пріимутъ во младости", ибо ей же работѣ пріобыкнутъ въ верстѣ юности, та имъ сладка будетъ, а не стужитъ и во предѣлѣхъ послѣдней ветхости (Памят. ст. 39. Вечеря душевная ст. 132).

Родители должны пріучать дѣтей своихъ „отъ младыхъ ногтей" къ добрымъ дѣламъ (Памят. ст. 36. Веч. душ. ст. 139 об.—140). По словамъ одного учителя (имени котораго не упоминается) надо въ первомъ семилѣтіи обучать дѣтей говорить „благая и чистая словеса, а не худая и скверная". Во второмъ семилѣтіи пусть дѣти учатся какому-либо „художеству", особенно же слѣдуетъ оберегать ихъ отъ дурныхъ примѣровъ. Затѣмъ уже въ третьемъ семилѣтіи дѣти должны быть обучаемы „страху" Божію и мудрости, еже како Богу жити, разумѣнію же и искусству, како честно гражданствовати въ мірѣ (Памят. ст. 40. Веч. душ. ст. 140—141). Сравнивая юношей съ древесными плодами, педагогическій сборникъ предостерегаетъ родителей, чтобы они имѣли присное тщаніе, да плодъ ихъ благъ будетъ „ибо не яко во древесѣхъ, по естеству, плодъ, или сладокъ, или горекъ рождается, но по наказанію рожденныхъ и по обыкновенію и воли родившихъ". Затѣмъ приводится уподобленіе философа Платона сердецъ юношескихъ воску. „Подобно воску сердца юношей всякій нравъ удобопріемлютъ". На томъ воскѣ напечатаетъ ли кто незлобиваго голубя, высокопарнаго орла, лютаго льва или трудолюбиваго вола, то навсегда до конца жизни своей пребудутъ таковыми (Памят. с. р. в. ст. 42. Вечеря душевная ст. 239—240).

По словамъ другого мудреца, юноша подобенъ новому сосуду глиняному, въ который что вольется вновѣ, того запахъ удержитъ надолго. Поэтому смотрите, родители, какъ слѣдуетъ воспитывать

дѣтей вашихъ: „добрыя слова и образы дѣлъ благихъ печатайте на вашемъ воскѣ, божественныя слова, а не скверныя и кощунныя, миро благовонное душеполезнаго ученія въ тѣ скудельные сосуды вливайте". При этомъ приводятся примѣры древнихъ, которые очень заботились о томъ, чтобы доставить своимъ дѣтямъ хорошихъ учителей (Пам. ст. 44, Веч. душ. ст. 241 об.).

По словамъ I. Златоустаго отъ благихъ родителей не могутъ рождаться злыя дѣти и самое главное, каковы будутъ родители, таковы и ихъ дѣти. Истиненъ сей глаголъ: обаче ни злоба, ни благость по естеству отъ родителей нисходитъ на чада, но по ученію родителей; но воли же и навыкновенію рожденныхъ, ибо „не естества, но воли есть злоба и доброта" (Памят. ст. 45 и 46 Вечеря душев. ст. 8—9). Но если и благіе родители, а дѣтямъ не даютъ должнаго воспитанія, все предоставляютъ ихъ своеволію, не подаютъ имъ совѣта, не наказываютъ за худые поступки, то золъ плодъ сотворится и у благихъ родителей будутъ злыя дѣти. Поэтому педагогическій сборникъ подаетъ совѣты, какъ слѣдуетъ воспитывать и учить дѣтей: первая вещь есть жезлъ, необходимый для наказанія непослушныхъ дѣтей „жезлъ бо есть злобы искоренитель и насадитель добродѣтели", вторая вещь — не позволять дѣтямъ вести знакомство со злыми „злаго возбраняти общества". Третья вещь—не показывать дурного примѣра „злаго по себѣ образа не являти чадомъ". Блюдитеся убо, о родителіе, да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазнію житія вашего. Да вѣсте же, яко отецъ долженъ быть въ дому аки солнце, мати же аки луна, чада яко звѣзды (Памят. ст. 50—51 Обѣдъ душевный ст. 543—546).

На третьемъ правилѣ прерывается предисловіе къ педагогическому сборнику XVII в., конецъ его утраченъ. Но мы съ увѣренностью можемъ его возстановить, взявъ изъ Обѣда душевнаго (ст. 546 и 547) слова: Четвертая вещь и послѣдняя есть, еже родителемъ, отъ младыхъ ногтей, отъ сосцу матерню страху Божію обучати младенцы своя" и весь чинъ ученія, состоящій изъ десяти правилъ. Мы увѣрены, что этимъ оканчивалось утраченное предисловіе къ педагогическому сборнику XVII вѣка, такъ какъ другихъ педагогическихъ мыслей у Симеона Полоцкаго нигдѣ не находимъ.

Отступленія отъ текста Обѣда душевнаго и Вечери душевной въ предисловіи педагогическаго сборника весьма незначительны. Такъ это мы замѣчаемъ на ст. 34 Памятниковъ по сравненіи съ 7 ст. „Обѣда душевнаго". Изрѣдка замѣчается разница въ правописаніи. Педагогическій сборникъ пишетъ „во брани гражданстѣй" (ст. 34), „отъ младыхъ нохтей" (ст. 39) „мяхкосердіе"; Симеонъ Полоцкій: „во брани гражданстей" (Об. душ. ст. 7) „отъ младыхъ ногтей" (Веч. душ. ст. 140) „мягкосердіе".

Такимъ образомъ для насъ является несомнѣннымъ, что предисловіе къ педагогическому сборнику конца XVII вѣка, хранящемуся нынѣ въ Импер. Пуб. Биб. въ С.-Петербургѣ (рукоп. № 327) составлено изъ разныхъ мѣстъ „Обѣда душевнаго" и „Вечери душевной" Симеона Полоцкаго. Кѣмъ былъ составленъ самый педагогическій сборникъ трудно сказать, вѣроятнѣе всего, что кѣмъ-либо изъ учениковъ Симеона Полоцкаго, которому хорошо были извѣстны мысли своего учителя. Онъ при составленіи не утруждалъ себя, а воспользовался готовымъ уже матеріаломъ, заключавшимся въ „Обѣдѣ душевномъ" и „Вечери душевной", которые къ тому времени, если еще и не были напечатаны въ Верхней Типографіи, навѣрное существовали уже въ рукописи. При этомъ онъ извлекъ изъ нихъ всѣ педагогическіе взгляды, высказанные С. Полоцкимъ разновременно, ничего не принеся новаго въ предисловіе къ педагогическому сборнику, а только повторивъ старое. Словомъ, неизвѣстный составитель въ данномъ случаѣ поступилъ такъ, какъ совѣтовалъ Іоанникій Галятовскій проповѣднику: „Изъ слова на св. великомученика Георгія ты можешь составить на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и другихъ мучениковъ: та же будетъ тема: тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюзія, только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія, Евстафія и др. [1]). Такъ и поступилъ онъ, выписавъ всѣ педагогическіе взгляды изъ „Обѣда душевнаго" и „Вечери душевной" и замѣнивъ только обращеніе, вмѣсто „слушателіе православніи" „людіе православніи" — „родителіе" или „родителіе чадолюбивіи".

[1]) Ключъ разумѣнія. Ч. II, листы 125—127.

Такимъ образомъ считаемъ несомнѣннымъ, что педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго, высказанные разновременно и на разные случаи въ его „Обѣдѣ душевномъ“ и „Вечери душевной“ цѣликомъ перешли въ предисловіе къ педагогическому сборнику XVII в., и на него можно смотрѣть какъ на сводъ педагогическихъ взглядовъ Симеона Полоцкаго.

О самомъ педагогическомъ сборникѣ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ почти весь онъ утраченъ.

Приведемъ нѣкоторыя сохранившіяся мысли изъ него (по Памятникамъ Н. А. Лавровскаго ст. 56): „Любимича долженствуемъ стяжавше памятовати того: Пещися. Хранити тайны. Совѣтовати во всемъ. Долженствуемъ благотворити врагомъ. Любити. Не ругатися. Вѣрити имъ никогда же. Рабы долженствуютъ господы чествовати. Послушаніе, боязнь рабы долженствуютъ владыкамъ. Рабомъ Господаре долженствуютъ благодать. Любовь. Мзду безъ умаленія. Мѣру равну имѣти. Судъ праведенъ и безъ продолженія имѣти. Сѣдаго долженствуемъ чествовати. Нищія долженствуемъ миловати. Каятися беззаконія и не стыдѣтися“.

Источники и пособія: Сообщеніе Е. В. Пѣтухова „Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Пам. Др. Пис. XCIII. 1893.—Н. А. Лавровскаго. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чт. въ Имп. Об. ист. и Др. Рос. 1861. Іюль-сентябрь. Сочиненія Симеона Полоцкаго: Обѣдъ душевный и Вечеря душевная, указанныя въ предыдущей главѣ. М. И. Демковъ. Русская Педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Опытъ педагогической хрестоматіи. Москва. 1898 г.

Глава XXV.

Московская Эллино-Греческая Академія (1685 — 1700). — Дѣятельность братьевъ Лихудовъ.

Несомнѣнно, что къ концу XVII вѣка не только возросъ интересъ къ просвѣщенію въ Московской Руси, но и сознана была мысль о необходимости заведенія высшей школы для поддержанія и развитія просвѣщенія. Существованіе греческаго типографскаго училища признано было недостаточнымъ; явилась мысль объ устройствѣ Академіи.

Весьма вѣроятно, что мысль эта принадлежитъ Симеону Полоцкому и не безъ его вліянія составлена была извѣстная привилегія на учрежденіе Московской Академіи.

По общему характеру своему, какъ справедливо замѣчаетъ Л. Н. Майковъ [1]), проектъ (привилегія) довольно близко соотвѣтствуетъ образу мыслей Полоцкаго и можно думать, что первоначально проектъ былъ составленъ еще Симеономъ и что лишь по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ замедлилась при его жизни утвержденіе грамоты царемъ". „При составленіи грамоты, говоритъ г. С. Смирновъ, руководствовались уставами западныхъ университетовъ и академій. Представителемъ западнаго образованія былъ у насъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ наставникъ его іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, учившійся въ польскихъ академіяхъ имѣвшій большую силу при дворѣ. Его вліяніемъ только и можно объяснить, что западныя академіи взяты были въ примѣръ при устройствѣ Академіи Московской; сочинителемъ грамоты, кромѣ его, признать некого. Митрополитъ Евгеній въ Слов. Писат. духов. чина и Надеждинъ въ статьѣ о Палладіѣ Роговскомъ признаютъ составителемъ грамоты Симеона. Этому, повидимому, противорѣчитъ годъ, въ который подписана царемъ грамота (1682), ибо Симеонъ Полоцкій умеръ въ 1680 году. Но грамота могла быть написана ранѣе и подписана послѣ, такъ какъ извѣстно, что мысль завести

---

[1]) Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій.

Академію въ Москвѣ явилась у царя еще при жизни Полоцкаго... Сильверстъ Медвѣдевъ въ стихахъ, поднесенныхъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, восхваляетъ сочинителя грамоты, какъ ученикъ и другъ Симеона Полоцкаго:

Академіи привилій тебѣ вручаю
Иже любезнымъ ти братомъ созданъ есть.

Повелѣніемъ чинно написанъ есть (Древ. Рос. Вивл. ч. VI) [1]). Г. Мирковичъ авторомъ привилегіи также считаетъ Симеона Полоцкаго.

Г. Н. Каптеревъ отрицаетъ возможность, чтобы привилегія на Московскую Академію была написана Симеономъ, „что Симеонъ Полоцкій не былъ авторомъ привилегіи это видно изъ слѣдующаго: во первыхъ привилегія помѣчена 1682 г., а Симеонъ умеръ въ 1680 г.; во вторыхъ привилегіи нѣтъ въ бумагахъ Симеона (а между тѣмъ извѣстно, что онъ тщательно сохранялъ все, что писалъ) и странно было бы не сохранить привилегіи, которая должна бы занять самое видное мѣсто въ его произведеніяхъ. Въ третьихъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, преклонявшійся предъ ученостью, мудростью, и заслугами своего учителя, нигдѣ ни разу не говоритъ, чтобы привилегія была написана Симеономъ Полоцкимъ, хотя ему и приходилось нарочито говорить объ ея написаніи. Не говорятъ объ этомъ ничего и Лихуды (ст. 655 и 656).

Разсматривая содержаніе привилегіи необходимо придти къ такому заключенію, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые ея параграфы не только не были написаны Полоцкимъ, но составлены по поводу событій, имѣвшихъ мѣсто уже послѣ смерти Полоцкаго, и что нѣкоторые изъ нихъ направлены, если уже не прямо лично противъ него то противъ его послѣдователей и вообще сторонниковъ т. н. латинскаго ученія... По прямому свидѣтельству Лихудовъ не Полоцкій, а Медвѣдевъ молилъ царя Өеодора Алексѣевича объ открытіи въ Москвѣ Академіи (ст. 662). Такимъ образомъ въ то самое время, когда патріархъ Іоакимъ и сторонники греческаго ученія, вос-

---

[1]) С. Смирновъ. Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи.

воспользовавшись прибытіемъ въ Москву іеромонаха Тимоѳея, поспѣшили открыть въ Москвѣ греческое училище, сторонники латинскаго ученія, съ Медвѣдевымъ во главѣ, употребляли всѣ усилія побудить царя открыть въ Москвѣ Академію и пригласить для нея учителей изъ южно-руссовъ, т.-е. стремились водворить въ Москвѣ съ помощью ученыхъ южно-руссовъ т. н. латинское ученіе (ст. 663). Но Медвѣдевъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Проектъ Академіи необходимо перешелъ на предварительное разсмотрѣніе патріарха, а слѣдовательно и окружавшихъ его сторонниковъ греческаго ученія. Послѣдніе, съ своей стороны, постарались внести въ проектъ такой пунктъ, который подрывалъ всѣ надежды Медвѣдева и его сторонниковъ на призваніе въ Москву для учительства въ Академіи южно-русскихъ ученыхъ (ib.). Г. Каптеревъ находитъ несомнѣннымъ, что привилегія написана не Полоцкимъ, а принадлежитъ сторонникамъ греческаго ученія, такъ какъ въ ней рѣшительно высказывается тенденція въ пользу греческаго языка, латинскому же языку отводится второстепенное мѣсто" [1]) (ст. 67).

Взвѣшивая всѣ эти мнѣнія, мы приходимъ къ тому заключенію, что весьма вѣроятно, что мысль объ открытіи Академіи принадлежитъ Полоцкому, онъ же намѣтилъ въ главныхъ чертахъ и привилегію, но привилегія эта написана не имъ или же, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи значительно измѣнена. Симеонъ Полоцкій не допустилъ бы ограниченія для малорусскихъ ученыхъ, которыхъ онъ высоко уважалъ. Это было уже дѣло велико-русской партіи.

Привилегія эта заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться. Мы приведемъ изъ нея выдержки [2]).

„Знающе же убо едину оныхъ и прочихъ царскихъ должностей родительницу, и всякихъ благъ изобрѣтательницу и совершительницу быти мудрость: ибо оною паче иныхъ всѣхъ образовъ слава Божія умножается, православная наша восточная Вѣра отъ

[1]) Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ. 1889. СПб. Св. Отц. въ рус. пер. Книжка IV.

[2]) Привилій на учрежденіе Академіи напечатанъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ т. VI, изд. 2-е. Москва 1788. Изд. Н. Новикова.

злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется; варварскіе народы богознаніемъ просвѣщаются; иновѣрпая царствія во благовѣрію обращаются...... Тоюжде вся царствія благочинное расположеніе, и твердое защищеніе и великое распространеніе пріобрѣтаютъ. Сокращеннѣ же да речемъ: мудростью во вещѣхъ гражданскихъ и духовныхъ познаваемъ злое и доброе. Злое, да отъ него уклонимся, доброе же, да ему послѣдуемъ . . . (Посему) ни о чесомъ же тако тщаніе наше сотворяемъ, яко же о изобрѣтеніи премудрости, съ нею же вся благая отъ Бога людемъ дарствуются (ст. 399) . . . И благоволимъ въ царствующемъ нашемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ . . . на взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости, и собраніе общаго ради отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ благоискусныхъ дидаскаловъ, изощренія разумовъ, храмы чиновъ Академіи устроити; и во оныхъ хощемъ сѣмена мудрости, то есть науки гражданскія и духовныя, начениие отъ грамматики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи учащей вещей божественныхъ, и совѣсти очищенія постановити...

При томъ и ученію правосудія духовнаго и мірского, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость Академіи, сирѣчь училища, составляется быти (ст. 402).

„А иже имутъ, говорится въ привилегіи, „изъ Литовскія страны и изъ Малыя Россіи и изъ иныхъ странъ ученые люди пріѣзжати, и онымъ безъ подлиннаго о нихъ извѣстія и достовѣрныхъ благочестивыхъ людей свидѣтельства словесѣмъ ихъ не вѣрити и въ блюстители и во учители ихъ не устрояти, аще бы кто изъ нихъ и писаніемъ правду вѣры нашея восточныя удостовѣрялъ [1]).

Блюститель и учители Академіи должны быть, по требованію привилегіи, цѣловать крестъ, что будутъ крѣпко и нерушимо содержать православную вѣру, охранять и защищать ее отъ вторженія всѣхъ другихъ вѣръ и ересей; въ случаѣ же нарушенія крестной присяги, полагалось наказывать ихъ лишеніемъ чина и званія, а въ случаѣ хулы на православную вѣру, „безъ всякаго милосердія“ сожигать. Лучшимъ ученикамъ обѣщалось, по оконча-

---

[1]) Древ. росс. вивліое. Ч. VI; ст. 406—407.

ніи курса свободныхъ наукъ, достойное мздовоздаяніе; они, по словамъ привилегіи, „будутъ пожалованы въ приличные ихъ разуму чины“. Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію для поступленія на царскую службу, должны быть испытываемы въ Академіи, и получившіе одобреніе принимаются на службу, не получившіе же одобренія изгоняются изъ государства. Блюститель и учители должны наблюдать также, чтобы никто не держалъ у себя польскихъ и латинскихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ еретическихъ книгъ, а также волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всѣхъ вообще, возбраненныхъ церковью. Государственная библіотека передавалась блюстителю Академіи съ учителями на вѣчныя времена.

При чтеніи привилегіи нельзя не замѣтить высокаго уваженія къ мудрости „царскихъ должностей родительницѣ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ, черезъ которую въ вещахъ гражданскихъ и духовныхъ познаемъ доброе и злое“. Ради этой мудрости устрояется Академія, въ которую вводятся науки гражданскія и духовныя. Философія, согласно привилегіи Московской Академіи, опредѣляется какъ логика, физика и этика. Логика заключаетъ въ себѣ всю филологическую часть человѣческаго знанія (грамматику, риторику съ піитикой и діалектику). Физика или „философія естественная“ заключаетъ въ себѣ всѣ науки естественныя. Этика или „философія нравная“ заключаетъ въ себѣ науки юридическія, экономическія, и общественныя, вѣнецъ которыхъ составляетъ политика „царственная мудрость“. Такимъ образомъ въ понятіи о единой философіи заключается зародышъ факультетскаго раздѣленія образованія, которое, однако, не лишается чрезъ то значенія общаго образованія, оно существенно едино, какъ тройственное проявленіе единой мудрости.

Въ курсъ Академіи были введены языки: славянскій, греческій, латинскій и польскій. Такимъ образомъ, согласно привилегіи, Академія должна была быть высшимъ учебнымъ заведеніемъ съ общеобразовательнымъ курсомъ, который подготовлялъ бы молодыхъ людей на всѣ пути общественной дѣятельности; вообще же привилегія видѣла въ учрежденіи Академіи дѣло „богоугодное церкви Божіей и намъ, великому государю, и всему нашему царствію

полезное и душамъ вѣрнымъ спасеніе", а потому отъ водворенія образованія „мудрости" ожидалось преуспѣяніе духовное и гражданское. Но главнымъ образомъ, конечно, Академія должна была способствовать утвержденію и распространенію православной вѣры и охраненію ея отъ ересей.

Смерть царя Θеодора Алексѣевича, а затѣмъ бунтъ стрѣлецкій и волненія раскольниковъ, происшедшія тотчасъ послѣ его смерти, помѣшали открытію Академіи. Но что сію равно интересовались какъ великорусскіе такъ и малорусскіе ученые, видно изъ того, что ученикъ Славинецкаго Каріонъ Истоминъ (1683 г.) и потомъ ученикъ Полоцкаго, извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ (1685 г.), представили царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ свои стихотворныя просьбы объ открытіи Академіи, по мысли царя Θеодора. Но ихъ хлопоты не увѣнчались успѣхами, вѣроятно, потому, что въ это время уже ожидали учителей изъ Греціи и до прибытія ихъ открытіе Академіи считали преждевременнымъ.

Просьба о присылкѣ учителей къ греческимъ патріархамъ была послана Θеодоромъ Алексѣевичемъ чрезъ окольничьяго Чирикова въ 1681 г. Случилось такъ, что къ этому времени (въ мартѣ 1683 г.) прибыли въ Константинополь два ученые брата Іоанникій и Софроній Лихуды. Испытавъ ихъ въ ученіи православной церкви и поближе узнавъ ихъ, патр. константинопольскій Діонисій, съ согласія другихъ трехъ патріарховъ, рекомендовалъ ихъ русскому послу, царямъ и патріарху, какъ людей обучившихся „во священномъ ученіи довольнѣ", которые „объяти быша философскими же и богословскими науками толико, яко силу имѣти довольную и учениковъ научати; и Священное Евангеліе проповѣдати благочестивымъ христіанамъ православно и благочестиво" [1]). Охотно принявъ предложеніе ѣхать въ Россію, братья Лихуды 3-го іюля 1683 г. оставили Константинополь, получивъ отъ Восточныхъ патріарховъ грамоту, удостовѣрявшую ихъ православіе и ученость. По пріѣздѣ въ Москву (6-го марта 1685 г.) Лихуды, при допросѣ, передали свою біографію, которую потомъ изложили въ одномъ изъ своихъ сочиненій, извѣстномъ подъ названіемъ

---

[1]) Мечецъ духовный, ст. 37.

Мечецъ Духовный. Изъ показаній ихъ видно, что они происходили отъ очень древняго знатнаго рода. Предки ихъ, князья Лихуды, въ царствованіе различныхъ греческихъ императоровъ были первыми сенаторами въ Константинополѣ.

Сами Лихуды учились девять лѣтъ въ Падуанскомъ университетѣ, гдѣ получили докторскіе дипломы. Возвратившись на родину, въ 1670 г. они приняли монашество: старшій подъ именемъ Іоанникія, младшій — Софронія. Отрѣшившись отъ міра, Лихуды предались наукѣ и педагогическому дѣлу и такъ зарекомендовали себя въ этомъ отношеніи, что константинопольскій патріархъ счелъ ихъ вполнѣ достойными для отправки въ Россію съ просвѣтительной миссіей.

Прибывъ въ Москву и поселившись въ Богоявленскомъ монастырѣ, Лихуды уже въ концѣ 1685 г. приступили къ учебному дѣлу. На первый разъ школа ихъ была невелика и состояла изъ 5 учениковъ типографскаго училища. Потомъ присоединились къ нимъ еще два. Но такая дѣятельность была слишкомъ узка, и Лихуды усиленно хлопотали объ открытіи задуманной раньше Академіи. Благодаря дару іер. Мелетія (2 т. руб.) и содѣйствію могущественнаго въ то время при дворѣ князя В. В. Голицына [1]), удалось въ теченіе одного года выстроить зданіе для Академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Когда зданіе было готово, самъ патр. Іоакимъ „съ великимъ торжествомъ со священнымъ соборомъ" соблаговолилъ присутствовать при открытіи его. Онъ приказалъ Лихудамъ переселиться въ него и начать ученіе. Такимъ образомъ открыто было въ Московской Руси первое высшее заведеніе. Въ исторіи его различаютъ нѣсколько періодовъ: первый простирается отъ Лихудовъ до Палладія Роговскаго (1685 — 1700 г.) [2]); въ этомъ періодѣ замѣтно преобладаніе греческаго образованія, и Академія называлась Еллино-Греческою; второй отъ Палладія Роговскаго до времени митр. Платона (1700—1775 г.), когда преобладало образованіе латинское и Академія называлась

---

[1]) Котораго Лихуды называли своимъ заступникомъ, защитителемъ, помощникомъ, покровомъ и прибѣжищемъ.

[2]) Такъ какъ она помѣщалась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, то называлась также Заиконоспасской школой.

латинскою или славяно-латинскою. Третій отъ времени митр. Платона до преобразованія Академіи и перемѣщенія ея въ Троицкую Лавру (1775—1814 г.) — Академія славяно-греко-латинская. Въ исторіи сѣверо-восточнаго образованія Московская Академія пріобрѣла такое же значеніе, какъ въ исторіи юго-западной Россіи Академія Кіевская.

Съ открытіемъ Заиконоспасской Академіи число учениковъ быстро возрастало. Прежде всего сюда были переведены всѣ ученики Типографскаго училища, затѣмъ, по указу царей, къ нимъ присоединены болѣе 40 боярскихъ дѣтей, и, наконецъ, охотниками явились нѣкоторые священники, іеродіаконы, монахи и всякаго чина царствующаго града Москвы" [1]).

Лихуды первыхъ своихъ учениковъ въ Богоявленскомъ монастырѣ учили одному только греческому языку; но съ открытіемъ Академіи, они открыли полный курсъ ученія свободныхъ наукъ на обоихъ языкахъ, отдавая, однако, преимущество греческому языку предъ латинскимъ. Академическая программа была весьма обширна, повелѣвалось учить „всѣмъ свободнымъ наукамъ", но для выполненія ея были непреодолимыя трудности. Не было прежде всего учебниковъ, по которымъ можно было изучать таковыя науки. Лихуды приняли на себя это трудное дѣло и по мѣрѣ того, какъ приготовляли тотъ или другой учебникъ открывали тотъ или другой классъ.

Первый классъ, грамматику, открыли они въ 1687 году, въ которомъ готовъ былъ уже краткій учебникъ; затѣмъ постепенно открывались слѣдующіе классы: піитика, реторика, логика и физика. Грамматика и піитика преподавались на одномъ греческомъ языкѣ, а реторика, логика и физика—на греческомъ и латинскомъ. Учебники, составленные Лихудами, свидѣтельствуютъ, что они много труда и ревенія отдали педагогическому дѣлу. Ученики ихъ настолько успѣвали въ наукахъ, что въ три года могли свободно говорить по-латыни и по-гречески и дѣлать переводы съ обоихъ языковъ на славянскій. Изъ школы Лихудовъ

[1]) Въ показаніи истины противъ Сильвестра Лихуды пишутъ о своихъ ученикахъ: ученицы иніи суть священницы, іеродіаконы и монахи, иніи князи мальчики, стольники и всякаго чина сего царствующаго града. (У Смир. ст. 25).

вышло не мало достойныхъ учителей, которые съ честью поддерживали славу Академіи. „Мудрѣйшіе учители“, какъ говоритъ г. Мирковичъ, не жалѣли своихъ силъ, трудовъ и времени; они хотѣли выполнить всю программу академическую, для чего съ особенною поспѣшностью издавали учебникъ за учебникомъ. Даже и въ Венеціи, куда Іоанникій отправился въ 1688 г., интересы Академіи стояли на первомъ планѣ, и Іоанникій написалъ учебникъ психологіи и физики. Онъ пробылъ въ Венеціи два года, и во все это время преподаваніемъ въ Академіи занимался только одинъ Софроній и, однакожъ, успѣлъ прочитать риторику на греческомъ и латинскомъ языкахъ и началъ читать логику. Патр. іерусалимскій Досиѳей, узнавъ о такой ревности и трудолюбіи Лихудовъ, писалъ къ нимъ въ 1692 году: „Радуемся о преуспѣяніи, еже Господь вами сотвори и творитъ“. И въ Москвѣ цѣнили ихъ труды: жалованья полагалось имъ, кромѣ кормовыхъ, 15 алтынъ на день, сумма довольно значительная по тому времени.

Учебныя руководства, составленныя Лихудами, нѣкоторыя писаны на одномъ греческомъ, другія на латинскомъ, а иныя на обоихъ языкахъ. Изъ шести учебниковъ, написанныхъ Лихудами въ промежутокъ времени съ 1686 г. по 1693 г., видно, что, какъ образованіе учителей, такъ и методъ ихъ преподаванія въ Академіи, имѣли схоластическій характеръ. Въ этомъ отношеніи Московская Академія походила на Кіево-могилянскую коллегію. Главнымъ авторитетомъ въ риторикѣ, логикѣ и физикѣ былъ Аристотель, обойтись безъ котораго въ то время было невозможно. По словамъ Лихудовъ, этотъ философъ „яко свѣтильникъ вселенную, невѣжествомъ одержимую, просвѣти“; уже нѣсколько вѣковъ всѣ почти академіи избрали его какъ бы „вождемъ и главою философіи“, вслѣдствіе того и мы, говорятъ они, намѣрены слѣдовать ему“. Лихуды написали: грамматику (краткую и пространную греческую и латинскую), пітику, реторику, логику, психологію и физику.

Краткая греческая грамматика составлена въ 1687 году по руководству К. Ласкара (изд. въ Венеціи въ 1673 г.), но нѣсколько сокращена. Первая часть грамматики начинается общими опредѣленіями качества буквъ; потомъ слѣдуетъ глава о именахъ, о

родахъ, видахъ и принадлежностяхъ и т. д. Вторая часть грамматики озаглавлена: περὶ συντάξεως и начинается изложеніемъ правилъ о согласованіи частей рѣчи; далѣе слѣдуетъ глава о видахъ глаголовъ. Третья часть грамматики толкуетъ объ удареніяхъ, о частицахъ энклитическихъ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ измѣненіи словъ. Пространная греческая грамматика написана Лихудами въ 1705 г. въ Ипатскомъ монастырѣ для учениковъ класса реторики, въ первой части (437 стр.) подробно и въ обыкновенномъ порядкѣ изложены правила о восьми частяхъ рѣчи; формы склоненій и спряженій изложены въ значительной полнотѣ; при каждой формѣ приложены діалектическія особенности и примѣры взяты изъ классиковъ, и по мѣстамъ изъ Новаго Завѣта. Во второй части Лихуды сравниваютъ синтаксисъ съ искусствомъ домостроенія: „что за польза, говорятъ они, собрать камни, песокъ, известь, желѣзо и другіе матеріалы для построенія дома, а къ самой стройкѣ не приступать?“ Въ синтаксисѣ подробно и ясно излагаются правила о согласованіи частей рѣчи. Латинская грамматика (рукопись М. Д. А. № 330) написана на основаніи греческихъ и италіанскихъ руководствъ. Она написана простымъ и понятнымъ языкомъ, приспособительно къ дѣтскому возрасту. Несмотря, впрочемъ, на простоту и краткость правилъ, первая часть грамматики знакомитъ уже учащихся съ именами лучшихъ классическихъ писателей и приводитъ краткія изреченія изъ Цицирона, Виргилія и другихъ.

Піитика (рукоп. М. Д. Академіи №№ 331, 332—о піитическомъ или стихотворномъ искусствѣ) написана на одномъ греческомъ языкѣ и изложена по вопросамъ и отвѣтамъ. Одинъ экземпляръ относится къ 1693 г., другой написанъ позже. Піитика раздѣляется на двѣ книги: въ первой говорится о свойствѣ слоговъ, о поэтическомъ видоизмѣненіи всѣхъ частей рѣчи, о стопахъ и стихосложеніи; вторая книга содержитъ прибавленія о различныхъ видахъ стопъ. Изложеніе піитики, при всей краткости, отличается ясностію: авторъ ничего не говоритъ о родахъ стихотворныхъ произведеній, его дѣло — научить учениковъ писать стихи ἐμμέτρως καὶ εὐκόσμως. Поэтому онъ даетъ имъ понятіе о размѣрѣ стихотворной рѣчи, о стихосложеніи сафическомъ, анак-

реонтическомъ, говоритъ о Пиндаровыхъ строфахъ, антистрофахъ и эподахъ и т. п. Примѣры для объясненія правилъ взяты по мѣстамъ изъ Гомера, но большею частію приводятся стихи духовнаго содержанія, изъ коихъ многіе принадлежатъ самимъ Лихудамъ; таковы, напр., четверостишія къ Пресвятой Дѣвѣ, приложеніе тропарей на преполовеніе, на день святителя Николая.

Что касается реторики, то-есть, нѣсколько учебниковъ ея, принадлежащихъ Лихудамъ [1]. При сличеніи всѣхъ экземпляровъ реторики оказывается, что они содержатъ одно и то же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ. По свидѣтельству Поликарпова, Лихуды читали реторику на двухъ языкахъ: греческомъ и латинскомъ, а переводъ на русскій языкъ сдѣланъ уже по удаленіи Лихудовъ изъ Академіи въ 1698 году. Курсъ реторики первоначально написанъ Софроніемъ. При изложеніи ея онъ слѣдовалъ главнымъ образомъ Аристотелю, но пользовался также τέχνη Ρητορικῆς Франческо Скуффи, изд. въ Венеціи въ 1681 г., но нельзя не признать, какъ говоритъ г. Смирновъ, въ изложеніи реторики оригинальной самодѣятельности автора; онъ старается приспособить ее къ понятіямъ и національнымъ особенностямъ слушателей, отъ того реторика его отличается и отъ древнихъ руководствъ и отъ западно-европейскихъ учебниковъ того времени. Зная, что интересъ религіозный и преданность Государю выше всѣхъ интересовъ для русскаго, наставникъ постоянно выставляетъ на видъ высоту этихъ потребностей и рѣдко обращается за примѣрами къ языческой древности, показывая тѣмъ, что сама Русь богата предметами, достойными художественнаго слова. Въ самомъ началѣ Софроній представляетъ раздѣленіе краснорѣчія на божественное, героическое и человѣческое. Божественное краснорѣчіе содержится въ Св. Писаніи, въ богодохновенныхъ глаголахъ пророковъ и апостоловъ: „небесная риторика, говоритъ онъ, совсѣмъ не такъ дѣйствовала, какъ пѣснь баснословнаго Орѳея; она переродила волковъ въ агнцевъ и въ звѣрскихъ душахъ язычниковъ воспламенила любовь къ благочестію, цѣломудрію и кротости.

---

[1] Рукоп. М. Д. А. №№ 329 и 324. Рукоп. Рум. Муз. № 245. Рукоп. въ библіот. царс. № 77.

Это краснорѣчіе есть языкъ ангеловъ". Краснорѣчіе героическое заключено въ твореніяхъ св. отцовъ церкви; а человѣческое—въ сочиненіяхъ Демосѳена, Цицерона и другихъ ораторовъ. Послѣ этого предлагаются общія вступительныя понятія о стихіяхъ реторики, о достоинствѣ и пользѣ ея, и потомъ о частяхъ, которыхъ насчитывается пять: изобрѣтеніе, краснорѣчіе, расположеніе, соображеніе и произношеніе. Это дѣленіе взято изъ реторики Скуффи. Въ первой книгѣ предлагается ученіе о мѣстахъ топическихъ, которыхъ два рода: внутреннія и внѣшнія; каждая изъ этихъ послѣднихъ подраздѣляется на 16 отдѣловъ; существуютъ своего рода подраздѣляенія и т. д. Въ книгѣ второй говорится о тропахъ, фигурахъ словъ и мыслей, о періодахъ и хріяхъ. Въ третьей разсуждается о расположеніи и частяхъ ораторской рѣчи, о вступленіи, повѣствованіи, силлогизмѣ, поведеніи, эпилогахъ. Четвертая книга о памяти или соображеніи въ реторикѣ Лихудовъ выпущена, и вмѣсто нея поставленъ трактатъ, въ которомъ преподаются правила, какъ писать похвальныя слова—панегирики, слова благодарственныя, на побѣду надъ врагами, на прибытіе пословъ, коронованіе царей, слова надгробныя. Надобно отдать честь Софронію, говоритъ г. Смирновъ, за чрезвычайно ясное изложеніе науки, за чистый и живой языкъ и за самое направленіе, господствующее въ учебникѣ. Реторическія понятія Аристотеля, проведенныя чрезъ строгія формы философскаго мышленія, въ реторикѣ Лихуда чужды излишней отвлеченности и выражены просто и удобопонятно". Указавъ, что называютъ реторикой Платонъ и Аристотель, Софроній опредѣляетъ реторику какъ науку или искусство, научающее говорить хорошо (καλῶς), правильно (εὐμεθόδως) и красиво (διακεκοσμημένως).

Для поясненій правилъ реторики приведено множества примѣровъ изъ Св. Писанія, библейской исторіи, твореній св. отцовъ и учителей церкви, а иногда изъ русской церковно-гражданской исторіи. Логика [1]) представляетъ частью коментаріи на логику и аналитику Аристотеля, изложенные притомъ сокращенно и на введеніе въ логику Порфирія и состоитъ изъ тѣхъ же многочи-

[1]) Рукоп. Моск. Д. А. № 300.

сленныхъ дѣленій и подраздѣленій. Во введеніи идетъ разсужденіе о логическихъ терминахъ, о предложеніяхъ, о соединеніи понятій и объ умозаключеніяхъ. Умозаключеніе раздѣляетя на четыре вида: силлогизмъ, введеніе, примѣръ и энтимему. Ученіе о силлогизмахъ взято изъ аналитики Аристотеля. Введеніе заканчивается изложеніемъ правилъ, коими должно руководствоваться въ діалектическихъ спорахъ. Наставникъ учитъ въ спорахъ наблюдать приличіе и благородство. За введеніемъ слѣдуютъ: „предварительные вопросы относительно всей логики Аристотеля". Въ этомъ трактатѣ рѣшаются вопросы о раздѣленіи логики, о значеніи ея, какъ знанія, о предметѣ логики, о характерѣ знанія. Авторъ раздѣляетъ логику на дидактическую и прикладную и доказываетъ, что она есть знаніе теоретическое. Основаніе этого ученія находится въ послѣднихъ аналитикахъ Аристотеля. Далѣе Софроній предлагаетъ „объясненія и вопросы на введеніе Порфирія" и говоритъ, что это введеніе полезно не только для объясненія категорій Аристотеля, но и для познанія всей философіи. О логикѣ Софронія должно замѣтить, что по изложенію она имѣетъ много общаго съ учебниками XVII в., наполненными схоластическими формами. Касательно содержанія слѣдуетъ сказать, что она основана главнымъ образомъ на Аристотелѣ, но Софронію были извѣстны и комментаріи на Аристотеля. Такъ опъ ссылается на Іоанна Грамматика, Филопона, Аверроеса и др. иногда не соглашается съ ихъ толкованіями и приводитъ собственныя. Въ логику Лихуда вошло нѣчто и изъ лекціи Герасима Влаха. Первый опытъ логики на русской почвѣ заслуживаетъ во всякомъ случаѣ похвалы и одобренія.

Психологія [1]) представляетъ толкованіе на книгу Аристотеля о душѣ по Ѳомѣ Аквинату, Герасиму Влаху и др., составленное Іоанникіемъ. Самъ Іоанникій пишетъ: что „у различныхъ философскихъ писателей написано о семъ предметѣ пространно, я собралъ и изложилъ кратко съ возможною ясностью". Психологія, впрочемъ, въ академіи не преподавалась.

Физика же въ Академіи читалась; объ этомъ говоритъ Поли-

---

[1]) Рукоп. Моск. Дух. Ак. № 310 и № 316.

карповъ въ своей исторіи Академіи и патр. Досиѳей въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Лихуды, говоритъ онъ, забавляются около физики и философіи“.

Камментаріи на физику Аристотеля были написаны Іоанникіемъ въ 1689 году для того же Валентина, для котораго написана и психологія; но по возвращеніи своемъ въ Москву, эти записки онъ предложилъ ученикамъ Академіи и читалъ ихъ послѣ логики.

Лихуды однако не успѣли прочитать всей физики и объяснили только двѣ первыя книги φυσικῶν Аристотеля и девять главъ второй. Форма изложенія та же, что и въ логикѣ, именно сперва объясняются вопросы изъ Аристотелевой физики, потомъ слѣдуетъ полемика.

Въ основу своихъ сужденій наставникъ часто беретъ св. Писаніе и этимъ оружіемъ поражаетъ древнихъ физиковъ и атомистовъ — Ѳалеса, Анаксагора, Демокрита, Эпикура и позднѣйшихъ толкователей Аристотеля; не щадитъ порой и самаго Аристотеля.

Толкованіе начинается вступленіемъ, въ которомъ наставникъ разсуждаетъ о предметѣ естественной философіи, объ отношеніи физики къ метафизикѣ и о раздѣленіи науки. Въ 9-ти главахъ первой книги содержится критическое ученіе о началахъ вещей естественныхъ, именно объ Аристотелевыхъ: матеріи, формѣ, лишеніи (ξέρησις) и о стихіяхъ, какъ началахъ, по ученію древнихъ. Во второй книгѣ о природѣ, искусствѣ и дѣйствіяхъ невольныхъ, о причинахъ: матеріальной, формальной, дѣйствующей и конечной. Въ третьей главѣ говорится о движеніи, дѣйствіи и страданіи.

Изъ разсмотрѣнія учебниковъ, написанныхъ Лихудами, можно видѣть, что они получили широкое, многостороннее образованіе и дали этому образованію религіозное направленіе. Нельзя упрекать ихъ даже въ томъ, что наука у нихъ была скована формами схоластики; кто изъ ученыхъ въ продолженіе десяти вѣковъ былъ свободенъ отъ нихъ? Однако же, надо отмѣтить, что въ Лихудахъ замѣтно стремленіе избавить науку отъ этого рабства: они опускаютъ множества вопросовъ, которые составляли предметъ безплодныхъ споровъ въ средніе вѣка; и приспособляясь къ понятіямъ своихъ питомцевъ, хотя примѣрами стараются разрѣшить

узелъ схоластическихъ вопросовъ. Аристотелю, правда, они слѣдовали, да и нельзя было не отдать дани уваженія величайшему мыслителю всѣхъ временъ [1]), но надо замѣтить, что поклоненіе ихъ предъ Аристотелемъ не было слѣпымъ, рабскимъ. Въ предисловіяхъ къ учебникамъ они обыкновенно заявляли „возслѣдуемъ", но „въ сокращеніи въ малѣ воспріявши изречемъ" или „постараемся преподать ее (физику) согласно съ ученіемъ Аристотеля, но будемъ остерегаться отъ всякаго мудрованія, несогласнаго съ нашею религіею и православіемъ". Такъ они, дѣйствительно, и дѣлали. То, что у Аристотеля было изложено слишкомъ обширно, они для облегченія учениковъ представляли кратко, сжато, притомъ въ строго православномъ духѣ.

Такимъ образомъ ученые греки, хотя преподавали науку въ Академіи по схоластическому методу, но не дали у насъ въ Россіи схоластикѣ полнаго развитія. Они первые подали примѣръ живого отношенія къ наукѣ, и этимъ принесли русской наукѣ несомнѣнную пользу. Необходимо выставить на первый планъ, что Московская Академія, какъ и Кіевская коллегія, явилась школой не профессіональной, даже не духовной, а общей, чѣмъ-то въ родѣ древне-русскаго университета. Въ § 5 привилегіи прямо сказано: „сему нашему училищу быти общему, и всякаго чина, сана и возраста людемъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободному; въ немъ всякія отъ церкви благословенныя благочестивыя науки да будутъ". Въ такомъ видѣ, какъ заведеніе открытое для всѣхъ, Академія явилась и на самомъ дѣлѣ. Когда на нее обратилъ вниманіе царь Петръ, онъ тоже высказался о ней, какъ о царской школѣ съ общимъ образованіемъ, изъ которой должны были выходить люди „во всякія потребы — въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство".

При такихъ дѣятельныхъ наставникахъ, каковыми явились братья Лихуды, неудивительно, что учащіеся оказывали быстрые

---

[1]) Ученіе Бэкона и Декарта еще не успѣли проникнуть въ школы и пріобрѣсть большое вліяніе.

успѣхи. Поликарповъ свидѣтельствуетъ, что на четвертомъ году по открытіи Академіи ученики перваго класса такъ хорошо ознакомились съ греческимъ и латинскимъ языкомъ, что перевели нѣсколько книгъ на русскій языкъ. Больше другихъ отличались дарованіями и трудолюбіемъ самъ Поликарповъ и Николай Головинъ, которые заняли послѣ Лихудовъ мѣста наставниковъ въ Академіи.

„Составъ классическаго ученія при Лихудахъ не можетъ быть обозначенъ во всей подробности: замѣтна только постепенность въ сообщеніи ученикамъ научнаго знанія. Ученіе начиналось грамматикой и ее читали въ трехъ классахъ: первый назывался infima и раздѣлялся на два отдѣленія infima inferior et superior; второй классъ назывался media — средній, а третій suprema — высшій. Въ этомъ послѣднемъ классѣ читали грамматику въ такомъ видѣ, чтобы приготовить учениковъ къ реторикѣ. Изучившимъ грамматику преподавали піитику, реторику, затѣмъ логику и физику. Всѣ эти науки преподавались Лихудами въ теченіе восьми лѣтъ (съ 1686 г. по 1694 г.) исключая физики, которой была прочитана только часть [1]). Съ новопоступившими учениками занимались воспитанники Академіи, дошедшіе до философіи. Несомнѣнно, что въ Академіи младшими учениками руководили старшіе. Учениковъ занимали реторическими и стихотворными упражненіями: въ 1690 г. они написали привѣтственную рѣчь патр. Адріану. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ учащіеся собирались въ аудиторію и слушали проповѣди или толкованія библейской исторіи. Въ извѣстное время они вели диспуты между собою и подвергались испытанію въ пріобрѣтенныхъ свѣдѣніяхъ. Патріархъ іерусалимскій писалъ (въ 1694 г), чтобы учениковъ каждый воскресный и праздничный день заставляли вступать въ споры для того, чтобы лучше изучали діалектику.

Преподаваніе Лихудовъ въ Академіи было прервано въ 1694 г., когда недовольный ими патр. Досиѳей, узнавъ, что они ввели въ Академію преподаваніе латинскаго языка (а можетъ быть, и по другимъ причинамъ), потребовалъ удаленія ихъ изъ

---

[1]) Смирновъ Исторія М. с. гр.-лат. Ак. ст. 67.

Академіи. Лихуды переселились въ типографію. Здѣсь они начали учить желающихъ италіанскому языку; при чемъ до 1697 г. обучали частнымъ образомъ; а затѣмъ 15-го мая 1697 г. состоялся офиціальный указъ, который приказывалъ имъ учить италіанскому языку дѣтей бояръ и иныхъ чиновъ. Это первое, дошедшее до насъ, правительственное распоряженіе о распространеніи знанія европейскихъ языковъ, вызванное, впрочемъ, политическими соображеніями. Въ предполагавшейся въ то время войнѣ Россіи съ Турціей, Россія искала союза съ Венеціей, а для сношенія съ нею требовались знатоки италіанскаго языка. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ самими Лихудами, видно, что у нихъ училось 10 чел.

Въ 1698 г. патр. Досиѳей обвинилъ Лихудовъ въ политической неблагонадежности, вслѣдствіе чего изъ типографіи ихъ сначала перевели въ Новоспасскій монастырь, а потомъ въ 1701 или 1702 г. сослали въ заточеніе въ Ипатьевскій Костромской монастырь. Къ счастію, нашлось лицо, которое приняло участіе въ судьбѣ Лихудовъ, то былъ Іовъ, митроп. новгородскій. Желая завести училища въ своей епархіи, онъ упросилъ Государя освободить Лихудовъ изъ заточенія и перевести ихъ въ Новгородъ. Это было въ 1706 г. Лихуды, тотчасъ по пріѣздѣ въ Новгородъ, занялись учебнымъ дѣломъ со всѣмъ „благодушіемъ и усердіемъ", что съ ихъ стороны было благодарностью Іову за оказанное благодѣяніе. На первыхъ же порахъ они открыли въ Новгородѣ школу съ двумя отдѣленіями, которыя м. Іовъ называлъ двумя школами: одну еллино-славянскою, а другую—просто славянскою. Школа пошла такъ хорошо, что м. Іовъ не могъ нахвалиться и учителями и учениками, и вообще школьнымъ дѣломъ. „Словеснѣйшіи учителіе честнѣйшіи іеромонаси Іоаннікій и Софроній Лихудіевы, писалъ онъ арх. Сильвестру, „во истину высокоучени суть, добри же и вѣрны, трезвы и бодры, и поучени усердни. Непрестанно бо на кійждо день учениковъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ письменомъ безъ всякаго сокрытія всєдушно обучаютъ".

Въ январѣ 1708 г. состоялся приказъ Государя возвратить Лихудовъ снова въ Москву. Софроній, ѣздившій въ Москву по дѣламъ типографіи, былъ даже удержанъ тамъ для преподаванія

греческаго языка. Іоаникій, по просьбѣ м. Іова, былъ временно оставленъ въ Новгородѣ; но затѣмъ и онъ перешелъ въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ до смерти занимались преподаваніемъ въ греческой школѣ, которую они содержали на казанскомъ подворьѣ. Въ Академію они болѣе не возвращались. Іоанникій умеръ 7 авг. 1717 г. Софроній 15 іюля 1730 г. Но и по удаленіи изъ Академіи Лихудовъ дѣло ихъ, благодаря ихъ ученикамъ, крѣпло и развивалось, и Академія положила хорошее начало русскому высшему (научному) образованію.

Изъ учениковъ Лихудовъ замѣчательны: Өедоръ Поликарповъ, бывшій наставникомъ въ Академіи и справщикомъ въ типографіи; Николай Головинъ, также наставникъ, потомъ справщикъ, Өеологъ, монахъ Чудова монастыря, Каріонъ Истоминъ, стихотворецъ и справщикъ, Козма Святогорецъ, іеродіаконъ Чудова монастыря Іовъ и іеромонахъ Палладій Роговскій, впослѣдствіи наставникъ Академіи.

Источники и пособія: Источникомъ служила Древняя Россійская Вивліоөика, т. 6-й, изд. 2-е. Москва. 1788. Изд. Н. Новикова.—Главнымъ пособіемъ С. Смирновъ, Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Москва. 1855.—Другія пособія: Мирковичъ. О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ. Ж. М. М. П. Часть CXCVIII. 1876 г. —Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія Славяно греко-латинской Академіи. Приб. къ тр. св. Отцовъ 1889. Кн. IV.

Глава XXVI.

Состояніе просвѣщенія въ Московской Руси XVII вѣка. Дѣятели просвѣщенія. Заключеніе.

Въ главѣ XIX этого сочиненія отмѣчено стремленіе къ просвѣщенію въ Сѣверо-восточной Руси первой половины XVII вѣка. Здѣсь остается показать, въ какомъ именно состояніи было просвѣщеніе въ XVII вѣкѣ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на книги, находившіяся въ обращеніи въ русскомъ обществѣ того времени. Въ XVI в. встрѣчаются по преимуществу минеи служебныя и праздничныя, тріоди цвѣтныя и постныя, паремьи, псалтири слѣдованныя, апостолы, служебники, житія святыхъ, пчелы, измарагды и златоусты. Эти книги изобильны и въ XVII вѣкѣ, но рядомъ съ ними существуютъ уже рукописныя ариѳметики, космографіи, азбуковники, лѣчебники, по большей части представлявшіе переводы съ иностранныхъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго, греческаго, италіанскаго и преимущественно съ польскаго. Кругъ свѣдѣній видимо расширяется: прежнія знанія признаются недостаточными; въ обществѣ возникаютъ другіе вопросы, помимо религіозно-нравственныхъ и богословскихъ. Являются такіе люди какъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго ученые иностранцы назвали великимъ, и царевна Софія; сами государи Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ являются любителями и покровителями просвѣщенія. Неудивительно поэтому, что у такого государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, способствовавшаго расцвѣту нашей умственной жизни, были и такія дѣти, какъ Ѳеодоръ, Софія и Петръ Великій.

Славившаяся въ XVI вѣкѣ въ Западной Европѣ Космографія Меркатора была переведена по указу царя Михаила Ѳеодоровича (1637 г.) переводчиками посольскаго приказа Лыковымъ и Дорномъ. Переведенъ былъ Orbis terrarum Меркатора, сирѣчь „Образецъ или четыре всего свѣта земель“. Е. Славинецкій, какъ извѣстно, перевелъ „Уставы гражданo-правительныя отъ Ѳукидидовой исторіи“ „Географіи двѣ части Европу и Азію съ латинска“, „Книгу врачевскую анатомію съ латинска“ и „Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ“. Извѣстны еще двѣ космографіи, русскій переводъ которыхъ относится къ концу XVII в. авторъ одной—италіанецъ Джіовани Ботеро; другая подъ названіемъ „Сказаніе о глаголемой космографіи. Сложена отъ древнихъ философовъ и переведена съ греческаго и римскаго на славянскій языкъ, сирѣчь на русскій, и пишетъ о земли всего свѣта книги сія“.

Первая географическая карта Московскаго государства была

составлена при Θеодорѣ Іоанновичѣ. Это такъ называемый „Большой чертежъ земли русской", дополненный при Годуновѣ и возобновленный при Михаилѣ Θеодоровичѣ (1626 г.), причемъ присоединено было изъясненіе подъ названіемъ „Книга Большой чертежъ". Вторичное исправленіе карты было при Θеодорѣ Алексѣевичѣ (1680 г.). Изъясненіе или описаніе расположено по путямъ сообщенія, т.-е. по дорогамъ и рѣкамъ, и написано простымъ, удобопонятнымъ языкомъ.

Изъ грамматикъ находились въ обращеніи грамматика Мелетія Смотрицкаго, въ первый разъ напечатанная въ Москвѣ въ 1648 г. Юрій Крыжаничъ написалъ „Граматично изказаніе", представляющее первый опытъ общеславянской грамматики. Въ XVII в. является и первый опытъ библіографіи. Онъ принадлежитъ Сильвестру Медвѣдеву, который составилъ „Оглавленіе книгъ, и кто ихъ сложилъ" [1]). Первую попытку систематической обработки лѣтописныхъ сказаній представляетъ „Краткое повѣствованіе" дьяка Θеодора Грибоѣдова, написанное во второй половинѣ XVII вѣка и послѣдовательно излагающее событія русской исторіи отъ Владиміра до воцаренія Θеодора Алексѣевича. Первымъ учебникомъ русской исторіи, находившимся въ школьномъ употребленіи до историческихъ трудовъ Ломоносова и потому издававшимся многократно былъ „синопсисъ" Гизеля. Изъ историческихъ сочиненій былъ очень распространенъ хронографъ или лѣтописецъ отъ сотворенія міра и до избранія на царство Михаила Θеодоровича, составленный Сергѣемъ Кубасовымъ, по византійскимъ хронографамъ, русскимъ лѣтописямъ и другимъ источникамъ до Іоанна Грознаго, съ царствованія котораго Кубасовъ писалъ отъ себя „что самъ существенно видѣлъ и что слышалъ отъ другихъ очевидцевъ (написаніе вкратцѣ о царехъ московскихъ, о образѣ ихъ, и о возрастѣ ихъ и о нравѣхъ)". Къ лѣтописнымъ сочиненіямъ XVII в., кромѣ отдѣльныхъ лѣтописныхъ сказаній, (лѣтопись о мятежахъ, повѣсть о самозванцахъ) относятся два лѣтописныхъ сборника: Никоновскій и Воскресенскій. Никоновскій

---

[1]) Издано Ундольскимъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846 № 3. Сильверстъ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской библіографіи.

списокъ составленъ при пособіи тѣхъ рукописей, которыя собраны были Никономъ, во время исправленія книгъ. Въ немъ сохранились весьма важныя свѣдѣнія о древнихъ временахъ, заимствованныя изъ такихъ рукописей, которыя нынѣ утрачены. Лѣтописныя свѣдѣнія дополнены посланіями, поученіями, біографіями. Разсказъ оканчивается 1630 г. Воскресенскій списокъ весьма важенъ для исторіи Московскаго государства въ XV и XVI в. Онъ оканчивается 1560 г. Кромѣ этихъ сборниковъ, замѣчательны: „Сказаніе объ осадѣ Троицкой лавры“ Авраамія Палицына (1624 г.) и „Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ“ Сильвестра Медвѣдева (1682 г.); іером. Тимоѳей Каменевичъ-Рвовскій написалъ исторію славяно-греко-латинской академіи.

Медицинскія познанія перестаютъ считаться колдовствомъ и входятъ въ кругъ нашей письменности, что видно изъ разныхъ статей и книгъ медицинскаго содержанія, вродѣ слѣдующихъ: „Книга, глаголемая Прохладный Вертоградъ . . . о различныхъ врачевскихъ вещахъ ко здравію человѣческому пристоящихъ, въ которой находится 341 глава о кровопусканіи, о птицахъ всякихъ, къ лѣкарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, о рыбахъ рѣчныхъ и морскихъ, о пчелѣ и о меду и о воскѣ, о заморскихъ и о русскихъ зеліяхъ, и о древесехъ и о травахъ, и о водахъ, изъ травъ перепущенныхъ, „о уксусе, о маслехъ, о солехъ, о сахарехъ, о сыропехъ и пр. и пр.“, гдѣ находятся свѣдѣнія по гигіенѣ, физіологіи, фармакологіи, и фармакогнозіи, а также и по другимъ естественнымъ наукамъ: о приготовленіи лѣкарствъ, о дѣланіи красокъ и т. п. родъ технологіи и фармакопеи и отрывки лѣчебника. „Проблемата . . . великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныхъ; такожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ такожде и о звѣриныхъ“. „Лѣчебникъ съ раскрашенными изображеніями травъ“ и нѣсколько общедоступныхъ лѣчебниковъ.

Въ это же время чаще начинаютъ являться статьи, въ которыхъ видны новые литературныя потребности и запросы въ обществѣ: это переводы сказокъ, повѣстей, романовъ и т. п.— литературныхъ произведеній другихъ народовъ; въ это время мы

встрѣчаемъ переводы, напр., басенъ Эзопа (писаніе философа Ессопа Индѣянина), переводъ произведеній персидскаго поэта Шихсади [1]). Появляются и оригинальныя повѣсти: „Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Нардина Нащокина, Аннушкѣ".

Къ важнымъ литературнымъ сочиненіямъ XVII в. относятся: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича" Котошихина и „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка" Юрія Крыжанича.

Сочиненія эти достаточно изучены и о нихъ довольно полныя свѣдѣнія даются даже въ курсахъ исторіи русской словесности, поэтому мы остановимся надъ ними по стольку, поскольку они касаются интересующаго насъ предмета.

Котошихинъ былъ дьякъ посольскаго приказа и занимался письмоводствомъ при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Спасаясь отъ непріятностей по службѣ, онъ убѣжалъ около 1664 г. въ Польшу, потомъ странствовалъ по Пруссіи, наконецъ поселился въ Стокгольмѣ и написалъ сочиненіе о Россіи. Положеніе Котошихина, писавшаго внѣ Россіи и, слѣдов., не связаннаго никакими офиціальными отношеніями, позволяло ему прямо говорить о всѣхъ недостаткахъ русской жизни. Разсказъ Котошихина вездѣ простъ, кратокъ и ясенъ; онъ говоритъ довольно безпристрастно, выражаетъ свои сужденія открыто и смѣло. Онъ разсказываетъ объ отсутствіи науки и образованія въ высшихъ сферахъ, о невѣжествѣ родовитыхъ бояръ, о ихъ спеси и чванствѣ, а, между тѣмъ, многіе изъ нихъ, засѣдая въ думѣ, часто ничего не могли отвѣтить на вопросы царя, потому что многіе изъ нихъ грамотѣ неученые; изображаетъ вредныя послѣдствія мѣстничества и другія неустроенія правовъ. По поводу того, что польскіе послы не были допущены съ дарами, Котошихинъ даетъ такое объясненіе: „Для того, говоритъ онъ, что московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученый, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры не смышлены и стыдливы; понеже отъ младенческихъ лѣтъ до заму-

[1]) См. под. у Д. Мордовцева. О русскихъ школьныхъ книгахъ, ст. 95.

жества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди, никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ. И потому должно дознаться отъ чего бы имъ быти гораздо разумными и смѣлыми". Короткими словами, но живо Котошихинъ рисуетъ все тогдашнее общество, и хотя въ XVII в. явились уже значительные умственные запросы, были и видные дѣятели просвѣщенія, но, въ общемъ, въ массѣ господствовала косность и апатія, женщина же, запертая въ теремъ, не принимала участія въ общественной жизни, была необразованна и мало могла содѣйствовать правильному воспитанію и образованію. Главная мысль, которую высказываетъ Котошихинъ повсюду въ своемъ сочиненіи, заключается въ томъ, что невѣжество, отсутствіе науки и недостатокъ просвѣщенія древней Руси, происходящіе вслѣдствіе ея отчужденія отъ „иныхъ государствъ", т.-е. отъ Европы—служатъ главнѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій русскаго народа и правительства". Но, въ общемъ, сочиненіе Котошихина имѣетъ характеръ простого историческаго разсказа и не задается мыслью, какими способами улучшить и измѣнить русскую жизнь.

Эту цѣль, напротивъ, преслѣдуетъ Юрій Крыжаничъ, родомъ хорватъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1658 г. и сосланный въ 1661 г. въ г. Тобольскъ.

Юрій Крыжаничъ всю жизнь положилъ на заботу о политическомъ объединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ и въ Россіи видѣлъ главный оплотъ противъ вреднаго чужеземнаго вліянія. Онъ хотѣлъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей Политикѣ, пробудить въ русскихъ сознаніе своей славянской народности и познакомить ихъ съ единоплеменниками, и для этой цѣли: 1) исправить и очистить славянскій языкъ и написать для него „добру грамматику и лексиконъ"; 2) написать исторію всего славянскаго народа, и 3) облегчить „обманы" иностранцевъ относительно славянъ вообще и въ частности русскихъ.

Сосланный въ Тобольскъ, какъ можно думать за свои рѣзкія осужденія недостатковъ русскихъ, онъ прожилъ тамъ 15 лѣтъ, написалъ между прочимъ: Граматично Изказаніе и Политику (изд. Безсоновымъ подъ заглавіемъ „Русское государство въ половинѣ

XVII в.“). Это самое важное сочиненіе Крыжанича, въ которомъ выражены всѣ его задушевныя мысли, чувства и стремленія. Вся Политика раздѣляется на три части: 1) о народномъ и державномъ благѣ и богатствѣ, 2) о силѣ державной и 3) о мудрости державной. Въ первой части Крыжаничъ разсматриваетъ источники богатства государства: торговлю, ремесла, земледѣліе, горные промыслы. Предлагая нѣсколько средствъ для улучшенія торговли, онъ между прочимъ, считаетъ полезнымъ, чтобы правительство не дозволяло никому открывать лавки съ товарами, пока не выучатся письму и счету. Замѣтивши, что русскія женщины ничего не умѣютъ дѣлать, Крыжаничъ для распространенія рукодѣлій, совѣтуетъ заводить для дѣвочекъ школы, въ которыхъ учили бы разнымъ рукодѣліямъ и хозяйственнымъ занятіямъ. При выходѣ замужъ такія воспитанницы должны показывать свидѣтельство о своемъ обученіи и успѣхахъ. Земледѣліе, говоритъ Крыжаничъ, всему богатству корень и основаніе. Для усиленія земледѣлія онъ совѣтуетъ перевести съ иностранныхъ языковъ полезныя о немъ сочиненія, изслѣдовать почву во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и узнать, что и въ какихъ мѣстахъ лучше можетъ расти. Нужно также позаботиться о разведеніи полезныхъ растеній, о пчеловодствѣ, скотоводствѣ, о разведеніи шелковичныхъ червей, сорочинскаго пшена и табаку“. Такимъ образомъ, уже у Юрія Крыжанича находятся дѣльныя мысли о поднятіи промышленности и земледѣлія Россіи, мысли осуществленныя только гораздо позже Петромъ Великимъ.

Въ третьей части своей Политики Крыжаничъ разсуждаетъ о мудрости вообще и въ частности о мудрости политической, при чемъ говоритъ: „Высшій даръ человѣка есть разумъ; дѣятельность разума выражается въ мудрости; мудрость же пріобрѣтается ученіемъ и книгами. Книги нужны для всѣхъ: „онѣ не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью; книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину“. Крыжаничъ думаетъ, что теперь то и настало время насадить мудрость и ученіе въ Россіи, и опровергая боязнь, чтобы ученіе не навлекло новыхъ ересей, говоритъ, что Магометъ не былъ мудръ, а наплодилъ же большую ересь; „а на Руси ересь встала развѣ

не отъ глупыхъ некнижныхъ мужиковъ? Отъ мудрости ереси искореняются, а отъ невѣжества пребываютъ... Святые отцы были мудры, а не зачинали ересей, но ратовали противъ нихъ [1]). Относительно просвѣщенія народа Крыжаничъ высказываетъ такого рода мысли: „Только дѣти высшихъ классовъ, и то не всѣ, а самыя богатыя, могутъ учиться греческому и латинскому языкамъ, исторіи, философіи и политикѣ, а люди низшіе и убогіе должны заниматься полезными науками, такъ назыв. трудовыми: математикой, астрономіей, медициной и пр. Философія, говоритъ онъ еще въ другомъ мѣстѣ, если станетъ общимъ достояніемъ народа, то повлечетъ за собою многіе вопросы и волненія, будетъ отвращать людей отъ труда къ праздности, что мы и видимъ у нѣмцевъ. Не должно всѣ кушанья подправлять медомъ, потому что медъ производитъ тошноту; точно также и философію не слѣдуетъ передавать всему народу, а только сословію благородному и нѣкоторымъ изъ черни для того призваннымъ, насколько это нужно для службы государю, иначе достойнѣйшій предметъ пошлѣетъ, и жемчугъ мечется передъ свиньями" [2]). Эти мнѣнія Крыжанича весьма характерны для XVII в. и не разъ впослѣдствіи повторялись въ литературѣ.

Въ 1671 году прибылъ въ Москву на службу въ посольскій приказъ Николай Спаѳарій. Патріархъ Досиѳей далъ о немъ Государю самую лучшую рекомендацію, рекомендовалъ его, какъ „человѣка премудраго въ латинстѣмъ и славенскомъ, а наипаче въ еллинскомъ язицѣхъ, и русскаго скоро можетъ выучить и готовъ есмь переводити, дивенъ есть добрымъ писаніемъ, а болши всего что есть благочестивый христіанинъ... многіе государства и царства прошелъ ученія ради и есть яко громографъ (хронографъ), въ которомъ содержатся всякія дѣла вселенныя, хотя бы искать такого человѣка съ великими трудами, но не найтить, а Богъ его посылаетъ и пріидетъ онъ самъ къ вашему царствію... Прикажите ему переводити и толковати и писати исторіи и книги съ какова языка изволите" [3]).

---

[1]) Рус. Госуд. ч. I ст. 105—112.

[2]) Приведено у И. Порфирьева. Исторія русской словесности Ч. I. 1886. ст 679.

[3]) Гречес. статейные списки № 7 гл. 277 (Москов. арх. минист. иност. дѣлъ). Прив. у Каптерева. О греко-лат. шк. ст. 623.

Бояринъ Матвѣевъ воспользовался знаніями Спаѳарія и пригласилъ его учить сына „по гречески и по латыни литерамъ малой части". И дѣйствительно, это былъ человѣкъ весьма образованный, по своему времени. Николай Милеску (Спаѳарій) изъ рода молдавскихъ бояръ, получилъ образованіе въ Константинополѣ и въ Италіи [1]); игралъ довольно видную роль на родинѣ, состоя спаѳаріемъ при молдавскомъ господарѣ; послѣ неудачной интриги противъ послѣдняго ему былъ „урѣзанъ" носъ и онъ покинулъ родину. Между переводчиками въ Москвѣ онъ занялъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто и принялъ дѣятельное участіе въ составленіи книгъ „строившихся" въ приказѣ для царя Алексѣя Михайловича по инціативѣ Матвѣева, можетъ быть не безъ вліянія со стороны Спаѳарія, который явился главнымъ дѣятелемъ по составленію этихъ книгъ; въ 1671 г. участвовалъ въ составленіи „Государственной книги", въ 1672 г. составлены: Хрисмологіонъ, Мусы, Сивиллы, Ариѳмологіонъ 1673 г., Василіологіонъ 1674 г. приготовлено описаніе церкви Св. Софіи и т. п. Въ 1675 г. Спаѳарій былъ посланъ въ Китай. Кромѣ статейнаго списка, онъ велъ дневникъ путешествія, составилъ описаніе Китая и перевелъ сочиненіе Мартина De bello Tartarico.

Благодаря своимъ познаніямъ, своей извѣстности и сношеніямъ съ такими лицами, какъ патріархъ Досиѳей, Спаѳарій долженъ былъ возбуждать къ себѣ уваженіе и между русскими, по крайней мѣрѣ, со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ и болѣе просвѣщенныхъ вельможъ того времени, къ какимъ Де-ла-Невиль, отчасти со словъ самого Спаѳарія, причисляетъ князя Вас. Вас. Голицына, князя Черкасскаго и молодого Матвѣева. Эти лица, интересуясь успѣхами просвѣщенія, не могли не интересоваться и сочиненіями, и вообще бесѣдою образованнаго переводчика; могли они обращаться къ нему за совѣтами и указаніями, а можетъ быть и за непосредственной помощью въ видѣ уроковъ, когда дѣло касалось воспита-

[1]) Въ Константинополѣ онъ усвоилъ языки эллинскій, новогреческій, турецкій и арабскій и прослушалъ курсъ богословія, философіи, литературы и исторіи; позже свои знанія пополнилъ въ Италіи изученіемъ наукъ естественныхъ и математическихъ и, вѣроятно, латинскаго и италіанскаго языковъ. Современники его называли „vir polyglottus" „instruit aux langues", „всѣмъ языкамъ наученнымъ" и указывали на его спеціальныя познанія по исторіи.

нія ихъ дѣтей. Для нихъ, быть можетъ, и составлялись книги, подобныя Ариомологіи; для нихъ уже могли переписываться и другія сочиненія, составленныя первоначально для Посольскаго Приказа [1]). Такіе труды, какъ „Мусы" или „Ариомологія", составленные съ цѣлью помочь „любомудрому" читателю въ его стремленіи къ знанію, къ самообразованію, должны быть поставлены въ заслугу трудолюбивому компилятору, и большее количество списковъ Хрисмологіона и Ариѳмологіи является достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу ихъ и ихъ „мудраго" составителя [2]).

Исполнивъ возложенное на него царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ порученіе, Спаѳарій прибылъ въ Москву 5-го января 1678 года, когда на престолъ вступилъ уже Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Вскорѣ Спаѳарія обвинили въ неумѣньи вести посольскія дѣла и въ превышеніи власти, но процессъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій, и онъ, по прежнему, оставался въ посольскомъ приказѣ.

Въ 1694 г. мы находимъ Спаѳарія въ хлопотахъ на пользу просвѣщенія русскаго юношества: онъ заготовляетъ къ печати греческія и латинскія азбуки для славяно-греко-латинской академіи и ходатайствуетъ о высылкѣ съ Востока въ Московскую типографію справщиковъ „понеже трудъ надъ книгами великій". Награду за посольство онъ получилъ уже по смерти царя Ѳеодора Алексѣевича. О дальнѣйшей жизни Спаѳарія есть лишь скудныя извѣстія: умеръ онъ, вѣроятно, въ 1709 года

Для насъ особенно важна „Ариѳмологія" Спаѳарія, полное заглавіе ея слѣдующее [3]): „Ариѳмологія, сирѣчь численословная книга, въ ней же изчислѣніемъ описуются вещи достопамятныя и къ веденію весьма нуждные: впользу любомудрымъ тщателемъ, упражняющимся въ прочитаніи и во ученіи книжнемъ, издадеся и на три части разделися, іхже первая исчисляетъ вещи, о нихже самое Божественное Писаніе и святая Церьковъ научаетъ: второе,

---

[1]) См. И. Н. Михайловскій Очеркъ жизни и службы Николая Спаѳарія въ Россіи К. 1895 г. ст. 17.

[2]) И. Н. Михайловскій. Важнѣйшіе труды Николая Спаѳарія К. 1897 ст. 55,

[3]) По двумъ спискамъ Н. Кедрова и Императ. Публичной Библіотеки изъ собранія Богданова (по катологу И. А. Бычкова № 118).

о нихъ же философи любомудрствуютъ, третія же, въ нихъ же ноическое содержится ученіе". А въ послѣсловіи сказано „Совершися и преведеся новая сія книжица ариомологія отъ мудраго мужа Николая Спафаріа въ лѣто 7181 сентевріа въ 26 день". Въ другихъ же спискахъ [1]) заглавіе короче; „Ариемологія сирѣчь числовіе всѣхъ яже насъ учити могутъ, числомъ объемлемое" въ послѣсловіи же пропущено „ариемологія" и „мудраго мужа".

Состоитъ Ариемологія изъ предисловія, двухъ частей ариомологіи собственно и третьей, какъ бы приложенія, иоики, „сирѣчь нравы царственныя, се есть знаменіе царемъ и кесаремъ". Все содержаніе ариемологіи состоитъ изъ множества мелкихъ группъ; каждая группа состоитъ изъ отрывочныхъ мыслей, соединенныхъ въ одно цѣлое подъ одну общую мысль, при чемъ количество отрывочныхъ мыслей „исчисленіемъ описуется", то есть считается; напримѣръ, три начальницы страстей: славолюбіе, сластолюбіе, сребролюбіе или шесть всѣмъ общая суть: 1 храмы или церкви, 2 палаты судебныя, 3 училища, 4 торжища, 5 часы, 6 бани, или три сія весьма суть смѣятельная: 1 глаголати со своимъ образомъ, 2 братися съ тѣнію своею, 3 совѣта творити со безумнымъ и т. д. Отъ этого то исчисленія отрывочныхъ мыслей, соединенныхъ подъ одною общею и закрѣпленныхъ при ней численною формулою и самая энциклопедія получила названіе Ариемологіи.

Въ предисловіи развивается та мысль, что необходимо, чтобы заповѣди „Философіи иоики, какъ основанія гражданскія философіи домашнія и зрительныя" были крѣпко подкрѣплены въ насъ, что для этого зѣло непослѣднее, ниже безъ пользы зримое есть объяти числомъ ся „положенія" или „увѣщанія" „особенно младымъ умомъ", потому что „аще изрядная реченія краткимъ числомъ объемлются, въ памяти имѣти ихъ удобнѣе".

Изложить содержаніе двухъ частей ариемологіи довольно затруднительно. Начинается первая часть исчисленіемъ девяти чиновъ ангельскихъ, девяти музъ, семи свободныхъ искусствъ, пяти чувствъ,

---

[1]) Въ спискахъ Флорищевой Пустыни № 148 (140), Архангельской Духовной семинаріи № 229 (1036), Антоніева Сійскаго монастыря № 185 (1823) въ Чудовомъ монастырѣ (неправильно названъ у преос. Филарета ариеметикой) и Тверскомъ музеѣ № 3168.

трехъ благодатей, семи мудрецовъ, трехъ адскихъ мучительницъ, семи планетъ, четырехъ стихій или элементовъ, четырехъ частей лѣта, т.-е. годы и т. д. При этомъ перечисленіи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлаются объясненія.

Вторая часть озаглавлена „Ариѳмологія нравовъ отъ различныхъ творцовъ“, и въ первой своей половинѣ заключаетъ рядъ „увѣщаній“ житейской мудрости. Третья часть представляетъ дословный переводъ сочиненія Nicolai Reissneri Leorini Symbolorum Imperatorum Francf. 1627, въ коемъ приводятся девизы различныхъ императоровъ и толкованіе этихъ девизовъ.

Г. Н. Кедровъ считаетъ „Ариѳмологію“ лучшею школьною энциклопедіею XVII вѣка и по замыслу, и по выбору содержанія, и по методу изложенія, энциклопедіею, которая, удовлетворяя и нравственно-религіозному настроенію читателей своего времени, и естественному стремленію ума къ реальному познанію природы, была въ тоже время свободна отъ тѣхъ суевѣрій, какія такъ обыкновенны въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ того времени. „Въ Ариѳмологіи“ вполнѣ выразился характеръ тѣхъ дидактическихъ сочиненій, которыя были любимыми книгами русскаго народа не только въ XVII в., но и значительно раньше и даже позже этого вѣка. Съ пробужденіемъ потребности къ образованію, предки наши не столько нуждались въ такихъ спеціально научныхъ книгахъ, какъ Альгоризма, сколько въ такихъ, изъ которыхъ можно было бы въ короткое время узнать, какъ можно болѣе вещей“ [1]).

Дѣйствительно, содержаніе „Ариѳмологіи“ весьма разнообразно. Кромѣ свѣдѣній богословскихъ, кромѣ наставленій нравственныхъ и правилъ житейскаго опыта, въ этомъ трудѣ Спаѳарія много свѣдѣній изъ классической миѳологіи, свѣдѣній естественно-историческихъ (напр. „свойства нѣкимъ животнымъ“) и, вообще, свѣдѣній научныхъ. Но, задумавъ воспользоваться числомъ, какъ мнемотехническимъ средствомъ, Спаѳарій не вездѣ могъ „описать“ тѣ „разнообразныя вещи достопамятныя и къ веденію нужныя“, какія онъ приводитъ, хотя бы и въ первыхъ двухъ частяхъ, а

---

[1]) См. Н. Кедровъ. Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. CLXXXIII. 1876 г.

третья этого „численнословнаго“ пріема въ себѣ совсѣмъ не заключаетъ. Мѣстами встрѣчаются противорѣчія, повторенія и непослѣдовательность въ объясненіи мыслей. Быть можетъ, и самый замыселъ принадлежитъ не Спаѳарію, а оригиналу, съ котораго „переведеся этотъ трудъ“ Подлежитъ также сомнѣнію, чтобы „Ариѳмологія“ была составлена спеціально для школы.

Изъ обзора „Ариѳмологіи и другихъ книгъ, переводившихся и строившихся, преимущественно, для дворца и посольскаго приказа мы видимъ, что, вслѣдствіе пробудившейся потребности знанія, особенно нуждались въ такихъ книгахъ, изъ которыхъ можно бы было поскорѣе узнать какъ можно болѣе необходимыхъ вещей. Для взрослыхъ людей, хотѣвшихъ быть и слыть образованными, всего нужнѣе были краткіе учебники и энциклопедіи, чтобы изъ немногихъ книгъ узнать какъ можно больше. Но, если старикъ Морозовъ въ разговорѣ съ учеными иностранцами горько жаловался, что въ молодости не получилъ образованія, то люди, подобно Морозову, которыхъ становилась все больше и больше, необходимо должны были прійти къ мысли дать образованіе своимъ дѣтямъ. Поэтому неудивительно, что сперва во дворцѣ, а потомъ и въ домахъ вельможескихъ мы видимъ при дѣтяхъ наставниковъ, людей, способныхъ изъ многихъ книгъ собрать разнаго рода знанія и живымъ, легкимъ способомъ передать ихъ молодымъ людямъ, и при этомъ, главное, сообщить имъ средство самимъ потомъ продолжать ученіе, т.-е. сообщить имъ знаніе иностранныхъ языковъ. Первыми и, сначала, исключительными наставниками царевичей были подъячіе, которые учили ихъ грамотѣ, читать и писать.

Разумѣется, изъ подъячихъ выбирались для этого безупречные чтецы и краснописцы и также люди нравственные, пріятной наружности и съ хорошими манерами, т.-е. чтобъ умѣлъ „крестъ сполна класть по писанному и поклонъ вести по ученому“. Учителемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича былъ подъячій посольскаго приказа Памфилъ Бѣлянииновъ [1]). Но одними подъячими въ царствованіи Алексѣя Михайловича уже нельзя было довольствоваться.

[1]) С. Соловьевъ. Исторія Россіи т. 13-й.

Нужны были наставники съ болѣе широкимъ, энциклопедическимъ образованіемъ. Такими людьми явились Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и Николай Спаѳарій. Симеонъ Полоцкій былъ образцомъ домашняго учителя, какой требовался у насъ въ XVII вѣкѣ.

Такимъ образомъ, на Москву, съ одной стороны, вліяла юго-западная Русь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, а съ другой, Западная Европа при помощи литературы и постояннаго прилива ремесленниковъ, торговцевъ, офицеровъ и пословъ. Въ XVII вѣкѣ западные европейскіе обычаи, хотя слабо, но уже замѣтно проникаютъ въ высшее московское общество. Когда Ордынъ-Нащокинъ управлялъ посольскимъ приказомъ, въ Москвѣ появились первыя русскія газеты, или куранты (рукописныя), впрочемъ, исключительно назначенныя для двора; въ нихъ помѣщались переведенныя изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о европейскихъ событіяхъ. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича личнымъ расположеніемъ царя и найбольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, отличавшійся своимъ образованіемъ и приверженностью къ европейскимъ обычаямъ, которые тогда, понемногу, начали проникать въ высшее русское общество; послѣ Ордына-Нащокина онъ завѣдывалъ посольскимъ приказомъ. Подъ вліяніемъ его при Московскомъ дворѣ положено было начало театру. Пріѣзжіе нѣмцы, въ присутствіи царя, царскаго семейства и придворныхъ, разыграли нѣсколько мистерій. Представленіе такъ понравилось царю, что онъ поручилъ Матвѣеву устроить постоянный театръ, отдать въ ученье нѣмцамъ нѣсколько русскихъ и выписать изъ Германіи новыхъ актеровъ. Пастору Грегори съ товарищами дано въ обученіе комедійскому искусству 26 мѣщанскихъ и подъяческихъ мальчиковъ. Когда Грегори умеръ, дѣло это поручается Степану Чижинскому, года два бывшему учителемъ Кіево-братской школы, и у него уже „комедійскому дѣлу“ училось „80 человѣкъ всякаго чину людей“. Такимъ образомъ положено было начало русской театральной школѣ.

Сперва увеличеніе числа иностранцевъ въ Москвѣ возбудило сильный ропотъ, жалобы священниковъ, иноземцевъ выдѣлили, пе-

реселили ихъ въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ нѣмцевъ, но это могло только казаться такъ.

Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, нѣмецкую слободу. Историческій чередъ былъ за нѣмецкой слободой, и „скоро старая Москва преклонится передъ тою слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владиміромъ“ (С. Соловьевъ).

Въ нѣмецкой слободѣ была школа и къ ея учителю Ягану Понціусу Θедоръ Алексѣевичъ отправилъ (въ ноябрѣ 1678 г.) изъ антекарскаго приказа двоихъ русскихъ учениковъ для обученія „латинскому и цесарскому языкамъ“, чтобы имъ можно было въ совершенствѣ постигнуть „антекарское и алхимистское дѣло“. Жалованье ему было обѣщано, и при этомъ строго наказывалось: „А учить ему тѣхъ учениковъ со великимъ прилежаніемъ и радѣніемъ: и буде они станутъ лѣниться или ослушаться, учинить имъ наказаніе, какъ въ школахъ, по винѣ смотря“ [1]). Такимъ образомъ видимъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, любившій развлеченья, посылалъ въ нѣмецкую школу русскихъ мальчиковъ обучаться театральной потѣхѣ, а его болѣзненный сынъ Θедоръ пробуетъ обучать ихъ тамъ же иностраннымъ языкамъ, необходимымъ для медицины.

Источники и пособія: Мордовцевъ. О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. 1862 г.—И. Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Ч. I. Казань 1866.—Н. Кедровъ. Николай Спафарій и его аривмологія. Ж. М. Н. Пр. Часть CLXXXIII. 1876 г.— С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 13-й. — Д. Цвѣтаевъ. Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ. Православ. Обозрѣніе. 1890. Кн. IV. И. Н. Михайловскій. Очеркъ жизни и службы Николая Спафарія въ Россіи. Кіевъ 1895 г. Его же. Важнѣйшіе труды Николая Спафарія. (1672—1677). Кіевъ 1897.

---

[1]) Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1885. IV. № 1410.

Заключеніе.

Въ заключеніе приведемъ вкратцѣ тѣ главнѣйшія положенія, которыя мы развивали въ первой части нашей исторіи русской педагогіи.

1. Древне-русская педагогія начинается со времени Владиміра Святого и Ярослава Мудраго.

Школа XI и XII вв. носила церковный характеръ, она являлась для малыхъ дѣтей преддверіемъ храма Божія.

2. Византія дала намъ вѣру, гражданственность и литературу и, въ общемъ, имѣла благотворное вліяніе на древнюю Русь.

3. Храмы, особенно монастыри, явились у насъ первыми разсадниками христіанскаго народнаго просвѣщенія, они были школами нравственности.

4. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи древне-русскаго человѣка. Самостоятельному чтенію книгъ придавалъ онъ большее значеніе, чѣмъ школѣ.

5. Въ поученіи Владиміра Мономаха, какъ бы въ зародышѣ, находятся тѣ педагогическія начала, которыя предстояло развить русской педагогіи.

6. Въ XIII и XIV в. особенно процвѣтала монастырская педагогія.

7. Въ XV в. существовало довольно частныхъ элементарныхъ школъ.

8. Максимъ Грекъ важенъ не только своими сочиненіями, но и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ онъ способствовалъ образованію нѣкоторыхъ русскихъ людей.

9. Арх. Геннадій новгородскій и Стоглавый соборъ поставили на очередь вопросъ о заведеніи училищъ.

10. Идеальный образъ Юліаніи Лазаревской, жившей въ XVI в., могъ воспитывающимъ образомъ дѣйствовать не только на родныхъ дѣтей, но и вообще на подростающее поколѣніе, поучавшееся ея житіемъ.

11. Древне-русскіе сборники: Пчелы, Златоусты, Измарагды и Домострой имѣли въ древне-русской жизни важное педагогическое значеніе. Они были проводниками христіанскихъ идей о любви къ ближнему, милосердіи, послушаніи и т. п. Въ постоянномъ чтеніи ихъ древне-русскіе люди почерпали силы для благочестивой и нравственной жизни.

12. Братскія школы юго-западной Руси положили начало наукѣ.

13. Уставъ Луцкой школы свидѣтельствуетъ о повышеніи уровня педагогическихъ знаній и требованій. Образованность и гуманность въ немъ высоко цѣнятся.

12. Начало любви и уваженія къ наукѣ было прочно положено въ Кіево-могилянской коллегіи.

13. Существованіе Чудовской школы Епифанія Славинецкаго и Спасской Симеона Полоцкаго, хотя и вѣроятно, но не доказано и требуетъ для своего подтвержденія новыхъ изслѣдованій.

14. Число низшихъ школъ значительно возрасло въ XVII вѣкѣ. Появляются уже въ достаточномъ числѣ печатныя азбуки, изъ нихъ болѣе извѣстны: азбука Василія Бурцова (1634), азбука, напечат. въ верхней типографіи (1679 г.) и азбука Каріона Истомина (1694 г.). Кругъ ученія въ школахъ состоялъ изъ азбуки, псалтыри, часослова, письма и пѣнія. Самыми необходимыми школьными книгами были псалтырь и часословъ „безъ нихъ и ученія не бываетъ".

15. Дѣятели юго-западнаго просвѣщенія XVII в. (какъ Галятовскій, Барановичъ и др.) носятъ на себѣ явные слѣды пребыванія въ Кіево-могилянской коллегіи.

16. Въ первой половинѣ XVII в. въ Московской Руси замѣтно оживленіе умственныхъ интересовъ. Пріѣзжаютъ иностранцы изъ Западной Европы; вызываются ученые греки и кіевляне для исправленія книгъ.

17. О способахъ и объемѣ элементарнаго образованія въ школахъ XVII в. можно судить по букварямъ. Азбука считалась преддверіемъ (лѣствицею) къ изученію часослова, псалтыри и другихъ божественныхъ книгъ, а потому и сама проникнута религіознымъ характеромъ. Для обученія письму служили скоропис-

ныя азбуки, писанныя столбцомъ. Изреченія и афоризмы, находимыя въ азбукахъ XVII в. почти всегда отличаются религіознымъ и нравственнымъ содержаніемъ.

18. Школьные азбуковники свидѣтельствуютъ, что въ XVII в. были школы, гдѣ преподавались и нѣкоторые свѣтскіе предметы (ариѳметика, грамматика).

19. Эти азбуковники весьма важны для исторіи педагогіи, такъ какъ въ нихъ мы находимъ указанія не только на способы обученія учащихся, школьную дисциплину и порядки, но, до нѣкоторой степени, на объемъ и методъ преподаванія предметовъ. Они были сборниками статей, назначенныхъ частію для чтенія ученикамъ, уже грамотнымъ, частію же для руководства самихъ учителей. Азбуковники проникнуты религіозно-нравственнымъ содержаніемъ, нѣкоторые изъ нихъ уже говорятъ о семи мудростяхъ.

20. На основаніи дошедшихъ до насъ рукописныхъ сочиненій XVII вѣка по ариѳметикѣ, можно думать, что въ XVII в. уже основательно были знакомы съ главнѣйшими ариѳметическими дѣйствіями и что въ нѣкоторыхъ школахъ знакомились съ первыми ариѳметическими дѣйствіями.

21. Симеонъ Полоцкій былъ не только ревнителемъ просвѣщенія, но и внесъ нѣкоторые новые педагогическіе взгляды и идеи, разсѣянные въ различныхъ мѣстахъ его „Обѣда душевнаго" и „Вечери душевной". Главная мысль, которую онъ проводитъ по I Златоусту, что и зло и благо нисходятъ на дѣтей отъ родителей не по естеству, но по ученію, по образу родителей.

22. Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго собраны въ педагогическій сборникъ (хранящійся нынѣ въ Имп. Пуб. Биб. № 327), который предназначался для князя Н. М. Черкасскаго. Предисловіе къ этому сборнику, не что иное какъ сводъ педагогическихъ взглядовъ Симеона Полоцкаго, высказанныхъ въ „Обѣдѣ душевномъ" и „Вечери дешевной".

23. Мысль объ открытіи Московской Академіи принадлежитъ, вѣроятно, Симеону Полоцкому, но самая привилегія составлена не имъ, или, покрайней мѣрѣ, впослѣдствіи подверглась значительной передѣлкѣ. Привилегія на Московскую академію проникнута высокимъ уваженіемъ къ мудрости. Ради этой мудрости

устрояется Академія, въ которую вводятся науки гражданскія и духовныя. Согласно привилегіи, Академія должна была быть высшимъ учебнымъ заведеніемъ съ общеобразовательнымъ курсомъ. Ея главная задача способствовать утвержденію и распространенію православной вѣры и охраненію ея отъ ересей. Братья Лихуды ревностно трудились на пользу Академіи; своимъ преподаваніемъ и учебниками положили начало наукѣ въ Московской Руси.

24. Число книгъ и особенно переводовъ съ иностранныхъ языковъ растетъ во второй половинѣ XVII вѣка. Появляются кромѣ религіозно-нравственныхъ книгъ и книги свѣтскія. Несмотря на то, что въ массѣ еще не пробудились умственные интересы, появляются уже люди просвѣщенные и любители науки.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994

